

Генри Райдер Хаггард

Лейденская красавица

Генри Райдер Хаггард

Лейденская красавица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125093

Аннотация

«Описываемое нами относится к 1544 году или около того, когда император Карл V правил в Нидерландах, а место действия – город Лейден.

Посетивший этот город знает, что он лежит среди обширных ровных лугов и что его пересекает множество каналов, наполненных водой Рейна. Теперь же, зимой, около Рождества, луга и высокие остроконечные крыши городских строений были покрыты ослепительным снежным покровом; на каналах вместо лодок и барок скользили во всех направлениях конькобежцы по замерзшей поверхности, размеченной для их удобства. За городскими стенами, недалеко от Моршевых ворот, поверхность широкого рва, окружавшего город, представляла оживленное и красивое зрелище. Именно здесь один из рейнских рукавов впадал в ров и по нему съезжали катающиеся в санях, бежали конькобежцы и шли гуляющие. Большинство было одето в свои лучшие наряды, так как в этот день предполагалось устройство карнавала на льду с бегом на призы в санях и на коньках и другими играми...»

Содержание

Книга первая. Посев	6
Глава I. «Волк» и «барсук»	6
Глава II. Долг платежом красен	28
Глава III. Монтальво выигрывает	45
Глава IV. Три пробуждения	62
Глава V. Сон Дирка	85
Глава VI. Лизбета выходит замуж	106
Глава VII. К Гендрику Бранту приходит гостья	128
Глава VIII. Стойло Кобылы	142
Книга вторая. Жатва зреет	158
Глава IX. Адриан, Фой и Красный Мартин	158
Глава X. Адриан отправляется на соколиную охоту	182
Глава XI. Адриан выручает красавицу из опасности	201
Глава XII. Предупреждение	223
Глава XIII. Подарок матери – хороший подарок	244
Глава XIV. Меч «Молчание» получает тайну на хранение	265
Глава XV. Сеньор Рамиро	288
Глава XVI. Маг	310
Глава XVII. Обручение	331

Глава XVIII. Видение Фоя	351
Глава XIX. Борьба на башне литейного завода	368
Глава XX. В Гевангенгузе	388
Глава XXI. Мартин трусит	408
Глава XXII. Встреча и разлука	423
Книга третья. Жатва	443
Глава XXIII. Отец и сын	443
Глава XXIV. Марта произносит проповедь и открывает тайну	464
Глава XXV. Красная мельница	481
Глава XXVI. Жених и невеста	500
Глава XXVII. Что Эльза увидела при лунном свете	525
Глава XXVIII. Возмездие	542
Глава XXIX. Адриан возвращается домой	565
Глава XXX. Две сцены	590

Генри Райдер Хаггард Лейденская красавица

* * *

Книга первая. Посев

Глава I. «Волк» и «барсук»

Описываемое нами относится к 1544 году или около того, когда император Карл V правил в Нидерландах, а место действия – город Лейден.

Посетивший этот город знает, что он лежит среди обширных ровных лугов и что его пересекает множество каналов, наполненных водой Рейна. Теперь же, зимой, около Рождества, луга и высокие остроконечные крыши городских строений были покрыты ослепительным снежным покровом; на каналах вместо лодок и барок скользили во всех направлениях конькобежцы по замерзшей поверхности, размеченной для их удобства. За городскими стенами, недалеко от Моршевых ворот, поверхность широкого рва, окружавшего город, представляла оживленное и красивое зрелище. Именно здесь один из рейнских рукавов впадал в ров и по нему съезжали катающиеся в санях, бежали конькобежцы и шли гуляющие. Большинство было одето в свои лучшие наряды, так как в этот день предполагалось устройство карнавала на льду с бегом на призы в санях и на коньках и другими играми.

Среди молодежи выделялась молодая особа лет двадцати трех в темно-зеленой суконной шубе, опушенной мехом и

плотно обхватывавшей талию. Спереди шуба раскрывалась на вышитую шерстяную юбку, но на груди она была плотно застегнута и у шеи заканчивалась голубой пloidкой из брюссельского кружева. На голове у молодой девушки была высокая войлочная шляпа с эгретом из страусовых перьев, прикрепленных пряжкой из драгоценных камней такой ценности, что ее одной было бы достаточно, чтобы указать на принадлежность молодой девушки к богатой семье. Действительно, Лизбета была единственной дочерью корабельного капитана и собственника Каролуса ван-Хаута, умершего в среднем возрасте год назад и оставившего своей наследнице очень значительное состояние. Это обстоятельство в соединении с хорошеньким личиком, оживленным парой глубоких задумчивых глаз и фигурой более грациозной, чем у большинства нидерландских женщин, приобрело Лизбете ван-Хаут много поклонников, особенно среди лейденской холостой молодежи.

На этот раз Лизбета отправилась кататься на коньках одна, взяв с собой только одну спутницу – свою служанку, намного старше ее, уроженку Брюсселя по имени Грета, привлекательную по наружности и крайне скромную по манерам.

Когда Лизбета скользила по каналу, направляясь ко рву, многие из известных лейденских бюргеров, особенно из молодежи, снимали перед ней шапки: некоторые из этих молодых людей надеялись, что она выберет их себе в кавалеры

на сегодняшний праздник. Несколько бургеров из числа более пожилых предложили ей присоединиться к их семьям, предполагая, что она как сирота, не имеющая близких родственников – мужчин, будет рада их покровительству в такие времена, когда благоразумие заставляло красивую молодую девушку искать чьего-нибудь покровительства. Но Лизбете удалось под разными предложениями отделаться ото всех: у нее был в голове собственный план.

В это время жил в Лейдене молодой человек двадцати четырех лет по имени Дирк ван-Гоорль, дальний родственник Лизбеты. Он происходил из небольшого городка Алькмаара и был вторым сыном одного из самых влиятельных местных горожан – меднолитейщика по профессии. Так как дело должно было перейти к старшему сыну, то отец поместил Дирка учеником в одну из лейденских фирм, в которой он после восьми или девяти лет прилежной работы сделался младшим компаньоном. Отец Лизбеты полюбил молодого человека, и последний скоро стал своим в доме, где был сначала принят как родственник. После смерти Каролуса ван-Хаута Дирк продолжал бывать по воскресеньям у его дочери, когда его с подобающими церемониями принимала тетка Лизбеты, бездетная вдова по имени Клара ван-Зиль, ее опекунша. Таким образом, благоприятные обстоятельства способствовали тому, что молодых людей связывала прочная привязанность, хотя до сих пор они еще не были женихом и невестой и даже слово «любовь» не было произнесено

между ними.

Эта сдержанность может показаться странной, но объяснением ее отчасти служил характер Дирка. Он был очень терпелив, не сразу принимал решение, но, приняв его, уже выполнял наверняка. Точно так же, как другие люди, он чувствовал порывы страсти, но не поддавался им. Уже больше двух лет Дирк любил Лизбету, но, не умея быстро читать в женском сердце, он не был вполне уверен, отвечает ли она на его чувство, и больше всего на свете боялся отказа. К тому же он знал, что девушка богата, его же собственные средства невелики, а от отца ему нельзя ожидать многого, и поэтому он не решался сделать предложение прежде, чем приобретет более обеспеченное положение. Если бы капитан ван-Хаут был жив, то дело устроилось бы иначе, так как Дирк обратился бы прямо к нему; но он умер, и молодой человек при своей чувствительной, благородной натуре содрогался от одной мысли, чтобы могли сказать, что он воспользовался неопытностью родственницы для приобретения ее состояния. Кроме того, в глубине души у него таилась еще более серьезная причина к сдержанности, но об этом мы скажем ниже.

Таковы были отношения между молодыми людьми. В описываемый же нами день Дирк, после долгого колебания и ободряемый самой молодой девушкой, попросил у Лиз-беты позволения быть ее кавалером во время праздника на льду и, получив ее согласие, ждал ее у рва. Лизбета надеялась на несколько большее: она желала, чтобы он проводил ее по го-

роду, но когда она намекнула на это, Дирк объяснил, что ему нельзя будет освободиться раньше трех часов, так как на заводе отливался большой колокол, и он должен был дожидаться, пока сплав остынет.

Итак, сопровождаемая только Гретой, Лизбета, легкая, как птичка, скользила по льду рва, направляясь к замерзшему озеру, где должен был происходить праздник. Здесь представлялось красивое зрелище.

Позади виднелись остроконечные живописные покрытые слоем снега крыши Лейдена с возвышающимися над ними куполами двух больших церквей – святого Петра и святого Панкратия – и круглой башней «бургом», стоящей на холме и выстроенной, как предполагают, римлянами. Впереди простирались обширные луга, покрытые белым покровом, с возвышающимися на них ветряными мельницами, с узким корпусом и тонкими длинными крыльями, а вдали виднелись церковные башни других селений и городов.

В самой непосредственной близости, составляя резкий контраст с безжизненным пейзажем, расстилалось кишевшее народом озерко, окруженное по краям каймой высохших камышей, стоявших так неподвижно в морозном воздухе, что они казались нарисованными. На этом озерке собралась едва ли не половина всего населения Лейдена. Тысячи людей двигались взад и вперед с веселыми возгласами и смехом, напоминая своими яркими нарядами стаи пестрых птиц. Среди конькобежцев скользили плетевые и деревянные сани на же-

лезных полозьях с передками, вырезанными в форме собачьих, бычьих или тритоновых голов, запряженные лошадьми в сбруе, увешанной бубенчиками. Тут же сновали продавцы пирогов, сладостей и спиртных напитков, хорошо торговавшие в этот день. Немало нищих и в числе их уродов, которых в наше время призревали бы в приютах, сидели в деревянных ящиках, медленно их передвигая костылями. Многие конькобежцы запаслись стульями, предлагая их дамам на то время, пока они привяжут коньки к своим хорошеньким ножкам, и тут же сновали торговцы с коньками и ремнями для их укрепления. Картину завершал огненный шар солнца спускавшийся на запад, между тем как на противоположной стороне начинал обрисовываться бледный диск полного месяца.

Зрелище было так красиво и оживленно, что Лизбета, которая была молода и теперь, оправившись от своего горя по умершему отцу, весело смотрела на жизнь, невольно остановилась на минуту в своем беге, любуясь картиной. В ту минуту как она стояла несколько поодаль, от толпы отделилась женщина и подошла к ней, будто не нарочно, но скорее случайно, как игрушечный кораблик, вертящийся на поверхности пруда.

Это была замечательная по своей наружности женщина лет тридцати пяти, высокая и широкоплечая, с глубоко запавшими серыми глазами, временами вспыхивавшими, а затем снова потухавшими, как бы от большого страха. Из-под

грубого шерстяного капора прядь седых волос спускалась на лоб, как челка у лошади, а выдающиеся скулы, все в шрамах, точно от ожогов, широкие ноздри и выдающиеся вперед белые зубы, странно выступавшие из-под губ, придавали всей ее физиономии удивительное сходство с лошадиной мордой. Костюм женщины состоял из черной шерстяной юбки, запачканной и разорванной, и деревянных башмаков с привязанными к ним непарными коньками, из которых один был гораздо длиннее другого. Поравнявшись с Лизбетой, странная личность остановилась, смотря на нее задумчиво. Вдруг, будто узнав девушку, она заговорила быстрым шепотом, как человек, живущий в постоянном страхе, что его подслушивают:

– Какая ты нарядная, дочь ван-Хаута! О, я знаю тебя: твой отец играл со мной, когда я была еще ребенком, и раз, на таком же празднике, как сегодня, он поцеловал меня. Подумай только! Поцеловал меня, Марту-Кобылу! – Она захохотала хриплым смехом и продолжала:

– Да, ты тепло одета и сыта и, конечно, ждешь возлюбленного, который поцелует тебя. – При этих словах она обернулась к толпе и указала на нее жестом: – И все они тепло одеты и сыты; у всех у них есть возлюбленные, и мужья, и дети, которых они целуют. Но я скажу тебе, дочь ван-Хаута, я отважилась вылезти из своей норы на большом озере, чтобы предупредить всех, кто захочет слушать, что если они не прогонят проклятых испанцев, то наступит день, когда жи-

тели Лейдена будут гибнуть тысячами от голода в стенах города. Да, если не прогонят проклятого испанца и его инквизицию! Да, я знаю его! Не они ли заставили меня нести мужа на своих плечах к костру? А слышала ли ты, дочь ван-Хаута, почему? Потому что все пытки, которые я перенесла, сделали мое красивое лицо похожим на лошадиную морду, и они объявили, что «лошадь создана для того, чтобы на ней ездили верхом».

В то время как бедная взволнованная женщина – одна из целого класса тех несчастных, что бродили в это печальное время по всем Нидерландам, подавленные своим горем и страданиями, не имея другой мысли, кроме мысли о мести, – говорила все это, Лизбета в ужасе пятилась от нее. Но женщина снова придвинулась к ней, и Лизбета увидела, что выражение ненависти и злобы вдруг сменилось на ее лице выражением ужаса, и в следующую минуту, пробормотав что-то о милостыне, которую она может прозевать, женщина повернулась и побежала прочь так скоро, как позволяли ей ее коньки.

Обернувшись, чтобы посмотреть, что испугало Марту, Лизбета увидела за оголенным кустом на берегу пруда, но так близко от себя, что каждое ее слово могло быть слышно, высокую женщину несимпатичной наружности, державшую в руках несколько шитых шапок, будто для продажи. Она начала медленно разбирать эти шапки и укладывать в мешок, висевший у нее за плечами. Во все это время она не спускала

проницательного взгляда с Лизбеты, отводя его только, чтобы следить за быстро удалявшейся Мартой.

– Плохие у вас знакомства, сударыня, – заговорила торговка хриплым голосом.

– Это была вовсе не моя знакомая, – отвечала Лизбета, сама удивляясь, что вступает в разговор.

– Тем лучше, хотя, по-видимому, она знает вас и знает, что вы станете слушать ее песни. Если только мои глаза не обманывают меня – это бывает не часто, – эта женщина злодейка и колдунья, так же как и ее умерший муж, ван-Мейден, еретик, хулитель святой Церкви, изменник императору, и, насколько я знаю, она одна из тех, головы которых оценены, и скоро денежки попадут в мешок Черной Мег.

Сказав это, черноглазая торговка медленным твердым шагом направилась к толстяку, по-видимому, ожидавшему ее, и вместе с ним смешалась с толпой, где Лизбета потеряла их из виду.

Смотря им вслед, Лизбета содрогнулась. Насколько она помнила, она никогда не встречалась с этой женщиной прежде, но она настолько была знакома с временем, в котором жила, что сразу узнала в ней шпионку инквизиции. Подобные личности, которым платили за указание подозрительных еретиков, постоянно вмешивались в толпу и даже втирались в частные дома.

Что же касается другой женщины, прозванной Кобылой, то, без сомнения, она была одна из тех отверженных, про-

клятых Богом и людьми созданий, называемых еретиками, из тех, что говорят ужасные вещи про Церковь и ее служителей, введенные в заблуждение и подстрекаемые дьяволом в образе человеческом – неким Лютером. При этой мысли Лизбета содрогнулась и перекрестилась, так как в это время она была еще ревностной католичкой. Бродяга сказала ей, что знала ее отца, следовательно, она была такого же благородного происхождения, как сама Лизбета, – и вдруг такой ужас... Молодой девушке страшно было вспомнить об этом... Но, конечно, еретики заслуживают такого отношения к себе – в этом не могло быть сомнения; ведь сам ее духовник сказал ей, что только таким образом их души можно вырвать из когтей дьявола.

В этой мысли было много утешительного, однако Лизбета чувствовала себя расстроенной и немало обрадовалась, увидев Дирка ван-Гоорля, бежавшего ей навстречу вместе с другим молодым человеком – также ее родственником с материнской стороны – Питером ван-де Верфом, которому впоследствии суждено было стяжать себе бессмертную славу. Они поклонились, сняв шапки, при этом оказалось, что Дирк – блондин с густыми волосами, из-под которых светились голубые глаза на спокойном лице с немного грубоватыми чертами. Лизбета, всегда несколько несдержанная, была недовольна и высказала это.

– Мне казалось, что мы сговорились встретиться в три, а часы уже пробили половину четвертого, – сказала она, обра-

щаясь к обоим молодым людям, но смотря – и не особенно нежно – на ван-Гоорля.

– Я не виноват, – отвечал ей Дирк своим медленным, тягучим говором, – у меня было дело. Я обещал дождаться, пока металл достаточно остынет, а горячей бронзе дела нет до катанья на коньках и санных бегов.

– Стало быть, вы остались, чтобы дуть на нее? Прекрасно, а результат тот, что мне пришлось идти одной и выслушивать такие вещи, каких я вовсе не желала бы.

– Что вы хотите сказать этим? – спросил Дирк, сразу оставив свой хладнокровный тон.

Лизбета сообщила, что ей сказала женщина по прозвищу Кобыла, и прибавила:

– Вероятно, бедняга еретичка и заслужила все то, что произошло с ней, но все же это очень грустно, я же пришла сюда, чтобы веселиться, а не печалиться.

Молодые люди обменялись многозначительным взглядом, заговорил же Дирк, между тем как Питер, более осторожный, молчал.

– Почему вы говорите это, кузина Лизбета? Почему вы думаете, что она заслужила все, случившееся с ней? Я слышал об этой несчастной Марте, хотя сам не видал ее. Она благородного происхождения – гораздо более знатного, чем все мы трое – и была очень красива, так что ее звали Лилией Брюсселя, когда она была фрау ван-Мейден. Она перенесла ужасные страдания только за то, что не молится Богу так, как

молитесь Ему вы.

– Вы не зябнете, стоя на одном месте? – прервал Питер ван-де-Верф, не дав Лизбете ответить. – Смотрите, начинается бег в санях. Кузина, дайте руку, – и, взяв девушку под руку, он побежал с ней по рву. Дирк и Грета последовали на некотором расстоянии.

– Я занял не свое место, – шепотом заговорил Питер, не останавливаясь, – но прошу вас, если вы любите его... простите, – если вы жалеете преданного родственника, то не входите с ним в религиозные рассуждения здесь, в общественном месте, где даже у льда и неба есть уши. Надо быть осторожной, кузиночка! Уверяю вас, надо остерегаться.

В центре озера начиналось главное событие дня – бег в санях. Так как желающих принять участие было много, то они разделились на партии, и победители каждой партии становились на одну сторону, ожидая окончательного состязания. Этим победителям предоставлялось преимущество, похожее на то, которое иногда предоставляется некоторым танцорам в современном котильоне. Каждый управляющий санями должен был везти кого-нибудь на маленьком плетеном сиденье впереди себя, между тем как он сам стоял за запяточках позади, откуда и управлял лошадьми посредством вожжей, проведенных через железную подставку так, что они приходились над головой сидящего в санях. В пассажиры себе победитель мог выбирать из числа дам, присутствовавших на бегах, если только сопровождавшие их кавалеры не выража-

ли формального протеста.

Среди победителей был молодой испанский офицер, граф дон Жуан де Монтальво, исправлявший в настоящее время должность находившегося в отпуске начальника лейденского гарнизона. Это был еще молодой человек лет тридцати, знатный по происхождению, красивого кастильского типа, т. е. высокий, грациозный, с темными глазами, резкими чертами лица, имевшими несколько насмешливое выражение, и хорошими, хотя немного натянутыми, манерами. Он еще недавно приехал в Лейден, и потому там об этом привлекательном кавалере знали мало, кроме того, что духовенство отзывалось о нем хорошо и называло его любимцем императора. Все же дамы восхищались им.

Как и можно было ожидать от человека настолько же богатого, как и знатного, все принадлежавшее графу носило отпечаток такого же изящества, как и он сам.

Так, сани его по форме и окраске изображали черного волка, готового броситься на добычу. Деревянную голову покрывала волчья шкура, и украшали ее желтые стеклянные глаза и клыки из слоновой кости, между тем как на шее был надет золоченый ошейник с серебряной бляхой и изображением на ней герба владельца – рыцаря, снимающего цепи с пленного христианского святого, и девизом рода Монтальво: «Вверься Богу и мне». Вороной конь, вывезенный из Испании, лоснился под золоченой сбруей, а на голове его возвышался роскошный плюмаж из разноцветных перьев.

Лизбета стояла случайно около того места, где кавалер остановился после своей первой победы. Она была одна с Дирком ван-Гоорлем, так как Питера ван-де-Верфа, принимавшего участие в беге, отозвали в эту минуту. От нечего делать она подошла поближе и, весьма естественно, залюбовалась блестящей запряжкой, хотя, правда, ее интересовали гораздо больше сани и лошадь, чем управлявший санями. Графа она знала в лицо: он был представлен ей и танцевал с ней на балу у одного из городских вельмож. Граф тогда отнесся к ней с любезностью на испанский лад, по ее мнению, преувеличенной; но так как все кастильские кавалеры держали себя так с бюргерскими девушками, то она и оставила это без дальнейшего внимания.

Капитан Монтальво увидел Лизбету на льду и, узнав ее, приподнял шляпу, кланяясь с тем оттенком снисхождения, которое в те дни проявляли испанцы при встрече с людьми, которых считали ниже себя. В шестнадцатом столетии все, не имевшие счастья родиться в Испании, считались низшими; исключение делалось только для англичан, умевших заставить признавать свое достоинство.

Около часа спустя, когда окончился бег последней партии, распорядитель громко объявил оставшимся соперникам, чтобы они выбирали себе дам и готовились к последнему состязанию. Каждый из кавалеров, передав лошадь конюху, подходил к молодой особе, очевидно ожидавшей его, и, взяв ее за руку, подводил к саням. Лизбета с любопыт-

ством следила за этой церемонией, так как само собой разумелось, что выбор обуславливался предпочтением, оказываемым избирателем избираемой, как вдруг была удивлена, услышав свое имя. Подняв голову, она увидела перед собой дон Жуана де Монтальво, который кланялся ей чуть не до самого льда.

– Сеньора, – сказал он на кастильском наречии, которое Лизбета понимала, хотя сама говорила на нем только в случаях крайней необходимости, – если мои уши не обманули меня, я слышал, как вы похвалили мою лошадь и сани. С разрешения вашего кавалера, – и он вежливо поклонился Дирку, – я приглашаю вас быть моей дамой в решительном беге, зная, что это принесет мне счастье. Вы разрешаете, сеньор?

Если и был народ, ненавистный Дирку, то это были испанцы, и если был кто-либо, с кем он не желал бы отпустить Лизбету на катанье вдвоем, то это был граф дон Жуан де Монтальво. Но Дирк обладал замечательною сдержанностью и так легко конфузился, что ловкому человеку ничего не стоило заставить его сказать то, чего он вовсе не намеревался. Так и теперь, видя, как этот знатный испанец раскланивается перед ним, скромным голландским купцом, он совершенно растерялся и пробормотал:

– Конечно, конечно.

Если бы взгляд мог уничтожить человека, то Дирк моментально превратился бы в ничто, так как сказать, что Лизбета рассердилась, было бы мало: она буквально была взбешена.

Она не любила этого испанца, и ей невыносима была мысль о долгом пребывании с ним наедине. Кроме того, она знала, что ее сограждане вовсе не желают, чтобы в этом состязании, составлявшем годовое событие, победа осталась за графом, и ее появление в его санях могло быть истолковано как желание с ее стороны видеть его победителем. Наконец – и это причиняло ей больше всего досады, – хотя сорекователи и имели право приглашать в свои сани кого им вздумается, но обыкновенно их выбор останавливался на дамах, с которыми они были близко знакомы и которых заранее предупреждали о своем намерении.

В минуту эти мысли пронеслись в уме молодой девушки, но она только проговорила что-то о господине ван-Гоорле.

– Он совершенно бескорыстно дал свое согласие, – прервал ее капитан Жуан, предлагая ей руку.

Не делая сцены – что дамы считали неприличным тогда, как считают и теперь, – не было возможности отказать на глазах половины жителей Лейдена, собравшихся посмотреть на «выбор». Скрепя сердце Лизбета взяла предлагаемую руку и пошла к саням, уловив по дороге не один косой взгляд со стороны мужчин и не одно восклицание действительного или притворного удивления со стороны знакомых дам...

Эти выражения враждебности заставили ее овладеть собой. Решившись, по крайней мере, не казаться надутой и смешной, она сама мало-помалу начала входить в роль и милостиво улыбнулась, когда капитан Монтальво стал закуты-

вать ей ноги великолепной медвежьей полостью.

Когда все было готово, Монтальво взял вожжи и сел на маленькое сиденье позади, а слуга-солдат вывел лошадь под уздцы на линию.

– Сеньор, где назначен бег? – спросила Лизбета, надеясь в душе, что дистанция назначена небольшая.

Но ей пришлось разочароваться, так как Монтальво отвечал:

– Сначала к Малому Кваркельскому озеру, кругом острова на нем, потом обратно сюда – всего около мили. А теперь, сеньора, прошу вас не говорить со мной; держитесь крепко и не бойтесь: я хорошо правлю, у моей же лошади нога твердая, и она подкована для льда. Я дал бы сотню золотых, чтобы выиграть на этот раз, так как ваши соотечественники клялись, что я проиграю, и, поверьте мне, борьба с этим серым рысаком будет не легкая.

Следуя направлению взгляда испанца, глаза Лизбеты остановились на санях, стоявших рядом. Это были маленькие саночки, по форме и окраске представлявшие серого барсука – это молчаливое, упрямое и при случае свирепое животное, не выпускающее свою добычу прежде, чем голова отделится от туловища. Лошадь, подходившая по цвету к экипажу, была фламандской породы, широкая в кости, с широким задом и некрасивой головой, но известная в Лейдене своей смелостью и выносливостью. Особенный же интерес пробудило в Лизбете открытие, что возница был не кто

иной, как Питер ван-де-Верф, и она теперь вспомнила, что он называл свои сани «барсуком». Не без улыбки она заметила также, что он выказал свой осторожный характер в выборе своей дамы, пренебрегая каким бы то ни было мимолетным успехом, пока не достигнута главная цель: в его санях сидела не изящная, нарядная дама, про которую можно бы предположить, что она смотрит на него нежными глазами, а белокурая девятилетняя девочка – его сестра. Как он объяснил после, правилами предписывалось, чтобы в санях сидела женщина, но ничего не упоминалось о ее возрасте и весе.

Все соперники, числом девять, выстроились в одну линию, и распорядитель бега, выйдя вперед, громким голосом провозгласил условия бега и награду – великолепный хрустальный кубок, украшенный гербом Лейдена. После этого, спросив, все ли готовы, он опустил маленький флаг, и лошади понеслись.

В первую минуту Лизбета, забыв все свои сомнения и свою досаду, вся предалась волнению минуты. Рассекая как птица холодный застывший воздух, они скользили по гладкому льду. Веселая толпа осталась позади, сухие камыши и оголенные кусты, казалось, убегали от них. Единственным звуком, отдававшимся в их ушах, был свист ветра, визг железных подрезов и глухой стук лошадиных копыт. Некоторые сани выдвинулись вперед, но «волка» и «барсука» не было между ними. Граф Монтальво сдерживал своего вороно-

го, и серый фламандец бежал растянутой некрасивой рысью. Выехав из небольшого озера на канал, сани обоих занимали четвертое и пятое место. Они ехали по пустынной снежной равнине, миновав село Алькемаде с его церковью. В полумиле впереди виднелось Кваркельское озеро, а посередине его остров, который надо было обогнуть. Они доехали до него, обогнули и, когда снова повернули к городу, Лизбета заметила, что «волк» и «барсук» заняли уже третье и четвертое место в беге, а прочие сани отстали. Еще через полмили они выдвинулись на второе и третье место, а когда до цели оставалась всего миля, они были уже первыми и вторыми. Тут началась борьба.

С каждой саженью быстрота увеличивалась, и все больше и больше выдвигался вперед вороной жеребец. Теперь соперникам предстояло перебежать пространство, покрытое неровным льдом и глыбами замерзшего снега, которые не были удалены, и сани прыгали и качались из стороны в сторону. Лизбета оглянулась.

– «Барсук» нагоняет нас, – сказала она. Монтальво слышал и в первый раз коснулся бичом коня; тот рванулся вперед, но «барсук» не отставал. Серый рысак был силен и напрягал свои силы. Его некрасивая голова пододвинулась вплотную к саням, в которых сидела Лизбета. Девушка чувствовала ее горячее дыхание и видела пар, выходящий из ноздрей.

В следующую минуту серый начал обгонять их, так как

пар уже несся Лизбете в лицо, и она увидела широко раскрытые глаза девочки, сидевшей в серых санях. Когда кончилось неровное пространство, обе лошади шли шея в шею. До цели оставалось не более шестисот ярдов, и кругом за линией бега уже теснилась толпа конькобежцев, катавшихся так быстро и усердно, что наклоненные вперед головы не больше как на три фута не касались льда.

Ван-де-Верф крикнул на своего серого, и он начал забирать вперед. Монтальво снова ожег ударом бича вороного и снова обогнал «барсука». Но вороной, видимо, слабел, и это не укрылось от его хозяина, так как Лизбета услышала, что он выругался по-испански. Затем вдруг, бросив искоса взгляд на своего противника, граф тронул левую вожжу, и в воздухе раздался резкий голос маленькой девочки из других саней:

– Братец, берегись! Он опрокинет нас.

Действительно, еще секунда, и вороной толкнул бы бок серого... Лизбета увидела, как ван-де-Верф поднялся со своего сиденья и, откинувшись назад, осадил свою лошадь. «Волк» пролетел мимо не больше как в нескольких дюймах, однако оглобля вороного задела за передок «барсука», и отскочивший кусок дерева порезал ему ноздрю.

– Сумасшедший! – раздался крик из толпы конькобежцев, но сани уже неслись дальше. Теперь вороной был ярдов на десять в выигрыше, так как серому пришлось потерять несколько секунд, чтобы выехать на прямую дорогу. Сотни глаз следили за бегом, и у всех присутствующих, как у одно-

го человека, вырвался крик:

– Испанец побеждает!

Ответом ему был глухой ропот, прокатившийся по толпе:

– Нет, голландец! Голландец забирает вперед!

Среди этого крайнего возбуждения, а может быть, как следствие этого самого возбуждения в уме Лизбеты произошло нечто странное. Бег, его подробности, все окружающее исчезли, действительность сменилась сном, видением, может быть, навеянным всеми впечатлениями того времени, в которое Лизбета жила. Что она видела в эту минуту?

Она видела, что испанец и голландец борются из-за победы, но не из-за победы на бегах. Она видела, как черный испанский «волк» одолевает нидерландского «барсука», но «барсук», упрямый «барсук» еще держался.

Кто победит? Горячее или терпеливое животное?

Борьба ведется смертельная. Весь снег кругом покраснел, крыши Лейдена были красные, так же как небо; при густом свете заката все казалось залитым кровью, между тем как крики окружающей толпы превратились в яростные крики сражающихся. В этих криках слилось все: надежда, отчаяние, агония, но Лизбета не могла понять их значения. Что-то подсказывало ей, что объяснение и исход всего этого знал один Бог.

Быть может, она на минуту потеряла сознание под влиянием резкого ветра, свистевшего у нее в ушах, быть может, заснула и видела сон? Как бы то ни было, ее глаза сомкну-

лись, и она забылась. Когда она пришла в себя и оглянулась, сани их уже были близки к призовому столбу, но впереди их неслись другие сани, запряженные некрасивым серым рысаком, скакавшим так, что его брюхо, казалось, лежало на земле, а в санях стоял молодой человек с лицом, будто отлитым из стали, и плотно сжатыми губами.

«Неужели это лицо двоюродного брата Питера ван-де-Верфа, и если это он, то какая страсть наложила на него такую печать?»

Лизбета повернулась и взглянула на того, в чьих санях ехала.

Был ли это человек или дух, вырвавшийся из преисподней? Матерь Божия!.. Какое у него было лицо! Глаза остановились и выкатились из орбит, так что видны были одни белки; губы полуоткрылись, и между ними сверкали два ряда ослепительных зубов; приподнявшиеся концы усов касались выдававшихся скул. Нет, она не знала, что это, то был не дух, не человек, то было живое воплощение испанского «волка».

Ей показалось, что она опять готова лишиться чувств, когда в ее ушах раздались крики: «Голландец перегнал! Проклятый испанец побежден!»

Тут Лизбета поняла, что все кончено, и в третий раз потеряла сознание.

Глава II. Долг платежом красен

Когда Лизбета пришла в себя, она увидела, что все еще сидит в санях, отъехавших несколько от толпы, продолжавшей неистово приветствовать победителя. Рядом с «волком» другие простые сани, запряженные неуклюжей фламандской лошастью. За кучера в них был испанский солдат, а другой испанец, по-видимому сержант, сидел в санях. Кроме них никого не было поблизости: народ в Голландии уже научился держаться в почтительном отдалении от испанских солдат.

– Если вашему сиятельству угодно будет поехать туда теперь, то все можно уладить без дальнейших хлопот, – сказал сержант.

– Где она? – спросил Монтальво.

– Не дальше мили отсюда.

– Привяжите ее на снегу до завтрашнего утра. Лошадь моя устала, и мы не станем утомлять ее больше, – начал было граф, но, оглянувшись на толпу позади, а потом на Лизбету, прибавил, – впрочем, нет, я приеду.

Может быть, граф не желал слышать соболезнований по поводу постигшей его неудачи или желал продолжить *tete-a-tete* со своей красивой дамой. Как бы то ни было, он без малейшего колебания хлестнул свою лошадь бичом, и она пошла, хотя и не совсем свободно, но все же порядочной рысью.

– Сеньор, куда мы едем? – спросила Лизбета в испуге. – Бег кончен, я должна вернуться к своим.

– Ваши заняты поздравлением победителя, – отвечал Монтальво своим вкрадчивым голосом, – и я не могу оставить вас одну на льду. Не беспокойтесь, мне надо съездить по одному делу, которое займет у меня не больше четверти часа времени. – И он снова хлестнул коня, побуждая его идти скорее.

Лизбета собралась протестовать, даже думала было выпрыгнуть из саней, но, в конце концов, ничего не сделала. Она рассудила, что покажется гораздо естественней и менее странно, если она будет продолжать катанье со своим кавалером, чем если станет пытаться бежать от него. Лизбета была уверена, что Монтальво не выпустит ее по одной только ее просьбе: что-то в его манере подсказывало ей это; и хотя ей вовсе не хотелось оставаться в его обществе, все же это было лучше, чем стать смешной в глазах половины лейденского населения. К тому же она не была виновата, что попала в такое положение, виной всему был Дирк ван-Гоорль, который должен был бы подойти, чтобы высадить ее из саней.

Когда они поехали по замерзшему крепостному рву, Монтальво наклонился вперед и начал вспоминать о беге, выражая сожаление, что проиграл, но без заметного озлобления. «Неужели это тот самый человек, который пытался так хладнокровно опрокинуть противника, не рассуждая, что это нечестно, и не думая о том, что тут можно было челове-

ка убить? Неужели это тот самый человек, у которого лицо сейчас было, как у дьявола? И случилось ли все это в действительности, или, быть может, это только плод ее воображения, смущенного быстротой и возбуждением бега?» Без сомнения, она не все время была в полном сознании, так как никак не могла припомнить, чем действительно окончился бег и как они выехали из окружавшей их кричавшей толпы.

Между тем как она раздумывала обо всем этом, время от времени отвечая односложно Монтальво, сани, ехавшие впереди, завернув за один из восточных бастионов, остановились. Местность кругом была пустынная и унылая: по случаю мирного времени на крепостных стенах не было часовых, и на всей обширной снежной равнине за крепостным рвом не видно было ни одной живой души. Сначала Лизбета вообще не могла ничего разглядеть, так как солнце зашло, и ее глаза еще не привыкли к лунному свету. Но через несколько минут она увидела кучку людей на льду одного из выгибов рва, полускрытую рядом засохшего камыша.

Монтальво также увидел людей и остановил лошадь в трех шагах от них. Людей было всего пятеро – три испанских солдата и две женщины. Лизбета взглянула и с трудом сдержала крик ужаса, так как узнала женщин. Высокая темная фигура с пронзительными глазами была не кто иная, как торговка шапками, испанская шпионка Черная Мег. А в той, которая скорчившись, лежала на льду с руками, связанными назад, с седыми волосами, распущенными чьей-нибудь грубой ру-

кой и разметавшимися по снегу, Лизбета узнала женщину, называвшую себя «Мартой-Кобылой», сказавшую ей ранее, что знала ее отца, и проклинавшую испанцев с их инквизицией. Зачем они здесь? Тотчас же в ее голове нашелся ответ: она вспомнила слова Черной Мег, что голова этой еретички оценена в известную сумму, которая еще сегодня будет у нее в кармане. Зачем это перед арестованной во льду прорубили четырехугольную прорубь? Неужели?.. Нет, это было бы слишком ужасно.

– Ну, в чем дело, объясните, – обратился Монтальво к сержанту спокойным утомленным голосом.

– Дело очень простое, ваше сиятельство, – отвечал сержант. – Эта женщина, – он указал на Черную Мег, – готова присягнуть, что эта тварь – уличенная еретичка, приговоренная к смерти святым судилищем. Муж ее, занимавшийся рисованием картин и наблюдениями над звездами, два года тому назад был обвинен в ереси и колдовстве и сожжен в Брюсселе. Ей же удалось избежать костра, и она с тех пор живет бродягой, скрываясь на островах Гаарлемского озера и, как подозревают, убивая и грабя всякого испанца, который ей попадется под руку. Теперь ее изловили и уличили, и так как приговор, произнесенный над нею, сохраняет свою силу, то он может быть приведен в исполнение тотчас же, если ваше сиятельство даст на это приказание. Правда, вас вовсе не пришлось бы беспокоить, если бы эта почтенная женщина, – он снова указал на Черную Мег, – которая выследила

ее и задержала до нашего прихода, не пожелала иметь вашего удостоверения, чтобы получить награду от казначея святой инквизиции. Поэтому просим вас удостовериться, что это именно та самая еретичка, известная под прозвищем «Марта-Кобыла», фамилию ее я забыл. После же этого, если вам будет угодно удалиться, мы исполним остальное.

– То есть отправите ее в тюрьму и предадите святой инквизиции? – спросил Монтальво.

– Нет, не совсем так, ваше сиятельство, – возразил сержант со сдержанной улыбкой и покашливанием. – Тюрьма, как мне сказали, полна; однако мы можем повести ее в тюрьму, но дорогой еретичка может случайно провалиться в прорубь: ведь сатана направляет шаги таких тварей, или она может нарочно броситься в воду.

– Какие улики? – спросил Монтальво.

Тут выступила вперед Черная Мег и с быстротой и плавностью, свойственной шпионам, начала свой рассказ. Она подтвердила, что знает эту женщину и знает, что, будучи приговорена к смерти инквизицией, она бежала. В заключение Мег повторила разговор Марты с Лизбетой, подслушанный ею утром.

– Вы в счастливый час согласились сопровождать меня, сеньора ван-Хаут, – весело сказал Монтальво, – потому что теперь, для моего собственного удовлетворения, я хочу быть справедливым и не основываться исключительно свидетельством подобной продажной личности. Я попрошу вас

поклониться перед Богом, подтверждаете ли вы рассказ этой женщины, и правда ли, что этот урод по прозвищу «Кобыла» проклинала мой народ и святое судилище? Отвечайте, и, прошу вас, поскорее, сеньора: становится холодно, и лошадь моя начинает дрожать.

Тут Марта в первый раз подняла голову, схватившись за волосы и стараясь оторвать их от льда, к которому они примерзли.

– Лизбета ван-Хаут! – закричала она, – неужели ради того, чтобы понравиться твоему возлюбленному испанцу, ты обречешь на смерть подругу детства твоего отца? Испанский конь озяб и не может дольше стоять на месте, а бедную нидерландскую кобылу собираются спустить под голубой лед и держать там, пока ее кости не примерзнут ко дну рва. Ты выбрала себе испанца, между тем как сама кровь твоя должна бы возмутиться против этого; но дорого тебе придется заплатиться! Если же ты произнесешь то слово, которого они от тебя добиваются, то погубишь себя и погубишь не одно только свое тело, но и душу. Горе тебе, Лизбета ван-Хаут, если ты станешь мне поперек дороги прежде, чем мое дело будет окончено. Смерть не страшна мне, я даже обрадуюсь ей, но, говорю тебе, я должна еще кончить дело до своей смерти.

Совершенно растерявшаяся Лизбета взглянула на Монтальво.

Граф был проницателен и тотчас понял все. Нагнувшись вперед, опираясь рукой о спинку саней, будто желая ближе

взглянуть на арестованную, он шепнул Лизбете на ухо так тихо, что никто не мог слышать его слова:

– Сеньора, я в данном случае не имею никакого желания: я не добиваюсь смерти несчастной помешанной, но если вы подтвердите слова доносчицы, то ее, обвиняемую, придется утопить. Пока еще ничего не доказано и все зависит от вашего свидетельства. Я не знаю, что произошло между вами сегодня утром и мало интересуюсь этим, но только, если окажется, что вы не вполне ясно помните все случившееся, то мне придется поставить вам одно или два маленьких, пустячных условия: вы должны будете провести остальной вечер со мной, и, кроме того, ваша дверь должна быть открыта для меня, когда бы я ни вздумал постучаться в нее. При этом не могу не напомнить, что три раза являясь к вам, чтобы засвидетельствовать вам мое почтение, я нашел ее запертою.

Лизбета слышала и поняла. Если она захочет спасти жизнь этой женщины, ей придется выносить ухаживание этого испанца, чего она желала меньше всего на свете. Произнося же клятву перед Богом, ей, никогда в жизни не лгавшей, придется произнести ужасную ложь. Больше полминуты она раздумывала, обводя кругом взглядом, полным ужаса, и зрелище, представлявшееся ей, так глубоко запечатлелось в ее душе, что она до самой своей смерти не могла забыть его.

Марта не говорила больше ничего; она стояла на коленях, не сводя с лица Лизбеты отчаянного вопросительного взгля-

да. Несколько правее стояла Черная Мег, смотря на нее сумрачно, так как деньгам, которые она надеялась получить, грозила опасность. Позади арестованной стояли оба солдата, одни из них поднес руку к лицу, стараясь скрыть зевоту, а другой бил себя в грудь, чтобы согреться. Третий солдат, находившийся несколько впереди, расчищал рукояткой своей алебарды поверхность проруби от затягивавшего ее тонкого льда, между тем как Монтальво, продолжавший наклоняться то вперед, то в сторону, не сводил с Лизбеты насмешливого и циничного взгляда. И на все – на бесконечную, снежную пелену, на остроконечные крыши города вдаль, на красивые сани и сидевшую в них закутанную в меховую полость девушку падал спокойный свет месяца при полной тишине, нарушаемой только биением ее сердца и, время от времени шелестом морозного ветра в засохшем тростнике.

– Ну, что же, сеньора, – спросил Монтальво, – обдумали ли вы все, и должен ли я произнести обычную формулу клятвы?

– Говорите! – ответила она хриплым голосом.

Он вышел из саней, стал против Лизбеты и, сняв берет, произнес формулу клятвы – клятвы, способной смутить Лизбету, если в душе она сознавала, что говорит неправду.

– Во имя Отца и Сына и Его Блаженной Матери, вы клянетесь? – спросил граф.

– Клянусь, – отвечала Лизбета.

– Хорошо. Выслушайте же меня, сеньора. Встретились вы

с этой женщиной сегодня после полудня?

– Да, я встретила с ней на катке.

– Проклинала она при вас правительство и святую Церковь и уговаривала ли вас помочь изгнанию испанцев из страны, как свидетельствует доносчица по имени, если не ошибаюсь, Черная Мег?

– Нет, – отвечала Лизбета.

– Я боюсь, что этого заявления недостаточно, сеньора, может быть, я употребил не те выражения... Говорила ли женщина вообще что-нибудь в этом роде?

Одну секунду Лизбета колебалась. Но, увидев снова перед собой лицо жертвы, смотревшей на нее задумчивыми глазами, полными ожидания, вспомнив, что это грязное, искалеченное существо было некогда ребенком, подружкой игр ее отца, которую он целовал и преступление которой заключается только в том, что она избегла костра, Лизбета приняла решение.

– Холодно умирать в воде! – сказала Марта тихо, будто думая вслух.

– Так зачем же ты, колдунья, еретичка, убежала от огня? – насмеялась Черная Мег.

Лизбета, не колеблясь, опять односложно отвечала на вопрос Монтальво:

– Нет.

– Что же она делала или говорила, сеньора?

– Она говорила, что знала моего отца, игравшего с ней,

когда она была ребенком, и просила милостыню – вот и все. Тут подошла эта женщина, и она убежала, после чего женщина сказала, что ее голова оценена и что она получит деньги за указание ее.

– Это ложь! – яростно, пронзительным голосом закричала Мег.

– Если она не замолчит сама, заставьте ее замолчать, – приказал Монтальво, обращаясь к сержанту. – Я вижу, что против арестованной нет других улик, кроме показания доносчицы, утверждающей, что она преступница, еретичка, бежавшая от сожжения несколько лет тому назад из окрестностей Брюсселя, куда вряд ли стоит посылать за справками. Подобное обвинение может быть оставлено без внимания. Остается вопрос о том, произносила или нет эта женщина некоторые слова, за которые, если она произносила их, без сомнения, заслуживает казни, на которую я, как исполняющий должность коменданта этого города, имею власть осудить ее. Я предвидел этот вопрос и вот почему попросил сеньору, к которой женщина обратилась, как утверждают, со своими словами, сопровождать меня сюда, чтобы дать показание. Она исполнила мою просьбу, и ее клятвенное показание, опровергая не подтвержденное клятвой показание доносчицы, гласит, что обвиняемая не произносила подобных слов. Сеньора – усердная католичка, и не поверить ей я не имею причины, поэтому я приказываю отпустить арестованную, которую, со своей стороны, считаю за никому не опас-

ную бродягу.

– По крайней мере, вы продержите ее в тюрьме, пока я не докажу, что она еретичка, бежавшая от костра в Брюсселе, – закричала Черная Мег.

– И не подумаю, тюрьмы и так полны. Развяжите ее и отпустите.

Несколько удивленные солдаты повиновались, и Марта с трудом поднялась на ноги. С минуту она стояла, смотря на свою избавительницу, затем, крикнув: «Лизбета ван-Хаут, мы еще увидимся!» – бросилась бежать с невероятной быстротой. Через несколько секунд она виднелась вдали только черной точкой на белом ландшафте и скоро совсем исчезла.

– Скачи как хочешь, кобыла, – крикнула ей вдогонку Черная Мег, – а все же я поймаю тебя. И тебе не уйти от меня, красавица-лгунья, лишившая меня дюжины флоринов. Погоди, и тебе придется иметь дело со святой инквизицией: этим ты непременно кончишь! Не спасет тебя твой красивый любовник-испанец. Так ты перешла на сторону испанцев и отреклась от своих толсторожих бюргеров?! Ну, дадут тебе себя знать испанцы, помяни мое слово!

Два раза Монтальво тщетно пытался прервать поток ее яростной брани, которая задевала его и могла невыгодно отразиться на его планах, и, наконец, прибегнул к другому средству.

– Схватить ее! – приказал он двум солдатам. – А теперь окунуть ее в прорубь и держать, пока я не прикажу отпу-

стить.

Они повиновались, но в выполнении приказа пришлось принять участие всем троим, так как Черная Мег отбивалась и кусалась, как дикая кошка, пока ее не бросили головой вниз в прорубь. Когда наконец ее вытащили оттуда, она, вся дрожавшая и мокрая, молча поплелась прочь, но взгляд, брошенный ею на Лизбету и на капитана, заставил последнего сделать замечание, что, быть может, следовало бы продержать ее под водой двумя минутами дольше.

– Холодно сегодня, да еще ради праздника вам пришлось провозиться с этой историей, так вот вам и вашим людям на что погреться, когда сменитесь, – обратился Монтальво к сержанту, подавая ему довольно значительную для тех времен сумму. – Кстати, быть может, вы захотите сделать мне одолжение – отвести моего вороного в конюшню, а на его место запрячь в мои сани этого серого скакуна: мне еще хочется прокатиться по крепостному рву, а моя лошадь устала.

Люди отдали честь и принялись перепрягать лошадей, между тем как Лизбета, предугадывая намерение своего кавалера, подумывала было бежать, воспользовавшись коньками, еще бывшими у нее на ногах. Но Монтальво не выпускал ее из виду.

– Сеньора, – сказал он спокойным тоном, – мне кажется, вы обещали провести в моем обществе остальной вечер, и я уверен, что ничто не может заставить вас сказать неправду, – добавил он с вежливым поклоном. – Если бы я не был уверен

в этом, я вряд ли так легко принял бы ваше свидетельство несколько минут тому назад.

Лизбета, видимо, смутилась.

– Я думала, сеньор, что вы вернетесь на праздник.

– Мне что-то не помнится, чтобы я говорил это, мне надо осмотреть, в порядке ли караулы. Не бойтесь, прогулка будет прелестная при лунном свете, а потом вы, может быть, доведете свое гостеприимство до того, что позовете меня отужинать у себя.

Она все еще колебалась, и неудовольствие отражалось у нее на лице.

– Ювфроу Лизбета, – заговорил тогда Монтальво, изменив тон, – у меня на родине есть пословица: «Долг платежом красен»! Вы покупали и... получили товар. Понимаете вы меня?!. Позвольте мне потеплее укрыть вас полостью... Я знаю, что в душе вы намерены честно расплатиться, вы... только дразните меня... Если бы вы в самом деле хотели избавиться от меня, вы могли бы воспользоваться случаем и убежать. Поэтому я сам предоставил вам этот случай, не желая удерживать вас против воли.

Лизбета слушала и кипела досадой: этот человек перехитрил ее. На каждом шагу он старался показать ей ее несостоятельность, и еще больше ее сердило, что он был прав. Она покупала, она должна и платить. Зачем она покупала? Не ради собственной выгоды, но побуждаемая чувством человеческой жалости, ради спасения жизни себе подобного суще-

ства. Но почему она решилась на ложную клятву ради спасения этой жизни? Она была верующая католичка и не симпатизировала таким людям. По всей вероятности, эта женщина была анабаптистка, одна из членов этой отвратительной секты, не имеющих имени, позволявших себе безнравственные поступки и бегавших нагими по улицам, объявляя, что они «голая правда». Не подействовало ли на нее заявление этой женщины, что она в детстве знала ее отца? Может быть, отчасти, но не было ли еще другой причины? Не произвели ли на нее впечатления слова женщины об испанцах, смысл которых она уяснила себе во время катанья – именно в ту минуту, когда она увидела сатанинское выражение лица Монтальво. Ей казалось, что именно это и была причина, хотя тогда она и не сознавала этого, ей казалось также, что она действовала не по собственной воле, но будто побуждаемая какой-то непонятной силой, которой она не могла противостоять.

А главное – и самое худшее – было сознание, что ее самоотвержение не принесет пользы, или, если и принесет, то, во всяком случае, не ей и ее домашним. Она была теперь, как рыба в сетях, только она не могла понять, что побуждало этого блестящего испанца издеваться над нею, она забыла, что красива и богата. Ради спасения крови ближнего она решила вступить в торг, и расплачиваться, наверное, придется собственной кровью и кровью дорогих ей людей, как бы высока и несправедлива ни была требуемая цена.

Таковы были мысли, пронесшиеся в голове Лизбеты в то время, как сильный фламандский ломовик вез сани, не изменяя неторопливого шага и на гладком, и на неровном льду. И все это время Монтальво, сидя позади нее, продолжал занимать ее разговорами на разные темы: то рассказывал об апельсиновых рощах Испании, то о дворе императора Карла, то о приключениях во время французской войны и о многих других вещах. На все это Лизбета отвечала не более того, чего требовала от нее вежливость. Она думала про себя: что скажут Дирк и Питер ван-де-Верф, мнением которых она дорожила, и все лейденские сплетники? Она только молила, чтобы ее отсутствие осталось незамеченным или чтобы подумали, что она уехала прямо домой.

Однако ей скоро пришлось отказаться от этой надежды: они повстречались с молодым человеком, шедшим по покрытому снегом полю и несшим коньки в руках, и Лизбета узнала в нем одного из товарищей Дирка. Он встал перед санями, так что лошадь остановилась сама собой.

– Ювфроу Лизбета ван-Хаут здесь? – спросил он озабоченным тоном.

– Да, – отвечала она; но прежде чем могла сказать что-нибудь дальше, Монтальво перебил ее, спросив, что случилось.

– Ничего, – отвечал молодой человек, – только ювфроу исчезла, и друг мой Дирк ван-Гоорль попросил меня поискать ее здесь, между тем как он сам ищет ее в другой стороне.

– В самом деле? В таком случае вы, милостивый госу-

дарь, может быть, найдете господина ван-Гоорля и передадите ему, что сеньора, его кузина, просто поехала покататься и вернется домой через час здорова и невредима, а вместе с нею приеду и я, граф Жуан де Монтальво, которого сеньора почтила приглашением на ужин.

Прежде чем изумленный посланец собрался с ответом, а Лизбета могла дать какое-нибудь объяснение, Монтальво стегнул коня и промчался мимо молодого человека, стоявшего совершенно растерянно, с шапкой в руке, почесывая затылок.

После того они продолжали поездку, показавшуюся Лизбете бесконечной. Объехав всю крепость кругом, Монтальво остановился у одних из запертых ворот и, вызвав караул, приказал отпереть. Произошла некоторая заминка, так как сначала сержант, командовавший караулом, не поверил, что его действительно вызывает сам комендант.

– Простите, ваше сиятельство, – сказал он, осветив фонарем лицо графа, – но я никак не думал, что вы сделаете объезд с молодой дамой в санях.

Подняв фонарь, сержант пристально взглянул на Лизбету и, узнав ее, не скрыл насмешливой улыбки.

– Весельчак наш капитан, большой весельчак, и хорошенькую голландскую индюшку он учит теперь петь, – донеслось до Лизбеты его замечание, обращенное к товарищу, когда они вдвоем запирали тяжелые ворота.

Затем граф проверил еще несколько караульных постов, и

езде были такие же объяснения. Во все это время граф Монтальво не произнес ни одного слова, кроме обычных комплиментов, и не позволил себе никакой фамильярности, сохраняя в разговоре и манерах полную вежливость и почтительность. Все пока, кажется, шло удовлетворительно, однако настала минута, когда Лизбета почувствовала, что она не в силах дольше переносить такое положение.

– Сеньор, – сказал он кротко, – отвезите меня домой: мне дурно...

– Вероятно от голода, – объяснил Монтальво. – И я страшно проголодался. Но, дорогая ювфроу, вы сами знаете, долг прежде всего, и, в конце концов, вы не без пользы сопровождали меня в моем вечернем объезде. Я знаю, ваши соотечественники дурно отзываются о нас, испанских солдатах, но я надеюсь, что теперь вы можете засвидетельствовать их дисциплину. Хотя сегодня день праздничный, однако вы сами убедились, мы нашли всех на своих местах и не видали ни одного выпившего.

– Эй, ты! – обратился он к одному из солдат, отдававшему ему честь. – Ступай за мной к дому ювфроу Лизбеты ван-Хаут, где я буду ужинать, и доставь сани ко мне на квартиру.

Глава III. Монтальво выигрывает

Повернув на Брее-страат – тогда, так же как теперь, самую красивую из лейденских улиц, – Монтальво остановил лошадь перед большим домом с тремя выступами под круглыми крышами, из которых средний, над главным входом, был украшен двумя окнами с балконами. Это был дом Лизбеты, оставленный ей отцом, где она должна была жить, пока ей не вздумается выйти замуж, со своей теткой Кларой ван-Зиль. Солдат взял лошадь под уздцы, а Монтальво, соскочив со своего места, направился помочь своей даме выйти из саней. В эту минуту Лизбета вся ушла в мысль, как бы ей убежать, но даже если бы она решилась на это, являлось препятствие, на которое ее предусмотрительный кавалер обратил ее внимание.

– Ювфроу ван-Хаут, – обратился он к ней, – вы помните, что вы еще на коньках?

Действительно, в своем волнении она забыла об этом обстоятельстве, которое делало бегство невозможным. Не могла же она войти в дом, переваливаясь на вывернутых ногах, как ручной тюлень, которого рыбак Ганс привез с собой с Северного моря. Это было бы слишком смешно, и слуги рассказали бы всему городу. Лучше уж еще некоторое время переносить общество ненавистного испанца, чем сделаться смешной, пытаясь бежать. Кроме того, если бы даже ей уда-

лось попасть в дом прежде него, разве она могла бы захлопнуть дверь перед его носом?

– Да, – отвечала она односложно, – я позову слугу...

Тут в первый раз граф выказал чисто испанскую, исполненную достоинства любезность:

– Не позволяйте наемнику низкого происхождения держать в своих руках ножку, прикоснуться к которой – честь для испанского гидальго. Я ваш слуга, – сказал он и ждал, преклонив одно колено на покрытой снегом ступеньке.

Нечего было делать: Лизбете пришлось протянуть свою ножку, с которой Монтальво осторожно и ловко снял конек.

«Снявши голову, по волосам не плачут», – подумала Лизбета, протягивая другую ногу.

В эту самую минуту кто-то приотворил дверь за ними.

– Долг... – начал Монтальво, принимаясь за вторые ремни.

Дверь в это время совершенно отворилась, и послышался голос Дирка ван-Гоорля, говорившего довольным тоном:

– Конечно, тетя Клара, это она, и кто-то снимает с нее башмаки...

– Коньки, сеньор, коньки, – перебил его Монтальво, оглядываясь через плечо, и затем добавил шепотом, снова принимаясь за дело, – гм... «платежом красен». Вы представите меня, не правда ли? Мне кажется, так будет удобнее для вас.

Бегство было невозможно, так как граф держал ее за ногу, и кроме того, инстинкт подсказывал Лизбете, что един-

ственный исход для нее – объяснить все, особенно ради любимого ею человека, и она сказала:

– Дирк, кузен Дирк, вы, кажется, знакомы: это... капитан, граф Жуан де Монтальво.

– А, сеньор ван-Гоорль! – произнес Монтальво, снимая коньки и поднимаясь с колен, которые от избытка вежливости оказались совершенно мокрыми. – Позвольте передать вам здоровой и невредимой прекрасную даму, которую я похитил у вас на минуту.

– На минуту, капитан? – пробормотал Дирк. – С начала бега прошло около четырех часов, и мы немало беспокоились о ней.

– Все объяснится, сеньор, за ужином, на который ювфрону была так любезна пригласить меня, – отвечал граф и вслед за тем тихо повторил напоминание: «Долг платежом красен».

– Вашей кухне своим присутствием удалось спасти жизнь себе подобной, – продолжал он опять вслух, – но, как я уже сказал вам, это длинная история. Позвольте, сеньора...

И через минуту Лизбета очутилась в зале собственного дома под руку с испанцем, между тем как Дирк, его тетка и несколько гостей покорно следовали за ними.

Теперь Монтальво знал, что затруднение, по крайней мере на этот вечер, устранено, раз он переступил порог дома как гость.

Наполовину бессознательно Лизбета направила своего кавалера к «sit-kamer» в виде балкона на первом этаже –

комнате, соответствующей нашей гостиной. Здесь собралось еще несколько знакомых, так как было решено, что праздник на льду окончится самым роскошным ужином, какой только могла предложить хозяйка дома. Лизбета должна была представить всем своего кавалера, который вежливо раскланялся с каждым из гостей по очереди. После того ей удалось освободиться; но, проходя мимо него, она явственно видела, как его губы шептали: «Долг платежом красен».

Когда Лизбета пришла к себе в комнату, ее негодование и гнев были так велики, что она вся дрожала, но мало-помалу она овладела собой, и вместе с хладнокровием явилось желание выпутаться из всей этой истории как можно ловчее. Она приказала Грете подать себе лучшее платье и надеть себе на шею знаменитое жемчужное ожерелье, купленное ее отцом на востоке и составлявшее предмет зависти половины лейденских дам. На голову она надела красивый кружевной убор – свадебный подарок ее матери от бабушки, которая сама плела кружево для него. Дополнив свой наряд золотыми украшениями, какие были в употреблении у женщин ее класса, она спустилась в приемную.

Между тем Монтальво не терял времени понапрасну. Отведя Дирка в сторону, он под предлогом необходимости привести в порядок свой костюм, попросил указать ему комнату, где бы он мог заняться своим туалетом. Дирк, хотя и не совсем охотно, исполнил его просьбу, но Монтальво держал себя так мило в эти несколько минут, что прежде чем они

вернулись к гостям, Дирк должен был сознаться себе, что не согласен с молвой, считавшей этого странного испанца «таким же черным, как его усы». Хотя граф еще не успел объясниться с ним, но Дирк уже почти уверился, что у Монтальво были какие-нибудь уважительные причины, заставившие его увезти с собой прелестную Лизбету на все послеобеденное время и часть вечера.

Правда, еще оставалась невыясненной попытка опрокинуть сани ван-де-Верфа во время бега, но, как знать, не найдется ли объяснения и этому? Это случилось – если вообще верить, что случилось, – на достаточно большом расстоянии от выигрышного столба, где было мало зрителей, которые видели бы все происходившее. Теперь, когда Дирк стал припоминать, единственной обвинительницей являлась маленькая девочка, сидевшая в санях, сам же ван-де-Верф ничего не заявлял.

Скоро после возвращения молодых людей к гостям, доложили, что ужин подан, и наступила минутная тишина. Ее нарушил Монтальво, выступивший вперед и во всеуслышание предложивший свою руку Лизбете.

– Ювфроу, моя спутница во время бега, окажите скромному представителю величайшего монарха в мире честь, которой, без сомнения, сам он воспользовался бы с радостью.

Таким образом все уладилось, так как ввиду указания коменданта лейденского гарнизона на его официальное положение его право первенства перед присутствующими, хо-

тя также именитыми, но, в конце концов, все же не более как простыми лейденскими бюргерами недворянского происхождения, уже не подлежало сомнению.

У Лизбеты, однако, хватило смелости указать на несколько взволнованную седую даму, обмахивавшуюся веером, будто на дворе стоял июль, и всю поглощенную мыслью о том, окажется ли повар на высоте ожиданий благородного испанца, и проговорить:

– Моя тетушка!.. – но дальше ей не пришлось продолжать, так как Монтальво тотчас же прибавил тихо:

– Конечно, последует тотчас за нами, меня же воспитывали в тех правилах, что наследница дома идет впереди всех прочих, каков бы ни был их возраст.

В это время они уже прошли в дверь, и было бы бесполезно протестовать, и снова Лизбета почувствовала, что ей только остается покориться ловкому противнику. Еще через минуту они спустились с лестницы, вошли в столовую и очутились рядом во главе стола, на противоположном конце которого сели Дирк ван-Гоорль и тетка Лизбеты, также родственница Дирка, Клара ван-Зиль.

Пока слуги обносили кушаньями, царила тишина, и Монтальво воспользовался ею, чтобы окинуть взглядом комнату, сервировку и гостей. Столовой была красивая комната со стенами, выложенными германским дубом и если не блестяще, то все же достаточно освещенная двумя висячими медными люстрами знаменитой фламандской работы, в каждой

из которых было вставлено по девятнадцати свечей лучшего сорта, между тем как на буфетах стояли такие же медные чеканные канделябры. Этот свет дополнялся светом торфа и корабельного леса, горевших в большом камине, выложенном голубыми изразцами. Отражение огня от камина играло и сверкало на многочисленных серебряных кувшинах и кубках искусной чеканки, украшавших столы и буфеты.

Общество носило такой же характер, как обстановка, все было красиво и солидно: все, и мужчины, и женщины, были люди богатые, получившие свое богатство от отцов или сами нажившие его честной и прибыльной торговлей, которая вся в то время сосредоточивалась в руках голландцев.

«Я не ошибся, – подумал Монтальво, рассматривая комнату и находившихся в ней. – Одно ожерелье моей маленькой соседки стоит больше, чем у меня когда-либо бывало в руках, и сервировка чего-нибудь да стоит. Ну, надеюсь, скоро получу возможность поближе познакомиться с их ценностью...»

После этого, набожно перекрестившись, граф с аппетитом принялся за ужин, вполне достойный его внимания даже в стране, известной роскошью яств и вин, а также аппетитом их потребителей.

Однако любезный капитан из-за еды не забыл разговора; напротив, увидав, что его соседка не в разговорчивом настроении, он обратился к другим гостям – мужчинам, касаясь различных подходящих тем. Среди гостей был также и

Питер ван-де-Верф, победитель в беге, и против его подозрительной, осторожной сдержанности графу пришлось направить огонь всех своих батарей.

Прежде всего он поздравил Питера и очень серьезно пожалел себя, так как действительно бег стоил ему такой суммы, которую он едва ли мог выплатить. Затем он похвалил серого рысака и спросил, не продается ли он, предлагая как часть уплаты своего вороного.

– Добрый конь, – сказал он, – однако имеет кое-какие пороки, которых я не стал бы скрывать, если бы пришлось назначить ему цену. Например, мейнгерр ван-де-Верф, вы, может быть, заметили, в какое неловкое положение он поставил меня к концу бега? Есть вещи, которых он всегда пугается, и в том числе он боится красного плаща. Не знаю, видели ли вы, что на валу около рва вдруг показалась девушка в красной шубе. Лошадь сейчас же шарахнулась в сторону, и можете представить, что я испытал в эту минуту, когда того и ждал, что сани мои опрокинутся, а в них ведь сидела ваша прелестная родственница. Кроме того, я таким образом чуть не лишился всех своих шансов на выигрыш, потому что обыкновенно, испугавшись, вороной начинает упрячиться и не хочет идти дальше.

У Лизбеты захватило дух, когда она услышала это объяснение. И действительно, ей вспомнилось, что возле них показалась девочка в красной шубе, и лошадь отшатнулась, как будто в самом деле испугалась. Неужели капитан и вправду

не намеревался опрокинуть «барсука»?

Между тем ван-де-Верф отвечал, как всегда, не спеша. Он, по-видимому, принимал объяснение Монтальво; по крайней мере, он сказал, что также видел девушку в красном, и выразил удовольствие, что все обошлось благополучно. Что же касается предлагаемой сделки, то он с удовольствием принял бы ее, так как серый, хотя и хороший конь, но стареет, а вороной – одна из самых красивых лошадей, каких ему приходилось видеть. Но тут Монтальво в действительности не имевший ни малейшего желания расстаться со своим ценным бегуном, по крайней мере на таких условиях, переменял разговор.

Наконец, когда мужчины – а женщины уже и подавно – насытились, а прекрасные фламандские кубки уже не в первый раз искрились лучшими рейнскими и испанскими винами, Монтальво, воспользовавшись наступившей паузой, встал и заявил, что просит позволения воспользоваться привилегией иностранца между гостями, чтобы предложить тост за своего соперника в сегодняшнем беге, Питера ван-де-Верфа.

Все присутствовавшие с радостью приняли предложение, так как все очень, гордились успехом молодого человека, и многие выиграли, держа пари за него. Выражения одобрения еще усилились, когда испанец начал свою речь с предмета, в котором все присутствовавшие были компетентными судьями, – с красноречивой похвалы выдающимся качествам ужина. Редко ему приходилось, уверял он всех, и особенно

почтенную вдову ван-Зиль, кулинарная слава которой, по его словам, достигла до самой Гааги (при этом комплименте вдова вспыхнула и принялась так усердно обмахиваться веером, что опрокинула кубок Дирка, облив его новый камзол брюссельского покроя), редко приходилось есть так вкусно приготовленные кушанья и пить такие изысканные вина даже при дворах королей и императоров, папы и его архиепископов.

Затем, переходя к главному предмету своего спича, ван-де-Верфу, он поднял бокал за него, за его сестру и лошадь, подбирая самые подходящие и изысканные обороты, не впадая в преувеличение; он откровенно признавался, что поражение было для него горько, так как все солдаты гарнизона надеялись видеть его победителем и, как он опасается, держали за него пари выше своих средств. Также он во всеуслышание повторил историю девушки в красном плаще. Затем, понизив голос и более спокойным тоном, он обратился к «тетушке Кларе» и «дорогому герру Дирку», говоря, что должен извиниться перед ними обоими, что так безрассудно долго задержал ювфроу Лизбету после бегства. Когда они узнают, в чем дело, они, он уверен, не станут больше порицать его, особенно, если он скажет им, что это отступление от общепринятых правил было вызвано желанием спасти человеческую жизнь.

Он рассказал, как тотчас после гонки один из его сержантов разыскал его, чтобы сообщить, что задержана одна женщина, предполагаемая колдунья и еретичка, заподозренная

в покушении на убийство и воровство, и просил его, по причинам, которыми он не хочет утомлять своих слушателей, немедленно заняться этим делом. Кроме того, – так говорил сержант, – эта женщина, по свидетельству некоей Черной Мег, в тот день после обеда обратилась с самыми богохульными и предательскими речами к ювфрону Лизбете ван-Хаут.

Конечно, каждый из присутствующих разделит его отвращение к еретикам и предателям, – продолжал Монтальво, и тут большинство из гостей, особенно тайные приверженцы новой религии, перекрестилось. – Но и еретики имеют право на беспристрастное рассмотрение своего дела, по крайней мере, он лично того мнения, и хотя солдат по профессии, но от души ненавидит бесполезное пролитие крови.

Долгая опытность научила его также относиться недоверчиво к свидетельству доносчиков, имеющих денежные выгоды от уличения обвиняемого. Наконец, ему казалось неудобным, чтобы имя молодой девушки хорошего происхождения было замешано в подобную историю. Как известно из последних эдиктов, ему в таких случаях дана неограниченная власть, и он получил приказание всех подозреваемых в принадлежности к секте анабаптистов или другой форме ереси немедленно отправлять в надлежащие суды, а в случае поимки бежавших еретиков и удостоверения их личности немедленно казнить их без дальнейшего допроса. При подобных обстоятельствах, боясь, что молодая девушка испугается, ес-

ли узнает его намерение, а с другой стороны, желая и ради ее самой и ввиду соблюдения приличий иметь ее свидетельство, он решился прибегнуть к хитрости. Он попросил ее сопровождать его в поездке по небольшому делу, и она любезно согласилась.

– Друзья, – продолжал он все более и более торжественным тоном, – конец моего рассказа короток. Я должен поздравить себя с принятым мною решением, так как при очной ставке с задержанной наша любезная хозяйка клятвенно опровергла выдумку доносчицы, и я, следовательно, мог спасти несчастное, как мне кажется, полоумное существо от неминуемой ужасной смерти. Не правда ли, ювфру?

Лизбете, опутанной сетями обстоятельств, совершенно не знавшей, что предпринять, оставалось только утвердительно кивнуть головой.

– Мне кажется, что после моего объяснения нарушение общепринятых правил может найти себе извинение, – заключил Монтальво, – и мне остается прибавить только одно слово; мое положение здесь совершенно особенно – я здесь официальное лицо, но между тем смело говорю среди друзей, подвергая себя опасности, что кто-нибудь из присутствующих может направить мои же слова против меня, чего я, впрочем, не думаю. Хотя нет в Нидерландах более ревностного католика и более преданного своей родине испанца, чем я, меня обвиняли в том, что я выказываю слишком большую симпатию к вашему народу и поступаю слиш-

ком мягко с теми, кто навлек на себя неудовольствие святой Церкви. Что касается применения моих прав и правосудия, я согласен сносить подобные обвинения, но на свете не всегда правда берет верх. Поэтому, хотя я рассказал вам только истину, я должен указать, что в интересах нашей хозяйки, в моих собственных интересах, которых дело может коснуться, и в интересах всех сидящих за этим столом лучше было бы не распространяться особенно о подробностях только что сообщенного мною происшествия: пусть оно умрет в этих стенах. Согласны ли вы, друзья?

Побуждаемые одним общим порывом, а также общим, хотя и бессознательным страхом, все присутствующие, даже осторожный и дальновидный ван-де-Верф, отвечали в один голос:

– Согласны!

– Друзья, – сказал Монтальво, – это простое слово дает мне такую же глубокую уверенность, как какая-нибудь торжественная клятва, такую же уверенность, какую дала клятва нашей хозяйки, на основании которой я счел себя вправе отпустить несчастную, хотя в ней подозревали бежавшую еретичку.

Монтальво закончил свою речь вежливым общим поклоном и сел.

– Что за добрый, что за восхитительный человек, – проговорила тетюшка Клара, обращаясь к Дирку среди шума поднявшихся разговоров.

– Да, только...

– Какая наблюдательность и какой вкус! Ты слышал, что он сказал о нашем ужине?..

– Слышал что-то мельком.

– Правда, все говорят, что мой тушенный в молоке каплун, какой у нас был сегодня... Что это с твоим камзолом? Ты раздражаешь меня, не переставая тереть его...

– Ты облила его красным вином, вот и все, – недовольным тоном отвечал Дирк. – Он испорчен.

– Не велика потеря, говоря правду. Дирк, я не видела камзола, хуже сшитого. Вам, молодым людям, следовало бы поучиться одеваться у испанских дворян. Взгляни, например, на его сиятельство, графа Монтальво...

– Мне кажется, тетюшка, я уже довольно слышал на сегодня об испанцах и капитане Монтальво, – перебил свою родственницу Дирк, едва сдерживая себя. – Сначала он увозит Лизбету и пропадает с ней целых четыре часа, затем сам набивается на ужин и садится с ней на почетный конец стола, предоставляя мне скучать, как никогда, на противоположном конце...

– Ты сердишься и становишься невежлив, – сказала тетка Клара. – Не только умению одеваться, но и умению держать себя тебе не мешало бы поучиться у испанского гидальго и коменданта.

Почтенная дама при этих словах поднялась, обращаясь к Лизбете:

– Если ты кончила, Лизбета, пойдем, а наши гости еще займутся вином.

Когда дамы удалились, в столовой стало еще оживленнее.

В те времена почти все пили очень много спиртных напитков, по крайней мере на праздниках, и этот вечер не составлял исключения. Даже Монтальво, чувствующий, что выиграл игру и поэтому несколько успокоившийся, не отставал от других и по мере того как кубок осушался за кубком, становился все разговорчивее. Но он был настолько хитер, что даже тут остался верен своему плану и в разговоре высказал такое сочувствие к невзгодам, переживаемым Нидерландами, и такую религиозную терпимость, какие редко можно было встретить в испанце.

Затем разговор перешел к военным вопросам, и Монтальво, подстрекаемый ван-де-Верфом, который, не в пример прочим, пил немного, стал объяснять, как бы он, если бы был главнокомандующим, стал защищать Лейден от нападения войск, превосходящих численностью его гарнизон. Скоро ван-де-Верф заметил, что граф был искусный офицер, изучивший свое дело, и, будучи сам любознательным штатским, начал предлагать своему собеседнику вопрос за вопросом.

– Предположите, – спросил он наконец, – что город погибает от голода, а все еще не взят, так что жителям предстоит или попасть в руки неприятеля, или сжечь самим свои жилища. Что бы вы сделали в таком случае?

– Тогда, мейнгерр, если бы я был обыкновенный человек, я внял бы голосу умирающего от голода населения и сдался.

– А если бы вы были великим человеком?

– Если б я был великим человеком?.. Тогда я перерезал бы плотины и снова допустил бы морские волны биться о стены Лейдена. Армия не может жить в соленой воде, мейнгерр.

– Но при этом вы потопили бы фермеров и разорили бы страну на двадцать лет.

– Совершенно верно, но когда надо спасти зерно, кто думает о спасении соломы?

– Слушаю вас, сеньор. Ваша пословица хороша, хотя мне никогда не приходилось слышать ее.

– Немало хороших вещей идет из Испании, мейнгерр, в том числе и это красное вино. Позвольте выпить еще стакан с вами, и если позволите мне сказать вам это, вы – человек, с которым приятно встретиться и со стаканом в руке, и с мечом.

– Надеюсь, что вы навсегда сохраните обо мне такое мнение, – отвечал ван-де-Верф, осушая свой кубок, – встретимся ли мы с вами за столом, или на поле битвы.

После этого Питер отправился домой и, прежде чем лечь спать, тщательно записал все, что слышал от испанца о военных диспозициях, как атакующих, так и осажденных, а под своими заметками написал пословицу о зерне и соломе. Не было видимой причины, почему ван-де-Верфу, простому гражданину, занятому торговлей, пришлось в голову сделать

это, но он оказался предусмотрительным молодым человеком и знал, что многое может произойти, чего никак нельзя предвидеть в данную минуту. Случилось так, что через много лет ему пришлось воспользоваться советом Монтальво. Все, знакомые с историей Нидерландов, знают, как бургомистр Питер ван-де-Верф спас Лейден от испанцев.

Что касается Дирка ван-Гоорля, он добрал до своей квартиры, опираясь на руку не кого иного, как графа дон Жуана де Монтальво.

Глава IV. Три пробуждения

На другое утро после санного бега в Лейдене было три лица, с мыслями которых при их пробуждении небезынтересно познакомиться для читателя, следящего за их судьбой. Первое из этих лиц был Дирк ван-Гоорль, которому всегда приходилось рано вставать по своим обязанностям и которого в это утро отчаянная головная боль разбудила как раз в ту минуту, как часы на городской башне пробили половину пятого. Ничто не оказывает такого неприятного влияния на расположение духа, как пробуждение от сильной головной боли в половине пятого, среди холодного мрака зимнего утра. Однако, лежа и раздумывая, Дирк пришел к убеждению, что его дурное расположение духа происходит не только от головной боли или холода.

Одно за другим ему вспомнились события предыдущего дня. Прежде всего он опоздал ко времени, назначенному для встречи с Лизбетой, что, очевидно, рассердило ее. Затем появился капитан Монтальво и увез ее, как коршун уносит цыпленка из-под надзора наседки, между тем как он сам, Дирк, осел этакий, даже не нашел слова протеста. После этого, считая себя обязанным держать пари за сани, в которых сидела Лизбета, несмотря на то, что ими правил испанец, он проиграл десять флоринов, и это вовсе не было по душе такому расчетливому молодому человеку, как он. Остальное

время праздника на льду он провел в поисках Лизбеты, таинственно исчезнувшей с испанцем, причем не только скупался, но еще и беспокоился. Наконец, настал ужин, где опять граф выхватил у него из-под носа Лизбету, предоставив ему стать кавалером тети Клары, которую он не любил, считая за старую дуру, и которая, испортив его новый камзол, в конце концов еще объявила, что он не умеет одеваться. И это еще не все: Дирк чувствовал, что выпил больше, чем следовало, так как об этом ему докладывала его голова. А в довершение всего он вернулся домой под руку с этим самым испанцем и, ей-богу, на пороге своего дома клялся ему в верной дружбе.

Без сомнения, граф оказался необычайно добрым малым для испанца. Что касается своего поступка на бегах, он дал ему вполне удовлетворительное объяснение и принял свое поражение, как джентльмен. Что могло быть любезнее и тактичнее его упоминания о Питере в его застольной речи? Также и в своем отношении к несчастной Марте, историю которой Дирк знал хорошо – и это было важнее всего остального, – Монтальво выказал себя терпимым и добрым человеком.

Надо сказать сразу, что в действительности Дирк был лютеранин: он был принят в эту секту два года тому назад. Быть лютеранином в эти дни в Нидерландах – значило жить, вечно чувствуя у себя на шее железный ошейник и имея перед глазами колесо или костер, – обстоятельство, заставлявшее смотреть на религию более серьезно, чем большинство смот-

рит на нее в нашем столетии. Однако и в то время страшные казни, которыми каралось вероотступничество, не удерживали многих бюргеров и людей низшего класса от поклонения Богу по-своему. В действительности же из всех присутствовавших на ужине у Лизбеты большая половина, в том числе и Питер ван-де-Верф, были тайными приверженцами новой веры.

Но, оставляя в стороне религиозные соображения, Дирк не мог не пожалеть в душе, что добродушный испанец так красив и что он так умеет ценить красоту лейденских дам, особенно Лизбеты, которая, как ему признался сам Монтальво, произвела на него сильное впечатление. Больше всего опасался Дирк, что подобное восхищение могло быть обоюдным. В конце концов, испанский гидальго и комендант крепости – лицо незаурядное, и, к несчастью, Лизбета также была католичка. Дирк любил Лизбету: он любил ее с терпеливой искренностью, характерной для его национальности и его собственного темперамента, но, кроме уже упомянутых выше причин, разница религий воздвигала стену между ними. Лизбета, конечно, и не подозревала ничего подобного. Она даже не знала, что Дирк принадлежит к новой вере, а без разрешения старейших в своей секте он не мог открыться ей, не решаясь легкомысленно вверять скромности молодой девушки жизнь многих людей и их семей.

В этом заключалась причина, почему он, при всей своей преданности Лизбете, даже думая, что она равнодушна к

нему, ни одним словом не намекнул ей на свое чувство и не сватался к ней. Как мог он, лютеранин, предлагать католичке стать его женой, не сказав ей всей правды? А если бы он открыл ей все и она решилась бы рисковать собой, какое право имел он завлекать ее в эти ужасные сети? Предположив даже, что она не изменила бы своей вере, имея на то полное право, он, в свою очередь, обязан был бы стараться обратить ее, а детей их, если бы они были у них, пришлось бы воспитать в вере отца. Рано или поздно явился бы доносчик – один из тех ужасных доносчиков, тень которых тяготела над тысячами нидерландских семей, а за ним офицер, потом монах, судья и, наконец, палач и костер.

Что случилось бы в таком случае с Лизбетой? Она могла бы доказать свою невинность в ереси, если бы к тому времени еще действительно не была виновна в ней, но какова стала бы жизнь любящей женщины, муж и дети которой томились бы в тюрьмах папской инквизиции? В этом заключалась первая причина, почему Дирк молчал даже в те минуты, когда испытывал сильнейшее искушение заговорить, хотя внутреннее чувство и подсказывало ему, что его молчание перетолковывалось иначе – приписывалось избытку осторожности, равнодушию или излишней щепетильности.

Вторым лицом, проснувшимся в это утро, была Лизбета, у которой, если и не болела голова (а этим и в ее время часто страдали женщины ее класса), были другие огорчения, с которыми ей предстояло справиться.

Когда она стала разбираться в них и раздумывать, все они разрешились чувством негодования на Дирка ван-Гоорля. Дирк опоздал на свидание, приводя смешное оправдание, что должен был дожидаться, пока не остынет колокол, как будто ей было до этого дело; результатом была встреча с этой ужасной женщиной, Мартой-Кобылой, затем с Черной Мег и, наконец, с испанцем. Здесь опять Дирк выказал непростительное равнодушие и недогадливость, допустив Лизбету принять против воли приглашение поместиться в санях испанца. Дирк даже высказал сам свое согласие на это. Затем одно за другим следовали таковые события этого злополучного карнавала: бег, покушение на соперника, ужасный кошмар, который в продолжение вечера ей постоянно напоминал лицо Монтальво; допрос Марты; ее собственная не преднамеренная, но несомненная ложь; катанье наедине с человеком, принудившим ее произнести ложную клятву; появление перед всеми с ним как с добровольно выбранным ею спутником; наконец, ужин, во время которого испанец явился ее кавалером, между тем как простодушная компания гостей ухаживала за ним, как за существом высшего порядка, случайно попавшим в ее среду.

Какие были намерения у Монтальво? Без сомнения, в этом она была уверена, он намеревался показать, что ухаживает за ней, иначе нельзя было истолковать всех его поступков. И теперь – это было самое ужасное – она, в сущности, была у него в руках, потому что, если бы он захотел, ему

ничего бы не стоило доказать, что она произнесла ложную клятву. Сама ложь также тяготила Лизбету, хотя и была произнесена с добрым намерением, если только было действительно хорошо спасать фанатичку от участи, которая, наверное, постигла бы ее, если бы ее преступление стало известно.

Без сомнения, испанец был дурной человек, хотя и привлекательный, и поступил дурно, при все своем умении держать себя и при всех своих блестящих манерах; но чего можно было ожидать от испанца, преследовавшего свои собственные цели? Дирк один... один он во всем виноват... и не столько своей вчерашней ненаходивостью, сколько всем своим поведением вообще. Почему он не предупредил и не устроил так, чтобы она была гарантирована от подобных случаев, на которые всегда рискует наткнуться женщина ее красоты и положения? Святым известно, что со своей стороны она сделала все, чтобы дать ему случай высказаться. Она дошла до пределов того, что может позволить себе девушка, и ради каких бы то ни было Дирков на свете не сделает ни одного шагу дальше. И что ей так понравилось его глупое лицо? Почему она отказала такому-то и такому-то, всем приличным женихам, и попала в такое положение, что молодые люди уже не подходят к ней, как бы подозревая, что она дала уже слово своему родственнику? Прежде она уверяла себя, что ее привлекает в Дирке что-то, что она чувствует, но не видит: скрытое благородство характера, слабо проявляющееся снаружи. Но где же это «что-то», это благородство? Без

сомнения, настоящий мужчина должен бы был вступиться и не ставить ее в такое ложное положение. Средства к жизни не могли служить препятствием: она не пришла бы к нему с пустыми руками и даже, напротив, принесла бы за собой кое-что. О, если б не несчастье, что она, к своей досаде, продолжала любить его, она никогда, никогда не сказала бы с ним больше ни одного слова.

Последним из наших друзей, проснувшимся в это знаменательное утро между девятью и десятью часами, когда Дирк уже два часа успел просидеть у себя в конторе, а Лизбета побывать на рынке, был блестящий офицер, граф дон Жуан де Монтальво. Открыв свои темные глаза, он несколько секунд смотрел в потолок, собираясь с мыслями. Затем, сев в постели, он залился хохотом. Вся эта история была слишком потешна, чтоб веселому человеку не посмеяться ей. Этот простофиля Дирк ван-Гоорль; взбешенная, но беспомощная Лизбета; надутые крепкоголовые нидерландцы, которых он всех заставил петь в своем тоне, как струны на скрипке, – да, все это было восхитительно!

Как читатель мог уже догадаться, Монтальво не был типичным испанцем – героем романа или историческим лицом. Он не был ни мрачен или сосредоточен, ни особенно мстителен или кровожаден. Напротив, он был веселого характера, безо всяких правил, остроумный и добрый малый, за что пользовался всеобщим расположением. Кроме того, он был храбрый, хороший солдат, симпатичный в некотором

смысле, и, странно сказать, не ханжа. Правду сказать, в те времена это было редкостью: его религиозные взгляды так расширились, что в конце концов у него их вовсе не осталось. Поэтому он только изредка поддавался какому-нибудь мимолетному суеверию, вообще же не питал никаких духовных надежд или страхов, что, по его мнению, доставляло ему много преимуществ в жизни. В действительности, если бы того требовали его планы, Монтальво готов был стать кальвинистом, лютеранином, магометанином или даже анабаптистом – смотря по требованиям минуты; он объяснил бы это тем, что художнику удобно нарисовать какую угодно картину на чистом полотне.

И между тем эта способность применяться к обстоятельствам, это отсутствие убеждений и нравственного чувства, которые должны бы были так облегчать графу житейские отношения, были главной причиной его слабости. Судьба сделала его солдатом, и он нес эту службу, как нес бы всякую другую. Но по природе он был актер, и изо дня в день он играл в жизни то одну, то другую роль, но никогда не был самим собой, потому что не имел определенного характера. Однако где-то глубоко в душе Монтальво скрывалось что-то постоянное и самостоятельное, и это «что-то» было не доброе и не злое. Оно очень редко проявлялось наружу; рука обстоятельств должна была глубоко погрузиться в душу графа, чтобы извлечь это нечто, но, несомненно, непреклонный, жестокий испанский дух, готовый всем пожертвовать ради

того, чтобы спастись или даже выдвинуться, жил в нем. Лизбета видела именно этот дух в глазах Монтальво накануне, когда, не надеясь больше на победу, граф пытался убить своего противника, рискуя сам быть убитым. И не в последний раз она видела эту скрытую черту характера Монтальво: еще два раза ей суждено было натолкнуться на нее и дрожать перед ней.

Хотя Монтальво вообще не любил жестокости, однако при случае мог сам быть жесток до последней степени: хотя он ценил друзей и желал иметь их, однако мог сделаться самым низким предателем. Хотя без причины он не тронул бы живое существо, однако, найдя причину достаточной, он мог спокойно обречь на смерть целый город. И при этом ему было бы нелегко: он стал бы сожалеть об обреченных и впоследствии вспоминать бы о них с грустью и даже с участием. Этим он отличался от большинства своих соотечественников и современников, которые сделали бы то же, но гораздо жестче, руководствуясь честными принципами, и впоследствии радовались бы всю свою жизнь при воспоминании о своем деле.

У Монтальво была одна господствующая страсть – не война и не женщины, но деньги. Однако он любил не сами деньги, так как не был скуп, и, будучи игроком, никогда не мог отложить ни гроша; но он любил тратить деньги и сорить ими.

В отличие от многих из своих соотечественников, он мало

обращал внимания на женщин, даже не любил их общества и увлечение считал обузой, но он любил вызывать их восхищение, так что, за неимением лучшего, был бы способен выбиваться из сил, чтобы приобрести себе поклонницу в лице какой-нибудь служанки или рыбной торговки.

Все его усилия были направлены к тому, чтобы всюду, где бы он ни показался, затмить в глазах городских красавиц всех остальных, и ради этого он поддерживал многочисленные любовные интриги, в сущности, вовсе не забавлявшие его. Удовлетворение тщеславия, само собой, влекло за собой расходы, так как красавицы требовали денег и подарков; ему самому необходимы были наряды, лошади и вся обстановка самого утонченного вкуса. Знакомых надо было принимать у себя, и притом так, чтобы у них являлось чувство, что их угощал испанский гранд.

Считаться грандом никогда не обходится дешево; не один обедневший пэр знает в наше время, какая обуза титул без состояния. Монтальво носил титул – он был дворянин, но единственным имением его была башня, выстроенная одним из его воинственных предков в местности, прекрасно приспособленной к планам этого предка – ограблению проезжих во время их пути по узкому ущелью. Когда же путешественники не стали ездить этим ущельем или по другим причинам разбойничество перестало составлять прибыльный промысел, доходы семьи Монтальво уменьшились и наконец совсем иссякли. Таким образом случилось, что последний

представитель древнего рода оказался в положении заурядного военного, но, к несчастью для себя, обладающего широкими наклонностями, роковой страстью к игре и неимоверной гордостью своим происхождением.

Быть может, Жуан де Монтальво сам не отдавал себе ясного отчета в этом; но у него было две цели в жизни: во-первых, удовлетворять в широкой степени все свои капризы и прихоти, а во-вторых – и эта цель была второстепенной и несколько туманной, – восстановить свое родовое богатство. Обе цели сами по себе были вполне законные, и в те времена, когда можно было с успехом ловить рыбу в мутной воде, а человеку способному и настойчивому было нетрудно добиться блестящего положения, не представлялось причины сомневаться в том, чтобы Монтальво не добился осуществления своих планов. Однако пока, несмотря на несколько представлявшихся случаев, ему еще ничего не удалось, хотя ему уже было за тридцать. Причины неудач были различные, но в основании их лежал недостаток постоянства и изобретательности.

Человек, постоянно играющий роль, занимает многих, но не убеждает никого. Монтальво не мог убедить никого. Когда он разговаривал с монахами о тайнах религии, то даже монахи, в это время большею частью люди недалекие, чувствовали, что присутствуют только при умственном упражнении. Когда он говорил о войне, его слушателям казалось, что в душе он только и думает, что о любви. Когда он пел о

любви, то особа, к которой он обращал свои речи, инстинктивно чувствовала, что он любит только самого себя, а не ее. И в этом женщины подходили ближе всего к истине: Монтальво любил только самого себя. Ради самого себя он нуждался в больших деньгах, и целью его жизни стало так или иначе добыть эти деньги.

Но и в шестнадцатом столетии богатство не давалось само собой в руки всякому искателю приключений. Жалованье военные получали маленькое и не всегда аккуратно; посторонний заработок был редок и быстро тратился; даже выкуп за одного или двух богатых пленных скоро исчерпывался уплатой таких долгов чести, от которых нельзя было увернуться. Оставалась, конечно, возможность богатой женитьбы, что в такой стране, как Нидерланды, где было много богатых невест, не представлялось затруднительным для знатного, красивого, любезного испанца. И действительно, настало время, когда Монтальво предстояло или жениться или разориться: его долги, особенно карточные, возросли до громадной суммы, и он не мог ступить шагу, не встретив кредитора. К несчастью для него, многие из этих кредиторов имели доступ к властям, и таким образом произошло, что Монтальво получил извещение о необходимости предотвратить скандал вместе с угрозой, что в противном случае ему придется вернуться в Испанию, страну, куда, правду сказать, его вовсе не тянуло. Одним словом, роковой час расплаты, который он всеми силами старался отдалить, настал, и женитьба,

богатая женитьба являлась единственным исходом. Это был грустный исход для человека, имевшего свои причины, чтобы не желать вступать в брак, но приходилось покориться.

Таким образом случилось, что граф Монтальво, остановив свое внимание на красивой и богатой Лизбет ван-Хаут как на единственной подходящей ему партии в Лейдене, пригласил молодую девушку в свои сани во время бега и так старался быть приятным гостем в ее доме.

Пока все шло удачно, и, что еще больше, начало охоты было даже занимательно. Местное же общество после того, как Лизбета приняла приглашение быть его дамой во время бега и потом так долго каталась с ним наедине в лунную ночь, что, без сомнения, составляло теперь предмет бесконечных сплетен, было вполне подготовлено ко всякого рода вниманию, какое графу вздумалось бы оказать ей. И почему ему не поухаживать за девушкой свободной, по происхождению стоявшей ниже, хотя по богатству выше его? Правда, он знал, что ее имя соединялось с именем Дирка ван-Гоорля. Он знал также, что молодые люди привязаны друг к другу, так как на обратном пути прошлой ночью Дирк, может быть, имея на то свои причины, почтил его конфиденциальным полупризнанием. Но какое ему до этого дело, если они еще не помолвлены? А если б даже были помолвлены, то и тогда разве не все равно? Но все же Дирк ван-Гоорль являлся препятствием и, несмотря на то, что он казался добрым малым и Монтальво было жаль его, его необходимо было убрать с дороги, так как

граф был убежден, что Лизбета – одно из тех упорных созданий, которые отказались бы от брака с ним, пока молодой лейденец не исчезнет с горизонта. А между тем Монтальво не желал впутываться в дуэль уж по одному тому, что в дуэли всегда можно ждать какой-нибудь неожиданности, а это был бы плохой исход. Точно так же не желал он быть замешанным в убийстве; во-первых, потому что ему чрезвычайно неприятна была сама мысль об убийстве кого-либо без крайней на то необходимости для самозащиты, а во-вторых, потому, что убийство – некрасивый путь, чтобы выпутаться. Кроме того, нельзя было заранее предсказать, как взглянут власти на исчезновение молодого нидерландца почтенной фамилии.

Надо было подумать о другом средстве. Если этот молодой человек умрет, нельзя заранее сказать, как Лизбета отнесется к его смерти. Ей может вдруг прийти в голову отказаться от замужества или оплакивать своего жениха лет пять; оба решения оказались бы одинаково невыгодными для планов Монтальво. А между тем пока Дирк жив, есть ли возможность заставить Лизбету перенести на другого ее расположение? Таким образом, казалось, что Дирку необходимо умереть. С четверть часа Монтальво раздумывал по поводу этого вопроса, и наконец, когда он уже готов был предоставить все дело случаю, вдруг в его уме блеснула блестящая, гениальная мысль.

Дирк не умрет, он будет жить, но его жизнь будет куплена

ценою руки Лизбеты ван-Хаут. Если она любит Дирка только наполовину так, как предполагает Монтальво, то, вероятно, согласится выйти замуж за кого угодно ради спасения дорогой головы: ведь девять десятых женщин способны на такой сентиментальный идиотизм. Кроме того, этот план имел и другие хорошие стороны: он был выгоден для всех. Дирк спасется от смерти, за что должен быть благодарен; Лизбета, кроме чести союза, хотя, быть может, только временно, с ним, графом, будет жить, окруженная небесным сиянием добродетели, происходящим из сознания, что она сделала нечто весьма прекрасное и трагическое, между тем как он сам, Монтальво, благодаря которому все получают такие выгоды, также попользуется кое-чем.

Затруднение было в одном: как создать такое состояние вещей? Как поставить интересного Дирка в такое безвыходное положение, чтобы заставить Лизбету проявить свое благородство ради его спасения? Вот если бы Дирк был еретиком! А не окажется ли он им и в самом деле? Мудрено себе представить фигуру, более подходящую еретику: плосколицый, с манерами святоши и носящий темные чулки; Монтальво заметил, что все еретики, мужчины и женщины, носили чулки темного цвета, может быть, имея в виду умерщвление плоти. Одно только несколько противоречило предположению Монтальво: молодой человек пил слишком много за ужином накануне. Впрочем, и между еретиками попадались такие, которые не прочь были выпить. И лучшие лю-

ди иногда спотыкаются; еще старый монах-кастелян, учивший графа латыни, говорил: «Errare humanum est».

Таким образом, размышления Монтальво сводились к следующему, для того чтобы выпутаться из затруднительного положения, необходимо, во-первых, чтобы Лизбета ван-Хаут через три месяца была его женой; во-вторых, если окажется невозможным устранить с дороги Дирка ван-Гоорля, отбив у него привязанность молодой девушки или возбудить ее ревность (вопрос: возможно ли заставить женщину так приревновать этого пентюха, чтобы она с досады решилась выйти за другого?), надо принять более суровые меры, в-третьих, эти более суровые меры должны состоять в том, чтобы принудить Лизбету спасти ее возлюбленного от костра, соединившись браком с человеком, ради нее вошедшим в сделку со своею совестью и подстроившим все; в-четвертых, самый лучший способ приведения всего этого в исполнение – доказать, что возлюбленный – еретик, а если, к несчастью, этого нельзя будет доказать, то все же выставить его еретиком, и, в-пятых, пока как можно чаще видаться с мейнгером ван-Гоорлем, потому что вообще при существующих обстоятельствах сближение необходимо, а кроме того, у него при случае можно и денег перехватить.

Розыски еретиков также стоят денег, так как придется прибегнуть к услугам шпионов; само собой разумеется, что друг Дирк, голландский каплун, должен сам доставить масло, в котором его станут жарить. И Монтальво закончил свое

размышление так же, как начал его, – громким раскатом смеха, после чего он встал и принялся за вкусный завтрак.

Был уже шестой час пополудни этого дня, когда капитан и исполнявший должность коменданта Монтальво вернулся со службы домой: надо сказать, что он был усердный и дельный служака. При возвращении его встретил солдат-денщик, выбранный им за молчаливость и скрытность и, отдав честь, ждал приказания.

– Женщина здесь? – спросил Монтальво.

– Здесь, ваше сиятельство, хоть и нелегко ее было доставить сюда: я застал ее в постели, больной.

– Какое мне дело, что было трудно! Где она?

– В вашей комнате, ваше сиятельство!

– Хорошо. Смотри, чтоб никто не помешал нам, а когда она выйдет отсюда, следи за ней, пока она не дойдет до дома.

Солдат снова взял под козырек, а Монтальво вошел в комнату, тщательно заперев дверь за собою. Комната была не освещена, но через большое сводчатое окно лился яркий лунный свет, и при нем Монтальво увидел сидящую на стуле с прямой спинкой темную закутанную фигуру. Было что-то странное, почти сверхъестественное в этой фигуре, сидевшей в молчаливом ожидании. Она напомнила ему – иногда фантазия его разыгрывалась совершенно некстати – хищную птицу, сидящую на обрубке высохшего дерева в ожидании рассвета, когда она собирается лететь на ожидающую ее добычу.

– Это ты, тетушка Мег? – спросил он совершенно серьезно. – Совсем как в старое время, в Гале, не правда ли?

Освещенная луной фигура повернула голову. Монтальво увидел, как свет отразился на белках ее глаз.

– Кто же, как не я, ваше сиятельство, – отвечал охрипший от простуды голос, напоминавший карканье ворона, – хотя, правду сказать, не вашими молитвами жива. Крепкое надо иметь здоровье, чтобы не захворать, выкупавшись в проруби.

– Не ворчи: мне некогда слушать твою воркотню. Что тебя выкупали вчера, так поделом, за твою проклятую недогадливость. Разве ты не видала, что я веду свою линию, а ты портишь мне все. Я сделался бы посмешищем своих людей, если б стал слушать, как ты предостерегаешь против меня девицу, расположение которой я желаю сохранить.

– У вас всегда ведется какая-нибудь игра, ваше сиятельство, только если она кончается тем, что тетку Мег сначала ограбили, а потом чуть не потопили подо льдом, то тетка Мег этого не забывает.

– Ш-ш! Не у тебя одной есть память. Какая тебе была назначена награда? Двенадцать флоринов? Получишь их, и еще пять вдобавок: это хорошая плата за нырок в холодную воду. Будет с тебя?

– Нет, ваше сиятельство, мне нужна была жизнь, жизнь этой еретички. Мне надо было видеть, как она будет жариться на костре или топтать ее ногами, когда бы ее стали зары-

вать в землю. Я гонюсь за этой женщиной, зная – в ее голосе слышалась ярость, – что если я не убью ее, она постарается убить меня. Ее мужа и сына сожгли в основном потому, что я донесла на них, а она уж третий раз уходит от меня.

– Потерпи, потерпи, в конце концов все устроится. Ты словила двух: самого папеньку и его наследника, нечего ворчать, что маменька не сразу дается тебе в руки и недолюбливает тебя. Теперь слушай. Ты знаешь девицу, которой мне надо было угодить вчера. Она богата?

– Да, я знаю ее и знала ее отца. Он оставил ей полный дом, много бриллиантов и тридцать тысяч крон, помещенных на хорошие проценты. Хорошее приданное. Только получит его Дирк ван-Гоорль, а не вы.

– Вот в том-то и дело. Что ты знаешь о Дирке ван-Гоорле?

– Почтенный, работающий бюргер, сын зажиточных родителей, медников из Алькмаара. Он честен, только не особенно умен, он из таких людей, что богатеют, становятся бургомистрами, основывают приюты для бедных, а после смерти им ставят памятники.

– Ты отупела от холодной ванны. Когда я спрашиваю тебя о человеке, я хочу знать, что тебе известно против него.

– Понимаю, ваше сиятельство, только про этого ничего не скажешь. Ни любовных дел за ним нет, не играет он, не пьет, разве стаканчик после обеда. Весь день он работает у себя в конторе, ложится рано, встает рано, а в воскресенье ходит к ювфру ван-Хаут. Вот и все.

– В какой церкви он бывает?

– Раз в неделю в соборе, но не причащается и не ходит к исповеди.

– Это плохо, очень плохо. Ведь ты не хочешь сказать этим, что он еретик?

– Очень вероятно, здесь их развелось много.

– Ужасно! Знаешь ли, мне бы не хотелось, чтобы эта прекрасная девушка, хорошая католичка, как мы с тобой, сблизилась с еретиком, который может подвергнуть ее разным опасностям. Кто может дотронуться до смолы и не запачкаться?

– Вы тратите попусту время, ваше сиятельство, – отвечала посетительница с усмешкой. – Что вам от меня надо?

– В интересах этой молодой девицы мне надо доказать, что этот человек еретик, и мне пришло на мысль, что ты, как особа привычная к таким делам, можешь найти подходящие улики.

– Да, ваше сиятельство. А не приходило вам в голову, на что будет похоже мое лицо, если я всуну ради вашей забавы свою голову в осиное гнездо? Знаете ли, что ждет меня, если я стану подглядывать за лейденскими еретиками? Они убьют меня. Их много, и все люди решительные; пока их не трогаешь, они тебя тоже не тронут; но только коснись их, так прощай. Мне хорошо известны законы о Церкви и императоре, но император не может сжечь целый народ, и как я ни ненавижу их, все же я должна сказать... – она вскочи-

ла и продолжала страстным, убежденным голосом, – что в конце концов и законам, и монахам придется уступить. Да, эти голландцы перебьют всех священников и перережут вас, испанцев; тех же, которые останутся в живых, вытолкают в шею. Они станут плевать при воспоминании о вас и будут служить Богу по-своему; они сделаются гордым, свободным народом, а вы, как собаки, станете глотать кости, оставшиеся от вашего прежнего величия; вас загонят в вашу конуру, и вы околеете в ней!.. Вот что я скажу вам, – закончила Мег изменившимся голосом, опускаясь на стул. – Я слышала, как этот дьявол, Марта-Кобыла, говорила так на катке, и мне кажется, ее слова сбудутся: вот почему я так запомнила их.

– Кажется, действительно госпожа Кобыла более интересная особа, чем я думал, и если она говорит такие речи, то следовало бы утопить ее. А пока оставим пророчества: пусть наши потомки выпутываются, как хотят, мы же приступим к делу. Сколько тебе надо за показания, которых было бы достаточно, чтобы уличить ван-Гоорля?

– Пятьсот флоринов, ни одного стивера меньше, ваше сиятельство; и не тратьте время попусту, торгуясь со мною: вам нужны веские улики – улики, которые могли бы удовлетворить Совет или того, кому будет поручено рассмотрение дела, а это значит, что надо доставить двух надежных свидетелей. Говорю вам, дело нелегкое подобраться к этим еретикам; для честного человека, который возьмется за это дело, в нем много опасного: еретики – народ отчаянный, и если они

заметят, что за ними кто подсматривает, когда они справляют свою дьявольскую службу на одной из своих сходов, так не задумаются убить того человека.

– Все это я знаю, тетушка. Чего ты разглагольствуешь! Ведь для тебя это дело привычное. Вот тебе сказ: получишь деньги, когда добудешь улики. А теперь, если мы с тобой будем оставаться здесь долго, пойдут толки... Кто тут спрячется от сплетников? Так прощай же, тетушка, спокойной ночи!

Он повернулся, собираясь выйти из комнаты.

– Нет, ваше сиятельство, как же так, без задатка, – закаркала она с негодованием. – Я не могу работать только под ваше слово.

– Сколько? – спросил он.

– Сто флоринов чистоганом.

Несколько минут они ожесточенно торговались, близко нагнувшись друг к другу в полосе лунных лучей, и лица их имели такое противное выражение, так ясно был написан на них их злодейский замысел, что при этом слабом свете их можно было принять за выходцев преисподней, торгующихся из-за человеческой души. Наконец они сошлись на пятидесяти флоринах, и, получив задаток на руки, Черная Мег удалилась.

– Всего шестьдесят семь, – ворчала Мег, выходя на улицу. – Нечего было требовать больше, ведь у него нет денег, он беден, как Лазарь, а жить желает богачом, к тому же, как говорили в Гааге, еще играет. Да и в его прошлом не все чи-

сто, я кое-что слыхала про это. Надо разнюхать, быть может, удастся узнать кое-что из пачки бумаг, которую я стянула из его письменного стола, пока дожидалась (она ощупала, действительно ли бумаги у нее за пазухой), хотя очень может оказаться, что это только неоплаченные счета. Ну, мой любезный капитан, прежде чем ты развяжешься с Черной Мег, она покажет тебе, как платят горячей ванной за холодную.

Глава V. Сон Дирка

На следующий день после свидания Монтальво с Черной Мег Дирк получил послание, принесенное денщиком, с напоминанием об обещании обедать с графом в этот вечер. Дирк не помнил, чтобы он давал подобное обещание, но, вспомнив со стыдом, что многое из случившегося за ужином весьма неясно у него в памяти, он решил, что и обещание относится к числу этих вещей.

И, таким образом, Дирку против воли пришлось отвечать, что в условленный час он будет у графа.

Это было уже третье, что раздосадовало Дирка в этот день. Во-первых, он встретил Питера ван-де-Верфа, который сообщил ему, что весь Лейден толкует о Лизбете и капитане Монтальво, который, говорят, ей очень нравится. Потом – когда Дирк отправился к Лизбете ван-Хаут и ему сказали, что она поехала кататься в санях с теткой, чему он не поверил, так как наступила оттепель и испортила дорогу. Однако он мог бы еще усомниться в своем предположении, если бы, переходя через дорогу, не увидел красивого лица тетушки Клары, выглядывавшего из-за гардин гостиной верхнего этажа. Он так и сказал Грете, отворившей ему дверь, чего она обыкновенно не делала.

– Очень жаль, если мейнгерру чудятся вещи, которых нет, – невозмутимо заявила служанка. – Я уже сказала мейн-

герру, что барышня и тетушка уехали кататься.

– Знаю, Грета, только что им за охота кататься в такую слякоть?

– Не знаю, мейнгерр. Они делают, что им вздумается. Не мое дело спрашивать, почему им так угодно.

Дирк посмотрел на Грету и убедился, что она лжет. Опустив руку в карман, он, к своей досаде, заметил, что забыл кошелек, тогда ему пришла было мысль поцеловать девушку и таким образом вытянуть у нее правду, но, подумав, что она может рассказать это Лизбете и испортить так все дело, он покорился своей участи и, ограничившись тем, что сказал: «В самом деле!» – ушел.

– Глупый! – рассуждала про себя Грета, смотря ему вслед. – Он знал, что я лгу, почему же он прямо не вошел, отстранив меня? Ах, мейнгерр Дирк, смотрите, как бы этот испанец не выхватил у вас дичь из-под носа. Конечно, он гораздо интереснее вас. Надоели мне эти лапчатые лейденцы, которые не решаются даже осла позвать, боясь как бы он не закричал. Между такими святыми приятно ради разнообразия увидеть человека позлее.

После этого Грета, в жилах которой, как уроженки Брюсселя, текла французская кровь, пошла наверх доложить своей госпоже о происшедшем.

– Я не просила тебя говорить неправду, будто я уехала кататься. Я приказала только ответить, что меня нет дома, и прошу передать то же капитану Монтальво, если он придет, –

сказала Лизбета с некоторым раздражением, отпуская Грету.

В действительности ей было грустно, досадно и совестно перед собой за это. Все так не ладится, а несноснее Дирка нет человека на свете. Благодаря его недогадливости и неповоротливости теперь ее имя произносится вместе с именем Монтальво за всеми столами Лейдена. И вдруг еще ко всему она узнает из записки, присланной Монтальво с извинением, что он не сделал ей визита после вчерашнего ужина, будто Дирк обедает с ним сегодня. Отлично, пускай себе! Она сумеет отплатить ему и готова действовать сообразно его поступкам.

Так думала Лизбета, в досаде топая ножкой, на душе же у нее все время было тяжело. Она очень хорошо сознавала, что любит Дирка, и, как ни странна была его сдержанность, видела, что он любит ее. А между тем она чувствовала, как будто их разделяет широкая река. Сначала это был ручеек, но теперь он превратился в поток. А что хуже всего, что испанец был на одном берегу с ней.

Несколько победив свою досаду и застенчивость, Дирк заметил, что ему очень приятно обедать у Монтальво. Кроме него было еще трое гостей: два испанских офицера и один голландец, сверстник Дирка по годам и положению, по фамилии Брант. Он был сын почтенного и богатого золотых дел мастера из Гааги, отправившего сына в Лейден, чтобы изучить некоторые секреты у одного из ювелиров, знаменитого изяществом своих произведений. Обед и сервировка были

безукоризненны; но лучше всего оказалась беседа, ведшаяся в таком тоне, какого Дирк никогда не слышал за столом у людей своего класса. Нельзя сказать, как того можно было ожидать, чтобы разговор был особенно свободный, нет, это был разговор очень образованных людей, много путешествовавших, видевших многое и лично принимавших участие во многих трагических событиях времени, — людей, не зараженных религиозными предрассудками и старавшихся прежде всего сделать свое общество приятным и полезным для гостя. Герр Брант, еще недавно приехавший из Гааги, оказался также умным и воспитанным человеком, получившим более тщательное образование, чем большинство людей его круга, и привыкшим встречаться за столом своего отца, гаагского бургомистра, с людьми самых различных классов и состояний. Там же он познакомился и с Монтальво, который, встретив его на улице и узнав, пригласил к обеду.

Когда убрали со стола, один из испанских офицеров поднялся, прося извинить его, так как ему необходимо было уйти по делам службы.

После его ухода Монтальво предложил сыграть партию в кости. Дирку хотелось бы отказаться, но он не решился, боясь показаться смешным в глазах блестящих светских людей.

Игра началась, и так как она была очень незамысловатая, то Дирк скоро усвоил себе все ее приемы и даже стал находить в ней удовольствие. Сначала ставки были невысокие, но они постепенно удваивались, и наконец Дирк заметил с

удивлением, что он ставит значительные суммы и выигрывает. Потом счастье несколько изменило ему, но когда игра кончилась, он оказался в выигрыше на триста пятьдесят флоринов.

– Что мне с ними делать? – спросил он, видя, как проигравшие с весьма понятными вздохами подвигают ему деньги.

– Что делать? – со смехом переспросил Монтальво. – Вот так младенец! Ну, купите вашей или чужой даме сердца подарок. Нет, я вам посоветую лучшее употребление: угостите нас завтра у себя самым изысканным обедом, какой можно изготовить в Лейдене, а потом дайте случай вернуть часть нашего проигрыша. Идет?

– Если вам будет угодно, господа, – скромно согласился Дирк, – хотя моя квартира не достойна такого общества.

– Конечно, угодно! – в один голос заявили все трое, и, назначив час встречи, собеседники разошлись. Брант дошел с Дирком до дверей его квартиры.

– Я собирался к вам завтра, – сказал он, – с рекомендательным письмом от отца, хотя вряд ли в нем была нужда – ведь мы троюродные братья: наши матери были двоюродными сестрами.

– Да, правда. Мать часто говорила о Бранте из Гааги, которым очень гордилась, хотя почти не знала его. Очень рад, надеюсь, мы подружимся.

– Уверен, что так, – отвечал Брант, и, взяв Дирка под руку, пожал ее особенным образом, так, что Дирк вздрог-

нул и оглянулся. – Ш-ш! – продолжал Брант, – не здесь! – и они продолжали разговор о знакомых, с которыми только что расстались, и об игре сегодняшнего вечера, причем Дирк высказал сомнение о пригодности подобного развлечения.

Молодой Брант пожал плечами.

– Мы живем в мире, – сказал он, – поэтому должны научиться понимать мирское. Если, рискуя несколькими золотыми, потеря которых не разорит нас, мы получаем возможность лучше познакомиться со светом, то я готов пожертвовать деньгами, особенно, если это поможет нам стать в хорошие отношения с теми, с кем при существующих обстоятельствах благоразумие велит вести дружбу. Только, если вы позволите мне сказать вам это, не пейте больше, чем можете переносить. Лучше проиграть тысячу флоринов, чем выронить одно слово, которое не в состоянии будешь потом припомнить.

– Знаю, знаю, – отвечал Дирк, вспомнив об ужине у Лизбеты, и простился с Брантом у дверей своей квартиры.

Подобно большинству голландцев, Дирк, задумав сделать что-нибудь, старался сделать это как можно лучше. Теперь, обещав дать обед, он желал дать вполне хороший обед. При обыкновенных условиях он, конечно, прежде всего посоветовался бы с кузиной Лизбетой и тетушкой Кларой, но после истории с катаньем, чистейшей выдумкой, как удостоверился Дирк, расспросив кучера, которого встретил случайно, самолюбивому молодому человеку не хотелось идти к своим

родственницам. Поэтому он сначала обратился к своей квартирной хозяйке, почтенной даме, а потом, по ее совету, к содержанию первой гостиницы в Лейдене, человеку находчивому и опытному. Содержание гостиницы, зная, что такой заказчик заплатит хорошо, охотно взялся за дело, и к пяти часам следующего дня целый отряд поваров и других слуг взбирался на лестницу квартиры Дирка, неся всевозможные кушанья, способные, как предполагалось, возбудить своим видом аппетит высокопоставленных гостей.

Квартира Дирка состояла из двух комнат на втором этаже старого дома на улице, переставшей считаться аристократической. Некогда это был красивый дом и, по понятиям того времени, комнаты были красивы, особенно гостиная – низкая, большая, обитая дубом, с изящным камином, украшенным гербом строителя. Прямо из нее дверь вела в спальню, не имевшую другого выхода, также обитую дубом, с высокими стенными шкафами и великолепной резной кроватью, по виду несколько напоминавшей катафалк.

В назначенный час явились гости. Празднество началось, повара засуетились, ставя перемены кушаний, изготовленных в гостинице. Над столом спускалась люстра с шестью подсвечниками, в каждом из которых оплывала сальная свеча, освещающая сидевших за столом, но оставляя прочую часть комнат в большей или меньшей темноте. К концу ужина часть обгоревшей светильни одной из этих свеч упала в медный соусник, стоявший под люстрой, и жир загорелся. При

свете внезапно вспыхнувшего пламени Монтальво, сидевшему напротив двери и случайно поднявшему глаза, показалось, будто вдоль стены в спальню скользнула высокая темная фигура. Одну только секунду капитан видел ее, затем она исчезла.

– Сagramba, друг мой, – обратился он к Дирку, сидевшему к фигуре спиной, – в вашей мрачной квартире, кажется, водятся приведения! Мне почудилось, будто сейчас одно скользнуло мимо нас.

– Привидения? – отвечал Дирк. – Не слышал; я не верю в приведения. Не угодно ли еще паштета?

Монтальво взял еще паштета и запил стаканом вина. Он не продолжал разговора о привидениях: быть может, ему пришло в голову объяснение виденного, как бы то ни было, он не сказал ничего больше.

После обеда стали играть, и на этот раз ставки начались с той суммы, на которой остановились накануне. Сначала Дирк проигрывал, но потом счастье вернулось к нему, и он стал выигрывать крупные суммы главным образом от Монтальво.

– Друг мой, – воскликнул наконец капитан, бросая кости, – вы, без сомнения, обречены на несчастье в супружеской жизни, потому что дьявол сидит в вашем игорном стакане, а его высочество всего не даст одному человеку. Я – пас! – И он встал.

– И я также, – заявил Дирк, следуя за ним к окну и не желая брать больше денег. – Вам очень не везло, граф, – сказал

он.

– Да, – отвечал Монтальво, зевая, – мне теперь целых шесть месяцев придется жить... воспоминанием о вашем прекрасном обеде.

– Все это очень досадно, – сконфуженно проговорил Дирк, – мне не хотелось бы брать ваших денег; проклятые кости сыграли со мной такую штуку. Не станем больше говорить об этом.

– Офицер и дворянин не может так отнестись к долгу чести, – сказал Монтальво, вдруг став серьезным, но, – прибавил он с коротким внезапным смехом, – если другой дворянин будет настолько добр, что согласится покрыть долг чести другим долгом чести, то дело другое. Если бы, например, вы могли одолжить мне четыреста флоринов, которые вместе с проигранными мною шестьюстами составят тысячу, то это было бы очень кстати для меня; только прошу вас, если это почему-нибудь неудобно для вас, забудьте о моих словах.

– Я здесь, за своим собственным столом, выиграл такую сумму, – отвечал Дирк, – и прошу вас взять ее.

Собрав стопку золота, он пересчитал ее на ладони с ловкостью купца и протянул деньги Монтальво.

Монтальво заколебался, но затем взял золотые и небрежно опустил их в карман.

– Вы не сочли, – заметил Дирк.

– Совершенно излишнее, – отвечал его гость, – ваше слово – лучшее ручательство, – и он снова зевнул, сказав, что уже

поздно.

Дирк подождал несколько секунд, думая в своей простоте делового человека, что благородный испанец упомянет о каком-нибудь письменном обязательстве, но видя, что это и в голову не приходит его гостю, он направился к столу, где двое других его гостей показывали различные фокусы с картами.

Несколько минут спустя испанцы попрощались, и Дирк остался наедине с Брантом.

– Очень удачный вечер, – сказал Брант, – и вы много выиграли.

– Да, – отвечал Дирк, – и тем не менее я беднее, чем был вчера.

Брант засмеялся и спросил:

– Он занял у вас? Я так и знал, и скажу вам: не рассчитывайте на эти деньги. Монтальво по-своему добрый малый, но он взбалмошен и отчаянный игрок; прошлое его, как мне кажется, тоже не безупречно: по крайней мере, никто не знает о нем ничего, даже его сослуживцы – офицеры. На ваш вопрос они пожимают плечами и говорят, что Испания – большой котел, в котором довольно всякой рыбы. Одно я только знаю достоверно – что он по уши в долгах, в Гааге у него по этому поводу возникли затруднения. Советую вам больше не играть с ним, а на эти тысячу флоринов не рассчитывать. Для меня тайна, как он перебивается, но мне говорили, что какая-то старая дура из Амстердама снабжала его деньгами,

пока не узнала... однако, я начинаю сплетничать. А теперь скажите, – спросил он, изменяя голос, – здесь никого нет, кроме нас?

– Посмотрим, – отвечал Дирк, – со стола убрали, и старая экономка уже приготовила мне постель. Никто не заходит сюда после десяти часов. В чем дело?

Брант дотронулся до его руки, и, поняв прикосновение, Дирк отошел к нише у окна. Здесь, обратившись спиной к комнате и сложив руки на груди особенным образом, он произнес слово: «Иисус» – и остановился. Брант так же сложил руки и отвечал или, скорее, dokonчил: «плакал». Это был пароль последователей новой религии.

– Вы один из наших? – спросил Дирк.

– Я и вся моя семья: отец, мать, сестра и девушка, на которой я женюсь. Мне сказали в Гааге, что от вас или молодого Питера ван-де-Верфа я получу те сведения, которые нужны нам, последователям веры: кому мы можем и кому не должны доверять, где удобно собираться для молитвы и где мы можем причаститься.

Дирк взял руку родственника и пожал ее. Брант отвечал пожатием, и с этой минуты между молодыми людьми установилось полное доверие, как между родными братьями, так как их теперь связывали узы общей горячей веры.

И теперь подобная связь существует между девятью десятками людей из сотни, но она не порождает уже такого взаимного доверия. Это зависит от изменившихся обстоя-

тельств. Благодаря в значительной степени Дирку ван-Гоорлю и его современникам – последователям, особенно же одному из них – Вильгельму Оранскому, набожные и богобоязненные люди уже не принуждены теперь для поклонения Всемогущему в чистом и простом служении прятаться по углам и дырам, подобно скрывающимся от закона злодеям, зная, что если их застанут, то всех вместе с женами и детьми ожидает костер. Теперь тиски для пальцев и всякие орудия пытки, служившие к уличению еретиков, валяются по пыльным шкафам музеев, но несколькими поколениями раньше было совсем иное дело: тогда с человеком, осмеливавшимся не согласиться с некоторыми учениями, обращались гораздо бесчеловечнее, чем с собакой на столе вивисектора.

Не удивительно после этого, что те, над которыми тяготело такое проклятие, которые постоянно должны были жить в ожидании подобного исхода, сплачивались теснее, сильнее любили и поддерживали друг друга до последней минуты, часто переходя рука об руку через огненные ворота в ту страну, где нет больше страданий. Быть приверженцем новой религии в Нидерландах в ужасное царствование императора Карла и Филиппа, значило принадлежать к одной обширной семье. Не существовало обращения «мейнгерр» или «мефроу», но только «батюшка» и «матушка», «сестра» или «брат» даже между людьми, стоявшими на весьма различных ступенях и совершенно чужими между собой – чужими по плоти, но родными по духу.

Понятно, что при подобных обстоятельствах Брант и Дирк, и без того уже почувствовавшие взаимную симпатию, скоро вполне сошлись и сдружились.

Они сидели в нише окна, рассказывая друг другу о своих семьях, сообщая свои надежды и опасения и даже открываясь в своей любви. В последнем Гендрику Бранту улыбнулось счастье. Он был женихом единственной дочери богатого гаагского виноторговца, по его рассказам, красавицы, такой же доброй, как и богатой; и свадьба их должна была состояться весной. Когда же Дирк сообщил ему о своем деле, Брант покачал своей благоразумной головой.

– Ты говоришь, что и она, и ее тетка католички? – спросил он.

– Да, в этом-то и беда. Мне кажется, я нравлюсь ей, или, по крайней мере, нравился несколько дней тому назад, – прибавил Дирк грустно. – Но как я, еретик, могу сделать ей предложение, не открывшись? А это, ты сам знаешь, не согласно с правилами, и я не смею нарушить их.

– Не лучше ли тебе посоветоваться с кем-нибудь из старших, кто молитвой и словами мог бы тронуть ее сердце, чтобы свет истины засиял для нее? – спросил Брант.

– Я уже пытался, но тут мешает эта красноносая тетушка Клара, ярая католичка, да еще служанка Грета, которую я считаю прямо за шпионку. Стоя между ними, Лизбета вряд ли до замужества познает истину. И как я осмелюсь жениться на ней? Смею ли я женитьбой навлечь на нее ту ужасную

судьбу, какая, быть может, ожидает нас с тобой? А кроме того, с тех пор как этот Монтальво перешел мне дорогу, между мною и Лизбетой все как-то не ладится. Не далее как вчера она не велела пускать меня к себе.

– У женщин бывают свои фантазии, – медленно отвечал Брант, – может быть, она капризничает и, может быть, сердится на тебя, что ты до сих пор не объяснился, но зная, каков ты, как ей читать у тебя в сердце?

– Может быть, может быть, – сказал Дирк, – но я не знаю, что делать. – И в отчаянии он ударил себя рукой по лбу.

– Что же мешает нам, брат, в таком случае обратиться к тому, кто может научить нас? – спокойно предложил Брант.

Дирк сразу понял, что он хотел сказать.

– Это умная мысль, хорошая мысль! – одобрил он. – У меня есть святая книга, сначала помолимся, а затем поищем в ней мудрости.

– Какой ты богач! – воскликнул Брант. – Ты скажешь мне как-нибудь, каким образом ты достал ее?

– Здесь, в Лейдене, такие книги не трудно достать, если имеешь, чем заплатить, – отвечал Дирк, – а вот что трудно, так это сохранить их в тайне, потому что попасться с Библией в кармане – значит нести в кармане свой смертный приговор.

Брант кивнул утвердительно головой.

– Ты можешь показать мне ее сейчас? – спросил он.

– Могу; здесь мы, по-видимому, в безопасности: ставни

закрыты, дверь мы запрем, если она еще не заперта; однако кто может считать себя в безопасности в стране, где крысы и мыши разносят новости, а ветер служит свидетелем? Пойдем, я покажу тебе, где я храню ее.

Подойдя к камину, Дирк снял один из подсвечников из простой меди с массивной овальной подставкой, украшенной двумя массивными медными змеями, и зажег свечу.

– Нравится тебе эта вещь? Она исполнена по рисунку, который я набросал в свободное время, – спросил он, смотря на подсвечник с любовью художника. Затем, не ожидая ответа, он направился к двери в спальню и остановился.

– Что такое? – спросил Брант.

– Мне показалось, что я слышу шум: вероятно, хозяйка ходит у себя наверху.

Они вошли в спальню, где, обойдя комнату, чтобы убедиться, что никого нет, Дирк подошел к изголовью массивной дубовой постели, украшенному таким же гербом великолепной резной работы, как камин в гостиной, и, отодвинув одну из досок, из потайного шкафчика, скрывавшегося в спинке постели, вынул книгу в кожаном переплете. Снова задвинув дверцу тайника, молодые люди вернулись в гостиную и положили книгу на дубовый стол рядом с подсвечником.

– Прежде всего помолимся, – предложил Брант.

Не странно ли, что этим двум молодым людям, имевшим, без сомнения, каждый свои слабости – один, как мы виде-

ли, мог, например, при случае выпить лишнее, да и другой, вероятно, имел общечеловеческие недостатки, – после веселого обеда и крупной игры, пришла мысль помолиться, стоя рядом на коленях, перед тем, как приступить к чтению Священного писания? Но в те тяжелые времена, молитва, теперь столь обычная и столь часто забываемая, была настоящей роскошью. Для этих несчастных гонимых людей было истинной радостью молить и благодарить Господа тогда, когда они думали, что им не грозит меч тех, кто поклонялся Богу иначе. Религия, исповедовать которую запрещалось, стала для ее последователей жизненным вопросом, отрадой, которой они старались пользоваться при каждом случае, совершая молитву торжественно и с благодарностью в сердце. Так и теперь, при свете оплывающих свечей друзья опустились на колени, и Брант произнес вслух за обоих молитву – трогательное и прекрасное обращение к Богу.

Подлинные слова молитвы имеют мало значения, но важен их смысл: Брант молился о своей Церкви и об освобождении и укреплении своей родины, молился даже об императоре, этом чувственном, жадном, эгоистичном, обезображенном заячьей губой отпрыске Габсбургов. Потом он стал молиться о себе и своем товарище, обо всех, кто был дорог им и наконец о том, чтобы Господь просветил Дирка в его теперешнем затруднении. Молитву заключило прошение о прощении всех врагов, даже мучивших и сжигавших последователей другой веры на кострах, ибо они не знают, что тво-

рят. Невозможно представить себе людскую молитву, более проникнутую истинным христианским духом.

Когда, наконец, Брант замолк и оба молящихся поднялись с колен, Дирк предложил:

– Не раскрыть ли нам Библию и не прочесть ли то место, которое первое бросится в глаза?

– Нет, – отвечал Брант, – это будет похоже на суеверие: так поступали древние с сочинениями поэта Виргилия, и нам, носителям светоча, неприлично следовать примеру этих слепых язычников. Какую книгу Библии ты изучаешь теперь, брат?

– Первое письмо апостола Павла к коринфянам, которое я прежде никогда не читал, – отвечал Дирк.

– Начни же с того места, где остановился, и дочитай главу до конца. Быть может, мы найдем в ней совет, если нет, то, значит, нам не суждено получить ответ сегодня.

Дирк начал читать седьмую главу, в которой великий апостол как раз касается вопроса о браке. Он читал спокойным, ровным голосом, пока не дошел до двенадцатого и четырех последующих стихов, из которых в последнем говорится: «Ибо неверующий муж освящается женою верующею, а жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны, к миру призвал нас Господь. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж,

почему знаешь, не спасешь ли жены?..»

Голос Дирка задрожал, и он остановился.

– Читай до конца главы, – сказал Брант, и чтец продолжал.

Позади них послышался какой-то звук. Они не заметили, как дверь из спальни чуть-чуть приотворилась, и не видали, как в отверстии мелькнуло что-то белое: женское лицо, обрамленное черными волосами над парой неподвижных злых глаз. Сатана, впервые поднявший голову в раю, наверное, имел такое выражение. Вытянув длинную шею, фигура подалась вперед, но вдруг шорох или движение испугали ее, и она поспешно отодвинулась назад, как испуганная змея, извивающая свой хребет. Дверь снова затворилась.

Глава окончена, молитва прочтена, но долго, может быть, придется ждать на нее ответа этим нетерпеливым людям, не знающим, что подобно тому, как много времени нужно лучу, чтобы достигнуть до нас от отдаленной звезды, так же и ответ на молитву, обращенную к Божеству, может прийти не скоро – не сегодня и не завтра. Его может узнать не настоящее поколение и не текущее столетие: молитва может исполниться тогда, когда дети детей тех, чьи уста произносили эту молитву, в свою очередь уже превратятся в прах. Однако никогда подобная молитва не остается без ответа; так и нашей теперешней свободой мы, может быть, обязаны тем, кто уже умер в то время, когда жили Дирк ван-Гоорль и Гендрик Брант; так и отмщение, постигшее теперь Испанию, может быть возмездием за те позорные поступки, которые позволя-

ли себе испанцы с давно ушедшими поколениями. Божество – всегда Божество, подобно тому, как звезда – всегда звезда; от первого изливается правосудие, как от второй – свет, и для них время и пространство – ничто.

Дирк дочитал главу до конца и закрыл Библию.

– Брат, ты, кажется, получил ответ, – спокойно сказал Брант.

– Да, – отвечал Дирк, – он ясен: «Неверующий муж освящается женою... Почему ты знаешь, муж, не спасешь ли ты жену?» Если бы апостол предвидел случай со мной, он не мог бы дать более определенного ответа.

– Он или Дух, говорящий через него, знал все случаи и писал для всех людей, когда бы они ни родились, – отвечал Брант. – Это урок для нас. Если бы ты заглянул сюда раньше, то раньше бы и получил ответ и, может быть, не испытал бы многих огорчений. Теперь, без сомнения, ты должен поспешить переговорить с ней, предоставив все остальное Богу.

– Да, – отвечал Дирк, – как можно скорее. Но есть еще один вопрос: должен я сказать ей всю правду?

– Я бы не стал скрывать ее, друг, а теперь – спокойной ночи. Не провожай меня до дверей. Кто знает, может быть, на улице кто-нибудь и подсматривает; не следует, чтобы нас видели вместе так поздно.

После ухода своего родственника и нового друга Дирк еще сидел, пока оплывавшие сальные свечи в люстре не догорели до самого конца. Затем, вынув свечу из подсвечника, укра-

шенного змеей, он зажег эту свечу, загасив люстру, и, войдя в спальню, стал раздеваться. Библию он снова спрятал в потайной шкафчик и задвинул его дверцу. После этого Дирк погасил свечу и взобрался на свою высокую постель.

Обыкновенно Дирк спал превосходно: как только голова его касалась подушки, глаза его смыкались и раскрывались только в привычное время утром. Но в эту ночь он не мог заснуть: было ли то последствием обеда и вина или игры, или молитвы и отыскивания текста в писании, только сон бежал, и это раздражало Дирка. Он лежал, не смыкая глаз, и думал, смотря, как лунный свет широкими снопами врывается в окно и заливал комнату.

Вдруг Дирку стало страшно: ему показалось, будто в комнате был еще кто-то, кроме него, кто-то злой и недоброжелательный. Никогда прежде он не думал о духах и не боялся их, но теперь ему вспомнился вопрос Монтальво о привидении, и ему положительно казалось, что оно возле него. В этой странной новой тревоге он искал себе опоры и не находил иной, кроме той, к которой старый, простой священник советовал ему прибегать в минуты затруднения и смятения, а именно: взять Библию и, прижав ее к себе, помолиться.

Это было нетрудно исполнить. Приподнявшись на постели, Дирк достал Библию из шкафчика и задвинул дверку. Затем, положив книгу между собой и периной, он снова лег, и чары как будто подействовали: он скоро уснул.

Но тут Дирку приснился страшный сон. Ему снилось, что

над ним наклонилась какая-то высокая темная фигура и длинная белая рука что-то шарила у его изголовья, пока он не услышал, как дверца потайного шкафчика со скрипом затворилась.

Тогда ему показалось, что он проснулся и что его глаза встретились с двумя другими глазами, смотревшими на него так пристально, будто желали прочесть его самые сокровенные мысли. Он не встал и не мог пошевелиться, но тут он увидал во сне, как фигура выпрямилась и стала скользить прочь, то появляясь, то снова исчезая, по мере того как она проходила через полосы лунного света, пока окончательно не скрылась за дверью.

Через секунду после этого Дирк проснулся и почувствовал, что, несмотря на довольно холодную ночь, пот крупными каплями выступил у него на лбу и на всем теле. Но, странно, страх его теперь совершенно рассеялся; зная, что ему приснился не более как сон, он перевернулся, дотронулся до Библии на груди и заснул, как дитя, чтобы проснуться только утром, когда луч восходящего зимнего солнца упал ему прямо в лицо.

Дирк припомнил тогда сон прошедшей ночи, и у него на душе стало тяжело: ему казалось, что это привидение черной женщины, впившейся в его лицо своими страшными глазами, было предзнаменованием какой-то близкой беды.

Глава VI. Лизбета выходит замуж

На следующее утро, когда Монтальво вошел к себе в кабинет после завтрака, он нашел там ожидавшую его даму, в которой, несмотря на длинный плащ и вуаль, закутывавшие ее, без труда узнал Черную Мег. Действительно, Мег ждала его уже некоторое время и по свойственной ей любознательности не потеряла его даром.

Читатель, вероятно, помнит, что в свое предыдущее посещение капитана Монтальво она успела захватить бумаги, которые нашла в незапертом столе. При ближайшем рассмотрении эти бумаги оказались, как она того опасалась, не имеющими никакого значения – неоплаченными счетами, военными рапортами, записками от дам и т. д. Однако, раздумывая, Черная Мег припомнила, что в ящике был еще внутренний ящик, который, казалось, был заперт; и поэтому она на всякий случай захватила с собой связку ключей вместе с двумя маленькими стальными инструментиками и явилась к капитану в такое время, когда знала наверняка, что Монтальво завтракает в другой комнате. Все шло хорошо: Монтальво завтракал, а Мег осталась одна в комнате, где стоял стол. Об остальном можно догадаться. Положив принесенную с собой пачку в ящик, Мег с помощью своих ключей и инструментиков отперла внутренний ящик. Здесь действительно оказались письма и в маленьком футляре, оправленном в золото,

две миниатюры: одна – портрет молодой красивой женщины с темными глазами, другая – двух детей, мальчика и девочки пяти и шести лет. Также тут лежал локон волос в бумажке с надписью рукою Монтальво: «Волосы Жуаниты, данные мне на память».

Это была драгоценная находка, и Мег поспешила завладеть ею. Спрятав все за пазуху, чтобы рассмотреть на досуге, она имела предосторожность сделать из разных бумажек пакетик наподобие взятого, который положила в ящик, прежде чем запереть его.

Устроив все по своему желанию, Мег вышла на крыльцо, где проболтала с часовым, пока снова не вернулась в кабинет как раз в ту самую минуту, как туда через противоположную дверь входил Монтальво.

– Ну, любезнейшая, – обратился он к Мег, – достала доказательство?

– Кое-что добыла, ваше сиятельство, – отвечала она. – Я была в доме во время обеда, который вам давали, хотя никто не видал меня, и оставалась еще после вас.

– В самом деле? Мне показалось, что ты проскользнула мимо, и я похвалил тебя за догадливость: ты прекрасно придумала пробраться туда, пока народ двигался взад и вперед. Отправляясь домой, я, кажется, узнал также одного человека, которого ты почтила своей дружбой, – лысого низенького толстяка, в Гааге его, кажется, звали Мясником. Ну, не гри-масничай, я не намерен допытываться женских тайн; но мое

положение здесь обязывает меня знать некоторые вещи. Что же ты видела?

– Ваше сиятельство, я видела, как молодой человек, за которым я должна была наблюдать, и Гендрик Брант, сын богатого гаагского золотых дел мастера, стоя на коленях молились.

– Это дурно, – сказал Монтальво, – покачивая головой, – но...

– Я видела, – продолжала она своим хриплым голосом, – как они вместе читали Библию.

– Возмутительно! – произнес Монтальво с притворным содроганием. – Действительно возмутительно, если только я могу верить тебе, моей набожной приятельнице, что два человека, считавшихся до сих пор почтенными людьми, попались в том, что читали книгу, на которой основывается наша вера. Действительно, люди, способные углубляться в такую скуку, «недостойны жизни», говоря словами эдикта. Ну, а доказательство есть? Книга, конечно, у тебя?

Тут Черная Мег рассказала все по порядку: как она подсматривала и увидела кое-что, как подслушивала, но слышала мало, как открыла потайной шкафчик, нагнувшись над спящим, и не нашла ничего.

– Плохой же ты шпион, тетушка, – заметил капитан, когда она замолкла, – и, клянусь, я не думаю, чтобы папский инквизитор мог повесить молодого человека, только основываясь на твоём свидетельстве. Вернись и добывай новые дока-

зательства.

– Нет, – решительно заявила Мег, – если хотите добывать улики, добывайте их сами. Так как я намереваюсь продолжать жить здесь, то не хочу впутываться в такие дела. Я доказала вам, что этот молодой человек еретик; давайте же следующее мне вознаграждение.

– Твое вознаграждение?.. За что? Вознаграждение дается за услугу, а я не вижу таковой с твоей стороны.

Черная Мег вышла из себя.

– Молчи, – сказал Монтальво, оставляя шутливый тон. – Я стану говорить с тобой откровенно. Я не желаю жечь кого бы то ни было. Мне надоела вся эта бессмыслица из-за религии, и по-моему, пусть себе лейденцы читают Библию до одурения. Я хочу жениться на ювфроу Лизбете ван-Хаут, и для этого должен доказать, что человек, которого она любит, Дирк ван-Гоорль, еретик. Того, что ты сказала мне, может быть достаточно или недостаточно для моих целей. Если окажется достаточно, я тебе щедро заплачу после свадьбы, если нет, так с тебя будет и того, что ты уже получила.

Сказав это, Монтальво позвонил в колокольчик, стоявший на столе, и прежде, чем Мег собралась ответить, в дверях показался солдат.

– Проводи эту женщину, – приказал капитан и затем прибавил: – Я постараюсь передать вашу просьбу куда следует, а пока возьмите от меня, – и он сунул Мег в руку флорин. – А теперь скорей веди сюда арестованных: мне некогда терять

время... – приказал он солдату. – Да слушай, чтоб мне не мешали всякие нищие, а не то, смотри у меня...

В этот же день после обеда Дирк, одетый в свое лучшее платье, отправился в дом Лизбеты, где дверь ему опять отворила Грета и в ожидании смотрела на него.

– Дома барышня? – запинаясь, спросил он. – Мне надо видеть ее.

– Какое несчастье, мейнгерр, – отвечала девушка, – вы опять опоздали. Барышня и фроу Клара уехали на неделю или дней на десять: здоровье фроу Клары требовало перемены климата.

– В самом деле? – спросил совершенно растерявшийся Дирк. – Куда же они уехали?

– Не знаю, мейнгерр, они не сказали мне.

Больше ничего Дирк не мог добиться от служанки. Так он и ушел, совершенно сконфуженный и не зная, что думать.

Час спустя явился с визитом Монтальво и – удивительно – оказался счастливее.

Он добился того, что узнал адрес хозяек, уехавших в приморское селение на расстоянии одного переезда. По странной случайности в тот же самый вечер Монтальво, также ища покоя и перемены климата, появился в гостинице этого селения, где заявил, что намеревается прожить здесь некоторое время.

Гуляя на следующее утро по взморью, кого он мог встретить, как не фроу Клару ван-Зиль, и никогда еще почтенной

даме не приходилось проводить более приятного утра. Так, по крайней мере, она заявила Лизбете, вернувшись со своим кавалером к обеду.

Читатель может догадаться об остальном. Монтальво сделал предложение и получил отказ. Он перенес удар с покорностью судьбе.

– Сознайтесь, – сказал он вкрадчиво, – что есть другой, кто счастливее меня.

Лизбета не созналась, но и не отрицала.

– Если он даст вам счастье, я буду рад, – проговорил граф, – но при моей любви к вам я не желал бы видеть вас замужем за еретиком.

– Что вы хотите сказать этим, сеньор? – спросила Лизбета, вспыхнув.

– Я хочу сказать, что, к несчастью, опасаясь, как бы почтенный герр Дирк ван-Гоорль, один из моих друзей, которого я очень уважаю, хотя он и одержал победу надо мной в ваших глазах, не попал в эти злые сети.

– Подобного обвинения нельзя возводить на человека, пока оно не доказано, – серьезно сказала Лизбета. – Даже и тогда... – она запнулась.

– Я буду наводить дальнейшие справки, – отвечал капитан. – Пока же, то есть пока мне не удастся приобрести вашего расположения, я покоряюсь своей участи. А до тех пор прошу вас смотреть на меня как на друга, на преданного друга, готового пожертвовать жизнью, чтобы услужить вам.

С тяжелым вздохом Монтальво сел на своего вороного и вернулся в Лейден, но перед тем он имел маленький разговор наедине с фроу Кларой.

– Вот если б дело шло о старушке, то не трудно было бы все устроить, – рассуждал он на обратном пути, – а для меня, клянусь всеми святыми, было бы все одно, но, к несчастью, все деньги у этой упорной свиньи – голландки. Чего не заставляет делать необходимость поддержать свое достоинство и положение человека, по своим наклонностям расположенного только к покою и миру! Ну, мой новый друг Лизбета, если ты мне не заплатишь за все мои беспокойства еще раньше двух месяцев, то я не буду Жуан де Монтальво.

Три дня спустя тетка и племянница вернулись в Лейден. Через час после их приезда явился граф и был принят.

– Оставайтесь со мной, – обратилась Лизбета к тетушке Кларе, когда доложили о посетителе; и тетка некоторое время пробыла с ними, но затем под каким-то предлогом исчезла, и Лизбета осталась с глазу на глаз со своим мучителем.

– Зачем вы пришли сюда? – спросила она. – Я ведь уже ответила вам.

– Я пришел в ваших собственных интересах, – отвечал Монтальво, – и этим объясняется мое поведение, которое вы находите странным. Вы помните наш разговор?

– Отлично, – прервала его Лизбета.

– Мне кажется, вы слегка ошибаетесь, ювфроу Лизбета: я говорю о разговоре, касавшемся одного из ваших друзей,

которым вы, кажется, интересуетесь в религиозном отношении...

– И что же, сеньор?

– Я навел справки, и...

Лизбета подняла глаза, не будучи в состоянии скрыть своего беспокойства.

– О, ювфроу, позвольте мне посоветовать вам научиться несколько больше владеть собой; открытое детское выражение лица так опасно в наши дни.

– Он мне двоюродный брат...

– Знаю; будь он вам чем-либо большим, я бы очень огорчился; но большинство из нас довольно равнодушно относится к судьбе своих двоюродных братьев...

– Перестанете ли вы шутить, сеньор?..

– И заговорю о деле? Сию минуту. Итак, наведенные мною справки убедили меня, что этот почтенный господин – еретик, и самый завзятый. Я сказал «справки», но их мне даже не было надобности наводить... На него...

– Донесли? – прервала Лизбета.

– Ах, ювфроу, опять это волнение, из которого можно вывести всевозможные заключения. Да, на него донесли, как на отступника, но, к счастью, донесли только мне одному. Моя обязанность, к моему сожалению, арестовать его сегодня вечером... вы хотите сесть, позвольте предложить вам стул, но я не сделаю этого лично. Я предполагаю передать его почтенному Рюарду Тапперу, папскому инквизитору; вы,

вероятно, слышали о нем: его все знают. Он приедет в Лейден на будущей неделе и, вероятно, не станет долго возиться с этим делом.

– Что сделал Дирк? – спросила Лизбета тихо, опустив голову, чтобы скрыть волнение, отразившееся на ее лице.

– Что сделал? Мне просто страшно выговорить: несчастный заблуждающийся молодой человек с одним товарищем, личность которого свидетель не мог удостоверить, в полночь читал Библию...

– Что же в этом дурного?

– Ш-ш! Разве и вы еретичка? Разве вы не знаете, что вся ересь проистекает из чтения Библии? Видите ли, Библия очень странная книга. Непосвященные люди не всегда правильно понимают ее. Совсем другое, когда ее читают духовные. Точно так же есть много церковных учений, которых светский не найдет в Библии и которые для посвященного ясны как солнце...

– Вы, кажется, хотите убедить меня... – начала было с горечью Лизбета.

– Ш-ш! Хочу убедить вас быть ангелом...

Наступила пауза.

– Что с ним будет? – спросила Лизбета.

– После мучительного предварительного следствия с целью открытия его сообщников, я думаю, его сожгут на костре, а может быть, как пользующийся привилегиями города Лейдена, он отделается только тем, что его повесят.

– И нет спасения?

Монтальво отошел к окну и, взглянув на улицу, заметил, что, кажется, будет снег. Затем вдруг он круто повернулся и, смотря в упор в лицо Лизбеты, спросил:

– Вы в самом деле принимаете участие в этом еретике и желаете спасти его?

Лизбета сразу поняла, что теперь Монтальво не шутит. Шутливый, насмешливый тон исчез. Голос ее мучителя звучал серьезно и холодно: это был голос человека, делающего большую ставку и намеревающегося выиграть ее.

Она тоже оставила всякие уловки.

– Да, я принимаю в нем участие и желаю спасти его, – отвечала она.

– Это можно сделать... но заплатить надо...

– Чем? Сколько...

– Вашим замужеством со мною через три недели.

Лизбета слегка вздрогнула, затем затихла.

– Не достаточно ли было бы одного моего состояния? – спросила она.

– Какое бедное вознаграждение вы предлагаете мне, – сказал Монтальво, возвращаясь к своему насмешливому тону, и прибавил: – Я мог бы принять во внимание это предложение, если бы не существовало бессмысленного закона вашей страны, по которому для вас почти невозможно передать крупную сумму, заключающуюся главным образом в недвижимом имуществе, иначе как вашему мужу. Вследствие это-

го мне, к моему сожалению, приходится настаивать на вашем замужестве со мной.

Лизбета молчала. Монтальво, наблюдавший за ней, снова видел признаки возмущения и отчаяния. Он видел, что нравственное и физическое отвращение к нему готово взять верх над ее страхом за Дирка. Если он сильно не ошибался, Лизбета была готова отвергнуть его, что, само собой разумеется, было бы ему крайне неприятно, так как его денежные ресурсы совершенно иссякли. На основании же тех недостаточных улик, которые имелись у него, он не осмелился бы действовать против Дирка, опасаясь создать себе тысячу влиятельных врагов.

– Какая странная ирония обстоятельств, что мне приходится являться ходатаем соперника, – сказал капитан. – Но, Лизбета ван-Хаут, прежде чем отвечать мне, прошу вас подумать. От следующего движения ваших губ будет зависеть, придется ли этим глазам, которые вам так нравятся, слепнуть в ужасном мраке темницы; придется ли этому телу, которое вы так любите, быть поднятым на дыбу или жариться и трещать на костре, или, наоборот, ничего подобного не случится, и молодой человек уедет отсюда свободным, унося в сердце на месяц или на два горечь и некоторое озлобление на женское непостоянство, что не помешает ему впоследствии жениться на какой-нибудь богатой и почтенной еретичке. Вряд ли вы можете колебаться в своем выборе. Где же после того тот дух женского самоотречения, о котором

мы так много слышим? Выбирайте же...

Ответа все еще не было. Монтальво решился пустить в ход свой козырь и вынул из бокового кармана, по-видимому, официальный документ, скрепленный подписью и печатью.

– Это сообщение неподкупному Рюарду Тапперу. Смотрите, здесь написано имя вашего кузена. Мой слуга ждет моего приказа у вас на кухне. Если вы станете еще дольше колебаться, я позову его и в вашем присутствии поручу ему передать эту бумагу курьеру, отправляющемуся сегодня вечером в Брюссель. Раз отдав приказание, я уже не могу вернуть его, и приговор Дирку будет подписан.

Лизбета начала колебаться.

– Что мне делать? – сказала она. – До сих пор я еще не невеста Дирка, и причина этому может быть именно та, которую я сейчас узнала. Но он любит меня и знает, что я люблю его. Неужели же, потеряв его, я, кроме того, должна помириться с мыслью, что он будет считать меня не более как легкомысленной ветреницей, которую ослепили ваши ухищрения и наружный блеск? Нет, я скорее убью себя!

Снова Монтальво направился к окну, так как этот намек на самоубийство не был ему по вкусу. Жениться на мертвой нельзя, да вряд ли и Лизбета вздумает оставить завещание в его пользу. Казалось, что больше всего ее беспокоило опасение, как бы молодой человек не нашел ее поведение легкомысленным. Почему бы ей не объяснить Дирку причину ее отказа ему, которую он первый должен был бы признать

вполне уважительной? Может ли она, католичка, выйти замуж за еретика, и нельзя ли довести Дирка до того, чтобы он сам сказал Лизбете, что он еретик?

И вдруг сам собой явился ответ на этот вопрос. Сами святые, желая сохранить драгоценную жемчужину в лоне истинной Церкви, решили помочь Монтальво: на улице показался Дирк ван-Гоорль, направлявшийся к дому Лизбеты. Он шел одетый в свое лучшее бюргерское платье, задумчивый, несмелыми шагами – олицетворение робкого, нерешительного ухажера.

– Лизбета ван-Хаут, – обратился Монтальво к хозяйке, – случайно Дирк ван-Гоорль в настоящую минуту у вашей двери. Вы примете его и так или иначе уладите дело. Я хочу указать вам, что напрасно было бы оставлять молодого человека в убеждении, что вы дурно поступили с ним. Необходимо лишь спросить его – вашей ли он веры или нет. Насколько я знаю, он не станет лгать перед вами. Тогда вам останется только сказать ему, что как вам это ни прискорбно, но вы не можете выйти за еретика. Вы понимаете меня?

Лизбета наклонила голову.

– В таком случае, слушайте. Вы примете вашего поклонника, выслушаете его предложение – он, несомненно, направляется сюда, чтобы сделать его, – и, прежде чем дать ему ответ, спросите его о вере. Если он сознается, что еретик, вы откажете ему в такой мягкой форме, в какой только вам угодно. Если же он ответит, что он верный слуга Церкви, вы ска-

жете, что до вас дошли иные слухи и что вы должны навести справки. Помните также, что если вы хоть на йоту отступите от моих предписаний, то вы в последний раз видели Дирка – разве что вам вздумается присутствовать при его казни. Если же вы послушаетесь и окончательно откажете ему, то, как только дверь затворится за ним, я брошу эту бумагу в огонь и пообещаю вам, что свидетельство, на котором она основывается, навеки лишилось значения, и все дело кончено.

Лизбета вопросительно взглянула на него.

– Я вижу, вы недоумеваете, как я буду знать, что вы делаете или чего не сделаете. Но я буду безгласным, хотя внимательным свидетелем вашего свидания. Эта дверь закрыта портьерой; вы разрешите мне – будущий муж может воспользоваться этим небольшим снисхождением с вашей стороны – постоять за ней.

– Никогда! – воскликнула Лизбета. – Я не могу поступить так низко. Я запрещаю вам делать это.

В эту минуту послышался стук у двери на улицу. Взглянув на Монтальво, Лизбета во второй раз увидела тот же взгляд, как в решительную минуту санного бега. Вся веселость капитана, все беззаботное добродушие исчезли. На их место выступило отражение самых сокровенных сторон характера этого человека – основание, на котором зиждилось ложное, изукрашенное здание, которое он показывал свету. Лизбета снова увидела сверкающие глаза и оскаленные зубы испанского волка – дикого зверя, готового грызть и терзать, ес-

ли только представится случай насытиться мясом, которого жаждала его душа.

– Не вздумайте играть со мной шутки или торговаться, – сказал он, – теперь некогда. Делайте, как я вам сказал, иначе на ваших руках будет кровь этого псалмопевца. И не вздумайте натравить его на меня: у меня есть шпага, а он безоружен. В случае необходимости еретик, как вам известно, может быть убит на глазах у всех должностным лицом. Когда доложат о нем, подойдите к двери и прикажите принять его.

С этими словами, взяв свою шляпу с плюмажем, которая могла выдать его, Монтальво скрылся за портьерой.

С минуту Лизбета простояла, раздумывая. Но, увы! Она не видела исхода: она была в тисках, с веревкой на шее. Ей предстояло или повиноваться, или обречь любимого человека на ужасную смерть. Она решилась ради него уступить, прося у Бога прощения и отмщения за себя и Дирка.

Раздался стук у двери. Лизбета отворила.

– Герр ван-Гоорль внизу и желает видеть вас, барышня, – послышался голос Греты.

– Просите, – отвечала Лизбета и, отойдя к стулу, почти на середине комнаты, села.

Вскоре на лестнице раздались шаги Дирка, эти знакомые, дорогие шаги, к которым она часто так жадно прислушивалась. Дверь снова отворилась, и Грета доложила:

– Герр ван-Гоорль!

Исчезновение капитана Монтальво, во-видимому, удиви-

ло служанку, потому что она изумленно обводила комнату глазами, но выдержка или хороший подарок со стороны испанца заставили ее удержаться от выражения своих чувств. Грета знала, что господа, подобные графу, имеют способность исчезать при случае.

Таким образом Дирк вошел в роковую комнату, как ничего не подозревающее создание, идущее в западню. Ему и в голову не могло прийти, чтобы девушка, которую он любил и к которой пришел теперь свататься, могла служить приманкой, чтобы погубить его.

– Садитесь, кузен, – сказала Лизбета таким странным и натянутым тоном, что Дирк невольно взглянул на нее.

Но он ничего не увидел, так как она сидела, отвернувшись в другую сторону, да и сам он был слишком занят своими мыслями, чтобы быть зорким наблюдателем. Очень много потребовалось бы, чтобы пробудить в простодушном и открытом по своему характеру Дирке подозрение в доме и в присутствии любимой им девушки.

– Здравствуйте, Лизбета, – проговорил он застенчиво. – Отчего ваша рука так холодна?.. Я уже несколько раз заходил к вам, но вы уехали, не оставив адреса.

– Мы с тетушкой Кларой ездили к морю, – прозвучало в ответ.

На некоторое время, минут на пять или даже больше, завязался натянутый, отрывистый разговор.

«Неужели этот хомяк никогда не доберется до главного? –

рассуждал Монтальво, наблюдая за Дирком через щель. – Боже мой, какой у него глупый вид!»

– Лизбета, – сказал наконец Дирк, – мне надо переговорить с вами.

– Говорите, кузен, – отвечала Лизбета.

– Лизбета! Я... я люблю вас давно и пришел теперь просить вас выйти за меня. Я откладывал это предложение в продолжение года или больше по причинам, которые вы узнаете впоследствии, но я не могу молчать дольше, особенно теперь, когда я вижу, что вашу благосклонность старается приобрести гораздо более изящный господин, чем я, – я говорю об испанском графе Монтальво, – добавил он с ударением.

Лизбета ничего не отвечала, и Дирк продолжал изливать свою страсть в словах, становившихся все убедительнее и сильнее и, наконец, дошедших до настоящего красноречия. Он говорил, как с самой первой встречи полюбил ее одну, и теперь имеет одно только желание в жизни: сделать ее счастливой и быть самому счастливым с ней. Далее он начал было развивать свои планы на будущее, но Лизбета остановила его.

– Простите, Дирк, но я должна задать вам один вопрос, – начала она.

Голос ее прерывался от сдерживаемых рыданий, однако, сделав усилие, она продолжала:

– До меня дошли слухи, которые нуждаются в разъясне-

нии. Я слышала, Дирк, что вы по своей вере принадлежите к так называемым еретикам. Правда это?

Он колебался, прежде чем ответить, сознавая, как много зависит от этого его ответа; но колебание продолжалось всего минуту, так как Дирк был слишком честен, чтобы солгать.

– Лизбета, – сказал он, – я скажу вам то, чего не сказал бы ни одному живому существу на свете, даже брату; но примете ли вы мое предложение, или отвергнете его, говоря с вами, я уверен, что нахожусь в такой же безопасности, как тогда, когда, преклонив колени, беседую с Господом, которому служу. Да, я действительно, как вы называете, еретик. Я последователь этой истинной веры, в которую надеюсь обратиться и вас, но которую насильно никогда не стану навязывать вам. Именно это обстоятельство так долго удерживало меня от объяснения с вами: я не знал, имею ли я право просить вас связать при настоящем положении вещей вашу судьбу с моею и могу ли я жениться на вас, если вы будете согласны, сохранив свою тайну про себя. Только вчера вечером мне дали совет – кто, это все равно, – и мы помолились вместе, вместе стали искать ответа на мой вопрос в слове Божиим. По неисповедимому милосердию Господа я нашел этот ответ и разрешение всех моих сомнений: великий св. Павел предвидел подобный случай – в его писаниях все случаи предвидены, – и я прочел, как неверующая жена освящается мужем, а неверующий муж – женою. После того все стало для меня ясно, и я решил говорить с вами. Теперь, дорогая, я высказался

и ваша очередь ответить мне.

– Дирк, дорогой Дирк! – вырвалось у Лизбеты почти с криком, – ужасен ответ, который я должна дать вам. Откажитесь от своего заблуждения, покайтесь, примиритесь с Церковью, и я выйду за вас. Иначе это невозможно, хотя я люблю вас и никого другого всем своим сердцем и телом...

Тут в ее голосе зазвучала страстная энергия.

– Но иначе я не могу, не могу быть вашей.

Дирк слушал и побледнел как полотно.

– Вы требуете от меня единственного, чего я не могу дать, – сказал он. – Даже ради вас я не могу отречься от своего обета и поклонения Богу по моему разумению. Хотя прощение с вами убивает меня, но я отвечаю вам вашими же словами: «Не могу, не могу!»

Лизбета взглянула на него и была поражена: до чего преобразились, приобретя почти сверхчеловеческое просветленное выражение, его честные грубые черты и коренастая массивная фигура при этом страстном отречении. В эту минуту этот некрасивый голландец, по крайней мере на ее взгляд, походил на ангела. Она заскрежетала зубами и прижала руки к сердцу. «Ради него, ради его спасения», – прошептала она и потом сказала вслух:

– Я вас уважаю и люблю за это признание еще больше, но, Дирк, между нами все кончено. Когда-нибудь, здесь на земле или в другой жизни, вы поймете все и простите.

– Пусть будет так, – глухо проговорил Дирк, отыскивая

рукой шляпу, так как не видел ничего. – Станный ответ на мою просьбу, очень странный ответ, но, конечно, вы имеете полное право следовать своим убеждениям так же, как я имею право следовать моим. Мы оба должны нести свой крест, дорогая Лизбета, вы сами видите, что должны. Об одном только я попрошу вас: я говорю не как человек, ревнующий вас, потому что во мне затронута нечто высшее, чем ревность, но как друг, каким, что бы ни случилось в жизни, я всегда останусь для вас: остерегайтесь этого испанца Монтальво. Я знаю, он хочет жениться на вас. Он человек злой, хотя вначале и очаровал меня. Я чувствую это: его присутствие как бы отравляет воздух, которым я дышу. Но я был бы рад, если б он услышал это, так как убежден, что все это дело его рук, но и его час настанет: за все ему отплатится в здешней жизни или в будущей. А теперь прощайте, да благословит и защитит вас Бог, дорогая Лизбета. Если вы считаете замужество со мной грехом, то вы правы, отказывая мне, и я убежден, что вы никому не выдадите мою тайну. Еще раз: прощайте!

Взяв руку Лизбеты, Дирк поцеловал ее и шатаясь вышел из комнаты.

Лизбета же бросилась плашмя на пол и в отчаянии билась о него головою.

Когда дверь затворилась за Дирком, Монтальво вышел из-за занавеси и остановился над лежащей на полу Лизбетой. Он пытался принять свой прежний легкий саркастический

тон, но подслушанная им сцена потрясла его и даже несколько испугала, так как он чувствовал, что вызвал к жизни страсти, силу и последствия которых нельзя было заранее предвидеть.

– Bravo, моя актрисочка, – начал было он, но тотчас же перешел в другой тон и заговорил естественным голосом. – Теперь лучше встаньте и посмотрите, как я сожгу эту бумагу.

Лизбета с трудом приподнялась на колени и видела, как он бросил документ в пылающий камин.

– Я исполнил свое обещание, – сказал Монтальво, – это показание уничтожено, но на тот случай, если б вы вздумали провести меня и не сдержать своего слова, помните, что у меня есть новые и более веские доказательства, ради получения которых мне, правда, пришлось прибегнуть к способу, не вполне согласному с моим обыкновенным поведением. Я собственными ушами слышал, как этот господин, имеющий такое дурное мнение обо мне, признался, что он еретик. Этого достаточно, чтобы сжечь его когда угодно, и я клянусь, если через три недели вы не будете моей женой, он умрет на костре.

В то время как он говорил, Лизбета медленно поднялась на ноги. Теперь она смотрела на Монтальво, но это была уже не прежняя Лизбета, а совершенно новое существо – как чаша, до краев переполненная злобой, тем более ужасной, что она была совершенно спокойна.

– Жуан де Монтальво, – заговорила Лизбета тихим голо-

сом, – ваша злость победила, и ради Дирка я должна пожертвовать собою и своим состоянием. Пусть будет так, если суждено. Но слушайте: я не предсказываю вам, не говорю, что с вами случится то-то или то-то, но я призываю на вас проклятие Божие и презрение людское.

Подняв руки, она начала молиться.

– Господи, Тебе угодно было наложить на меня судьбу, худшую, чем смерть, но помрачи душу и разум этого чудовища. Пусть он отныне не знает ни одного мирного часа, пусть я и все мое принесет ему несчастье; пусть во сне его преследует страх; пусть он живет в тяжелой работе и умрет в нищете кровавой смертью также через меня. А если я рожу ему детей, пусть и они будут прокляты!

Она замолкла. Монтальво смотрел на нее и пытался говорить, но не мог произнести ни слова. И вдруг он почувствовал страх перед Лизбетой ван-Хаут, тот страх, который уже не покидал его всю последующую жизнь. Он обернулся и крадучись вышел из комнаты; лицо его вдруг постарело, и, несмотря на весь успех, он никогда не чувствовал такой тяжести на сердце, будто Лизбета была ангелом, посланным свыше, чтобы возвестить ему его проклятие.

Глава VII. К Гендрику Бранту приходит гостья

Прошло девять месяцев, и уже больше восьми из них с тех пор, как Лизбета ван-Хаут стала именоваться графиней Жуан де Монтальво. В ее титуле не могло быть сомнения, так как она была обвенчала с некоторой пышностью в присутствии многочисленных зрителей епископом в Грооте-кирке. Все очень дивились этой поспешной свадьбе, хотя некоторые из наиболее недоброжелательных пожимали плечами, говоря, что для девушки, скомпрометировавшей себя прогулками наедине с испанцем и брошенной женихом, самым лучшим было поспешить выйти замуж.

Таким образом, эта пара, составившая довольно красивую группу перед алтарем, была обвенчана и наслаждалась выпавшим ей на долю супружеским счастьем в роскошном доме Лизбеты на Брее-страат. Здесь молодые жили почти одни, потому что соотечественники и соотечественницы Лизбеты выказали свое неодобрение ее поведению, сторонясь ее, а Монтальво, по своим соображениям, не особенно радушно приглашал к себе испанцев. Слуги были переменены, тетушка Клара и Грета также исчезли. Убедившись в их коварном поведении по отношению к ней, Лизбета еще до замужества попросила их обеих оставить ее дом.

Понятно, что после событий, повлекших за собой этот

брак, Лизбета не находила особенного удовольствия в обществе своего мужа. Она не была из тех женщин, которые покорившись браку, заключенному насильно или обманом, даже способны полюбить руку, лишившую ее свободы. С Монтальво она говорила редко, даже после первых недель замужества редко виделась с ним. Он скоро понял, что его присутствие ненавистно жене, и со своей обычной находчивостью сумел извлечь из этого для себя выгоду. Другими словами, Лизбета ценою своего богатства покупала себе свободу; даже была установлена правильная такса: столько-то за неделю свободы, столько-то за месяц.

Монтальво был доволен подобным соглашением, потому что в душе он боялся этой женщины, красивое лицо которой застыло в одном выражении вечной ненависти. Он не мог забыть того ужасного проклятия, которое глубоко запечатлелось в его суеверном уме и жило там, так как действительно он со времени произнесения проклятия не знал ни одного часа покоя: день и ночь его преследовал страх, что его убьет жена.

И действительно, если когда-либо смерть смотрела из глаз женщины, то она смотрела из глаз Лизбеты, и Монтальво казалось, что ее совесть не смутится подобным делом, что она увидит в нем возмездие, а не убийство. Ему становилось страшно при этой мысли. Каково будет в один прекрасный день, выпив вина, почувствовать, что огненная рука терзает твою внутренность, потому что в кубке был яд, или, еще

хуже того, проснуться ночью и ощутить стилет, вонзившийся тебе в хребет. Не удивительно после того, что Монтальво спал один и всегда тщательно запирали дверь.

Однако он напрасно принимал подобные предосторожности: что бы ни говорили глаза Лизбеты, она не имела намерения убивать этого человека. В своей молитве она передала это дело в руки Высшей власти и намеревалась оставить его в них, вполне уверенная, что возмездие может быть отсрочено, но в конце концов постигнет виновного. Что же касается денег, то она беспрепятственно отдавала их. С самого начала она инстинктивно чувствовала, что ее мужем руководила не любовь, но исключительно коммерческий расчет, в чем скоро вполне убедилась, и ее надеждой, величайшей надеждой стало, что раз ее богатство иссякнет, муж не станет дольше удерживать ее.

«Речной бобр не любит жить в сухой норе», – говорит голландская пословица.

Но какие то были месяцы, какие ужасные месяцы! Время от времени Лизбета видела мужа, когда ему бывали нужны деньги, и каждую ночь слышала, как он возвращался домой, иногда нетвердыми шагами. Два или три раза в неделю она также получала приказание приготовить роскошный обед для мужа и человек шести или восьми его товарищей, а затем начиналась крупная игра. После таких вечеров в доме появлялись странные люди, между которыми часто бывали евреи, и ждали, пока Монтальво не встанет, а иногда ловили

его, когда он пытался проскользнуть из дома черным ходом. Лизбета узнала, что то были ростовщики, желавшие получить уплату по старым долгам. При таких обстоятельствах ее значительное, но не такое большое состояние быстро таяло. Скоро денег уже не стало, затем были проданы паи в некоторых кораблях, наконец, имение и дом заложены.

Время между тем шло.

Почти тотчас после отказа Лизбеты Дирк ван-Гоорль уехал из Лейдена и вернулся в Аלקмаар, где жил его отец. Двоюродный же брат его и друг, Гендрик Брант, остался в Лейдене для изучения золотых дел мастерства под руководством знаменитого мастера по филигранным работам, известного под именем Петруся.

Однажды утром Гендрик сидел у себя в комнате, когда ему сказали, что его спрашивает женщина, не желающая сказать своего имени. Побуждаемый более любопытством, чем другими мотивами, он приказал впустить посетительницу. Когда она вошла, он, к своему огорчению, узнал в этой костлявой черноглазой женщине одну из тех, против которых его предостерегали старшие его единоверцы как против шпионки, употребляемой папскими инквизиторами для добывания улик против еретиков и известной под именем Черный Мег.

– Что вам нужно от меня? – мрачно спросил Брант.

– Ничего, что могло бы повредить вам, почтенный господин. О, я знаю, какие сказки рассказывают про меня, хотя я честным образом зарабатываю пропитание себе и своему

несчастному полоумному мужу. Он имел несчастье последовать однажды за этим сумасшедшим анабаптистом, Иоанном лейденским, провозглашенным королем и проповедовавшим, что человек может иметь столько жен, сколько ему вздумается. Вот на этом-то и помешался мой муж, но, благодарение святым, он потом раскаялся в своих заблуждениях и примирился с Церковью и христианским браком, а я, от природы незлопамятная, должна поддерживать его.

– Зачем вы пришли? – снова спросил Брант.

– Мейнгерр, – заговорила она, понизив свой хриплый голос, – вы друг графини Монтальво, прежней Лизбеты ван-Хаут?

– Нет, я только знаком с ней, не больше.

– По крайней мере вы были другом герра Дирка ван-Гоорля, уехавшего из этого города в Алькомаар, ее бывшего любовника.

– Да, я ему двоюродный брат, но он не был любовником ни одной замужней женщины.

– Нет, конечно, а разве любовь не может проглядывать через подвенечную вуаль? Ну, одним словом, вы его друг, стало быть, вероятно, и ее, а она несчастлива.

– В самом деле? Я не знаю ничего о ее теперешней жизни, она пожинает то, что посеяла. Тут уж нечего больше делать.

– Может быть, еще и найдется кое-что. Я думала, что Дирка ван-Гоорля может это интересовать.

– Почему? Торговцам сельдями нет дела до сгнивших

сельдей: они списывают убытки и посылают за свежим запахом.

– Первая рыба, которую мы поймаем, для нас всегда самая лучшая, мейнгерр, а если нам не удалось вполне изловить ее, то какой чудной она нам кажется!

– Мне некогда отгадывать ваши загадки. Что вам от меня надо? Говорите или убирайтесь, только поскорее.

Черная Мег наклонилась вперед и зашептала:

– Что бы вы мне дали, если бы я вам доказала, что капитан Монтальво вовсе не женат на Лизбет ван-Хаут?

– Для вас не интересно, что бы я дал вам, так как я сам видел, как ее венчали.

– То, что как будто делается на наших глазах, не всегда происходит на самом деле.

– Довольно с меня. Убирайтесь!

Брант показал на дверь.

Черная Мег не шевельнулась, а только вынула из-за пазухи небольшой сверток и положила его на стол.

– Может иметь человек двух живых жен зараз? – спросила она.

– По закону – нет.

– Сколько дадите, если я докажу, что у капитана Монтальво две жены?

Брант начал интересоваться словами Мег. Он ненавидел Монтальво, догадываясь, даже кое-что зная о его роли в этой постыдной истории, и знал также, что окажет Лизбет истин-

ную услугу, освободив ее от мужа.

– Положим, двести флоринов, если вы докажете это.

– Мало, мейнгерр.

– Больше я не могу дать, но помните: раз обещаю, я плачу.

– Да, правда, другие обещают и не платят, мошенники! – прибавила Мег, ударяя костлявым кулаком по столу. – Хорошо, я согласна и не прошу задатка, потому что вы, купцы, не то, что дворяне, ваше слово – все равно что расписка. Ну, прочтите это.

Она развернула сверток и подала его содержимое Бранту.

За исключением двух миниатюр, которые Гендрик отложил в сторону, это были письма, написанные по-испански очень изящным почерком. Брант хорошо знал испанский язык и в двадцать минут прочел все. Письма оказались посланиями женщины, подписывавшейся «Жуанита де Монтальво», к мужу. Это были грустные документы, повествовавшие тяжелую историю бессердечно покинутой женщины, полные мольбы со стороны писавшей их и ее детей о возвращении мужа и отца или, по крайней мере, о доставлении им средств к жизни, так как семья находилась в крайней бедности.

– Все это очень печально, – сказал Брант, с грустью смотря на портрет женщины и детей, – но еще ничего не доказывает, каким образом мы можем узнать, что она жена этого человека?

Черная Мег снова сунула руку за пазуху и вынула письмо,

помеченное не более чем тремя месяцами тому назад. Оно было написано священником того села, где жила графиня, и адресовано графу дон Жуану де Монтальво, капитану в Лейдене. Это письмо заключало в себе серьезное обращение к благородному графу от человека, имеющего право говорить, потому что он крестил, учил и, наконец, венчал графа; священник просил выслать вспомоществование графине на его имя.

«До нас здесь, в Испании, достиг возмутительный слух, – заканчивал он свое письмо, – будто вы женились на нидерландке из Лейдена по фамилии ван-Хаут; но я не верю этому: никогда бы вы не решились на такое преступление перед Богом и людьми. Напишите же скорее, сын мой, и рассейте черное облако сплетен, собирающееся над вашим почтенным, древним именем».

– Откуда у вас эти бумаги? – спросил Брант.

– Последнее письмо я получила от священника, привезшего его из Испании. Я встретила с ним в Гааге и предложила ему передать письмо, так как у него не было надежного средства переслать его в Лейден. Другие бумаги я украла из комнаты Монтальво.

– В самом деле? Честная работница! А как вы попали в комнату его сиятельства?

– Я скажу вам это, – отвечала она, – ведь он не заплатил мне, стало быть, мой язык развязан. Он желал иметь доказательства, что герр Дирк ван-Гоорль еретик, и поручил мне

добыть их.

Лицо Бранта приняло жесткое выражение, и он насторожился.

– Зачем ему были эти доказательства?

– Чтобы, воспользовавшись ими, помешать ювфроу Лизбет ван-Хаут выйти за Дирка ван-Гоорля.

– Каким образом?

Мег пожала плечами.

– Должно быть, он надеялся, что Лизбета, узнав секрет ван-Гоорля, откажет ему, или, что еще вероятнее, намеревался пустить в ход угрозу предать ее возлюбленного в руки инквизиции, если девица станет упорствовать.

– Понимаю. Что же, вы добыли доказательства?

– Я однажды ночью спряталась в спальне Дирка и через щель в двери подсмотрела, как он и еще другой молодой человек, которого я не знаю, вместе читали Библию и молились.

– Вот как! Немалому риску вы подвергали себя: ведь если бы Дирк или его товарищ увидели вас, вам вряд ли удалось бы живой уйти из дома. Вы знаете, еретики считают себя вправе убить шпиона, попавшегося на месте преступления, и, правду говоря, я не осуждаю их. Будь я в таком положении... – он нагнулся вперед и пристально взглянул ей в глаза, – я не задумался бы размозжить вам голову, как какой-нибудь крысе.

Черная Мег отшатнулась, и губы ее посинели.

– Правда, мейнгерр, рискованное это дело, и бедные слуги Божии подвергаются большим опасностям. Другому-то молодому человеку нечего было бояться: мне не платили, чтобы я следила за ним, и, как я уже сказала, я даже не знаю, кто он, и не интересуюсь узнать.

– Кто знает, может быть, это счастье для вас, особенно, если бы ему вдруг пришлось в голову узнать, кто вы. Но это ведь нас не касается теперь! Давайте бумаги. Вы хотите получить прежде деньги? Хорошо!

Брант подошел к шкафу и, вынув маленький стальной ящичек, отпер его. Взяв из него условленную сумму, он снова запер его.

– Напрасно вы так всматриваетесь в этот ящичек, – сказал он, – его уже завтра не будет здесь и вообще в этом доме. Насколько я мог понять, Монтальво не заплатил вам.

– Ни одного стивера! – отвечала она с внезапным приступом бешенства. – Низкий вор, обещался заплатить мне после женитьбы, но вместо того чтобы наградить ту, которая помогла ему сесть в теплое гнездо, он теперь уже промотал все состояние жены до последнего флорина, играя и уплачивая неотложные долги, так что в настоящее время она, я думаю, почти нищая.

– Хорошо, – отвечал Брант, – а теперь прощайте, а если мы встретимся в городе, то заметьте себе, я вас не знаю. Понимаете?

– Понимаю, мейнгерр, – отвечала Черная Мег с усмешкой

и исчезла.

Когда она ушла, Брант встал и отворил окно.

– Отравила весь воздух, – проговорил он. – Но, кажется, я напугал ее, и мне нечего бояться. Впрочем, кто знает? Она видела, как я читал Библию, и Монтальво знает это. Но с тех пор прошло уже довольно времени; я должен воспользоваться тем, что у меня в руках.

Действительно, кто знает?..

Взяв с собой портреты и документы, Брант отправился к своему другу и единоверцу, Питеру ван-де-Верфу, также другу Дирка и двоюродному брату Лизбеты, молодому человеку, об уме и способностях которого Гендрик был очень высокого мнения. Следствием этого свидания было то, что в тот же вечер молодые люди уехали в Брюссель, резиденцию правительства, где у них были очень влиятельные друзья.

Достаточно вкратце сообщить результат их путешествия. Как раз в это время нидерландское правительство по особым причинам желало жить в мире с горожанами, и власти, узнав о возмутительном обмане, жертвой которого сделалась знатная девица, известная как хорошая католичка, причем целью было завладеть ее состоянием, вспыхнули негодованием. Немедленно был отдан приказ, подписанный рукой, которой никто не мог противиться – так глубоко несчастье одной женщины потрясло другую, – приказ об аресте и о строгом допросе графа Монтальво, как если б он был простой преступник-нидерландец. Так как у капитана было мно-

го врагов, то и не нашлось никого, кто бы стал хлопотать об отмене королевского указа.

Три дня спустя после этих событий Монтальво велел сказать жене, что он будет ужинать один дома и желает, чтобы она присутствовала за ужином. Лизбета повиновалась и встретила мужа, сидя на противоположном конце стола, откуда время от времени поднималась, сама прислуживая ему. Наблюдая за ним своими спокойными глазами, она заметила, что ему не по себе.

– Чего же ты все молчишь? – спросил он наконец раздраженно. – Ты, вероятно, воображаешь, что чрезвычайно весело ужинать с женой, у которой вид, как у трупа в гробу? Невольно пожелаешь, чтобы это случилось на самом деле.

– Я уже давно желаю, – отвечала Лизбета.

И снова водворилось молчание. Однако его нарушила Лизбета, спросив:

– Чего тебе надо, денег?

– Конечно, денег, – ответил он яростно.

– Денег больше нет: все истрачены, и нотариус говорит, что никто не дает больше ни одного стивера под дом. Все мои бриллианты также проданы.

Он взглянул на ее руку и сказал:

– У тебя есть еще это кольцо.

Лизбета также взглянула на кольцо. То был золотой перстень, украшенный довольно ценными бриллиантами, подаренный ей мужем перед свадьбой. Монтальво постоянно на-

стаивал, чтобы она носила его. В действительности же кольцо было куплено на деньги, занятые графом у Дирка.

– Возьми его, – отвечала Лизбета, улыбаясь в первый раз, и, сняв перстень с пальца, подала его мужу.

Протянув руку, чтобы взять его, Монтальво отвернулся, желая скрыть отразившийся на его лице стыд, который даже он не мог не почувствовать.

– Если у тебя родится сын, – заговорил он, – то скажи ему, что отец его ничего не мог оставить ему, кроме совета никогда не прикасаться к игральным костям.

– Ты уезжаешь? – спросила она.

– Да, надо уехать недели на две. Меня предупредили, что против меня возбуждено обвинение, которым я не хочу беспокоить тебя. Ты, вероятно, скоро услышишь о нем, и хотя оно несправедливо, но я должен уехать из Лейдена, пока все не уляжется... Я действительно уезжаю.

– Ты собираешься бросить меня, – сказала она, – промотав все мои деньги; собираешься бросить меня в таком положении. Я вижу по твоему лицу.

Монтальво сидел отвернувшись, делая вид, что не слышит.

– Я благодарю Бога за это, – продолжала Лизбета, – и желала бы только, чтобы ты мог унести с собой саму память о себе вместе со всем, что твое.

Она договаривала эти горькие слова, как вдруг дверь отворилась, и вошел один из субалтерн-офицеров в сопровож-

дении нескольких солдат и человека в костюме нотариуса.

– Что такое? – в бешенстве закричал Монтальво.

Субалтерн-офицер, входя, отдал честь.

– Капитан, простите, но я действую по приказанию: мне предписано арестовать вас живого или мертвого, – добавил он с ударением.

– По какому обвинению? – спросил Монтальво.

– Г-н нотариус прочтет обвинение, – сказал офицер, – но, может быть, графине угодно будет удалиться? – спросил он, конфузясь.

– Нет, – сказала Лизбета, – дело может касаться меня.

– К несчастью, я боюсь, что да, сеньора, – заговорил нотариус.

Затем он приступил к чтению документа, длинного и написанного канцелярским слогом. Но Лизбета быстро все поняла. Ей с самого начала стало ясно, что она незаконная жена графа Жуана де Монтальво и что против него возбуждено преследование за обман ее и за преступление против Церкви. Следовательно, она свободна, свободна! Она зашаталась и без чувств упала на пол.

Когда ее глаза снова открылись, Монтальво, офицер, нотариус, солдаты – все исчезли.

Глава VIII. Стойло Кобылы

Когда Лизбета очнулась в этой пустой комнате, ее первым чувством было чувство необузданной радости. Она свободна, она уже не жена Монтальво, никогда больше она не будет принуждена сносить его прикосновение. Таковы были ее первые мысли. Она не сомневалась, что все слышанное ею правда: иначе, что могло бы побудить власти к преследованию Монтальво? Теперь Лизбета получила ключ к объяснению тысячи вещей, которые были незначительны сами по себе, но во всей своей массе образовывали несомненную улику виновности капитана. Не упоминал ли он сам об обязательствах, существующих у него в Испании, и о детях? Не случилось ли ему во сне... Впрочем, бесполезно припоминать все это. Она свободна, вот еще до сих пор лежит на столе символ их союза: изумрудное кольцо, которое должно было доставить Монтальво возможность бежать, скрыться от преследования, грозившего ему, как он знал. Лизбета схватила перстень, бросила его на пол и топтала ногами. После того, упав на колени, она молилась и благодарила Бога и наконец, совершенно изнеможенная, легла отдохнуть.

Настало утро: чудное, тихое осеннее утро, но теперь, когда вчерашнее возбуждение улеглось, у Лизбеты было тяжело на сердце. Она встала и помогла единственной оставшейся в доме служанке приготовить завтрак, не обращая внима-

ния на взгляды, которые девушка искоса бросала на нее. После того она пошла на рынок, чтобы истратить на необходимое несколько из последних оставшихся у нее флоринов.

На улице она заметила, что служит предметом внимания, так как встречавшиеся с ней толкали друг друга, указывая на нее. Когда, смущенная, она поспешила домой, до ее тонкого слуха долетел разговор двух простых женщин, шедших за ней.

– Попалась, – говорила одна из женщин.

– Поделом ей, – отвечала другая, – зачем гонялась за испанским доном и женила его на себе.

– Еще хорошо, что удалось. Ей ничего больше не оставалось делать, – перебила первая, – концы надо хоронить скорее.

Оглянувшись, Лизбета увидела, как они пальцами зажимали носы, будто стараясь предохранить себя от дурного запаха.

Тут Лизбета уже не могла дольше выдержать и обратилась к женщинам.

– Злые сплетницы, – бросила она им в лицо и быстро пошла вперед, преследуемая их громким, обидным смехом.

Дома ей сказали, что ее ожидают двое мужчин. Они оказались кредиторами, требовавшими больших денежных сумм, которых Лизбета не была в состоянии заплатить. Она сказала им, что ничего не знает обо всех этих делах. Тогда они показали ей ее собственную подпись на заемных письмах,

и она вспомнила, что была принуждена подписывать много подобных документов – все, что ей подавал человек, называвшийся ее мужем, ради приобретения хотя бы кратковременного освобождения от его присутствия. Наконец ростовщики ушли, заявив, что получают свои деньги, хотя бы для этого им пришлось вытащить постель из-под Лизбеты.

После того наступило одиночество и тишина. Ни один друг не пришел утешить бедную женщину. Правда, у нее уже не оставалось друзей, так как по приказанию мужа она прервала знакомство даже с теми, кто после странных обстоятельств, сопровождавших ее замужество, все еще не чуждался ее. Монтальво говорил, что не желает терпеть в своем доме сплетниц-голландок, а последние думали, что Лизбета из гордости прервала всякие сношения с соотечественниками своего круга.

Наступил полдень, но Лизбета не могла проглотить ни куска: уже целые сутки она ничего не ела, судорога сжимала ей горло, а между тем в ее положении ей необходимо было есть. Теперь она начинала чувствовать позор, обрушившийся на нее. Она была замужем и не имела мужа; скоро ей предстояло сделаться матерью, но каков будет этот ребенок? И что станет с ней самой? Что подумает о ней Дирк, Дирк, ради которого она сделала и перенесла все это? Такие мысли роились в ее голове, когда она весь долгий вечер пролежала в постели, пока у нее не закружилась голова и сознание не покинуло ее. В мозгу ее водворился полный хаос, целый ад

беспорядочных грез.

Наконец из всей массы неясных представлений выступило одно видение, одно желание: желание успокоения и полного мира. Но где она могла найти себе успокоение, кроме смерти? Что же, почему и не умереть: Бог простит ей, Матерь Божия будет заступницей за опозоренную несчастную, не способную дольше жить. Даже Дирк отнесется к ней с добротой, когда она умрет, хотя теперь, встретясь он с ней, он, без сомнения, закрыл бы глаза рукой. Ей было страшно жарко, ее мучила жажда. Как прохладна должна быть теперь вода! Что может быть лучше, чем медленно спуститься в нее и предоставить ей сомкнуться над бедной больной головой. Лизбета решила выйти из дому и взглянуть на воду: в этом, во всяком случае, не могло быть ничего дурного.

Она закуталась в длинный плащ, надев его капюшон на голову, и вышла тихонько из дому, скользя, как привидение в темнеющих улицах, по направлению к порту, куда стража пропустила ее, приняв за крестьянку, возвращающуюся к себе в деревню. Взошла луна, и при ее свете Лизбета узнала местность. Это было то самое место, где она стояла в день карнавала, когда с ней заговорила женщина, прозванная Мартой-Кобылой, и сказала ей, что знала ее отца. По этому льду она неслась в санях Монтальво во время бега. Лизбета пошла вдоль крепостного вала, вспомнив о заросших тростниковых островках, лежавших в нескольких милях отсюда и только изредка посещаемых рыбаками и охотниками, о боль-

шом Гаарлемском озере-море, занимавшем многие тысячи акров пространства. Как прохладно и красиво оно должно быть в такую ночь, и как нежно шелестит ветер в камышах, которым поросли берега озера.

Лизбета шла все дальше и дальше, до озера было не близко, но наконец она достигла его, и как хорошо, просторно и тихо было там! Насколько мог охватывать глаз, не было видно ничего, кроме сверкающей воды с чернеющим тростником островками. Только лягушки квакали в тростнике да кричала выпь. А на озере плавали дикие утки, оставляя за собой длинные серебряные полосы.

На одном из островков, на расстоянии не дальше выстрела из лука, Лизбета увидела кусты похожих на гвоздику белых болотных цветов, которые ей бывало случалось собирать в детстве. Ей захотелось сорвать их теперь: место было неглубокое, она думала, что может перейти вброд на островок, а если и нет, то что за беда! Она в таком случае или вернется на берег, или, может быть, навеки уснет под водой. Не все ли равно? Лизбета ступила в воду. Как прохладно и приятно было прикосновение влаги к ногам. Но вот вода дошла до колен, вот уже легкая рябь разбивается о грудь Лизбеты, но она не думала возвращаться: перед ней лежал остров, и белые цветы были уже так близко, что она могла пересчитать их – восемь на одном кусте и двенадцать на другом. Еще шаг, и вода, смочив ей лицо, сомкнулась над ее головой. Она приподнялась, и у нее вырвался легкий крик.

Затем, будто во сне, Лизбета увидела, как из тростника рядом с ней выскользнул челнок. Она увидела также, как странное, обезображенное лицо, которое она смутно помнила, нагнулось над бортом челнока, и загорелая рука схватила ее, между тем как хриплый голос уговаривал не отбиваться и ничего не бояться.

Когда Лизбета опомнилась, она увидела себя лежащей на земле, или, скорее, на толстой подстилке из сухого тростника и пахучих трав. Оглядевшись, она увидела, что находится в избушке, слепленной из грязи и крытой соломой. Один угол избушки занимал очаг с навесом, искусно слепленный из глины, и на огне кипел глиняный котелок. С потолка на веревке, свитой из травы, свисала свежепойманная рыба, чудный лосось, а рядом с ним связка копченых угрей. Одеялом Лизбете служил великолепный мех из речных бобров. Из всего этого она заключила, что находится, вероятно, в жилище какого-нибудь рыбака.

Мало-помалу прошедшее встало в памяти Лизбеты, и она вспомнила, как рассталась с человеком, называвшимся ее мужем, она вспомнила также свое бегство в лунный вечер, и свою попытку перейти вброд на остров за белыми цветами, и загорелую руку, протянувшуюся, чтобы спасти ее. Лизбета вспомнила все это, и воспоминание вызвало у нее вздох. Звук этого вздоха, по-видимому, привлек внимание кого-то, кто прислушивался извне: дверь отворилась, и кто-то вошел в комнату.

– Вы проснулись, мифроу? – спросил хриплый голос.

– Да, – отвечала Лизбета. – Скажите мне, как я попала сюда и кто вы?

Вошедшая отступила, так что свет из двери упал прямо на нее.

– Смотри, дочь ван-Хаута и жена Монтальво, тот, кто раз видел меня, уже не забудет.

Лизбета приподнялась и взглянула на высокую, могучую фигуру, запавшие серые глаза, широко раскрытые ноздри, покрытые шрамами выпирающие скулы, зубы, выдвинутые каким-то дьявольским насилием вперед из-под губ, и сидящие пряди волос, спускающиеся на лоб. Сразу она узнала, кто перед ней.

– Вы Марта-Кобыла? – спросила Лизбета.

– Да, не кто иная, – отвечала Марта, – и вы в стойле Кобылы. Что сделал с вами этот испанский пес, что вы пришли к морю, чтобы оно скрыло вас и ваш позор?

Лизбета не отвечала: ей тяжело было начать рассказывать свою историю этой странной женщине. Марта между тем продолжала:

– Что я говорила вам, Лизбета ван-Хаут? Разве я не предупредила вас, что ваша кровь должна предостеречь вас против испанца? Ну вот, вы спасли меня из воды, и я вытащила вас из воды. И почему мне вздумалось объехать именно этот остров вчерашней ночью, когда мне не спалось? Но не все ли равно! На то была воля Божия, и вот вы теперь в стойле

Кобылы. Не отвечайте мне, прежде поешьте.

Подойдя к очагу, она сняла котелок и вылила его содержимое в глиняную чашку. При распространившемся запахе Лизбета в первый раз почувствовала, что голодна. Из чего состояло поданное ей кушанье она никогда не узнала, но она съела его до последней ложки и была благодарна за него, между тем как Марта, сидя на полу возле нее, с удовольствием следила за ней, время от времени вытягивая длинную худую руку, чтобы дотронуться до каштановых кудрей, спускавшихся на плечи Лизбеты. Когда последняя кончила есть, Марта сказала ей:

– Пойдемте и посмотрим.

Она вывела свою гостью за дверь мазанки.

Лизбета взглянула кругом, но из-за зарослей тростника ничего не было видно. Саму мазанку скрывала небольшая группа болотного кустарника, росшего на кочках среди болотистой равнины вперемежку с камышом и тростником.

Пройдя шагов сто или около того, Марта и Лизбета подошли к густым камышовым зарослям, в которых оказалась спрятана лодка. Марта пригласила Лизбету сесть в лодку и повезла ее сначала к ближайшему островку, потом, обогнув его, ко второму, затем к третьему.

– Ну, теперь скажите, – спросила она, – на котором из этих островов мое стойло?

Лизбета покачала головой, не зная, куда указать.

– Ни вы, ни один человек не в состоянии сказать мне это-

го, никто не может найти моего дома, кроме меня самой, я же найду туда дорогу и днем и ночью. Посмотрите, – и она указала на обширную водную поверхность. – На этом озере тысячи таких островков, и прежде чем найти меня, испанцам пришлось бы обшарить их все, потому что здесь ни шпионы, ни собаки не могли бы помочь им.

Она снова начала грести, даже не смотря по сторонам, и через несколько минут они опять очутились в том месте зарослей, откуда отчалили.

– Мне пора домой, – слабо проговорила Лизбета.

– Нет, – отвечала Марта, – уже слишком поздно. Вы долго проспали, посмотрите: солнце быстро садится. Эту ночь вы должны провести у меня. Не пугайтесь! Пища у меня грубая, но свежая, вкусная и в изобилии: кто умеет лучше меня ловить рыбу в этом озере? Водяную птицу я тоже ловлю в силки, а яйца ее собираю, вяленую же говядину и ветчину мне доставляют друзья, с которыми я иногда вижусь по ночам.

Лизбета уступила, так как тишина, господствовавшая на озере, нравилась ей. После всего пережитого она чувствовала себя как на небе, следя за солнцем, скрывавшимся в тихой воде, слушая крик дикой водяной птицы, видя плещущуюся рыбу, а главное – зная, что ничто не нарушит этого мира, кроме голоса природы, и что не раздастся возле нее ненавистный голос человека, погубившего и обманувшего ее. Она чувствовала, что страшно устала, и ею овладела непривычная, странная слабость; она решила отдохнуть

здесь еще ночь.

Марта вернулась с ней в дом, и они вместе принялись за приготовление ужина; и поджаривая рыбу на огне, Лизбета уже смеялась, как бывало в дни своего девичества. Они поужинали с аппетитом, и, убрав все, Марта громко прочла молитву, а после того достала свое сокровище – Библию и, не боясь ничего, хотя знала, что Лизбета католичка, приготовилась читать из нее, присев на корточки перед горящим очагом.

– Видите, мифроу, какое здесь удобное место для житья еретички. Где еще женщина могла бы читать Библию, не боясь ни шпионов, ни монахов?

Вспомнив историю Марты, Лизбета содрогнулась...

– Ну, теперь, – снова заговорила Марта, окончив чтение, – скажите мне, прежде чем лечь спать, что привело вас на Гарлемское озеро и что с вами сделал этот испанец. Не бойтесь: хотя я и полоумная – так, по крайней мере, они называют меня, – но я могу подать совет, нас же с вами, дочь ван Хаута, связывает многое: кое-что вы знаете и видите, а кое-что не можете знать и видеть, но Бог все взвесит в свое время.

Лизбета смотрела на истощенную, обезображенную почти до потери человеческого образа долгой физической и нравственной мукой женщину и проникалась все большим доверием к Марте. Чувствуя, что к ней относятся с участием, в чем она очень нуждалась, она рассказала свою историю с на-

чала до конца.

Марта слушала молча; ее, по-видимому, не могло уже удивить ничто со стороны испанца, и только когда Лизбета кончила, сказала:

– Ах, дитя, если б вы знали обо мне и умели меня найти, вы бы попросили меня о помощи.

– Что бы вы могли сделать, матушка? – спросила Лизбета.

– Сделать? Я бы стала следить за ним день и ночь, пока не подкараулила бы его в каком-нибудь уединенном месте и там... – она протянула руку, и Лизбета увидала, что при красном свете огня в руке сверкнул нож.

Она в страхе отшатнулась.

– Чего же вы испугались, моя красавица? – спросила Марта. – Я говорю вам, что живу теперь только для одного – чтобы убивать испанцев, да прежде всего монахов, а потом – всех прочих. За мной еще много в долгу: за каждую пытку мужа – жизнь; за каждый его стон на костре – жизнь, да, столько жизней за отца и половину их за сына. Я буду долго жить, я это знаю, и долг будет уплачен... до последнего стивера.

Говоря это, она встала, и свет от огня осветил ее всю. Ужасное лицо увидела перед собой Лизбета, страстное и энергичное, лицо вдохновенной мстительницы, сухое и нечеловеческое, но не отталкивающее. Испуганная и пораженная, молодая женщина молчала.

– Я пугаю вас, – продолжала Марта, – вы, несмотря на все

свои страдания, еще питаетесь молоком человеческой доброты. Подождите, подождите, когда они умертвят любимого вами человека, тогда ваше сердце станет таким же, как мое, и тогда вы станете жить не ради любви, не ради самой жизни, но чтобы быть мечом – мечом в руках Господа.

– Перестаньте, прошу вас, – проговорила Лизбета слабым голосом, – мне дурно, я нездорова.

Действительно, она почувствовала себя дурно, и к утру в этом логовище, на пустынном острове озера, у нее родился сын.

Когда она несколько оправилась, ее сиделка сказала ей:

– Хотите вы сохранить мальчишку или убить его?

– Как я могла бы убить своего ребенка? – отвечала Лизбета.

– Он сын испанца, вспомните проклятие, о котором вы рассказали мне, – проклятие, произнесенное вами еще до вашего замужества. Если он останется в живых, проклятие будет тяготеть над ним и через него падет и на вас. Лучше поручите мне убить его – и всему конец.

– Разве я могу убить собственного ребенка? Не трогайте его! – сказала Лизбета.

Таким образом черноглазый мальчик остался в живых и вырос.

Хотя медленно, но все-таки наконец силы вернулись к Лизбете, лежавшей в мазанке на острове.

Кобыла, или «матушка Марта», как теперь звала ее Лиз-

бета, ходила за больной лучше всякой сиделки.

В пище недостатка не было, так как Марта ловила сетями дичь и рыбу, а иногда ходила на берег и приносила оттуда молоко, яйца и мясо, которых, по ее словам, местные буры давали ей сколько угодно. Для сокращения времени Марта вслух читала Лизбете Библию, и из этого чтения Лизбета узнала многое, что до тех пор было ей неизвестно.

Действительно, все еще будучи католичкой, она теперь начала спрашивать себя, в чем, собственно, вина этих еретиков и за что их осуждают на мучения и смерть, если в этой книге она не могла найти ничего такого, что нарушалось бы их учением и жизнью.

Таким образом Марта, озлобленная, полусумасшедшая обитательница озера, посеяла в сердце Лизбеты семя, которое должно было принести плод в свое время.

Когда по прошествии трех недель Лизбета встала, но еще не была достаточно сильна, чтобы идти домой, Марта сказала однажды, что ей надо отлучиться из дому на целые сутки, но не объяснила, по какому делу. Оставив хорошие запасы всего, она однажды после обеда уехала в своем челноке и вернулась только к вечеру следующего дня. Лизбета начала говорить, что ей пора уехать с острова, но Марта не позволяла ей это, говоря, что ей для этого придется пуститься вплавь; и действительно, выйдя посмотреть, Лизбета не нашла челнока. Нечего делать, ей пришлось остаться, и на свежем осеннем воздухе прежняя сила и красота вернулись к

ней. Она снова стала такой, какой была в день своего катанья с Жуаном Монтальво.

В одно ноябрьское утро, оставив ребенка на попечение Марты, поклявшейся на Библии, что она не тронет его, Лизбета пошла на берег острова. Ночью был первый осенний заморозок, и поверхность озера покрылась тонким, прозрачным слоем льда, быстро таявшим при лучах поднимавшегося все выше солнца.

Воздух был чист и прозрачен, в тростнике, верхушки которого пожелтели, перелетали зяблики, чирикавая и забывая, что зима на носу. Все было так мирно и красиво, что Лизбета, также забыв многое, залюбовалась ландшафтом. Она сама не знала почему, но чувствовала себя счастливой в это утро: будто темное облако сбежало с ее жизни, будто над ней снова расстилалось мирное, радостное небо.

Конечно, другие облака могли появиться на горизонте, они, вероятно, и явятся в свое время, но Лизбета чувствовала, что пока этот горизонт очень удален и над ее головой лишь нежное, чистое, радостное небо.

Вдруг она услышала позади себя на сухой траве шаги – не знакомые, не осторожные, медленные шаги Марты, а чьи-то чужие. Лизбета обернулась.

Боже! Что это такое? Перед ней, если она только не грезила, стоял Дирк ван-Гоорль, не кто иной, как Дирк, со своим добрым, улыбающимся лицом, и протягивал ей руки.

Лизбета не сказала ничего: она не могла говорить и только

стояла, смотря на него, пока он не подошел и не обнял ее. Тогда она отскочила назад.

– Не прикасайтесь ко мне! – закричала она. – Вспомните, кто я и почему я здесь.

– Я хорошо знаю, кто вы, Лизбета, – медленно отвечал он, – вы самая чистая и святая женщина, когда-либо жившая на земле, вы ангел во плоти, вы женщина, пожертвовавшая честью ради спасения любимого человека. Не противоречьте! Я слышал всю историю, я знаю все подробности и преклоняю колени перед вами, я молюсь на вас!

– А ребенок? – спросила Лизбета. – Он жив. Он мой сын и сын того человека.

Лицо Дирка приняло несколько более суровое выражение, но он ограничился тем, что сказал:

– Мы должны нести свой крест; вы свой несли, теперь я должен нести свой.

Он схватил ее руки и целовал их, схватил полу ее одежды и также целовал.

Так состоялось их обручение.

Впоследствии Лизбета услышала всю историю. Монтальво был привлечен к допросу, и случилось, что обстоятельства сложились не в его пользу. Среди судей один был важный нидерландский вельможа, желавший поддержать право своих соотечественников, другой – высокопоставленное духовное лицо; их возмущал обман, в который была введена Церковь совершением противозаконного брака; третий же судья,

испанский гранд, случайно был знаком с семьей покинутой первой жены Монтальво.

Таким образом, к несчастному капитану, вина которого была вполне доказана свидетельством монаха, принесшего письмо, самими письмами и злопамятной Черной Мег, обещавшей отплатить «горячей водой за холодную», отнеслись без всякого снисхождения. Репутация у него была плохая, и кроме того, говорили, что его жестокость и позор Лизбеты ван-Хаут, виной которого был он, побудили ее к самоубийству.

Всем было известно, что она ночью бежала в направлении Гаарлемского озера, и после этого все усилия ее друзей отыскать ее не привели ни к чему: она исчезла.

И вот, несмотря на все усилия графа Жуана Монтальво оправдаться письменно и устно, благородного капитана ради спасительности примера присудили, как простого раба, к четырнадцати годам каторжных работ на галерах. И там пока он и находился.

Так окончился трагический роман Дирка ван-Гоорля и Лизбеты ван-Хаут. Через полгода они отпраздновали свою свадьбу и, по желанию Дирка, взяли к себе сына Лизбеты, нареченного при крещении Адрианом. Несколько месяцев спустя, Лизбета вступила в общину последователей новой веры, а около двух лет после свадьбы у нее родился еще сын, герой нашего рассказа, по имени Фой.

Больше детей у Лизбеты не было.

Книга вторая. Жатва зреет

Глава IX. Адриан, Фой и Красный Мартин

Много лет прошло после того, как Лизбета встретила с любимым человеком на берегах Гаарлемского озера. Сын, родившийся у нее там, так же как и второй ее сын, уже вырос, а ее волосы поседели под оборками чепца.

Быстро ткал Божий челнок в эти роковые годы, и вытканная ткань была историей народа, замученного до смерти, и окрашена она была его кровью.

Эдикт следовал за эдиктом, преступление за преступлением. Альба, как воплощение бесчеловечной мести, двинул свою армию спокойно и беззаботно, как тигр, выслеживающий свою добычу, через равнины Франции. Теперь он подошел к Брюсселю, и головы графов Эгмонта и Хорна уже пали, уже учреждено было Кровавое Судилище и начало свое дело. Закон перестал существовать в Голландии, и всякие несправедливости и жестокости стали там возможны. Одним эдиктом Кровавого Судилища все голландцы, числом до трех миллионов, были осуждены на смерть. Все были объаты ужасом, потому что со всех сторон возвышались костры, ви-

селицы, орудия пыток. Извне велась война, внутри господствовал страх, и никто не знал, кому доверять, так как сегодняшний друг мог завтра превратиться в доносчика или судью. И все это за то, что голландцы решились поклоняться Богу, не признавая обрядов и монахов.

Хотя прошло уже много времени, но те личности, с которыми мы познакомились в начале этого рассказа, еще были живы. Начнем же наше повествование с двух из них: одного – уже хорошо знакомого нам Дирка ван-Гоорля, а другого, про которого еще надо сказать несколько слов, – его сына Фоя.

Место действия – небольшая комната с узкими окнами над товарным складом, выходящим на лейденский рынок. Ход в комнату по двум лестницам. Время – летние сумерки. При слабом свете, проникавшем через незанавешенные окна (завесить их значило бы возбудить подозрение), можно было видеть, что в комнате собралось человек двадцать, между ними одна или две женщины. Большею частью это были люди, принадлежавшие к высшему классу, – средних лет почтенные бюргеры; они стояли группами или сидели на стульях и скамьях. На одном конце комнаты обращался к присутствующим с речью мужчина средних лет, с седеющими волосами и бородой, невысокий и некрасивый, но весь до такой степени проникнутый добротой, что она, казалось, светила через его неказистую наружность, как свет, изливающийся сквозь грубые роговые стенки фонаря. Это был Ян Арентц, знаменитый проповедник, корзиночник по ремес-

лу, доказавший свою непоколебимую приверженность новой религии и одаренный способностью не смущаться среди всех ужасов самого страшного из преследований, которые христианам пришлось перенести со времен римских императоров. Он теперь проповедовал, и присутствовавшие составляли его паству.

«Я принес не мир, но меч» был взятый им текст, и, без сомнения, он как нельзя больше подходил ко времени, и его можно было легко развить, так как в эту самую минуту на площади под окнами дома, где они собрались, охраняемые солдатами, два члена его стада, еще две недели тому назад молившиеся в этой комнате, на глазах собравшейся городской черни претерпевали мученическую смерть на костре!

Арентц проповедовал терпение и стойкость. Он возвращался к событиям недавно прошедших дней и рассказывал своим слушателям, как сам подвергался сотне опасностей; как его травили, точно волка, как пытали, как он бежал из тюрьмы и от мечей солдат, подобно святому Павлу, и как остался в живых, чтобы поучать их в сегодняшний вечер. Он говорил, что они не должны бояться, что они должны быть совершенно счастливы, спокойно принимая то, что Богу будет угодно послать им, в уверенности что все будет к лучшему, что даже самое худшее поведет к лучшему. Что может быть самым худшим? Несколько часов мучений и смерть. А что следует за смертью? Пусть они вспомнят об этом. Вся жизнь – только мрачная, скоропреходящая тень, не все ли

равно, как и когда мы выйдем из этой тени на полный свет. Небо темно, но за тучами светит солнце. Надо смотреть вперед глазами веры, быть может, страдания теперешнего поколения – часть общего плана; быть может, из земли, орошенной кровью, произрастет цветок свободы, чудной свободы, при которой все люди получают возможность поклоняться своему Создателю, сообразуясь только с предписаниями Библии и своей совести... Между тем как он говорил это красноречиво, мягко, вдохновенно, сумерки сгустились и отблеск от пламени костров осветил окна, а до ушей собравшихся в комнате донесся гул толпы с площади. Проповедник с минуту помолчал, смотря вниз на ужасную сцену под окнами: с того места, где он стоял, он мог все видеть.

– Марк умер, – сказал он, – и наш другой возлюбленный брат, Андрей Янсен, умирает; палачи придвигают к нему связки хвороста. Вы думаете, что это жестокая, ужасная смерть, а я вам говорю, что нет. Я говорю, что мы свидетели святого, славного зрелища: мы видим переход души в вечное блаженство. Братья, помолимся за покидающего нас и за нас, остающихся. Помолимся и за убивающих его, ибо не ведают, что творят. Мы видим их страдания, но говорю вам, что их также видит и Господь Иисус Христос, также страдавший на кресте и бывший жертвой таких же людей, как эти. Он стоит при нашем брате в огне, Его рука указывает ему путь, Его голос ободряет его. Братья, давайте молиться.

По этому приглашению все члены собрания опустились

на колени, молясь за отлетающую душу Андрея Янсена.

Снова Арентц взглянул в окно.

– Он умирает! – воскликнул он. – Солдат проткнул его из сострадания пикой, голова его поникла. О Господи, если будет на то воля Твоя, даруй нам знамение.

По комнате пронеслось какое-то странное дуновение: холодное дыхание коснулось лбов молящихся и подняло их волосы, принося с собой чувство присутствия Андрея Янсена, мученика. И вдруг на стене, противоположной окнам, на том самом месте, где обыкновенно стоял Андрей, появилось знамение или то, что присутствующие признали знамение. Быть может, то было отражение огня с улицы, только на стене в потемневшей комнате явственно проступило изображение огненного креста. С секунду оно оставалось видимо, затем исчезло, но в душу каждого из присутствующих оно внесло особое настроение: всем оно послужило наставлением, как жить и умереть. Крест исчез, и в комнате господствовало молчание.

– Братья, – раздался голос Арентца, говорившего в темноте, – вы видели. Через мрак и огонь идите за крестом и не бойтесь.

Собеседование кончилось; внизу на опустевшей площади палачи собирали обгоревшие останки мучеников, чтобы бросить их с обычными грубыми шутками в темнеющие воды реки.

Участники собеседования по одному и по два стали ухо-

дить через потайную дверь, ведущую в узкий проход. Взглянем на некоторых из них в то время, как они крадучись направляются по боковым улицам к одному дому на Брее-страт, уже знакомому нам: двое идут впереди, а один позади.

Двое передовых были Дирк ван-Гоорль и его сын Фой, в родстве которых не могло быть сомнений. Дирк был тот же Дирк, что и двадцать пять лет тому назад: коренастый, сероглазый, бородатый мужчина, красивый по голландским понятиям, только несколько пополневший и более задумчивый, чем прежде. Вся массивная фигура носила отпечаток его добродушного, несколько тяжеловесного характера. Сын его, Фой, очень походил на него, только глаза у него были голубые, а волосы светлые. Хотя в настоящую минуту они смотрели и грустно, но вообще это были веселые, ласковые глаза, так же как и все несколько детское лицо – лицо человека, склонного видеть в вещах лишь хорошую сторону.

В наружности Фоя не было ничего особенного, но на всякого встречающегося с ним в первый раз он производил впечатление человека энергичного, честного и доброго. Он походил на моряка, вернувшегося из долгого плавания, во время которого он пришел к убеждению, что жить на этом свете приятно и что жить вообще стоит. Когда Фой шел теперь по улице слегка покачивающейся походкой моряка, ясно было, что даже ужасная сцена, только что происходившая на его глазах, не могла вполне изменить его веселого, жизнерадостного настроения.

Из всех слушателей Арентца ни один не принял так к сердцу увещевания проповедника об уповании и беззаботном отношении к будущему, как Фой ван-Гоорль.

По своему характеру Фой не мог долго горевать. «Dum spiro, spero» – могло бы быть его девизом, если бы он знал латынь, и он не собирался горевать, хотя бы даже ему предстояло в будущем сожжение на костре. Эта веселость в такое тяжелое, грустное время была причиной того, что Фой стал всеобщим любимцем.

Позади отца с сыном шла гораздо более замечательная личность – Фриц Мартин Роос, или Мартин Красный, названный так по цвету своих огненно-красных волос и бороды, спускавшейся ему на грудь. Ни у кого во всем Лейдене не было второй такой бороды, и уличные мальчишки, пользуясь добродушием Мартина, пробегая мимо него, спрашивали, правда ли, что аисты каждую весну выют в ней себе гнезда. Этот человек, которому на вид можно было дать лет сорок, уже десять лет был верным слугой Дирка ван-Гоорля, в дом которого он поступил при обстоятельствах, о которых мы скажем в свое время.

Взглянув на Мартина, его нельзя было назвать великаном; между тем он был очень высокого роста, выше шести футов и трех дюймов. Его рост умалялся большим животом и привычкой горбиться именно с целью скрыть свой высокий рост. По размеру груди и членов Мартин был действительно примечателен, так что человек с обыкновенными рука-

ми, стоя перед ним, не мог бы обхватить его. Цвет лица его был нежен, как у молодой девушки, и лицо у него было почти плоское, как полная луна, нос же пуговкой. От природы в его сложении не было ничего особенного, но вследствие некоторых событий в своей жизни, когда он являлся, что мы называем теперь, атлетом по профессии, он приобрел оригинальную манеру держать себя. Брови у него были нависшие, но из-под них смотрели большие, круглые, кроткие голубые глаза под толстыми белыми веками, совершенно лишенными ресниц. Однако, когда обладатель этих глаз сердился, они начинали дико сверкать: они вспыхивали и горели, как фонари на носу лодки в темную ночь, и это производило тем большее впечатление, что вся его остальная фигура оставалась при этом совершенно безучастной.

Вдруг, в то время как эти трое шли по улице, послышался шум бегущих людей. Тотчас же все трое скрылись под воротами одного из домов и притаились. Мартин стал прислушиваться.

– Их трое, – шепнул он, – впереди бежит женщина, и ее преследуют двое.

В эту минуту неподалеку распахнулась дверь и показалась рука с факелом. Он осветил бледное лицо бежавшей женщины и преследовавших ее двух испанских солдат.

Рука с факелом скрылась, и дверь захлопнулась. В эти дни спокойные бюргеры избегали вмешиваться в уличные беспорядки, особенно же, если в них принимали участие испан-

ские солдаты. Снова улица опустела, и слышался только звук бегущих ног.

Как раз когда женщина поравнялась с воротами, ее нагнали.

– Пустите меня! – с рыданием молила она. – Пустите! Не довольно того, что вы убили мужа? За что вы преследуете меня?

– За, то что вы такая хорошенькая, моя милочка, – отвечал один из негодяев, – и такая богатая. Держи ее, друг. Господи, как она брыкается!

Фой сделал движение, будто собираясь броситься из-под ворот, но Мартин ладонью своей руки удержал его, не делая ни малейшего усилия, но так крепко, что молодой человек не мог пошевелиться.

– Это мое дело, мейнгерр, – проговорил он, – вы нашумели бы.

В темноте было только слышно его прерывистое дыхание. Двигаясь с замечательной осторожностью для такой туши, Мартин вышел из-под ворот. При свете летней звездной ночи оставшиеся в засаде могли видеть, как он, не замеченный и не услышанный солдатами, людьми высокого роста, подобно большинству испанцев, схватил обоих их сзади за шиворот и столкнул лицами. Об этом можно было судить по движению его широких плеч и бряцанию солдатских лат, когда они соприкоснулись. Но солдаты не издали ни одного звука. После того Мартин, по-видимому, схватил их поперек тела,

и в следующую минуту оба солдата полетели головами вниз в канал, протекавший по середине улицы.

– Боже мой, он убил их! – проговорил Дирк.

– И как ловко! Жалею только, что дело обошлось без меня, – сказал Фой.

Большая фигура Мартина обрисовалась в воротах.

– Фроу Янсен убежала, – сказал он, – на улице никого нет; я думаю, и нам надо поспешить, пока нас еще никто не видел.

Несколько дней спустя тела этих испанцев были найдены с расплюснутыми лицами.

Это объяснили тем, что они, вероятно напившись, затеяли между собой драку и, свалившись с моста, разбились о каменные быки. Все приняли это объяснение, как вполне согласное с репутацией этих людей. Не было произведено никакого дознания.

– Пришлось покончить с собаками, – сказал Мартин, как бы извиняясь, – прости меня Иисус, я боялся как бы они не узнали меня по бороде.

– Да, в тяжелые времена нам приходится жить, – со вздохом проговорил Дирк. – Фой, не говори ничего обо всем этом матери и Адриану.

Фой же подталкивал Мартина, шепча:

– Молодец! Молодец!

После этого приключения, не представлявшего из себя, как то должен помнить читатель, ничего особенного в эти ужасные времена, когда ни жизнь человеческая, особенно

протестантов, ни женская честь никогда не были в безопасности, все трое благополучно, никем не замеченные добрались до дому. Они вошли через заднюю дверь, ведущую в конюшню. Им отворила женщина и ввела их в маленькую освещенную комнату. Здесь женщина обернулась и поцеловала сперва Дирка, потом Фоя.

– Слава Богу, вы вернулись благополучно! – сказала она. – Каждый раз, как вы идете на собрание, я дрожу, пока не услышу ваших шагов за дверью.

– Какая от этого польза, матушка? – заметил Фой. – От того что ты мучаешь себя, ничто не изменится.

– Это делается помимо моей воли, дорогой, – отвечала она мягко. – Знаешь, нельзя быть всегда молодым и беззаботным.

– Правда, жена, правда, – вмешался Дири, – хотя желал бы, чтобы это было возможно: легче было бы жить, – он взглянул на нее и вздохнул.

Лизбета ван-Гоорль давно уже утратила красоту, которой блистала, когда мы впервые увидели ее; но все еще она была миловидная, представительная женщина, почти такая же стройная, как в молодости. Серые глаза также сохранили свою глубину и огонь, только лицо постарело, больше от пережитого и забот, чем от лет. Тяжела была действительно судьба любящей жены и матери в то время, когда Филипп правил в Испании, а Альба был его наместником в Нидерландах.

– Все кончено? – спросила Лизбета.

– Да, – наши братья теперь святые, в раю, радуйся.

– Это дурно, – отвечала она с рыданием, – но я не могу. О, если Бог справедлив и добр, зачем же он допускает, что его слуг так избивают? – добавила она с внезапной вспышкой негодования.

– Может быть, наши внуки будут в состоянии ответить на этот вопрос, – сказал Дирк.

– Бедная фроу Янсен, – перебила Лизбета, – так еще недавно замужем, такая молоденькая и хорошенькая! Что будет с ней?

Дирк и Фой переглянулись, а Мартин, остановившийся у двери, виновато скользнул в проход, будто это он пытался оскорбить фроу Янсен.

– Завтра навестим ее, а теперь дай нам поесть, мне даже дурно от голода.

Через десять минут они сидели за ужином.

Читатель, может быть, еще помнит комнату – ту самую, где бывший граф и капитан Монтальво произнес речь, очаровавшую его слушателей, вечером после того, как он был побежден в беге на льду. Та же люстра спускалась над столом, часть той же посуды, выкупленной Дирком, стояла на столе, но какая разница между сидевшими за столом теперь и тогда! Тетушки Клары давно уже не стало, а вместе с ней и многих из гостей: некоторые умерли естественной смертью, другие от руки палача, некоторые же бежали из своего оте-

чества. Питер ван-де-Верф был еще жив, и хотя власти смотрели на него подозрительно, однако он занимал почетное и влиятельное положение в городе. Сегодня его за столом не было. Пища была обильная, но простая, однако не по бедности, так как дела искусного и трудолюбивого Дирка шли хорошо, и он стоял теперь во главе того медного дела, где прежде был учеником, но потому, что вообще в те времена люди мало думали об изысканности пищи.

Когда жизни грозит постоянная опасность, то все удовольствия и развлечения теряют свою цену. Прислуживали теперь за столом вместо прежних слуг и Греты, давно исчезнувших неизвестно куда, Мартин и старая служанка: так как всегда можно было опасаться шпионства, то и самые богатые люди держали как можно меньше слуг. Одним словом все удобства были доведены до минимума.

– Где Адриан? – спросил Дирк.

– Не знаю, – отвечала Лизбета. – Я думала, он, может быть...

– Нет, – быстро возразил муж, – он не был там, он редко ходит с нами.

– Брат Адриан любит посмотреть на нижнюю сторону ложки, прежде чем облизать ее, – сказал Фой с полным ртом.

Замечание было загадочное, но родители, по-видимому, поняли, что хотел сказать Фой, по крайней мере, за его словами последовало тяжелое, натянутое молчание. Как раз в это время вошел Адриан, и так как мы не видели его уже два-

дцать четыре года, со времени его появления на свет на одном из скрытых островов Гаарлемского озера, то мы должны описать теперь его наружность.

Он был красивый молодой человек, но совершенно иного типа, чем его сводный брат Фой. Свой высокий рост и статную фигуру Адриан унаследовал от матери, лицом же он так мало походил на нее, что никто бы не угадал в нем сына Лизбеты. Тип у него был чисто испанский, ни одной нидерландской черты не было в этом красавце-брюнете. Испанскими были темные бархатные глаза, близко расположенные по обе стороны чисто испанского тонкого носа, с тонкими широко раскрытыми ноздрями; испанским был холодный, несколько чувствительный рот, скорее способный саркастически усмехаться, чем улыбаться; при этом прямые черные волосы, гладкая оливковая кожа и равнодушный, полускучающий вид, очень шедший Адриану, но показавшийся бы неестественным и натянутым в нидерландце его лет, – все в нем указывало испанца.

Адриан сел, не говоря ни слова, и никто не заговорил с ним, пока его отчим Дирк не сказал:

– Ты сегодня не был на работе, хотя мог бы быть нам очень полезен при отливке пушки.

– Нет, батюшка, – отвечал молодой человек ровным, мелодичным голосом. – Вы знаете, что еще достоверно не известно, кто заплатит за эту пушку. По крайней мере, мне не известно, потому что от меня все держат в тайне, и если за-

казчиком окажется побежденная сторона, то этого было бы достаточно, чтобы повесить меня.

Дирк вспыхнул, но не ответил, а Фой заметил:

– Ты прав, Адриан, береги свою шкуру.

– Именно теперь я нахожу гораздо целесообразнее изучать тех, в кого может стрелять пушка, чем пушку, которая предназначается для этого, – продолжал Адриан невозмутимо, не обращая внимания на замечание брата.

– Будем надеяться, что ты не принадлежишь к их числу, – снова перебил Фой.

– Где ты был сегодня вечером, сын мой? – поспешно спросила Лизбета, боясь ссоры.

– Вместе с толпой смотрел на то, что происходило на рыночной площади.

– Неужели на мучения нашего друга Янсена?

– Почему же нет? Это ужасно, это преступление, без сомнения, но наблюдающему жизнь следует изучать такие вещи. Ничто не привлекает так философа, как игра людских страстей. Волнение грубой толпы, тупое равнодушие стражи, горе сочувствующих, стоическое терпение жертв, одушевленных религиозным порывом...

– И великолепные логические выводы философа, который стоит, подняв нос кверху, и смотрит, как его друга и брата по вере сжигают на медленном огне! – запальчиво перебил Фой.

– Шш! Шш! – вмешался Дирк, ударяя кулаком по столу

с такой силой, что стаканы зазвенели. – О таких вещах не спорят. Адриан, тебе следовало бы быть с нами, даже если бы тебе грозила опасность, вместо того чтобы ходить на эту бойню! – добавил он многозначительно. – Но я никого не хочу подвергать опасности, и ты уже в таких годах, что можешь сам решать за себя. Прошу тебя только избавить нас от твоих рассуждений по поводу зрелища, которое мы находим ужасным, каким бы интересным оно ни показалось тебе...

Адриан пожал плечами и приказал Мартину подать себе еще мяса. Когда великан подошел к молодому человеку, он расширил свои тонкие ноздри и втянул воздух.

– Что это так от тебя пахнет, Мартин? – сказал он. – Впрочем, неудивительно: твоя куртка в крови. Ты бил свиней и забыл переодеться?

Круглые голубые глаза Мартина вспыхнули, но тотчас снова потускнели и померкли.

– Да, мейнгерр, – отвечал он басом, – я бил свиней. Но и от вас пахнет дымом и кровью, вы, вероятно, подходили к костру.

В эту минуту Дирк, чтобы положить конец разговору, встал и начал читать молитву. Затем он вышел из комнаты в сопровождении жены и Фоя, между тем как Адриан задумчиво и не спеша доканчивал свой обед.

Выйдя из столовой, Фой последовал за Мартином через двор в конюшню, а оттуда по лестнице в комнату наверху, где спал слуга. Комната представляла из себя странную картину

– она была вся набита всевозможным хламом и рухлядью: здесь были бобровые и волчьи меха, птичьи кожи, различное оружие, среди которого и огромный меч старинного образца и простой работы, но сделанный из превосходной стали, обрывки сбри и тому подобное.

Постели не было, так как Мартин не признавал ее и спал на кожах, положенных прямо на пол. В одеяле он также не нуждался: он был так закален, что за исключением самой холодной погоды довольствовался своей шерстяной курткой. Ему случалось спать в ней на дворе в такой мороз, что утром у него волосы на голове и борода оказывались в сосульках.

Мартин затворил дверь и зажег три фонаря, которые повесил на крючья на стене.

– Хотите пофехтовать? – спросил он Фоя.

Фой кивнул утвердительно, говоря:

– Мне хочется прогнать вкус всего этого, поэтому не щади меня. Нападай, пока я не разозлюсь, я тогда забуду... – Он снял с гвоздя кожаный шлем и надел на голову.

– Забудете? Что? – спросил Мартин.

– Молитву, сожжение, фроу Янсен и рассуждения Адриана.

– Да, это самое худшее из всего, – великан нагнулся и продолжал шепотом: – Не спускайте его с глаз, герр Фой.

– Что ты хочешь сказать этим? – спросил Фой резко, вспыхнув.

– То, что говорю.

– Ты забываешь, что говоришь о моем брате, родном сыне моей матери. Я не хочу слышать ничего дурного об Адриане, он смотрит на многое иначе, чем мы, но в душе он добр. Понимаешь?

– Он не сын вашего отца, мейнгерр. Яблоко недалеко падает от яблони. Порода сказывается. Мне приходилось разводить лошадей, и я знаю.

Фой смотрел на него и колебался.

– Нет, – сказал Мартин, отвечая на вопрос, который прочел в его глазах, – я не имею ничего против него, но он на все смотрит не так, и к тому же он испанец...

– А ты не любишь испанцев, – перебил его Фой. – Ты несправедливая, упрямая свинья.

Мартин улыбнулся.

– Я не люблю испанцев, мейнгерр, да и вы скоро перестанете любить их. Ну, долг платежом красен – и они не любят меня.

– Как это тебе удалось так тихо обделать это дело? – спросил Фой, вспомнив о недавнем происшествии. – Отчего ты не позволил мне помочь тебе?

– Вы бы нашумели, мейнгерр, а зачем привлекать к себе внимание? Они к тому же были вооружены и могли ранить вас.

– Ты прав. А как ты это сделал? Мне не было видно.

– Я выучился этой штуке в Фрисландии, мне показали матросы. На шее у человека – здесь, позади – есть такое ме-

сто, что если схватить за него, то человек сию секунду лишается чувств. Вот так, мейнгерр... – Он схватил молодого человека за шею, и тот почувствовал, что лишается сознания.

– Пусти! – прохрипел он, отбиваясь ногами.

– Я только хотел показать вам, – отвечал Мартин, подняв веки. Вот, а когда они лишились чувств, было уже не трудно столкнуть их головами так, чтоб они уже больше не приходили в себя. Если б я не убил их, – прибавил он, – так... Ну, все равно они умерли, а мы с вами поужинали, и теперь я жду. Как мы станем фехтовать: на голландский или испанский манер?

– Сначала по-голландски, а потом по-испански, – отвечал Фой.

– Хорошо, стало быть, обе понадобятся. Он снял со стены две рапиры, вделанные в старые рукояти от мечей, чтобы защитить руки фехтующих.

Оба встали в позицию, и тут при свете фонарей Мартин предстал во весь свой гигантский рост. Фой, тоже высокий и статный, крепко сложенный, как все его соотечественники, казался мальчиком перед своим противником.

Излишне было бы следить за их упражнениями, которые окончились так, как того можно было ожидать. Фой прыгал то в одну, то в другую сторону, то коля, то режа, между тем как Мартин едва шевелил своей рапирой. Потом он вдруг парировал, и рапира вылетала из рук Фоя, падая позади него и поднимая пыль из его кожаного колета.

– Все равно, какая польза становится в позицию против тебя, большой скотины, – сказал наконец Фой, – когда ты просто рубишь сплеча. Это не искусство.

– Нет, мейнгерр, но так бывает на деле. Если бы мы фехтовали на мечах, то я изрубил бы вас уже давно в куски. И для вас тут особого позора нет, и для меня нет особенной заслуги: мои руки длиннее и удар тяжелее – вот и все.

– Как-никак, я побежден, – сказал Фой, – ну, возьми рапиру и дай мне случай поправиться.

Они начали фехтовать на легких рапирах, снабженных для безопасности на концах оловянными кружками, и тут счастье переменялось. Фой был проворен, как кошка, и имел глаз сокола, и два раза ему удалось тронуть Мартина.

– Убит, старик! – сказал он после второго раза.

– Верно, – отвечал Мартин, – только помните, что я-то убил вас прежде, так что вы только привидение и больше ничего. Хоть я и научился обращаться с этой вилкой, чтобы сделать вам удовольствие, но не намерен употреблять ее. Вот мое оружие!

Схватив большой меч, стоявший в углу, он стал вертеть им в воздухе.

Фой взял меч из рук Мартина и стал рассматривать. Это было длинное, прямое стальное лезвие, оправленное в простую рукоять, и с одним словом, вырезанным на нем: «Silentium» – «Молчание».

– Почему его зовут «Молчание», Мартин?

– Думаю, потому, что он заставляет людей молчать.

– Откуда он у тебя? – спросил Фой шутливо. Он знал, что этот вопрос задевал за живое фриса.

Мартин сделался красен, как его борода.

– Мне кажется, он когда-то служил мечом Правосудия в небольшом городке Фрисландии. А как он попал ко мне, я забыл.

– И ты еще называешь себя хорошим христианином, – сказал Фой тоном упрека. – Я слышал, что этот меч должен был отсечь твою голову, а ты как-то ухитрился стянуть его и удрать.

– Было что-то в этом роде, – пробормотал Мартин. – Только все это было так давно, что я уж позабыл. Я так редко бывал трезв в то время – прости меня, Господи, – что не могу всего ясно припомнить. А теперь позвольте мне лечь спать.

– Старый ты лгун, – сказал Фой, покачивая головой, – ты убил этого несчастного слугу правосудия и удрал с его мечом. Ты сам знаешь, что дело было так, и теперь тебе стыдно признаться.

– Может быть, может быть, – уклончиво отвечал Мартин, – на свете случается так много вещей, что всего и не запомнишь. Мне хочется спать.

– Мартин, – сказал Фой, садясь на стул и снимая колет, – что ты делал, прежде чем записался в святые? Ты мне никогда не рассказывал всей своей истории. Ну расскажи, я не перескажу Адриану.

– Нечего и рассказывать...

– Ну, говори скорей.

– Если вам интересно знать, я сын крестьянина из Фрисландии.

– И англичанки из Ярмута, это я знаю.

– Да, – повторил Мартин, – англичанки из Ярмута. Мать моя была очень сильная женщина, она могла одна поднимать телегу, когда отец смазывал колеса; это случалось иногда, большею же частью отец поддерживал телегу, между тем как она мазала колеса. Люди сходились смотреть на нее, когда она проделывала такую штуку. Когда я подрос, я поднимал телегу, а они оба мазали колеса. Наконец, они оба умерли от чумы, упокой, Господи, их души! Я получил ферму в наследство.

– Ну и...? – спросил Фой, пристально смотря на него.

– Ну, и поддался дурной привычке, – неохотно закончил Мартин.

– Стал пить? – допрашивал безжалостный Фой.

Мартин вздохнул и опустил свою большую голову. Совесть у него была чувствительная.

– Вот ты и начал выступать борцом, – продолжал его мучитель, – ты не можешь отречься от этого, взгляни на свой нос.

– Да, я был борцом, Господь еще не коснулся моего сердца в то время, и, правду сказать, ничего в этом не было дурного, – добавил он. – Никто не побеждал меня, только один

раз, когда я был выпивши, меня побил один брюсселец. Он переломил мне переносицу, когда же я перестал пить... – он запнулся.

– Ты убил испанца-борца здесь, в Лейдене? – закончил Фой.

– Да, – согласился Мартин, – я убил его, это верно, но ведь славная была борьба, и он сам виноват. Этот испанец был молодец, да, видно, уж суждено мне было покончить с ним. Я думаю, мне его смерть зачтется на небе.

– Расскажи-ка мне подробнее про это, я в то время был в Гааге и хорошенько не помню всего. Я, конечно, не сочувствую таким вещам, – шутник сложил руки и принял набожный вид, – но раз все это кончено, можно послушать рассказ о борьбе. Ведь ты не станешь хуже оттого, что расскажешь.

Вдруг беспамятный Мартин обнаружил необыкновенную память и в мельчайших подробностях рассказал про эту достопамятную борьбу.

– И вот после того как он дал мне пинка в живот, – закончил он, – чего, как вы знаете, не имел права делать, я вышел из себя и изо всей силы набросился на него, левой рукой ударив что было мочи по его правой, которой он защищался...

– И что же потом? – спросил Фой, начиная возбуждаться, так как Мартин рассказывал действительно хорошо.

– Голова его ушла в плечи, и когда его подняли, оказалось, что у него сломана шея. Мне было жаль его, но помочь ему я не мог – видит Бог, не мог. Зачем он назвал меня «поганым

фрисландским быком» и ударил в живот?

– Конечно, это он сделал напрасно. Но ведь тебя арестовали, Мартин?

– Да, во второй раз приговорили к смерти за убийство. Видите ли, опять всплыло это фрисландское дело, и здешние власти держали пари за испанца. Тут спас меня ваш отец. Он в этот год был бургомистром и выкупил меня, заплатив знатные деньги. Потом он научил меня быть трезвым и думать о своей душе. Теперь вы знаете, почему старый Мартин будет служить ему, пока есть хоть капля крови в его жилах. А теперь, мейнгерр Фой, я пойду спать, и дай мне Бог не видеть во сне этих собак-испанцев.

– Не бойся, – сказал Фой уходя, – «отпускаю их» тебе. Господь через твою силу поразил тех, кто не постыдился оскорбить и ограбить молодую женщину, убив ее мужа. Можешь быть спокоен: ты сделал доброе дело! Я боюсь только одного – как бы нас не проследили, впрочем, улица, кажется, была совершенно пуста.

– Совсем пуста, – кивая, подтвердил Мартин, – никто не видал меня, кроме солдат и фроу Янсен. Они не могут сказать, и она не скажет. Покойной ночи, мейнгерр!

Глава X. Адриан отправляется на соколиную охоту

В доме на одной из боковых улиц Лейдена, неподалеку от тюрьмы, на другой день после сожжения Янсена и еще другого мученика сидели за завтраком мужчина и женщина. Мы уже встречались с ними: то были не кто иной, как достоуважаемая Черная Мег и ее сожитель, прозванный Мясником. Время, не уничтожившее их сил и деятельности, не способствовало украшению их наружности.

Черная Мег осталась почти такой, какой была, только волосы поседели и черты лица, будто обтянутого желтым пергаментом, еще больше обострились, между тем как глаза продолжали гореть прежним огнем. Мужчина, Гаг Симон по прозвищу Мясник, от природы негодяй, а по профессии шпион и вор – порождение века насилия и жестокостей – своей фигурой и лицом вполне оправдывал данное ему прозвище.

Толстое, расплывшееся лицо с маленькими свиными глазами обрамляли редкие, песочного цвета бакенбарды, поднимавшиеся от шеи до висков, где они исчезали, оставляя голову совершенно лысой. Фигура была тяжелая, пузатая, на кривых, но крепких ногах.

Но хотя молодость прошла, унеся с собой всякий намек на благообразность, зато годы принесли им другое возна-

граждение. Время было такое, когда шпионы и тому подобные негодяи процветали, так как помимо случайных доходов особым узаконением доказчику выдавалась как награда известная доля проданного имущества еретиков. Конечно, мелкая сошка, вроде Мясника и его жены, не получала значительной доли шерсти остриженной овцы, так как тотчас после ее убийства являлись посредники всевозможных степеней, требовавшие удовлетворения – начиная от судьи и кончая палачом, – а кроме того, еще многие другие, никогда не показывавшие своего лица; но все же, так как пытки и костры не прекращались, общий доход был порядочный. И вот, сидя сегодня за завтраком, чета занялась подсчетом того, что они могли рассчитывать получить с имущества умершего Янсена, и Черная Мег для этого вооружилась куском мела, которым писала на столе. Наконец она сообщила результат, оказавшийся удовлетворительным. Симон всплеснул руками от восторга.

– Горлинка моя, – сказал он, – тебе бы быть женой адвоката! Какая ты умница... Да, теперь близко, близко...

– Что близко, старый дурень? – спросила Мег своим низким, мужским голосом.

– Эта ферма с корчмой при ней, о которой я мечтал, ферма посреди богатых пастбищ, с леском позади, а в лесочке церковь. Ферма не велика – мне многого не надо – всего акров сто: как раз достаточно, чтобы держать штук тридцать – сорок коров, которых ты станешь доить, я же буду продавать

на рынке сыр и масло...

– И резать приезжих, – перебила его Мег.

Симон возмутился.

– Нет, ты напрасно эдакого мнения обо мне. Жить трудно, и приходится с бою брать свое, но раз мне удастся достигнуть чего-нибудь, я намерен стать почтенным человеком и иметь свое место в Церкви, конечно, католической. Я знаю, что ты из крестьянок и вкусы у тебя крестьянские; сам же я никогда не могу забыть, что мой дед был джентльмен. – Симон запыхтел и устремил взгляд в потолок.

– Вот как! – с насмешкой отвечала Мег. – А кто была твоя бабушка? Да деда-то своего ты знал ли еще? Захотел иметь ферму! Кажется, никогда не владеть тебе ничем, кроме старой красной мельницы, где ты прячешь добычу в болоте! Место в деревенской церкви! Скорей получишь место на деревенской виселице. Не гляди на меня с угрозой, не бывать этому, старый лгунишка. Я знаю, на моей душе есть многое, но все же я не сожгла свою родную тетку как анабаптистку, чтобы получить после нее наследство – двадцать флоринов.

Симон побагровел от бешенства: история с теткой сильнее всего задевала его.

– Ах ты, гадина!.. – начал было он.

Мег вскочила и схватилась за горлышко бутылки. Симон тотчас переменял тон.

– Ох, эти женщины, – заговорил он, отворачиваясь и вытирая свою лысину, – вечно бы им шутить. Слушай, кто-то

стучит у двери.

– Смотри, будь осторожен, отпирая, – сказала Мег, встретившись, – помни, у нас много врагов, а острие пики можно просунуть во всякую щель.

– Разве можно жить с мудрецом и оставаться дураком? Доверься мне. – И обняв жену за талию, Симон, поднявшись на цыпочки, поцеловал Мег в знак примирения, так как он знал, что она злопамятна. Потом он поспешил к двери, насколько ему позволяли его кривые ноги.

Произошел продолжительный разговор через замочную скважину, но в конце концов, посетитель был принят. Он оказался парнем с нависшими бровями, вообще по наружности похожим на хозяина дома.

– Как хорошо с вашей стороны относиться так подозрительно к старому знакомому, особенно, когда он пришел по делу, – заговорил он.

– Не сердись, милый Ганс, – прервал Симон, извиняясь. – Ты знаешь, мало ли тут бродит всякого люда в наши времена; кто мог знать, что за дверью не стоит один из этих отчаянных лютеран, который того гляди пырнет чем-нибудь. Ну, какое дело?

– Ну да, лютеран! – с насмешкой передразнил Ганс. – Если у них есть крошка ума, они проколют твое жирное брюхо, между прочим, я приехал из Гааги по делу лютеран.

– Кто послал тебя? – спросила Мег.

– Испанец Рамиро, недавно появившийся там, травленный

пес, знакомый с инквизицией; он, кажется, знает всех, а его не знает никто. Деньги у него есть и, по-видимому, есть связи. Он говорит, что вы его старые знакомые.

– Рамиро... Рамиро... – задумчиво повторяла Мег. – В переводе значит «гребец»; должно быть, выдуманное имя. Немало знакомых у нас на галерах, быть может, он из них. Что ему надо и какие условия?

Ганс перегнулся вперед и долго что-то говорил шепотом, между тем как муж и жена слушали его, изредка кивая головами.

– Маловато, – сказал Симон, когда Ганс кончил.

– Легкое и верное дело, друг: толстосум-купец, жена его и дочь. Ведь убивать не надо, если только можно будет обойтись без этого, а если нельзя, то Святое Судилище прикроет нас. Благородному Рамиро нужно только письмо, которое, как он думает, молодая женщина носит на себе. Вероятно, оно касается священных дел Церкви. Если при этом найдутся какие-нибудь ценности, мы можем удержать их как задаток.

Симон колебался, но Мег заявила решительно.

– Хорошо, у этих купчих часто за корсетом бывают спрятаны дорогие вещи.

– Душа моя... – начал было Симон.

– Молчи, – яростно крикнула Мег, – я решила, и баста! Мы встретимся у Бойсхайзена в пять часов около высокого дуба и там все обсудим.

Симон уже не возражал более, он обладал столь полезной в домашнем быту добродетелью – умением уступать.

В то же самое утро Адриан встал поздно. Разговор за ужином, особенно же грубые насмешки Фоя рассердили его, а в тех случаях, когда Адриан сердился, он обыкновенно заваливался спать и спал, пока дурное расположение духа не рассеивалось.

Состоя только бухгалтером в заведении своего отца – Дирку никогда не удавалось привлечь пасынка к более активному участию в литейном деле, так как молодой человек считал в душе подобное занятие ниже своего достоинства, – Адриану следовало бы быть на месте уже к девяти часам, но это было невозможно, раз он встал около десяти, а пока позавтракал, пробило и все одиннадцать. Тут же он вспомнил, что следовало бы кончить сонет, последние строчки которого вертелись у него в голове. Адриан был немного поэт и, подобно многим поэтам, считал тишину необходимой для творчества. Разговоры и пение Фоя, тяжелая топотня Мартина по всему дому раздражали Адриана. И вот теперь, когда и мать ушла из дому – на рынок, по ее словам, вероятнее же всего, исполняя какое-нибудь рискованное дело благотворительности, имевшее отношение к тем, кого она называла мучениками, – Адриан решился воспользоваться случаем и окончить свой сонет.

Это потребовало некоторого времени. Во-первых, как известно, всем поэтам музу следует вызывать, и она редко яв-

ляется раньше того, чем поэт потратит значительное время на размышление обо всем вообще на свете. Затем, особенно в сонетах, рифма часто бывает капризна и не дается сразу. Предметом сонета была известная испанская красавица Изабелла д'Ованда. Она была женой дряхлого, но очень знатного испанца, годившегося ей в деды и посланного в Нидерланды королем Филиппом II по каким-то финансовым делам.

Этот гранд, оказавшийся добросовестным и дельным человеком, посетил в числе других городов и Лейден для определения имперских налогов и податей. Выполнение задач отняло у него не много времени, так как бюргеры прямо и решительно объявили, что в силу древних привилегий они свободны от каких бы то ни было имперских податей и налогов, и благородному маркизу не удалось склонить их к перемене взглядов. Переговоры, однако, длились неделю, и в это время его жена, красавица Изабелла, ослепляла местных женщин своими туалетами, а мужчин – своей красотой.

Особенно увлекался ею романтический Адриан и поэтому начал писать стихи. Вообще рифма давалась ему довольно легко, хотя и встречались затруднения, однако он преодолевал их. Наконец сонет – высокопарное, довольно нелепое произведение – был окончен.

Тут наступило время еды, редко что возбуждает аппетит в такой степени, как поэтические упражнения, и Адриан принялся за еду. Во время обеда вернулась его мать, бледная и озабоченная, так как она ходила хлопотать о помещении в

безопасное место обнищавшей вдовы замученного Янсена – трудная и опасная задача. Адриан по-своему любил мать, но по эгоистичности своего характера мало обращал внимания на ее заботы и расположение духа. И теперь, пользуясь случаем иметь слушательницу, он пожелал прочесть ей свой сонет и не один раз, а несколько.

– Очень мило, очень мило, – проговорила Лизбета, – в озабоченном уме которой пустые слова сонета отдавались, как жужжание пчел в пустом улье, – хотя я и не понимаю, каким образом у тебя хватает духу писать в такое время сонеты молодым женщинам, которых ты не знаешь.

– Поэзия – великая утешительница, матушка, – наставительно заявил Адриан, – она возвышает ум, отрывая его от мелких повседневных забот.

– Мелких повседневных забот! – повторила Лизбета с горечью и невольно воскликнула: – Ах, Адриан, неужели в тебе нет сердца, что ты можешь смотреть на сожжение святого и, вернувшись домой, философствовать о его мучениях?! Неужели в тебе никогда не проснется чувство! Если б ты видел сегодня утром эту несчастную, всего три месяца назад бывшую счастливой невестой! – Заливаясь слезами, Лизбета отвернулась и выбежала из комнаты, вспомнив, что судьба фроу Янсен могла завтра стать и ее судьбой.

Это проявление волнения окончательно расстроило слабонервного Адриана, искренно любившего мать, слез которой он не мог выносить.

– Проклятая история, – думал он, – отчего нам нельзя уехать в какую-нибудь страну, где не было бы никакой религии, кроме разве поклонения Венере. Да, в такую страну, где в апельсиновых рощах журчат ручьи, а прекрасные женщины с гитарами в руках охотно слушают написанные для них сонеты, в страну...

В эту минуту отворилась дверь, и в проеме появилось круглое, багровое лицо Мартина.

– Хозяин приказал узнать, придете ли вы на работу, герр Адриан? Если же не придете, то потрудитесь дать мне ключ от кассы, ему нужна книга чеков.

Адриан поднялся было со вздохом, чтобы идти, но передумал. После мечтаний о зеленых рощах и красивых дамах ему казалось невозможным вернуться в прозаическую, душевную литейную.

– Передай, что я не могу прийти, – сказал он, вынимая ключ.

– Слушаю, – отвечал Мартин, – отчего не можете прийти?

– Потому что пишу.

– Что пишете? – допрашивал Мартин.

– Сонет.

– Что такое сонет? – наивно спросил Мартин.

– Невежда-клоун! – проворчал Адриан и вдруг, вдохновившись, объявил: – Я покажу тебе, что такое сонет, я прочту тебе его. Войди и запри дверь.

Мартин повиновался и был награжден чтением сонета, из

которого не понял ничего, кроме имени дамы – Изабеллы д'Ованда. Но Мартин не был лишен ехидства.

– Великолепно! – проговорил он. – Великолепно! Ну-ка, прочтите еще раз, мейнгерр.

Адриан с удовольствием исполнил его желание, помня рассказ о том, как песни Орфея очаровывали даже зверей...

– А, так это любовное письмо? – догадался наконец Мартин. – Письмо к черноглазой красавице-маркизе, которая, я видел, смотрела на вас?

– Нет, не совсем так, – отвечал Адриан, очень довольный, хотя и не мог припомнить, когда красавица-маркиза удостоила его благосклонного взгляда. – Пожалуй, можно назвать и так: идеализированное любовное послание, послание, в котором страстное и нежное поклонение окутано покрывалом стихов.

– Точно так... Вы хотите послать ей его?

– Как ты думаешь, она не обидится? – спросил Адриан.

– Обидится! – сказал Мартин. – Если обидится, то, значит, я не знаю женщин! (Он и в самом деле не знал их). Нет, ей будет очень приятно, она будет перечитывать ваше письмо, выучит его наизусть, положит его себе под подушку и, думаю, пригласит вас к себе. Ну, мне пора, благодарю вас за чудное письмо в стихах, герр Адриан.

– Правда, как обманчива бывает иногда наружность, – рассуждал Адриан, когда дверь затворилась. – Я всегда смотрел на Мартина как на грубую, глупую скотину, а между тем

в груди его, при всем его невежестве, тлеет священная искра. – И он решил, что при первом удобном случае прочтет Мартину еще несколько своих произведений.

Если бы Адриан только мог быть свидетелем сцены, происходившей в это время на заводе! Отдав ключ от кассы, Мартин отыскал Фоя и рассказал ему все происшедшее. Мало того, коварный предатель передал ему черновик сонета, поднятый им с полу, и Фой, в кожаном фартуке, сидя на краю формы, прочел его.

– Я посоветовал ему послать его, – продолжал Мартин, – и, клянусь святым Петром, я думаю, он это сделал; и не будь я Красный Мартин, если после этого дон Диас не станет преследовать его с пистолетом в одной руке и стилетом в другой.

– Вероятно, так и будет, – захлебываясь от смеха и болтая в воздухе ногами от удовольствия, подтвердил Фой. – Старика называют «ревнивой обезьяной». Он, вероятно, распечатывает все письма своей супруги.

Таким образом, поэтические старания сентиментально-возвышенно чувствовавшего Адриана вызвали только насмешку со стороны прозаического, практического Фоя.

Между тем Адриан, почувствовав необходимость в свежем воздухе после своих поэтических упражнений, снял своего кречета с наместа – он был любитель соколиной охоты – и, взяв его на руку, отправился поискать дичи в болотах за городом.

Не пройдя и до половины улицы, он уже забыл и Иза-

беллу, и сонет. Это был странный характер, не исчерпывающийся исключительно сентиментальностью – порождением праздных часов и тщеславия. В настоящее время его называли бы фатом. Обладая способностью своего отца Монтальво красиво выражаться, он не унаследовал вместе с тем его юмора. Как упомянул Мартин, кровь отца преобладала в нем: он был испанцем и по наружности, и по духу.

Например, внезапные необузданные вспышки страсти, которым он был подвержен, представляли чисто испанскую черту, в этом отношении в нем не было ни капли нидерландской флегматичности и терпения. И именно эта черта его характера больше, чем его взгляды и стремления, делала его опасным, так как, несмотря на то, что в сердце он часто имел хорошие намерения, последние сплошь и рядом уничтожались внезапным порывом ярости.

Со своего рождения Адриан редко встречался с испанцами, и влияние, под которым он вырос, особенно со стороны матери – существа, более всех на свете любимого им, – было антииспанское, а между тем, будь он гидальго, выросший при дворе в Эскуриале, он не мог бы быть более чистым испанцем. Он вырос в республиканской атмосфере, а между тем в нем не было привязанности к свободе, воодушевлявшей нидерландцев. Непреклонная независимость голландцев, их всегдашнее критическое отношение к королевской власти и издаваемым ею законам, их неслыханное притязание, что не одни только высокопоставленные лица, в жилах

которых течет голубая кровь, но вообще, все усердно работающие граждане имеют право на все, что есть хорошего на свете, – все это было несимпатично Адриану. Точно так же с детства он был членом диссидентской Церкви – принадлежал к исповедникам новой религии, в душе же он отвергал эту веру с ее скромными проповедниками и пастырями, с ее простым богослужением, с ее длинными, серьезными молитвами, приносимыми Всемогущему в полумраке подвала или на сеновале коровника.

Подобно большинству политических нидерландцев, Адриан время от времени появлялся на католическом богослужении, и он не тяготился этими посещениями: пышность обрядов и церемоний, торжественность обеда среди облаков фимиама, звук органа и чудное пение скрытого хора – все это находило отголосок в его груди, часто вызывало слезы на глазах. Само учение католической Церкви было ему симпатично, и он понимал, что оно приносит радость и успокоение. Здесь можно было найти прощение грехов, и не там, далеко на небе, но здесь, близко, на земле – прощение для всякого, кто преклонял голову и платил пеню. Это учение давало ему массу готовых доказательств, что после смерти, которой он боялся, его душа, как бы она ни была отягощена грехами, не попадет в когти сатаны. Не была ли это более практичная и удобная вера, чем вера этих громогласных, грубых лютеран, среди которых он жил, – людей, предпочитавших отбросить эту готовую броню и искать защиты за щитом, скованным их

собственной верой и молитвами, и ради этого подавлявших свои дурные наклонности и желания.

Таковы были тайные мысли Адриана, но до сих пор он никогда не действовал согласно им, хотя ему хотелось бы этого, но он боялся разрыва со всеми окружающими его. И как он ненавидел их всех! Ему стыдно было жить, ничего не делая, среди вечно занятого народа, поэтому он служил счетоводом у отчима, кое-как вел книги литейного завода и писал письма иногородним заказчикам, так как обладал способностью придавать округленную форму сырому материалу. Но эти занятия надоели ему: в нем жило присущее всем испанцам презрение к торговле и отвращение от нее. В душе он признавал единственное занятие, достойное человека, – выгодную войну с врагами, которых стоит грабить, – войну, подобную той, какую Кортес и Писарро вели с несчастными индейцами Нового Света.

Адриан читал хронику о похождениях этих героев и горько сожалел, что родился на свет слишком поздно, чтобы принимать в них участие. Рассказ об избиении тысяч туземных воинов и о несметных золотых сокровищах, которые делились между победителями, воспламеняли его воображение. Ему случалось видеть эти сокровища во сне – корзины, полные драгоценных камней, груды золота и толпы красивых рабынь, отданных Церковью во власть верному воину, которому поручено было обратить неверующих в христианство, хотя бы путем убийства и грабежей.

Как страстно он желал такого богатства и власти, которую оно принесло бы с собой! Теперь же он зависел от других, смотревших на него сверху вниз, как на ленивого мечтателя, никогда он не имел в кармане ни гроша, а за душой были одни только долги, которых старался не считать. Достигнуть же богатства работой, честным ремеслом или торговлей, как многие из его соседей, – это ему не приходило в голову. На это он смотрел как на унижительное дело, годное только для презренных голландцев, среди которых ему суждено было жить.

Такова в главных чертах характеристика Адриана, носившего фамилию ван-Гоорль, суеверного мечтателя, пустого сибарита, скучного писателя стихов, изобретателя фальшивых выводов, слабохарактерного и страстного себялюбца, лучшие чувства которого, как, например, его любовь к матери и еще другая привязанность, о которой будет сказано ниже, были не более как проявлением того же эгоизма – его собственного тщеславия и погони за удовольствиями. Его нельзя было назвать дурным человеком, в нем были и некоторые порядочные черты: так, например, он был способен иметь хорошие намерения и горько раскаиваться в своих поступках, даже временами мог иметь горячие порывы. Но вырасти в душе Адриана эти зародыши добрых задатков могли только, если бы крепкие стены защищали их от внешних искушений, Адриан не был никогда в состоянии устоять против соблазнов. От природы он был предназначен служить иг-

рушкой других людей, а также своих собственных желаний. Можно спросить: что он унаследовал от матери? Нашлась ли бы в его слабом, неблагородном характере хотя одна ее чистая, благородная черта? Вряд ли. Может быть, это было следствием его появления на свет, вовсе не желанного ею, причем она передала ему часть своего тела, но не дала ничего, чем могла распоряжаться сама, – своей души? Кто знает? Одно достоверно, что от матери он не унаследовал ничего, кроме доли голландского упрямства в исполнении своих замыслов, что в соединении с его прочими свойствами делало его очень опасным – превращало в человека, которого приходилось бояться и от которого следовало бежать.

Адриан дошел до Витте-Поорт (Белых ворот) и, остановившись у городского рва, задумался. Подобно многим своим молодым соотечественникам-современникам, он имел военные наклонности и был убежден, что при случае мог бы сделаться выдающимся полководцем. Теперь он рисовал себе картину осады Лейдена большой армией, состоящей под его начальством, и располагал ее так, чтобы вызвать скорейшее падение города. Не мог он знать тогда, что через несколько лет такой же задачей будет занят ум Вальдеца и других великих испанских полководцев.

Вдруг его мечты нарушились грубым голосом, крикнувшим:

– Проснись, испанец! – и какой-то твердый предмет – зеленое яблоко – чуть не сбил перья с его плоского берета. Ад-

риан оглянулся с бранью и увидел двух парней лет пятнадцати, высунувших языки и строивших ему рожи из-за угла караулки. Лейденская молодежь не любила Адриана, и он знал это. Сочтя за лучшее не обращать внимания на оскорбление, он собирался было идти дальше, как один из парней, ободренный безнаказанностью, вышел из-за угла и начал раскланиваться перед ним так, что его вытертая шапка свалилась с головы в пыль, говоря насмешливо товарищу:

– Ганс, как ты смел потревожить благородного гидальго? Разве ты не видишь, что благородный гидальго идет прогуляться, отыскивая своего благородного батюшку, герцога Золотого Руна, которому несет в подарок ручную птичку?

Адриан слышал, и оскорбление подействовало на него, как удар бича на благородного коня. Ярость вскипела в нем, как огненный фонтан, и, выхватив кинжал из-за пояса, он бросился на мальчишек, сбросив сокола в колпачке. Птица полетела за ним. В эту минуту Адриан был бы способен убить обоих оскорбителей, но, к счастью для него и для них, они вовремя успели скрыться в одной из узких улиц. Он остановился и, еще весь дрожа от бешенства, подманив к себе сокола, пошел по мосту.

– Заплатят они мне, – ворчал он про себя. – Не забуду я им этого!

Надо пояснить, что Адриан знал кое-что из истории своего рождения, но не все. Он знал, например, что фамилия его отца была Монтальво, что брак его матери по каким-то

причинам был объявлен незаконным, и отец таинственно исчез из Нидерландов, отправившись, как ему сказали, искать смерти в чужие края. Больше ничего он не знал достоверно, так как все отвечали на его вопросы об этом предмете с удивительной сдержанностью. Два раза он, собравшись с духом, начинал расспрашивать мать, но каждый раз лицо ее принимало холодное выражение, и она отвечала почти одними и теми же словами:

– Сын мой, прошу тебя, не расспрашивай. Когда я умру, ты найдешь всю историю твоего рождения, записанную мною, но если ты будешь благоразумен, то не станешь читать ее.

Однажды он предложил тот же вопрос своему отчиму Дирку ван-Гоорлю, но Дирк смутился и отвечал:

– Советую тебе довольствоваться тем, что ты живешь у друзей, которые заботятся о тебе. Помни, что кто станет копать землю на кладбище, тот найдет кости.

– В самом деле? – высокомерно ответил Адриан. – Надеюсь, по крайней мере, что тут нет ничего такого, что касалось бы репутации моей матери?

При этих словах Дирк, к удивлению своего пасынка, побледнел и подступил к нему, будто намереваясь схватить его за горло.

– Ты смеешь сомневаться в своей матери, этом ангеле, посланном с неба?.. – начал было он, но тотчас замолчал и прибавил: – Ну извини меня, мне следовало помнить, что ты-то

ни в чем не виноват и что этот вопрос, естественно, тяготит тебя.

Адриан ушел; пословица о кладбище и костях так сильно врезалась в его память, что он уже не копался больше в земле, – другими словами, перестал задавать вопросы и довольствовался убеждением, что хотя его отец, может быть, и поступил дурно с его матерью, но все же был древнего, благородного происхождения, и древняя, благородная кровь течет, стало быть, и в его жилах. Все остальное забудется, хотя теперь ему довольно часто приходилось выносить оскорбления, вроде сегодняшнего, а когда все забудется, то кровь, драгоценная, голубая кровь испанского гидальго все же останется его наследием.

Глава XI. Адриан выручает красавицу из опасности

Весь долгий вечер Адриан пробродил по тропинкам, перерезывавшим луга и болота, раздумывая о случившемся и представляя себя достигшим сана испанского гранда, а быть может, даже – кто знает – сана рыцаря Золотого Руна с правом не снимать шляпы в присутствии самого государя.

Не один вальдшнеп и другая дичь, охотиться за которыми он пришел, взлетали у него из-под ног, но он был так поглощен своими мыслями, что птицы скрывались из виду прежде, чем он успевал снять колпачок со своего сокола. Наконец, когда он, миновав церковь Веддинфлита и идя по берегу Старого Флита, поравнялся с лесом Босхайзен, называемым так по развалинам находившегося среди него замка, он увидел цаплю, летевшую к своему гнезду, и спустил сокола. Сокол увидел добычу и бросился за ней; цапля же, заметив преследование, начала дразнить преследователя, поднимаясь спиралью все выше и выше. Сокол стал также быстро подниматься более широкими кругами, пока не очутился гораздо выше нее. Тогда он бросился на цаплю, но промахнулся: цапля быстрым поворотом крыльев уклонилась от него и прежде, чем сокол опять успел прицелиться, исчезла за верхушками деревьев.

Опять хищник поднялся и спустился так же неудачно, как

в первый раз. В третий раз цапля взлетела широкими кругами, и в третий раз сокол бросился на нее и, наконец, вцепился в нее.

Адриан, следуя за ними и насколько возможно перепрыгивая через попадавшиеся лужи или шлепая по ним, видел победу сокола и остановился в ожидании. С минуту сокол и цапля висели на высоте двухсот футов над самыми высокими деревьями леса, но затем цапля, представлявшая из себя трепещущую черную точку на небе, озаренном ярким закатом, начала спускаться, ища спасения в кустах. Сокол и цапля летели стремглав вниз головами – крылья уже не поддерживали их – и исчезли в лесу.

«Теперь моему соколу придет смерть в кустах! Какой я был дурак, что спустил его так близко к лесу», – думал Адриан, снова бросаясь вперед.

Скоро он очутился в лесу и, направляясь к тому месту, где, по его мнению, должны были упасть птицы, звал сокола и искал его глазами. Но здесь, в густом лесу, уже стояли сумерки, так что Адриану в конце концов, пришлось отказаться от поисков и в отчаянии вернуться на дорогу в Лейден. Однако, сделав несколько шагов, он вдруг наткнулся на сокола и цаплю. Цапля была мертва, а сокол так изранен, что, по-видимому, было невозможно спасти его: как того и опасался Адриан, падая вниз, птицы наткнулись на древесные ветви. Адриан печально смотрел на сокола; он любил его и сам выучил его. Между ним и этой хищной птицей всегда

существовала странная симпатия, и сокол был его всегдашним спутником, как у других людей собака. Даже теперь он с удовольствием заметил, что, несмотря на сломанные крылья и пробитую голову, сокол не выпускал когтей из спины цапли и не вытащил клюва из ее шеи.

Он погладил сокола по голове, сокол, узнав его, выпустил цаплю из когтей и попытался было взлететь на руку хозяину, но не мог и упал на землю, смотря на Адриана блестящими глазами. Видя, что помочь ему нельзя, Адриан, весь трясась от горя, ударил его палкой по голове и убил сразу.

– Прощай, друг, – проговорил он. – По крайней мере, хорошо умирать так, держа под собой убитого врага. – Подняв мертвого сокола, он нежно пригладил его растрепавшиеся перья и уложил в ягдташ.

В эту минуту, поднимаясь на ноги в тени большого дуба, у подножия которого упали птицы, Адриан услышал со стороны дороги, отделенной от него небольшой зарослью кустарника, голоса: мужской, сердитый и угрожающий, и женский, громко звавший на помощь. В другое время Адриан поколебался бы и, быть может, просто ушел бы, потому что знал, как опасно было в те времена вмешиваться в ссоры бродяг, но потеря сокола возбудила его нервы, и всякое волнение или приключение были приятны ему. Поэтому, не раздумывая, Адриан бросился вперед через кусты и увидел перед собой странную сцену.

Перед ним расстилалась поросшая травой лесная дорога,

посередине ее лежал на спине сброшенный с лошади толстый бургер, карманы которого обшаривал какой-то человек, грозивший ему время от времени ножом, вероятно, чтобы заставить его лежать смиренно. На крупе здорового фламандского коня, принадлежавшего бургеру, сидела средних лет женщина, по-видимому, онемевшая от страха, между тем как в нескольких шагах оттуда другой негодяй и высокая, костлявая женщина пытались стащить с мула молодую девушку.

Действуя под впечатлением минуты, Адриан закричал:

– Друзья, сюда! Воры здесь!

Женщина-грабительница бросилась бежать прочь, а мужчина обернулся, выхватив нож из-за пояса. Но, прежде чем он успел пустить его в дело, Адриан ударил его тяжелой палкой по плечу и заставил со стоном выронить оружие. Палка снова поднялась и опустилась, на этот раз на голову; шапка слетела, и при слабом свете сумерек показалось одутловатое лицо, обрамленное от горла до висков песочного цвета бакенбардами, и лысая голова, по которым Адриан сразу узнал Гага Симона, или Мясника. К счастью для него, Мясник был слишком удивлен или ошеломлен полученным ударом, чтобы узнать нападавшего. Выронив нож и, вероятно, вообразив, что Адриан только первый из целой толпы, он уже не думал продолжать борьбу и, крикнув товарищу, чтобы он следовал за ним, бросился бежать вслед за женщиной с быстротой, почти невероятной для человека его сложения, и скоро

все разбойники скрылись в чаще.

Адриан опустил палку и огляделся: все произошло так быстро и поражение неприятеля было такое полное, что он сомневался, не во сне ли он все это видит. Несколько секунд тому назад он клал убитого сокола в сумку и вдруг превратился в храброго рыцаря, без оружия – так как и кинжал он забыл вынуть – победившего двух здоровенных негодяев и их спутницу, вооруженных с головы до ног, и освободившего из их когтей красавицу (девушка, без сомнения, должна быть красавицей) и ее богатых родственников... Но вот девушка, которую стащили с седла, приподнялась на колени и подняла голову, причем капюшон ее плаща спустился назад.

Таким образом, при смягчающем бледном свете летнего вечера Адриан в первый раз увидал лицо Эльзы Брант, женщины, которой ему было суждено во имя любви принести столько горя.

Герой Адриан, победитель разбойников, смотрел на коленопреклоненную Эльзу и любовался ее красотой, а освобожденная Эльза, смотря на героя Адриана, решила, что он недурен, что его появление было как нельзя более кстати и что он послан самим Провидением.

Эльзе Брант, единственной дочери уже знакомого нам Гендрика Бранта, друга и родственника Дирка ван-Гоорля, только что исполнилось девятнадцать лет. Глаза ее были карие, а вьющиеся волосы каштанового цвета, бледный цвет ее лица указывал на нежное сложение, а маленький ротик по

складу губ изобличал наклонность к насмешке, между тем как довольно большой подбородок заставлял предполагать твердость характера. Она была среднего роста, даже немного ниже, очень хорошо сложена и имела замечательно красивые руки. В Эльзе не было стройности испанских красавиц, но также не было грубой полноты, всегда считавшейся красотой в Нидерландах, и она, несомненно, могла считаться очень красивой женщиной, хотя мудрено было решить, насколько ее привлекательность зависела от ее физических качеств или от живости характера и от печати одухотворенности, лежавшей на ее лице в спокойные минуты и светившейся в ее глазах, когда она бывала задумчива. Во всяком случае, ее красота произвела такое сильное впечатление на Адриана, что он, позабыв маркизу д'Ованда, вдохновлявшую его писать сонеты, сразу влюбился в Эльзу, частью восхищаясь ею самой, а частью потому, что так полагалось для освободителя.

Про Эльзу же нельзя сказать, чтобы она, несмотря на всю свою благодарность Адриану, сразу воспылала к нему нежным чувством. Она, без сомнения, рассмотрела, что он красив, и его ловкость и сила возбудили ее удивление, но случайно тень от его лица легла на траву возле того места, где она сидела; эта тень была легкая, так как света было уже мало, но Эльзу поразила жестокость и мрачность этих красивых черт, а его вежливая улыбка, как ей казалось, превратилась в неприятную усмешку. Это была, без сомнения, просто случайная игра света, и со стороны Эльзы было ребячеством

обращать на это внимание, но все же это бросилось ей в глаза и – что еще больше – возбудило в ее легко колеблющемся женском уме, часто делающем самые нелогичные выводы из случайного совпадения, предубеждение против Адриана.

– О, сеньор! – воскликнула Эльза, всплеснув руками, – как мне благодарить Вас?

Обращение было короткое и неоригинальное, но в нем заключались две вещи, которые Адриан заметил с удовольствием: первое – что оно было произнесено мягким, мелодичным голосом, а второе – что девушка приняла его за испанца благородного происхождения.

– Не благодарите меня вовсе, сударыня, – отвечал он с самым низким поклоном. – Не особенный подвиг обратить в бегство двух разбойников и женщину. Хотя у меня и не было другого оружия, кроме этой палки... – добавил он, может быть, желая обратить внимание молодой девушки на то обстоятельство, что нападавшие на нее были вооружены, а он, ее освободитель, безоружен.

– Может быть, такому храброму кавалеру, как вы, кажется нетрудным сразу справиться с несколькими людьми, но когда этот негодяй с плоским лицом схватил меня своими огромными руками, я думала, что умру на месте. Я и всегда-то ужасная трусиха... нет, благодарю вас, сеньор, я могу уже стоять без помощи, а вот идет и герр ван-Брекховен, с которым я путешествую. Смотрите, он ранен! Вы ранены, друг мой?

– Нет... так, пустяки, – проговорил, еще задыхаясь от борьбы и волнения, герр Брекховен, – этот негодяй, вставая, чтобы бежать, пырнул меня ножом в плечо. А найти ему ничего не удалось: я умею путешествовать; в шляпу ко мне ему, конечно, не пришло в голову заглянуть.

– Какая цель была у них нападать на нас? – сказала Эльза. Герр Брекховен задумчиво чесал затылок.

– Я думаю, бродяги намеревались ограбить нас, только странно, что они поджидали нас, я слышал, как женщина сказала: «Вот они. Мясник, ищи письма на девчонке».

Лицо Эльзы при этих словах приняло серьезное выражение, Адриан видел, как она взглянула на мула, на котором ехала, и взялась за поводья.

– Позвольте узнать, кого мы должны благодарить? – обратился герр Брекховен к Адриану.

– Я Адриан ван-Гоорль, – отвечал Адриан с достоинством.

– Ван-Гоорль? – повторил Брекховен. – Какое странное совпадение! Провидение устроило все как нельзя лучше. Послушай, жена, – обратился он к полной даме, продолжавшей сидеть на лошади и все еще бывшей не в состоянии говорить от испуга, – вот сын Дирка ван-Гоорля, которому мы должны передать Эльзу.

– В самом деле! – воскликнула дама, несколько приходя в себя. – Я по наружности приняла его за испанского дворянина, но кто бы он ни был, мы, конечно, очень обязаны ему, и я еще больше была бы благодарна ему, если бы он мог ука-

зать нам выход из этого леса, где, вероятно, на каждом шагу разбойники, и проводить нас к нашим родственникам, лейденским Брекховенам.

– Сударыня, если вам будет угодно принять мои услуги, то я уверен, что вам уже не придется бояться разбойников. Могу я, со своей стороны, спросить имя молодой девицы?

– Конечно. Она Эльза Брант, единственная дочь Гендрика Бранта, знаменитого гаагского золотых дел мастера, но теперь, зная ее имя, вы, вероятно, уже знаете все остальное – она вам родственница. Помоги Эльзе сесть на мула, – обратилась она к мужу.

– Позвольте мне, – предложил Адриан и, подбежав к Эльзе, поднял ее и ловко посадил в седло. Затем, взяв мула под уздцы, он пошел по лесу, молясь в душе, чтобы Мясник и его товарищи не осмелились вторично напасть на них, пока они еще не вышли из чащи.

– Скажите, вы Фой? – спросила Эльза, как бы колеблясь.

– Нет, – коротко отвечал Адриан, – я его брат.

– А! Этим объясняется все. Видите ли, я была очень удивлена, потому что помню Фоя, еще когда была совсем маленькая; он был красивый белокурый мальчик с голубыми глазами и относился ко мне всегда хорошо. Он один раз останавливался с отцом у нас в Гааге.

– Мне очень приятно слышать, что Фой был когда-нибудь красив, – сказал Адриан. – Я помню только, что он был очень глуп, так как мне приходилось учить его. Во всяком случае,

боюсь, что теперь вы не найдете его красивым, если только вы не поклонница людей, которых в ширину и в высоту можно мерить одной меркой.

– Ах, герр Адриан, – отвечала Эльза, смеясь, – к несчастью, этим недостатком страдает большинство из нас, голландцев, в том числе и я сама... Очень немногие из нас высоки и стройны, как благородные испанцы. Я не хочу сказать этим, что желала бы походить на испанку, как бы красива она ни была, – прибавила Эльза, причем голос ее и выражение лица сделались жестче. – Но, – поспешно продолжала она, будто раскаиваясь, что проговорилась, – никто не скажет, что вы с Фоем братья.

– Мы сводные братья, – сказал Адриан, смотря перед собой, – братья по матери; но прошу вас, называйте меня двоюродным братом.

– Нет, я не могу исполнить вашего желания, – весело отвечала она. – Мать Фоя не родственница мне. Мне кажется, я должна называть вас «мой принц» – вы ведь явились, как сказочный принц.

Адриан воспользовался удобным случаем, чтобы сказать нежным голосом, взглянув на Эльзу своими темными глазами:

– Приятное название. Я не желал бы ничего больше, как стать вашим принцем, теперь и всегда обязанным защищать вас от всякой опасности (Здесь мы должны пояснить, что, несмотря на напыщенность своих выражений, Адриан дей-

ствительно думал то, что говорил, так как был убежден, что для молодого человека в его положении было бы весьма недурно стать мужем красивой наследницы одного из самых богатых людей во всех Нидерландах).

– О, г-н принц, – быстро перебила Эльза, которую несколько смущало увлечение ее кавалера, – вы не так доканчиваете сказку. Разве вы не помните? Герой освободил даму и препроводил ее... к отцу.

– У которого потом просил ее руки, – закончил Адриан, снова сопровождая свои слова нежным взглядом и улыбкой, вызванной убеждением в удачности своего ответа.

Их взгляды встретились, и вдруг Адриан заметил, что в лице Эльзы произошла резкая перемена. Смеющееся, игривое выражение исчезло и заменилось суровостью и натянутостью, в глазах отражался страх.

– О, теперь я понимаю тень; как это странно, – проговорила она совершенно изменившимся голосом.

– В чем дело? Что странно? – спросил Адриан.

– Странно: ваше лицо напомнило мне лицо человека, которого я боялась... Нет, ничего, я глупа. Эти бродяги напугали меня. Поскорее бы выбраться из этого ужасного леса! Посмотрите, герр Брекховен, вот уже и Лейден виден! Как красивы при вечернем освещении красные крыши и какие большие церкви. Смотрите, вокруг стен ров с водой; должно быть, Лейден – очень сильная крепость. Мне думается, даже испанцам не взять бы его, а хорошо бы в самом деле найти

такой город, про который можно было бы сказать с уверенностью, что испанцам никогда не взять его, – закончила она с тяжелым вздохом.

– Если бы я был испанский генерал, командующий соответствующей армией, я скоро бы справился с Лейденом, – хвастливо заметил Адриан. – Не далее как сегодня я изучал его слабые места и составлял план атаки, который вряд ли мог бы оказаться неудачным, так как защитниками города была бы толпа необученных, полувооруженных бюргеров.

Снова в глазах Эльзы мелькнуло странное выражение.

– Если бы вы были испанским генералом? – медленно переспросила она. – Как вы можете шутить подобными вещами, вроде грабежа города испанцами! Знаете ли вы, что это значит?.. Я слыхала, как они говорят об этом. – Она содрогнулась и продолжала: – Разве вы испанец, что рассуждаете так? – Не ожидая ответа, она заставила своего мула прибавить шагу, так что Адриан немного отстал.

Однако, когда путешественники въехали в городские ворота, Адриан снова был около Эльзы и болтал с ней; но хотя она отвечала вежливо, чувствовалось, будто между ними воздвиглась невидимая преграда. Эльза прочла его сокровенные мысли, будто угадала, что он думал, стоя на мосту и строя планы взятия Лейдена, причем в нем смутно шевелилось желание принять участие в разграблении города. Эльза не доверяла Адриану, несколько боясь его, и Адриан чувствовал это.

Через десять минут езды по тихому городу – в эти дни ужаса и шпионства люди старались как можно меньше выходить на улицу после заката, если их к тому не принуждала крайняя необходимость, – путешественники прибыли к дому ван-Гоорля на Брее-страат. Адриан попытался отворить ворота, но они оказались запертыми на засов. Уже и так выведенный из равновесия различными событиями дня, а особенно переменой в обращении Эльзы, он окончательно вышел из себя и стал стучаться с совершенно излишней энергией. Наконец после долгого бряцания ключами и стучания засовом ворота отворились, и в них со свечой в руке показался Дирк, а за ним, будто готовый ежеминутно выступить на его защиту, гигант Мартин.

– Это ты, Адриан? – спросил Дирк голосом, в котором вместе с неудовольствием слышалось облегчение. – Отчего ты не прошел боковой калиткой?

– Потому что привел вам гостей, – отвечал Адриан, указывая на Эльзу и ее спутников. – Мне не пришло в голову, что вы могли пожелать, чтобы гости пробрались к вам тайком через задний ход, точно... точно служители нашей новой религии.

Стрела была пущена наудачу, но попала в цель. Дирк вздрогнул и проговорил шепотом:

– Молчи, сумасшедший! – Затем он прибавил громко: – Гости, говоришь ты? Каких гостей?

– Это я, кузен Дирк, я, Эльза, дочь Гендрика Бранта, –

отвечала Эльза, соскользнув со своего мула.

– Эльза Брант! – воскликнул Дирк. – Как ты попала сюда?

– Сейчас расскажу, – отвечала она, – нельзя разговаривать на улице, – она дотронулась пальчиком до губ. – Вот мои друзья, гер ван-Брекховен и его жена, проводившие меня из Гааги. Они отправятся к своим родным, здешним Брекховенам, если кто-нибудь укажет им дорогу.

Поцеловав свою молоденькую родственницу, Дирк повел ее, неся седло, в комнату, где жена его и Фой сидели за ужином вместе с пастором Арентцем, тем самым священником, который говорил проповедь накануне вечером. Лизбета, с беспокойством ожидавшая возвращения мужа, встала со своего места. Такое то было ужасное время, что стука у ворот в необычный час было достаточно, чтобы напугать всех, особенно если в ту минуту дом случайно служил приютом пастору новой веры, что считалось преступлением, за которое полагалась смертная казнь. Стук этот мог возвещать не более как посещение соседа, но он мог также быть трубой смерти для всех живущих в доме, сообщая о прибытии членов инквизиции, которые несли с собой мученический венец. Поэтому Лизбета вздохнула с облегчением, когда появился ее муж в сопровождении молодой девушки.

– Жена, – обратился к ней Дирк, – это наша родственница Эльза Брант, приехавшая погостить к нам из Гааги, хотя я еще не знаю, по какому случаю. Ты помнишь Эльзу, маленькую Эльзу, с которой мы бывало играли так часто много лет

тому назад?

– Конечно, помню, – отвечала Лизбета, обнимая и целуя девушку, и добавила: – Добро пожаловать, дитя мое, хотя, правду сказать, уже нельзя называть девочкой такую взрослую, милую девицу. А вот пастор Арентц, о котором вы, вероятно, уже слыхали, так как он друг вашего отца и всех нас.

– Да, слыхала, – сказала Эльза, приседая, на что Арентц отвечал поклоном, говоря серьезно:

– Приветствую тебя, дочь моя, во имя Господа нашего, приведшего тебя благополучно в сей дом, за что мы должны возблагодарить Его.

– Да, правда, г-н пастор, я должна сделать это... – она запнулась, встретившись взглядом с глазами Фоя, на открытом лице которого выражались такой восторг и изумление, что Эльза покраснела, заметив это. Но, овладев собой, она протянула руку, говоря: – Вы, без сомнения, мой двоюродный брат Фой, я бы узнала вас везде по волосам и глазам.

– Очень рад, – отвечал он просто, польщенный тем, что такая красивая девушка помнит товарища своих игр, с которым не виделась уже одиннадцать лет, – но, – прибавил он, – я должен признаться, что не узнал бы вас.

– Почему? – спросила она. – Разве я так изменилась?

– Да, – прямо отвечал Фой, – вы были девочкой с красными руками, а теперь превратились в такую красавицу, какой я еще никогда не видал.

При этих словах все засмеялись, не исключая пастора, а

Эльза, покраснев еще больше, проговорила:

– Я помню, что вы бывали не очень вежливы, но теперь вы научились льстить, и это хуже. Нет, пожалуйста, пощадите меня, – закончила она, заметив, что Фой намеревается вступить с ней в спор. Отвернувшись от него, она спустила плащ и села на стул, придвинутый для нее Дирком к столу, думая про себя, что было бы гораздо приятней, если бы ее освободил от разбойников Фой вместо Адриана с его более изящными манерами.

Во время ужина Эльза стала рассказывать о своем приключении. В эту минуту вошел Адриан. Первое бросившееся ему в глаза было то, что Эльза и Фой сидели рядом, оживленно разговаривая, а второе – что для него не было поставлено прибора.

– Ты позволишь сесть мне, матушка? – спросил он громко, так как никто не видал, как он вошел.

– Конечно, почему ты спрашиваешь? – ласково отвечала Лизбета, замечая по тону Адриана, что он чем-то раздражен.

– Потому, что для меня нет места; без сомнения, пастор Арентц более почетный гость, однако после того, как человеку пришлось рисковать жизнью в борьбе с вооруженными бродягами, и он не прочь был бы присесть к столу и съесть кусочек.

– Рисковать жизнью? – с удивлением спросила Лизбета. – Из того, что сейчас рассказала Эльза, я поняла, что негодяи убежали, как только ты ударил одного из них.

– Само собой разумеется, если наша гостья сказала, что было так, то это правда. Я не обратил особенного внимания; во всяком случае, они убежали, а она освободилась; конечно, о таком пустяке нечего и говорить.

– Адриан, садись на мое место, – предложил Фой, вставая, – и не хвастайся очень своей победой над двумя бродягами и старой бабой. Ведь, я думаю, ты не претендуешь, чтобы мы считали тебя героем за то, что ты не показал хвоста и не оставил Эльзу со спутниками в руках негодяев.

– Мне решительно все равно, что ты думаешь или чего не думаешь обо мне, – отвечал Адриан, садясь с обиженным видом.

– Что бы ни думал Фой, герр Адриан, но я благодарю Бога, пославшего нам на помощь такого храброго человека, – поспешно вмешалась Эльза. – Я говорю это серьезно: мне становится дурно при одной мысли, что бы случилось, если бы вы не бросились на этих злодеев, как... как...

– Как Давид на филистимлян, – подсказал ей Фой.

– Плохо ты знаешь Библию, брат, – заметил Адриан серьезно, не улыбаясь, – филистимлян избил Самсон, Давид же победил великана Голиафа, хотя, правда, и он был филистимлянин.

– Да, как Самсон... то есть как Давид... на Голиафа, – продолжала Эльза, спутавшись. – Ах, Фой, пожалуйста, не смейся, ты, вероятно, оставил бы меня в руках этого ужасного человека с плоским лицом и лысой головой, пытавшегося

украсть письмо моего отца. Кстати, Дирк, я еще не отдала его вам; но отец крепко зашил его в седле и велел сказать вам, чтобы вы его читали по старому ключу.

– Человек с плоским лицом? – озабоченно спросил Дирк, распарывая седло, чтобы достать письмо. – Опиши мне его подробнее. Почему ты думаешь, что он искал именно письмо?

Эльза описала наружность черноглазой старухи и ее спутников и повторила слова, сказанные ими, как слышал герр Брекховен перед нападением.

– Это что-то похожее на шпиона Гага Симона по прозвищу Мясник и его жену, Черную Мег. Адриан, ты видел этих людей? Это были они?

С минуту Адриан размышлял, следует ли сказать правду, и, по своим соображениям, решил, что не следует. Надо сказать, что между прочими, более серьезными делами Черная Мег была не прочь служить посредницей в любовных делах. Короче говоря, она устраивала свидания, и Адриан пользовался ее услугами. Вот почему ему не хотелось выдавать ее.

– Как я могу узнать их? – ответил он наконец. – В лесу было темно, и я видел Гага Симона и его жену не более двух раз в своей жизни...

– Ну, говори правду, – перебил его Фой. – Как бы ни было темно в лесу, ты достаточно хорошо знаешь старуху: я не раз видел... – Он вдруг запнулся, будто досадуя, что эти слова сорвались у него с языка.

– Правда это, Адриан? – спросил Дирк среди наступившей тишины.

– Нет, отец, – ответил Адриан.

– Слышишь? – обратился Дирк к сыну. – Вперед будь осторожнее со словами. Нельзя бездоказательно обвинять человека в том, что его видели в обществе самых отъявленных лейденских негодяев, в обществе женщины, руки которой обгарены кровью невинных жен и детей, твари, чуть не погубившей меня, как известно твоей матери.

Веселое, улыбающееся лицо Фоя сделалось вдруг серьезным.

– Мне досадно за мои слова, – сказал он, – но старая Мег кроме шпионства занимается еще кое-чем другим, и у Адриана были с ней дела, которые меня не касаются. Но раз я сказал, я не могу взять своих слов обратно, решите сами, кому из нас можно верить...

– Нет, Фой, не ставь вопроса так, – вступился Арентц, – тут, без сомнения, ошибка, я уже раньше говорил тебе, что ты слишком скор на язык.

– Да, и еще многое другое, – отвечал Фой, – и все это правда: я несчастный грешник. Согласен, я ошибся; и должен сознаться, что сказал это только для того, чтобы подразнить Адриана, – добавил он совершенно чистосердечно. – Я никогда не видал, чтобы он разговаривал с Черной Мег. Теперь вы довольны?

Тут Эльза, наблюдавшая за лицом Адриана в то время, как

он слушал безыскусное, но несколько небрежное объяснение Фоя, увидела, что теперь буря готова разразиться.

– Против меня, очевидно, заговор, – сказал Адриан, побледнев от бешенства. – Все сегодня сговорились против меня. Сначала уличные мальчишки подняли меня на смех, потом мой сокол убился. Затем мне пришлось освободить эту девицу от бродяг. Но разве меня кто-нибудь поблагодарил за это? Никто и не подумал. Вернувшись домой, я увидел, что обо мне настолько забыли, что даже не поставили мне прибора за столом и, кроме того, еще подняли на смех оказанную мною услугу. Наконец, меня обвиняют во лжи, и кто же? Мой родной брат. Ну, не будь он им, он ответил бы мне с оружием в руке...

– Ах, Адриан, – перебил его Фой, – не глупи. Подумай, прежде чем скажешь что-нибудь, в чем можешь раскаяться.

– Это еще не все, – продолжал Адриан, не обращая внимания на его слова. – Кого я нахожу за этим столом? Достопочтенного герра Арентца, служителя новой веры. Я протестую. Я сам принадлежу к этой вере, потому что воспитан в ней, но всем известно, что присутствие такого лица в доме подвергает жизнь всех живущих в нем опасности. Отчим и Фой могут, если им угодно, рисковать собой, но они не имеют права подвергать опасности мать, которой я старший сын, а также меня.

Тут Дирк поднялся с места и, потрепав Адриана по плечу, сказал холодно, но с блестящими глазами:

– Выслушай меня. Риск, которому я, мой сын Фой и моя жена – твоя мать – подвергаемся, мы берем на себя сознательно. Тебя это не касается – это наше дело. Но раз ты поднял вопрос, то я скажу тебе, что не имею права подвергать тебя опасности, если твоя вера не достаточно сильна, чтобы поддержать тебя. Видишь ли, ты не сын мне, ты для меня чужой, но, несмотря на это, я растил и поддерживал тебя с самого дня твоего несчастного рождения. Ты делил с моим сыном все, что я давал вам, не оказывая предпочтения ни одному из вас, и после моей смерти также получил бы свою долю. Теперь же, после высказанного тобой, мне остается сообщить тебе, что мир велик и что вместо того, чтобы жить здесь за мой счет, ты сделаешь лучше, если постарайшься пробиться собственными силами вдали от Лейдена.

– Вы бросаете мне в лицо ваши благодеяния и упрекаете меня моим рождением, – прервал его Адриан, не помня себя от бешенства. – Будто я виноват в том, что в моих жилах не течет кровь голландского купца; если это преступление, то, во всяком случае, оно совершено не мною, а матерью, которая согласилась...

– Адриан! Адриан! – закричал Фой, пытаясь остановить его, но обезумевший юноша продолжал:

– Которая согласилась быть подругой какого-то благородного испанца – женой его, насколько мне известно, она никогда не была, – прежде чем стать женой лейденского ремесленника.

У Лизбеты вырвался в эту минуту такой отчаянный стон, что, несмотря на все свое безумное бешенство, Адриан замолчал.

– Стыдно тебе говорить так о матери, родившей тебя, – проговорила мать.

– Да, стыдно тебе! – проговорил Дирк среди наступившей тишины. – Один раз я предупреждал тебя, но теперь уже не стану больше разговаривать.

Он подошел к двери, отворил ее и позвал:

– Мартин, поди сюда!

Глава XII. Предупреждение

Среди тяжелого молчания, прерываемого лишь быстрым дыханием Адриана, дышавшего, как дикий зверь в клетке, слышались тяжелые шаги в коридоре, и Мартин, войдя в комнату, остановился, оглядываясь кругом своими большими голубыми глазами, похожими на глаза изумленного ребенка.

– Что прикажете? – спросил он наконец.

– Мартин Роос, – начал Дирк, знаком отклоняя вмешательство Арентца, приподнявшегося со своего места, – возьми этого молодого человека, моего пасынка, герра Адриана, и выведи его, если возможно без насилия, из моего дома. Впредь я запрещаю ему переступать порог его. Поручаю тебе наблюдать, чтобы он не ослушался. Ступай, Адриан, завтра ты получишь свои вещи и столько денег, сколько тебе нужно будет, чтобы стать на ноги.

Не рассуждая и не выражая удивления, великан Мартин подступил к Адриану, вытянув руку, как бы намереваясь взять его за плечо.

– Что?! – воскликнул Адриан, когда Мартин стал подходить к нему. – Вы вздумали натравить на меня своего бульдога? Так я покажу вам, как дворянин обходится с собаками!..

В его руке сверкнул обнаженный кинжал, и он бросил-

ся на фриса. Нападение было так быстро и неожиданно, что в исходе его, казалось, не представлялось сомнения. Эльза вскрикнула и закрыла глаза, боясь, что она увидит, как кинжал вонзится в горло Мартина. Фой подбежал к последнему. Однако в то же самое мгновение кинжал вылетел из руки Адриана; движением, которое по его быстроте даже невозможно было уловить, Мартин нанес такой удар по руке нападавшего, что он выпустил оружие, которое, сверкая, пролетело через комнату и упало на колени Лизбете. Еще минута, и железная рука схватила Адриана за плечо, и он, несмотря на всю свою силу и отчаянное сопротивление, не мог вырваться.

– Перестаньте отбиваться, мейнгерр Адриан, это совершенно бесполезно, – обратился Мартин к своему пленнику таким спокойным голосом, будто не произошло нечего особенного, и направился с ним к двери.

На пороге Мартин остановился и сказал, смотря через плечо:

– Мейнгерр, кажется, герр Адриан умер. Прикажете все-таки отнести его на улицу?

Все собрались вокруг Мартина. Казалось, что Адриан действительно умер, – по крайней мере, его лицо было бледно, как у покойника, а из угла рта текла тонкая струйка крови.

– Негодяй! – закричала Лизбета, ломая руки и с содроганием сбрасывая, будто змею, кинжал с колен. – Ты убил моего сына!

– Извините, мефроу, – спокойно возразил Мартин. – Это неверно. Мейнгерр приказал мне вывести герра Адриана, и герр Адриан хотел заколоть меня. Я с молодости привычен к таким вещам. – Он недоверчиво покосился в сторону пастора Арентца. – Я подтолкнул герра Адриана под локоть, отчего кинжал вылетел у него из рук; не сделай я этого, не оставь-ся бы мне в живых, и тогда я не мог бы исполнить приказание моего господина. Вот я и взял герра Адриана на плечо как можно деликатнее и понес его, а умер он от злости; мне очень жаль его, но я не виноват.

– Ты прав, – сказала Лизбета, – а во всем виноват ты, Дирк, это ты убил моего сына. Как можно было обращать внимание на его слова; он всегда был горяч, и кто же слушает человека, когда он сам себя не помнит.

– Как ты мог допустить такое обращение со своим братом, Фой? – вмешалась Эльза, вся дрожа от негодования. – С твоей стороны было трусостью стоять и смотреть, как этот рыжий задушил твоего брата; ты ведь хорошо знал, что твои насмешки вывели из себя Адриана, и он сказал то, чего не думал: так бывает иногда и со мною. Я никогда больше не стану говорить с тобой. Адриан сегодня спас меня от разбойников!

Она залилась слезами.

– Тише, тише! Теперь не время для упреков, – сказал пастор Арентц, проталкиваясь мимо испуганных мужчин и обесшумевших женщин. – Вряд ли он умер. Дайте мне взглянуть

на него, я кое-что смыслю в докторском искусстве.

Пастор опустился на колени возле бесчувственного Адриана и стал выслушивать его.

– Успокойтесь, фроу ван-Гоорль, ваш сын жив, – сказал он через минуту, – сердце бьется. Друг Мартин ни чуточки не повредил ему, дав ему почувствовать свою силу; я думаю, что у него от возбуждения лопнул кровеносный сосуд, и оттого у него идет так сильно кровь. Мой совет – уложить его в постель и класть на голову холодные компрессы, пока не придет доктор. Возьми его, Мартин.

Таким образом, Мартин отнес Адриана не на улицу, а в постель. Фой же, радуясь предлогу избегнуть незаслуженных упреков Эльзы и тяжелого вида материнской печали, поспешил за доктором. Скоро он вернулся с ним, и, к великому облегчению всех, ученый муж возвестил, что, несмотря на потерю крови, Адриан, вероятно, не умрет. Однако он советовал ему пролежать в постели несколько недель и предписал тщательный уход вместе с полным покоем.

Между тем как Лизбета с Эльзой хлопотали около Адриана, Дирк с Фоем – пастор Арентц ушел – сидели в комнате наверху, в той самой комнате с балконом, где много лет тому назад Дирк получил отказ от Лизбеты, между тем как Монтальво стоял, спрятавшись за занавесью. Дирк был очень расстроен: когда вспышки его гнева успокаивались, он опять становился добрым человеком, и болезнь пасынка глубоко огорчала его. Теперь он оправдывался перед Фоем или, ско-

рее, перед собственной совестью.

– Человек, осмелившийся так говорить о родной матери, недостоин жить в одном доме с ней, – говорил Дирк, – кроме того, ты слышал, что он сказал о пасторе. Говорю тебе, я боюсь этого Адриана.

– Если кровотечение сейчас же не уймется, то вам уже придется больше выслушивать его, – мрачно заявил Фой, – но если вам угодно знать мое мнение об этом деле, то мне кажется, что вы придали слишком много значения пустякам, Адриан всегда останется Адрианом; он не из нашей семьи, и мы не должны судить его по нашей мерке. Вы себе не можете представить, чтобы я вышел из себя из-за того, что служанка забыла поставить прибор за столом, или чтобы я вздумал заколоть Мартина, или чтобы у меня мог лопнуть сосуд из-за того, что вы приказали бы вывести меня. Я и не подумал бы сопротивляться: разве может человек обыкновенной силы бороться с Мартином? Это значило бы то же, что рассуждать с инквизиторами. Но я – я, а Адриан – Адриан.

– Но что он говорил! Ты помнишь его слова?

– Да, и если бы я сказал их, они имели бы большое значение, но сказанные Адрианом, они не важнее, как если бы были сказаны рассерженной женщиной. Он постоянно дует-ся, обижается и выходит из себя по всякому поводу, и тогда все, что он говорит, не имеет другой цели, как желание сказать несколько громких фраз и выказать свое превосходство испанского дворянина над нами. Он в действительности не

хотел уличать меня во лжи, отрицая, что я видел его с Черной Мег, ему хотелось только противоречить, а может быть, скрыть кое-что. Если вы желаете знать правду, то я скажу вам, что, по моему мнению, старая ведьма передавала его записки какой-нибудь молодой даме, а Гаг Симон снабжал его крысами для его соколов.

– Все это, может быть, и так, но что ты скажешь о его словах относительно пастора? Они возбуждают мое подозрение. Ты знаешь, в какое мы живем время, и если он пойдет такой дорогой – помни, это у него в крови, – то жизнь всех нас будет у него в руках. Отец некогда собирался сжечь меня, и я не желаю, чтобы сын исполнил его намерение.

– Я вырос с Адрианом и знаю, что он такое. Он тщеславен и пусть, несмотря на меня с вами, ежеминутно благодарит Бога, что не похож на нас. У него много пороков и недостатков: он ленив, считает унижительным для себя работать, как простой фламандский бюргер, и тому подобное, но сердце у него доброе; и скажи мне кто-нибудь посторонний, что Адриан способен стать предателем и довести собственную семью до эшафота, так я заставил бы этого человека проглотить свои слова. Что же касается его слов о первом замужестве нашей матери, – Фой опустил голову, – то, конечно, это предмет, о котором я не имею права рассуждать; но, говоря между нами, он не виновен во всем этом, а положение его крайне неприятное, и, понятно, он сердится.

В эту минуту дверь отворилась и вошла Лизбета.

– Что Адриан? – спросил Дирк.

– Ему, слава Богу, лучше, хотя доктор пробудет при нем всю ночь. Он потерял много крови и, в лучшем случае, должен будет долго пролежать в постели; главное – никто не должен противоречить ему или грубо обращаться с ним... – она многозначительно взглянула на мужа.

– Довольно, – с раздражением перебил ее Дирк. – Фой только что читал мне наставление о моем обращении с твоим сыном, и я не желаю выслушивать еще нотаций от тебя. Я обошелся с ним, как он того заслуживал, и если ему угодно было взбеситься до того, что его стало рвать кровью, то это не моя вина. Тебе следовало бы воспитать его построже.

– Адриан не такой человек, как другие, и его нельзя судить по общей мерке, – сказала Лизбета, почти повторяя слова Фоя.

– Это я уже слышал, хотя сам не могу согласиться с вами, так как у меня для измерения добра и зла существует одна мерка. Ну, пусть будет так. Без сомнения, на Адриана надо смотреть как на ангела-испанца и не судить его, как судят нас, голландцев, делающих свое дело, платящих свои долги и не нападающих с ножом на безоружных.

– Ты прочел письмо Бранта? – спросила Лизбета, перемежая разговор.

– Нет еще, я даже забыл о нем со всеми этими кинжалами, обмороками и бранью, – отвечал он и, взяв письмо, разрезал шелк и сломал печати. – Это наш условный шрифт, сказа-

ла мне Эльза, – продолжал он, всматриваясь в строки, перемешанные с ничего не значащими изображениями. – Фой, принеси-ка ключ из моего письменного стола и примемся за дело, письмо не скоро разберешь.

Фой повиновался и тотчас же вернулся с Библией маленького формата. С помощью этой книжки и приложенного ключа отец с сыном мало-помалу разобрали длинное послание. Фой слово за словом записывал разобранное, и когда, наконец, около полуночи все письмо было восстановлено, Дирк прочел его жене и сыну.

«Любезный двоюродный брат и старый друг!

Ты изумишься, увидав мою дорогую дочь Эльзу, которая привезет тебе это письмо зашитым в своем седле, где, я надеюсь, никто не станет искать его. Тебя удивит также, что я не предупредил тебя о ее приезде. Я объясню все.

Тебе известно, что у нас костры не угасают и топор не знает отдыха; в Гааге господствует дьявол, не зная удержу. Хотя беда еще не обрушилась на меня, потому что доносчики подкуплены мною, однако каждую минуту меч висит у меня над головой, и в конце концов мне не уйти от него. Мое преступление не в том, что меня подозревают в принадлежности к новой вере. Ты можешь догадаться об этом: они стремятся захватить мое состояние. Я же поклялся, что оно не достанется ни одному испанцу; лучше я брошу все свое добро в море, чтобы спасти его: не для того я копил его. Они же ожесточенно гонятся за ним, и я окружен шпионами. Худший из

них и притом стоящий во главе их – некто Рамиро, одноглазый испанец, недавно прибывший сюда, как говорят, агент инквизиции. Его манеры указывают в нем бывшего дворянина, и он, по-видимому, хорошо знает страну. Этот негодяй предложил мне за уступку двух третей моего состояния дать мне возможность бежать, и я ответил ему, что подумаю. Таким образом, мне дана небольшая отсрочка, так как он желает, чтобы мои деньги перешли в его карман, а не в карман казны. Но с Божьей помощью они не достанутся ни тому, ни другому.

Видишь ли, Дирк, мое сокровище хранится не дома, оно скрыто в месте, где не может больше оставаться. Поэтому, если ты любишь меня и помнишь мою прежнюю дружбу к тебе, то пришлешь ко мне своего сына Фоя и другого надежного человека – твоего слугу, фриса Мартина, на следующий же день после получения этого письма. К ночи они должны быть в Гааге; пусть отдохнут несколько часов и освежатся, но ни в коем случае не подходят к моему дому. Пусть Фой и слуга с полчаса после заката прохаживаются взад и вперед по правой стороне Широкой улицы в Гааге, пока их не толкнет нарочно девушка, которая придет также в сопровождении слуги, и не скажет Фою на ухо: „Ты также из Лейдена, душка?“ На это он должен ответить „Да!“ и последовать за девушкой на место, где ему покажут, что и как сделать. Главное, он не должен идти ни за какой женщиной, которая подошла бы к нему, но не сказала бы этих слов. Девушка, которая

заговорит с ним, невысокого роста, брюнетка, хорошенькая и пестро одетая; на правом плече у нее будет красный бант. Но пусть Фой не доверяется наружности и платью, пока девушка не скажет упомянутых слов.

Если Фой благополучно достигнет Англии или Лейдена с найденным богатством, то скрывай его, пока это найдешь нужным. Я не желаю знать, где оно будет спрятано: плоть слаба, и под пыткой я мог бы выдать тайну.

Три месяца тому назад ты получил мое завещание вместе со списком моего имущества. Вскрой его теперь, и ты увидишь, что я назначаю тебя душеприказчиком для выполнения тех назначений, которые там указаны. Эльза хворала, и всем известно, что ей предписана перемена воздуха. Поэтому ее поездка в Лейден не возбудит ничьего внимания, и я надеюсь, что даже Рамиро не придет в голову, чтоб я мог отправить письмо, подобное этому, таким ненадежным путем. Однако все же я делаю это с опаской, так как шпионам нет числа, но выбора у меня нет и я не могу медлить. Если письмо перехватят, все равно не смогут разобрать шрифта, так как копий нашей книги не существует в Голландии. Но даже будь это письмо написано на чистейшем голландском или испанском языке, оно не откроет ни местонахождения моего состояния, ни его назначения. Наконец, если какой-нибудь испанец найдет это сокровище, оно исчезнет, а может быть, и он вместе с ним».

– Что он хочет сказать этими словами? – перебил Фой.

– Не знаю, – отвечал Дирк. – Брант не такой человек, чтобы говорить на ветер; мы, может быть, не так прочли это место.

Затем он продолжал:

«Теперь я кончил писание и посылаю его на волю судьбы. Только прошу тебя как честного человека и старого друга, сожги мое достояние, закопай, разбросай на все четыре стороны света, прежде чем позволить испанцу коснуться хоть одной драгоценной вещи, хоть одной монеты.

Ты поймешь, почему я посылаю Эльзу, свою единственную дочь, к тебе. В Лейдене, у тебя, она будет в большей безопасности, чем здесь, в Гааге, где и ее могли бы забрать вместе со мной. Монахи и их приспешники не пощадят молодого существа, особенно если оно стоит между ними и деньгами. Она знает очень мало о моем отчаянном шаге, ей неизвестно даже содержание этого письма, и я не желаю вовлечь ее во все эти заботы. Я – погибший человек, а бедняжка, любит меня. Скоро она услышит, что все кончено, и ей будет тяжело, но все же легче, чем в том случае, если б она знала все с самого начала. Завтра я прощусь с ней навсегда; подай мне, Боже, силы перенести удар!

Ты опекун Эльзы; прошу тебя... нет, должно быть, мои заботы сводят меня с ума, потому что иначе никому и в голову не пришло бы напоминать Дирку ван-Гоорлю и его сыну о его обязанностях относительно умершего. Прощай же, друг и брат! Да хранит Бог тебя и твоих близких в ужасное время,

которое Ему угодно было послать нам, чтобы через нас, быть может, страна избавилась от власти монахов и тирании. Передай мой поклон твоей жене Лизбете и сыну Фою, которого я помню веселым малым и которого надеюсь увидеть через двое суток, хотя, быть может, судьба и не допустит нам увидеться. Благословляю Фоя, особенно, если он успешно выполнит поручение. Да дарует нам Всемогущий счастливую встречу на том свете, где мы скоро будем. Молитесь за меня! Прощай, прощай! Гендрик Брант.

P.S. Прошу г-жу Лизбету наблюдать, чтобы Эльза одевалась в шерстяное платье в сырую и холодную погоду: у нее грудь несколько слаба. Это было последнее наставление жены, и я передаю его вам. Что же касается ее замужества, если она останется в живых, то я предоставляю это на твое усмотрение, прося только, чтобы, насколько возможно, ты не противоречил ее склонности. Когда я умру, поцелуй ее от меня и скажи ей, что я любил ее больше всех живых на земле и что я со дня на день буду ждать встречи с ней там, где скоро буду, так же как встречи с тобой, Дирк, и с твоими близкими. В том случае, если это письмо не попадет к тебе в руки, я при первом удобном случае, пошлю вторичное, написанное тем же шрифтом».

Окончив чтение письма, Дирк, складывая его, поник головой, не желая, чтобы его лицо могли видеть; Фой тоже отвернулся, чтобы скрыть слезы, навернувшиеся у него на глаза, а Лизбета плакала, не стесняясь.

– Грустное письмо и грустные времена, – сказал наконец Дирк.

– Бедная Эльза, – проговорил Фой, но затем прибавил с проснувшейся надеждой: – Быть может, Брант ошибается, ему, может быть, удастся бежать.

Лизбета покачала головой, отвечая ему:

– Гендрик Брант не такой человек, чтобы писать подобные письма, если б у него оставалась какая-нибудь надежда, и он не расстался бы с дочерью, если бы не знал, что конец близок.

– Почему же он не бежит? – спросил Фой.

– В ту минуту, как он задумал бы сделать это, инквизиция бросилась бы на него, как на мышь, пытающуюся убежать из своего угла, – отвечал отец. – Пока мышь сидит тихо, кот тоже сидит и мурлычет, но только она пошевелится...

Наступило молчание, в продолжение которого Дирк, достав из надежного места завещание Гендрика Бранта, полученное им месяца три тому назад, вслух прочел этот документ.

Завещание было не длинно, в силу его Дирк ван-Гоорль и его наследники назначались также наследниками всего движимого и недвижимого имущества Бранта при условии: во-первых, выделить дочери Бранта, Эльзе, такую часть, какая будет необходима; во-вторых, употребить остальное «на защиту отечества, достижение свободы веры и изгнание испанцев, как и когда Господь укажет, что, прибавлялось в заве-

щании, Он, наверное, сделает».

К завещанию был приложен перечень имущества. Сначала шел длинный список драгоценностей с точным их описанием. Первыми стояли три вещи:

«Ожерелье крупного жемчуга, вымененное мною у императора Карла V, когда он пристрастился к сапфирам. Ожерелье в непроницаемом медном ящике.

Диадема и пояс, оправленные в золото, моей собственной работы – лучшие вещи, когда-либо сделанные мною. Три королевы желали приобрести их, но ни у одной не хватило средств.

Большой изумруд, полученный мною от отца, величайший из известных камней этой породы, с магическими знаками, вырезанными на обратной стороне. Сохраняется в золотом ящичке».

Затем следовал длинный перечень других драгоценных камней, слишком многочисленных, чтобы их перечислять, и меньшей стоимости, и, наконец:

«Четыре сосуда с золотыми монетами (точная стоимость мне неизвестна)».

В заключение было приписано:

«Таково значительное богатство, самое большое во всех Нидерландах – плод честной работы и бережливости, – превращенное мною главным образом в драгоценные камни для более удобного спасения. Я, Гендрик Брант, платящийся за это богатство жизнью, возношу при этом молитву: „Да бу-

дет это богатство проклятием для всякого испанца, который попытается украсть его“, и думаю, Господь услышит меня. Аминь, аминь, аминь. Так говорю я, Гендрик Брант, стоящий у врат смерти».

Когда Дирк окончил чтение, Лизбета тяжело вздохнула.

– Да, наша родственница богаче многих владетельных особ, – сказала она. – С таким приданым к ней просватался бы не один принц.

– Да, состояние немалое, – согласился Дирк, – только какую тяжесть на нас навалил Брант, оставляя по этому завещанию свое состояние не прямо законной наследнице, но мне и моим наследникам как исполнителям его распоряжений. Испанцам известно о существовании этого сокровища, монахам это также известно, и они не оставят ни одного камня на свете или в аду, не перевернув его, пока не найдут этих денег. По-моему, Гендрик поступил бы благоразумнее, приняв предложение негодяя Рамиро: следовало бы дать ему три четверти своего состояния, а самому бежать в Англию. Но это не в его характере, он всегда был упрям и готов был скорее десять раз умереть, чем обогатить ненавистных ему людей. Кроме того, он желает, чтобы большая часть его состояния пошла на его родину в минуту нужды, и на нас возлагается после его смерти обязанность определить эту минуту. Я предвижу, что эти драгоценности и золото принесут горе и гибель нашей семье. Но обязанность возложена на нас, и мы должны нести ее. Фой, завтра на рассвете ты с Мартином

отправишься в Гаагу, чтобы исполнить приказание Бранта.

– Почему сыну моему рисковать своей жизнью ради такого поручения? – воскликнула Лизбета.

– Потому, что это моя обязанность, матушка, – весело отвечал Фой, стараясь, впрочем, придать своему лицу грустное выражение.

Он был молод и предприимчив, а предстоящая поездка сулила ему много нового.

Дирк невольно улыбнулся и приказал позвать Мартина.

Через минуту Фой был на чердаке у Мартина и толчками будил спящего.

– Проснись, бык! Вставай!

Мартин сел на постели, при свете ночника его рыжие волосы горели, как огонь.

– Что случилось, герр Фой? – спрашивал он, зевая. – Пришли нас взять за тех двух испанцев?

– Нет, соня. Тут дело идет о большом богатстве.

– На что мне богатство, – равнодушно отозвался Мартин.

– Тут замешаны испанцы.

– Ну, это немного лучше, – заявил Мартин, закрывая рот. – Расскажите же, в чем дело, пока я натяну куртку.

Фой в две минуты передал ему, что мог.

– Хорошая штука! – критически отозвался Мартин. – Насколько я знаю испанцев, мы не вернемся в Лейден, не пережив кое-что. Не нравится мне только, что тут замешались женщины, как бы они нам не испортили всего.

Он отправился с Фоем в комнату верхнего этажа и здесь в торжественном безучастном молчании выслушал приказания Дирка.

– Вы слушаете?.. Понимаете? – резко спросил Дирк.

– Кажется, да, мейнгерр, – отвечал Мартин. – Послушайте! – И он слово в слово повторил сказанное Дирком; когда он хотел, память у него оказывалась прекрасной. – Только позвольте вам задать несколько вопросов: наследство надо перевезти сюда во что бы то ни стало?

– Во что бы то ни стало, – отвечал Дирк.

– А если нам не удастся увезти его, то его следует спрятать как можно лучше?

– Да.

– А если нам вздумают помешать, мы должны будем обороняться?

– Конечно.

– А если при этом мне придется убить кого-нибудь, то пастор или другие не назовут меня убийцей?

– Не думаю, – отвечал Дирк.

– А если что-нибудь приключится с молодым герром, его кровь не падет на мою голову?

Лизбета застонала, затем встала и сказала:

– Зачем ты задаешь такие глупые вопросы, Мартин? Сын мой должен разделить опасность с тобой, и если с ним приключится беда – что легко может случиться, – то мы хорошо будем знать, что она приключилась не по твоей вине. Ты не

трус и не предатель.

– Думаю, что так, мефроу, но вот видите, здесь две обязанности: первая – увезти деньги, а вторая – защитить герра Фоя. Я хочу знать, которая важнее.

Ему ответил Дирк:

– Ты отправляешься выполнять завещание моего родственника, Гендрика Бранта, и оно должно быть выполнено прежде всего.

– Отлично, – отвечал Мартин. – Вы все хорошо поняли, герр Фой?

– Вполне, – подтвердил молодой человек, улыбаясь.

– Ну, теперь прилягте на часок-другой, быть может, завтрашнюю ночь не придется уснуть. На рассвете я разбужу вас. Надеюсь вернуться к вам, мейнгерр и мефроу, через двое с половиной суток; если же я не вернусь через трое или через четверо суток, то советую вам навести справки. – После этого Мартин отправился обратно к себе на чердак.

Молодежь спит хорошо, чтобы ни случилось или что бы ни предстояло, и Мартину на рассвете пришлось три раза окликнуть Фоя, прежде чем он открыл глаза и, вспомнив все происшедшее, вскочил с постели.

– Спешить особенно некуда, – сказал Мартин. – Но все же лучше выбраться из Лейдена, пока на улицах еще не много народа.

В эту минуту в комнату вошла Лизбета, уже вполне одетая, – она вовсе не ложилась в ту ночь, – неся в руке неболь-

шой кожаный мешочек.

– Что Адриан? – спросил Фой, когда мать нагнулась, чтобы поцеловать его.

– Он спит, и доктор, который все еще при нем, говорит, что ему лучше, – отвечала Лизбета. – Вот, Фой, ты в первый раз уезжаешь из родного дома, и я принесла тебе подарок – мое благословение.

Она развязала мешочек и, вынув из него какую-то вещь, положила на стол, где эта вещь образовала блестящую кучку величиной не больше кулака Мартина. Фой взял ее и поднял, причем маленькая кучка как-то необыкновенно вытянулась и в конце концов оказалась мужской одеждой.

– Стальная кольчуга! – воскликнул Мартин, одобрительно качая головой. – Хорошая вещь для тех, кому приходится иметь дело с испанцами.

– Да, – отвечала Лизбета. – Отец мой привез ее из одного своего путешествия на Восток. Я помню, он рассказывал, что купил ее на вес золота и серебра, и то только по особенной милости к нему короля той страны. Он говорил, что кольчуга старинной работы и теперь такой сделать нельзя. Она триста лет переходила в одной семье от отца к сыну, и ни один из носивших ее не умер от ран: никакой кинжал или меч не в состоянии пронзить эту сталь. По крайней мере, таково предание, и странно, когда я лишилась всего своего состояния... – она вздохнула, – эта кольчуга сохранилась у меня, так как лежала в своем мешочке в старом дубовом сундуке, и никто

не обратил на нее внимания. Она – единственное наследство тебе от твоего деда, так как дом уже перешел к отцу.

Фой отблагодарил мать, только поцеловав ее, не говоря ни слова: он весь погрузился в рассматривание кольчуги, которую мог вполне оценить, сам будучи медником. Мартин же все повторял:

– Эта вещь дороже денег. Бог знал, что кольчуга понадобится, и не дал им ее в руки.

– Я никогда не видал ничего подобного! – вырвалось у Фоя. – Смотри, она переливается, как ртуть, и легче кожи. Видишь, она уж перенесла не один удар сабли и меча... – Держа кольчугу против света, он указал на звеньях много черточек и пятнышек, происшедших, очевидно, от лезвия меча или конца копья. Но ни одно из звеньев не было повреждено или сломано.

– Молю Бога, чтобы она оказалась такой же прочной и теперь, когда ты станешь носить ее, – сказала Лизбета. – Но все же, сын мой, помни всегда, что есть Один, Кто может охранить тебя, как никакая самая совершенная кольчуга. – Сказав это, она вышла из комнаты.

Фой надел кольчугу на шерстяную фуфайку, и она оказалась ему впору, хотя сидела и не так безукоризненно, как впоследствии, когда он пополнел. Когда поверх кольчуги он надел полотняную сорочку и куртку на подкладке, то никто не догадался бы, что он одет в броню.

– Нехорошо только, Мартин, что я закутался в сталь, а у

тебя нет ничего, – сказал он.

Мартин засмеялся.

– Вы считаете меня сумасшедшим, герр Фой? – ответил он. – Или я на своем веку видал мало драк? Взгляните-ка, – и расстегнув свою кожаную куртку, он показал, что внизу у него надета другая куртка из какого-то толстого, но мягкого материала.

– Буйволова кожа, – пояснил Мартин. – Дубленая по-нашему, по фрисландски. Конечно, она не такая прочная, как ваша кольчуга, но выдержит не один удар и не одну стрелу. Простой ночью я было стал готовить такую куртку и для вас и почти кончил ее, но сталь лучше и прохладнее для того, кому она по карману. Теперь закусим – и в путь, чтобы быть у ворот к девяти часам, когда они отпираются.

Глава XIII. Подарок матери – хороший подарок

Без пяти минут девять у Белых ворот собралась небольшая кучка людей в ожидании, когда отворят городские ворота. Толпа была разнородная, но преобладали в ней крестьяне, возвращавшиеся к себе в деревню, ведя с собою мулов и ослов, нагруженных пустыми корзинами, и обменивавшиеся веселыми приветствиями со знакомыми, ожидавшими по другую сторону решетчатых ворот с корзинами, полными всякой зелени и другой провизии. Видно было несколько монахов, сосредоточенных и мрачных, по-видимому, отправлявшихся по своим мрачным делам. Отряд испанских солдат, шедших в соседний город, также ожидал открытия ворот. Сюда же подъехали и Фой с Мартином, ведшим за собой вьючного мула. Фой был одет в серую куртку торговца, но был вооружен мечом и ехал на хорошем коне; под Мартином же был фламандский битюг, которого в наши дни не сочли бы годным ни для чего иного, как для плуга. Но какая иная, более нежно сложенная лошадь, могла бы выдержать подобную тяжесть? В толпе сновал зоркий человек с песочными бакенбардами и флегматичным лицом, спрашивая у едущих, куда и зачем они отправляются и записывая в записную книжку их товары и багаж. Подойдя к Фою, он спросил коротко, хотя хорошо знал молодого человека:

– Имя?

– Фой ван-Гоорль и Мартин, слуга моего отца; едем в Гаагу с образцами медного товара к заказчикам нашей фирмы, – спокойно отвечал Фой.

– Ишь, какие ловкие! – ядовито усмехнулся досмотрщик. – Чем нагружен мул? Библиями, что ли?

– Нет, не такой драгоценностью, – отвечал Фой, – а только разобранным церковным подсвечником.

– Распакуйте и покажите, – сказал чиновник.

Фой вспыхнул от гнева и стиснул зубы, Мартин же, подтолкнув его в бок, быстро принялся исполнять приказание.

Дело было хлопотное, так как каждая часть подсвечника была обернута в жгут сена, а чиновник не оставил не развязанной ни одной, после чего их опять пришлось упаковывать. Пока путешественники были заняты этой бесполезной, медленной работой, к воротам подъехали еще два путника: один высокий, костлявый, одетый в платье, по покрою похожее на монашеское, и со шляпой, закрывавшей лицо; другой – в неряшливом военном костюме, но вооруженный с головы до ног. Увидав молодого ван-Гоорля и его слугу, высокий, смешно сидевший на лошади, вытянув ноги вперед, что-то шепнул своему спутнику, и оба проехали через ворота без всяких вопросов со стороны досмотрщика.

Когда Фой и Мартин также пустились в путь минут двадцать спустя, этой пары уже не было видно, так как лошади у нее были хорошие, и она ехала быстро.

– Вы узнали их? – спросил Мартин, когда они выехали из толпы.

– Нет. А кто это? – отвечал Фой.

– Папистская колдунья Черная Мег, переодетая мужчиной, и молодец, приехавший из Гааги вчера. Они отправляются с донесением, что Адриан помешал им и что им не удалось обыскать Брекховенов и Эльзу.

– Что все это значит, Мартин?

– Значит, что нас встретят там с распростертыми объятиями; значит, кто-нибудь догадался, что мы знаем о сокровище и что оно не так-то легко дастся в руки.

– Они нападут на нас дорогою?

– Не думаю. Но всегда лучше быть наготове, – отвечал Мартин, пожимая плечами. – Они могут подстеречь нас на возвратном пути. Наша жизнь не нужна им без денег, стало быть, им придется подождать.

Мартин оказался прав. Добравшись беспрепятственно до Гааги, они, отправившись прямо в дом купца, которому везли заказ, оставили у него лошадей и сами отдохнули. Из разговоров со своим хозяином они узнали, что в Гааге всем, кого подозревают в принадлежности к новой религии, приходится очень плохо; ежедневно происходят пытки, сожжения, убийства, в домах обывателей расквартированы солдаты, шпионы и правительственные агенты, позволяющие себе безнаказанно всякие бесчинства. Гендрик Брант был еще на свободе и продолжал свою торговлю, но слух шел, что он уже

намечен и ему недолго жить.

Фой объявил, что они переночуют в Гааге, и после заката предложил Мартину прогуляться, чтобы посмотреть виды города.

– Будьте осторожны, мейнгерр Фой, – сказал хозяин, – здесь много бродит всяких темных людей; и мужчин и женщин. Да, море полно всяких приманок, на которые легко попасть новичку.

– Мы будем настороже, – отвечал Фой с веселым видом юноши, который не прочь испытать какое-нибудь волнение. – Лейденскую рыбу не так-то легко поймать на гаагскую удочку.

– Будем надеяться, что так, – сказал хозяин, – но все же я прошу вас быть осторожными. Помните, где в случае надобности найти своих лошадей; они накормлены, и я не велю их расседлывать. Ваше прибытие сюда уже известно, и почему-то за моим домом наблюдают.

Фой кивнул головой и пошел к дверям впереди Мартина, который шел за ним, испуганно озираясь и придерживая свой огромный меч по прозвищу «Молчание», которым он был опоясан и который, насколько мог, он старался скрыть под своей курткой.

– Лучше было бы, если бы ты был поменьше ростом, – шепнул Фой через плечо Мартину, – а то все оглядываются на тебя и на твою красную бороду, горящую, как огонь в печке.

– Что делать, мейнгерр, – отвечал Мартин, – у меня и то болит спина от того, что я все сгибаюсь, а бороду такую мне дал сам Бог.

– Можно бы выкрасить ее, – сказал Фой. – Если бы она была черная, ты не напоминал бы так петуха на церковной колокольне.

– Ну, как-нибудь выкрашу, мейнгерр; такую бороду не скоро выкрасишь; мне кажется, было бы скорее обрезать ее.

Тут он замолк, так как они вышли на Широкую улицу.

Здесь было очень оживленное движение взад и вперед, но лица прохожих было трудно рассмотреть, так как месяц не светил и улица освещалась только фонарями, стоявшими на очень далеком расстоянии один от другого. Однако Фой успел заметить, что в толпе было много подозрительных лиц: уличных женщин, солдат местного гарнизона, полупьяных матросов из разных стран, а между ними мелькали монахи и другие шпионы. Не успели Фой с Мартином сделать несколько шагов, как кто-то сильно толкнул Фоя, приказывая ему в то же время убираться с дороги. Однако, несмотря на то, что кровь вскипела в нем и рука инстинктивно схватилась за меч, Фой сдержался, поняв, что его желают вызвать на ссору. Тут к нему подошла пестро одетая женщина, но у нее не было банта на плече, потому Фой только покачал головой и улыбнулся. Однако он заметил, что во все остальное время прогулки эта женщина следила за ним вместе с мужчиной, лица которого он не мог рассмотреть, так как тот закрывался

темным плащом.

Три раза Фой и Мартин прошли таким образом по правой стороне улицы, пока молодому человеку это не надоело и он не начал думать, что план Бранта не удался.

Но когда он повернул в четвертый раз, его опасения рассеялись, так как он очутился лицом к лицу с невысокого роста женщиной, имевшей большой красный бант на плече и шедшей в сопровождении другой женщины, неуклюжей и одетой как крестьянка. Особа с красным бантом, будто споткнувшись, бросилась с притворным криком прямо в объятия Фоя, и он услышал, как она шепнула:

– Вы из Лейдена, душечка?

– Да.

– Так обходитесь со мной, как я буду обходиться с вами, и следуйте за мною, куда я поведу. Сделайте сначала вид, что хотите отделаться от меня.

Не успела она договорить, как Фой почувствовал, что Мартин подталкивает его, а позади слуги тотчас послышались шаги пары, следившей за ними, в чем теперь на конце улицы, где народа было не так много, уже не оставалось сомнения. Он начал играть свою роль как можно лучше, нельзя сказать, чтобы он исполнял ее в совершенстве, но его неловкость придавала ему чистосердечный вид.

– Нет, нет, – говорил он, – почему мне платить за твой ужин?! Убирайся-ка, моя милая, и дай мне с моим слугой осмотреть город.

– Позвольте мне быть вашим проводником, мейнгерр, – просила девушка с красным бантом, складывая руки с мольбой и смотря в лицо Фоя.

В эту минуту первая женщина, подхотившая к нему, громко сказала его спутнице:

– Скажите, как наш Красный Бант старается! Напрасная надежда, моя милая, добиться ужина или хоть кружки пива за приглашение от лейденского купца-святоши.

– Напрасно ты считаешь его таким скаредом, – отвечала Красный бант через плечо, между тем как глазами показывала Фою, чтобы он отвечал.

Он старался, насколько мог, и результатом было то, что спустя десять минут тот, для кого это представляло интерес, мог видеть, как по Широкой улице шел белокурый молодой человек, нежно обняв за талию свою спутницу-брюнетку, а за ним шагал высокий слуга с огненной бородой и, стараясь подражать своему господину, охватил своей лапшей шею спутницы Красного Банта. Как Мартин объяснял бедной женщине впоследствии, не его была вина, что ей было неудобно идти, так как, если бы ему вздумалось обнять ее за талию, то пришлось бы для этого взять ее под мышку.

Фой и его спутница весело болтали, но Мартин даже не пытался говорить и только пробормотал сквозь зубы:

– Хорошо, что пастор Арентц не может видеть нас. Ему бы ни за что не понять, он на все смотрит с одной точки зрения.

Так, по крайней мере, Фой впоследствии рассказывал в

Лейдене.

По знаку своей спутницы Фой повернул в боковую улицу, и ему казалось, что никто не следит за ними, как вдруг он услышал позади себя насмешливый голос:

– Покойной ночи, Красный Бант. Желаю тебе хорошо поужинать с твоим лейденским приказчиком.

– Скорее, – шепнула Красный Бант и она повернула за угол, потом за другой, за третий.

Теперь они шли по узким улицам, грязным и вонючим, среди домов с остроконечными крышами, местами так свесившимися вперед, что, казалось, сходились наверху, оставляя только полоску звездного неба над головами прохожих. По-видимому, это было городское предместье, и ужасный запах происходил от многочисленных каналов с переброшенными через них сводчатыми мостами, каналов, где теперь, летом, вода стояла низко, неподвижно и загнивала.

Наконец Красный Бант остановилась и постучалась в потайную дверь, которую тотчас отпер человек, не имевший в руке никакого света.

– Входите, – сказал он шепотом, и все четверо вступили в узкий коридор. – Скорее, скорее! – повторял человек. – Я слышу шаги.

Фой слышал также звук шагов по переулку, и когда дверь затворилась, звук замер у дома. Держа друг друга за руки, все шли по узкому коридору и спустились по лестнице, где, наконец, увидели свет, падавший сквозь щели плохо притво-

рванной двери. Она отворилась при их приближении и снова затворилась, как они только вошли.

Фой вздохнул с облегчением, так как его утомило это продолжительное бегство, и огляделся. Он увидел, что они находятся в обширном подвале без окон, хорошо меблированном дубовыми скамьями. Посредине стоял стол, уставленный кушаньями и флягами с вином. У нижнего конца стола стоял человек средних лет, преждевременно поседевший и с лицом, носившим отпечаток постоянной заботы.

– Добро пожаловать, Фой ван-Гоорль, – обратился этот человек приятным голосом к вошедшему. – Много лет мы не виделись, а все же я везде узнал бы тебя, хотя ты, я думаю, меня бы не узнал.

Фой смотрел на него, качая головой.

– Я так и думал, – продолжал хозяин, улыбаясь. – Я – Гендрик Брант, твой родственник, некогда бургомистр города Гааги и ее самый богатый гражданин, а теперь травленая крыса, которой приходится принимать гостей в потайном подвале. Скажи мне, благополучно ли доехала дочь моя Эльза до дома твоего отца и здорова ли она?

Фой рассказал ему все происшедшее.

– Я так и знал, – повторял Брант. – Рамиро знал об ее поездке и догадывался, что она может отвезти письмо. Кто из вас предатель? – заговорил он вдруг, сжав кулаки в припадке злобы и обращаясь к женщинам, игравшим роль Красно-го Банта и служанки. – Неужели вы, евшие мой хлеб, преда-

ли меня? Нет, не плачьте, я знаю, что этого не может быть, но теперь у нас в городе сами стены имеют уши, и даже эти толстые своды не сохранят нашей тайны. Ну, мне все равно, лишь бы удалось спасти свое состояние от этих волков! Пусть они тогда схватят мое тело и терзают его. По крайней мере, дочь моя в безопасности на некоторое время, и теперь у меня осталось одно только желание: лишить их также моего состояния.

Затем он обратился к пестро одетой девушке, сидевшей на скамье, закрыв лицо руками, и сказал:

– Расскажи все как было, Гретхен.

Девушка отняла руки от лица и передала все случившееся.

– Они следуют за нами по пятам, – сказал Брант, – но мы, друзья, перехитрим их. Теперь кушайте и пейте, пока можно.

По окончании ужина Брант приказал женщинам уйти и позвать человека, стоявшего на страже, став на его место. Вошел седой старик с суровым лицом и принялся за еду и вино.

– Послушай, Фой, – заговорил Брант, – вот каков мой план: с милю от города, при устье большого канала, стоит несколько судов, нагруженных товарами и лесом; честным людям, ничего не знающим об истинном грузе этих судов, приказано поджечь их, если бы на борту появились чужие. Между этими судами одно – «Ласточка», маленькое, но чрезвычайно быстрое и легко управляемое. Оно нагружено со-

лью, но, кроме того, на нем восемь бочонков с порохом, а в середине между бочками с порохом и солью стоят бочки, в которых скрыты сокровища. Если у тебя хватит храбрости на такое дело, то этот человек, Ганс, доведет тебя до «Ласточки»; если же ты сомневаешься в себе, то скажи прямо, и я поеду сам. Ты должен вступить на борт и на заре, распустив большой парус, выйти в открытое море. Очень вероятно, что при устье канала или в другом месте вас будет поджидать враг. На этот случай я могу дать только один совет: бегите с «Ласточки», если окажется какая-нибудь возможность, спасайтесь на боте или вплавь, но прежде, чем оставить судно, зажгите фитили, приготовленные на корме и носу, и предоставьте пороху сделать свое дело; пусть мои сокровища развеет ветер или скроет вода... Можешь ты сделать это? Подумай хорошенько, прежде чем ответить.

– Разве мы не для того приехали из Лейдена, чтобы исполнять ваши приказания? – отвечал Фой, улыбаясь, и затем прибавил: – Но почему вы не уезжаете с нами? Здесь вам грозит опасность, и даже если бы нам удалось спасти богатство, то какая польза в деньгах без жизни?

– Конечно, для меня никакой, но разве ты не понимаешь? Я живу среди шпионов, за мной следят день и ночь; очень вероятно, что, несмотря на всю мою осторожность, мое присутствие здесь уже известно. Мало того, уже издан приказ схватить меня при первой попытке с моей стороны оставить город. Тогда немедленно будет произведен обыск, и окажет-

ся, что мое богатство исчезло. Вспомни, как оно велико, и ты поймешь, почему вороны так жаждут его. О моем состоянии говорят в Нидерландах, о нем донесли испанскому королю, и я знаю, что от него получен приказ о конфискации. Но есть еще шайка, которая раньше собирается наложить на него свою лапу, Рамиро и его товарищи, и вот, благодаря этой борьбе воров между собою, я еще до сих пор жив. Но за каждым моим шагом следят. Хотя они и не верят, чтобы я мог отослать свое богатство, а сам остаться, однако еще не вполне убеждены в этом.

– Вы думаете, они будут преследовать нас? – спросил Фой.

– Наверное. Из Лейдена прибыли гонцы за два часа до вашего приезда в город, и было бы чудом, если бы вам удалось уехать, не повстречавшись с шайкой разбойников. Не заблуждайся: дело, предстоящее тебе, не легкое.

– Вы говорите, мейнгерр, что суденышко быстро на ходу? – спросил Мартин.

– Да, но, может быть, у других есть не менее быстроходное. Кроме того, может случиться, что вы найдете устье канала закрытым стражниками, присланными сюда неделю тому назад с приказанием обыскать каждое судно, выходящее в открытое море. А может быть, вам и удастся проскользнуть мимо...

– Мы с герром Фоем не боимся нескольких ударов, – сказал Мартин, – и готовы храбро встретить всякую опасность; но все-таки все это дело мне кажется очень рискованным, и

деньги ваши вряд ли удастся спасти. Вот я и спрашиваю: не лучше ли было бы взять сокровище с судна, где вы его спрятали, и скрыть его на суше или увезти?

Брант покачал головой.

– Я уже думал об этом, – сказал он, – как вообще обо всем, но сделать этого теперь нельзя; и теперь уже не время строить новые планы.

– Почему? – спросил Фой.

– Потому что день и ночь эти люди наблюдают за судами, принадлежащими мне, хотя они и записаны на чужие имена, и не далее как сегодня вечером подписан приказ обыскать эти суда за час до зари. Сведения у меня верные – я дорого плачу за них.

– В таком случае, нечего больше говорить, – сказал Фой. – Мы постараемся добраться до «Ласточки» и увести ее, и если это нам удастся, то постараемся скрыть сокровища, а если не удастся, то взорвем судно, как вы приказываете, сами же будем стараться скрыться, или... – он пожал плечами.

Мартин не сказал ничего и только покачал своей большой рыжей головой; лоцман же, сидевший за столом, тоже не проронил ни слова.

Гендрик Брант взглянул на них, и его бледное, похудевшее от забот лицо начало подергиваться.

– Прав ли я? – проговорил он вполголоса и наклонил голову, как бы в молитве.

Когда он снова выпрямился, он, казалось, принял реше-

ние.

– Фой ван-Гоорль, – сказал он, – выслушай меня и передай твоему отцу, а моему душеприказчику то, что я скажу, так как писать мне некогда. Ты, вероятно, удивляешься, почему я не предоставляю богатство на волю судьбы, не рискуя жизнью людей для его сохранения. Что-то в сердце толкает меня на иной путь. Может быть, это воображение; но я человек, стоящий на краю могилы, и таким людям – я знаю это – иногда бывает дано прозреть будущее. Мне кажется, что тебе удастся спасти сокровище и что оно даст возможность погубить нескольких злых людей, и еще больше того, но когда это будет, этого я не могу видеть. Однако я уверен, что тысячи и десятки тысяч людей будут жить, благословляя золото Гендрика Бранта, и поэтому я так стараюсь скрыть его от испанцев. Вот почему я прошу вас обоих рискнуть вашей жизнью сегодня ночью – не ради богатства, потому что богатство тленно, но ради того, что может быть достигнуто с помощью этого богатства в будущем.

Он замолк на минуту, затем продолжал:

– Я надеюсь также, что, будучи, как мне говорили, свободным, ты со временем полюбишь мою дорогую девочку, которую я поручаю попечению твоего отца и твоему. Так как время уходит и мы никогда больше не увидимся с тобой, то я прямо скажу, что такой союз был бы приятен мне, так как я слышал о тебе много хорошего и ты мне нравишься по характеру так же, как по наружности. Помни всегда, какими

бы тучами ни было покрыто небо над тобой, что перед своей смертью Гендрик Брант имел откровение о тебе и любимой дочери, которую ты со временем полюбишь, как ее любят все, кто знает. Помни также, что ее привязанность не легко приобрести и что ты женишься на ней не из-за богатства, так как, повторяю тебе, богатство принадлежит не ей, но нашему народу, на благо которого оно должно быть употреблено.

Фой слушал с удивлением, но не отвечал ничего, не зная, что сказать. Однако на пороге первого важного события в своей жизни ему приятно было услышать эти слова, так как он уже и сам нашел, что у Эльзы красивые глаза.

Брант между тем обратился к Мартину, но тот, трясая своей рыжей бородой, отступил на шаг.

– Благодарю вас, мейнгерр, – сказал он, – но я обойдусь без пророчеств; хорошие или дурные, они смущают человека. Однажды астролог предсказал мне, что я утону на двадцать пятом году. Я не утонул, но, Бог мой, сколько лишних миль я сделал, отыскивая мосты, благодаря этому астрологу.

Брант улыбнулся.

– Относительно тебя, мой друг, я ничего не предвижу, кроме того, что твоя рука окажется всегда крепкой в битве, что ты всегда будешь любить своих хозяев и будешь употреблять свою силу на отмщение за Божьих замученных святых.

Мартин усердно кивал головой и сжимал рукоять своего меча «Молчание», между тем как Брант продолжал:

– Из-за меня и моих ты вступишь в опасное дело, и если

останешься жив, то получишь хорошую награду.

Он подошел к столу и, взяв лист бумаги, написал: «Герру Дирку ван-Гоорлю и его наследникам, моим душеприказчикам и хранителям моего состояния, которое они должны употребить, как укажет им Господь. Сим назначаю, чтобы за дело сегодняшней ночи Мартину по прозванию Красный, слуге вышеупомянутого Дирка ван-Гоорля, или его наследникам по его указанию была выплачена сумма в пять тысяч флоринов, и эта сумма прежде всего должна быть взята из моего состояния, на какой бы предмет его ни предназначили мои душеприказчики». Подписав документ и поставив число, он пригласил Ганса-лоцмана поставить и свою подпись в качестве свидетеля. После того он передал бумагу Мартину, который поблагодарил его, поднеся руку ко лбу, говоря в то же время:

– В конце концов, драться не так уж плохо! Пять тысяч флоринов! Никогда мне и во сне не снилось такое богатство.

– Ты еще не получил его, – заметил Фой. – И что ты делаешь теперь с бумагой?

Мартин задумался.

– Положить в куртку?.. Нет, – сказал он, – куртку можно снять и забыть. В сапоги?.. Нет, там она продерется, особенно, если они намокнут. Защить в фуфайку?.. Нельзя по той же причине. А, догадался!..

Вытащив из ножен свой огромный меч, он начал ножом отвергивать один из маленьких серебряных винтиков, кото-

рыми рукоять была привинчена к лезвию. Вынув винт, он дотронулся до пружинки, и одна четвертушка костяной ручки отскочила, обнаружив значительную пустоту внутри рукояти, так как меч был сделан для двух обыкновенных человеческих рук, и только Мартин мог удержать его одной рукой.

– Зачем эта дыра? – спросил Фой.

– Копилка палача, – отвечал Мартин, – благодаря которой человек, имеющий с ним дело, становится счастливым, конечно, если иметь чем заплатить. Я помню, он предлагал и мне, перед тем как я... – Мартин запнулся, свернув бумагу, спрятал ее в углубление.

– Ты можешь лишиться своего меча, – высказал свое предположение Фой.

– Да, но только вместе с жизнью, и тогда замену надежду на флорины золотым венцом, – отвечал Мартин, ослабившись. – А до тех пор я не намерен расставаться с «Молчанием».

Между тем Гендрик Брант разговаривал шепотом с молчаливым лоцманом, и этот, поднявшись, сказал:

– Не беспокойся обо мне, брат, я иду на риск и не желаю пережить тебя. Мою жену сожгли, одна из двух дочерей замужем за человеком, который сумеет защитить их обеих. Не беспокойся обо мне, у которого одно только желание – выхватить из-под носа у испанцев сокровище, чтобы со временем оно могло служить к их гибели!

Он снова погрузился в молчание. Молчали и остальные

присутствующие.

– Пора отправляться, – заговорил Брант. – Ганс, ты укажешь дорогу. Мне надо еще побыть здесь, прежде чем я пойду домой и покажусь на улице.

Лоцман кивнул головой.

– Готовы? – спросил он, обращаясь к Фою и Мартину. Затем, подойдя к двери, он свистнул, и в комнату вошла Красный Бант со своей спутницей. Он сказал им несколько слов и поцеловал каждую в лоб. Затем он подошел к Гендрику Бранту и, обняв его, поцеловал горячее, чем целовал своих дочерей.

– Прощай, брат, – сказал он, – до свидания здесь или там – все равно. Не бойся, мы, может быть, переправим все в Англию или пошлем все к черту и вместе с тем отправим туда же искать богатства несколько испанцев. Теперь, товарищи, пойдете, и не отставайте от меня, а если кто захочет остановить нас, пришибите его. Когда мы дойдем до лодки, вы будете грести, а я сяду у руля. Дочери проводят нас до канала, под руку с каждым из вас. Если что-нибудь случится со мной, каждая из них может направить вас к «Ласточке», и если ничего не случится, то мы высадим их на ближайшей верфи. Идемте! – И он пошел к выходу.

На пороге Фой оглянулся на Гендрика Бранта. Тот стоял у стола, и свет, ярко освещавший его седую голову, образовал вокруг нее как бы венец. В эту минуту, закутанный в свой длинный черный плащ, с губами, шепчущими молитву, и ру-

ками, поднятыми, чтобы благословить уходящих, он походил не на обыкновенного смертного, но на какого-то святого, сошедшего на землю. Дверь затворилась, и Фой уже никогда не видал более Бранта, так как вскоре после того агенты инквизиции схватили старика и он умер в их жестоких руках. Одним из обвинений, выставленных против него, было то, что более двадцати лет тому назад Черная Мег, сама явившаяся свидетельницей, видела, как он читал Библию. Однако инквизиции не удалось узнать, где спрятано сокровище. Правда, ради более легкой смерти он сделал своим мучителям длинное признание, заставившее их совершить далекое путешествие, но он сам не знал истины и поэтому, собственно, не мог сообщить ничего.

Когда Фой со своими спутниками вышел на темную улицу, он снова обнялся с Красным Бантом, а Мартин снова обхватил за шею ту из женщин, которая казалась служанкой, между тем как лощман, будто платный проводник, показывал дорогу. Скоро позади них послышались шаги – за ними следовали. Они сделали один-два поворота и очутились на берегу канала, где Ганс, спустившись вместе с дочерью с лестницы, вошел в лодку, стоявшую наготове. Мартин следовал за ними, а последним был Фой. В ту минуту, как он поставил ногу на первую ступень, из мрака вынырнула темная фигура, в воздухе сверкнул нож и ударил его между лопаток. Он покачнулся и со всего размаху полетел с лестницы.

Но Мартин все видел и слышал. Он размахнулся своим

мечом. Убийца был далеко, однако конец меча коснулся протянутой руки его и из нее выпал сломанный нож, между тем как державший его отшатнулся с криком боли. Мартин схватил нож, затем вскочил в лодку и оттолкнул ее. На дне ее лежал Фой, упавший прямо в объятия Красного Банта, повалив и ее.

– Вы ранены, мейнгерр? – спросил Мартин.

– Нет, – отвечал Фой. – Но боюсь, не ушиб ли я барышню.

– Подарок матери – хороший подарок, – проговорил Мартин, усаживая Фоя и его спутницу на скамью в лодке. – Вместо того чтобы нанести вам восьмидюймовую рану, нож сломался о кольчугу. Вот он. – Он бросил рукоятку ножа на колени Фоя и взялся за весло.

Фой рассматривал нож при слабом свете и увидел, что на ручке замер палец – длинный, костлявый, с надетым на него золотым кольцом.

– Это может пригодиться, – подумал Фой, положив палец с кольцом в карман.

Все взялись за весла и стали грести, пока не подъехали к верфи.

– Ну, дочери, теперь прощайте, – сказал Ганс.

Красный Бант нагнулась и поцеловала Фоя.

– До сих пор была шутка, а теперь всерьез, – сказала она. – Это на счастье. Прощайте, товарищ, и когда-нибудь вспомните обо мне.

– Прощайте, товарищ, – повторил Фой, отвечая на поце-

луй.

Она спрыгнула на берег. Больше они не встречались.

– Вы знаете, что делать, – обратился Ганс к дочерям, – и через три дня вы будете в Англии, где, может быть, мы встретимся, хотя на это не рассчитывайте. Но что бы ни случилось, живите честно, помните меня, пока мы встретимся здесь или там, а главное, помните мать и вашего благодетеля Гендрика Бранта. Прощайте!

– Прощай! – отвечали дочери с рыданием, и лодка отчалила по темному каналу, оставив дочерей Ганса на верфи.

Впоследствии Фой узнал, что шедшая с Мартином была замужняя. Красный Бант тоже вышла замуж за лондонского торговца сукном, и ее внук был лондонским лорд-мэром. Больше мы уже не встретимся с этими девушками в нашем рассказе.

Глава XIV. Меч «Молчание» получает тайну на хранение

С полчаса они плыли по каналу молча и без препятствий. Теперь лодка вступила в более широкий проток, по которому они приближались к морю, держась, насколько было возможно, в тени берега, потому что хотя ночь и была безлунная, но на канале лежал слабый сероватый свет. Наконец Фой заметил, что их шлюпка начала толкаться о бока выстроенных в ряд барок и речных лодок, нагруженных лесом и другими товарами. Лоцман Ганс направился к четвертой из барок и привязал к ее корме свою лодку. Взобравшись сам на борт, он пригласил своих спутников последовать за собой.

Когда они исполняли его приказание, Фой увидел, как впереди поднялись две темные фигуры и сверкнуло стальное лезвие. Ганс свистнул, опустив оружие, эти люди подошли к нему и вступили в разговор. Скоро Ганс обратился к Фою и Мартину:

– Нам придется подождать немного – ветер дует противный, и было бы слишком опасно идти на веслах против него в открытое море мимо мелей. Он переменится еще до зари, если я что-нибудь понимаю в небе, и сильно подует от земли.

– Что говорили люди с судна? – спросил Фой.

– Только то, что им уже четыре дня не дают пропуска и что завтра назначен обыск, и груз будут вынимать по одной

вещи.

– Ну, надеюсь, что к тому времени то, что они ищут, будет уже далеко. Покажите нам судно.

Ганс повел их под палубу, так как суденышко было крытое и по размерам и форме напоминало теперешние суда сельдяных промышленников, хотя несколько более легкой постройки. Он зажег фонарь и стал показывать груз. Сверху лежали мешки с солью. Сняв один или два из них, Ганс открыл днища пяти бочонков, всех помеченных буквой Б, нарисованной белой краской.

– Вот что они будут искать, – сказал Ганс.

– Сокровища? – спросил Фой.

Лоцман кивнул головой.

– Да, эти пять бочонков.

Под этими пятью бочонками он указал еще на другие девять бочонков, наполненных лучшим порохом, и указал, как зажигательная нитка проходила в помещение для товара, на палубу и к рулю, где ее в любую минуту могли зажечь. Осмотрев, насколько позволяло освещение, канаты и паруса, Фой и его спутники сели в каюте, ожидая, пока ветер переменится, между тем как двое матросов поднимали якорь и готовили паруса. Прошел час, а ветер все еще продолжал дуть с моря, хотя уже не постоянно, а как бы нерешительными порывами, и наконец совершенно стих.

– Дай Бог, чтобы ветер поднялся поскорее, – сказал Мартин, – обладатель того пальца, который у вас в кармане, на-

верное, давно приготовился гнаться за нами, и вот восток уже алеет.

Молчаливый, угрюмый Ганс подался вперед и смотрел на темную воду, приложив руку к уху.

– Я слышу их, – сказал он.

– Кого? – спросил Фой.

– И испанцев, и ветер, – отвечал он. – Скорее поднимем грот-парус и выйдем на середину канала.

Все трое схватились за веревки; кольца и снасти затрещали, между тем как большой парус стал подниматься кверху по мачте. Наконец его установили, а вслед за ним и второй парус. Тогда с помощью обоих матросов «Ласточку» вывели из ее места в линии прочих судов на фарватер. Все это произвело шум и потребовало некоторого времени; на берегу появились люди и стали спрашивать, кто смеет без позволения сниматься с якоря. Когда с «Ласточки» не последовало ответа, раздался выстрел, а на сторожевом посту запылал огонь.

– Плохо дело, – сказал Ганс, – они дают сигнал правительственному кораблю у устья канала. Смелей, мейнгерр, смелей!.. Вот и ветер!

Он подбежал к рулю, рукоятка повернулась, и суденышко начало пролагать себе дорогу.

– Да, а вместе с ветром идут и испанцы, – заметил Мартин.

Фой стал вглядываться в серые сумерки, становившиеся с каждой минутой все светлее, так как уже занималась заря,

и увидел не более как в четверти мили расстояния длинную лодку, на всех парусах несущуюся к ним.

– Им пришлось плыть в темноте, вот отчего они так запоздали, – заметил Ганс через плечо.

– Как-никак, они здесь, и их немало, – сказал Фой, когда крик дюжины голосов с лодки возвестил им, что они открыты.

Но тут «Ласточка» полетела, глубоко бороздя носом воду.

– Далеко до моря? – спросил Фой.

– Около трех миль, – отвечал Ганс, – с таким ветром мы сделаем их в четверть часа. Мейнгерр, прикажите своему слуге зажечь огонь в кухне.

– Зачем? – спросил Фой. – Чтобы приготовить завтрак?

Лоцман пожал плечами и пробормотал:

– Да, если мы еще будем живы, чтобы съесть его.

Но Фой видел, что он смотрит на зажигательную нитку, и понял его мысль.

Прошло десять минут, они миновали последний бакен и вышли в открытое море. Между тем стало уже совершенно светло, и ехавшие на «Ласточке» увидели, что сигнальные огни были зажжены не понапрасну. При устье канала, как раз где начиналась последняя мель, была устроена земляная дамба, оставлявшая проход не больше пятидесяти шагов шириной, и на одном краю ее стоял форт, вооруженный пушками. В небольшой бухточке под стенами форта стояла наготове открытая шлюпка с двенадцатью или пятнадцатью по-

спешно вооружавшимися солдатами.

– Что же теперь будет? – спросил Мартин. – Они запрут выход из канала.

Ганс стиснул зубы и не отвечал; он только смотрел то на преследователей, то на заграждавших дорогу, но затем вдруг громко скомандовал:

– Вы двое – под палубу! Они собираются стрелять с форта.

Сам он плашмя лег на палубу, не выпуская руля из поднятой руки.

Фой и Мартин повиновались, сознавая, что на палубе они бесполезны. Только Фой одним глазом заглядывал через люк.

– Вот оно! – сказал он и пригнулся.

С форта показался дымок и вслед за тем свист снаряда, пролетевшего в воздухе; затем – снова дымок, и в парусе «Ласточки» появилась дыра. После этого нового выстрела не последовало, потому что люди не успели заложить новые заряды; только несколько солдат, вооруженных арбалетами, начали стрелять по суденышку, пронесшемуся в нескольких футах мимо них.

Не обращая внимания на летевшие стрелы, Ганс снова встал на ноги, потому что лежащему человеку невозможно было бы выполнить такую работу, какая предстояла. Большая лодка, спущенная у форта, теперь была футах в двухстах от них, и «Ласточка», подхваченная сильным течением, неслась на нее с быстротою стрелы.

Фой и Мартин выползли из-под палубы и легли рядом с лоцманом, наблюдая за неприятельской лодкой, дошедшей до половины самого узкого места канала еще по эту сторону мели.

– Смотрите, – сказал Фой, – они бросают два якоря. Будет ли возможность пройти мимо них?

– Нет, – отвечал Ганс, – у самой мели вода слишком мелка, и они знают это. Принесите горящую головню.

Фой сполз вниз и вернулся с огнем.

– Ну, теперь, герр Фой, зажгите нитку.

Фой широко раскрыл свои голубые глаза, и у него мороз прошел по коже, но, стиснув зубы, он повиновался. Мартин, взглянув на Ганса, проговорил:

– Жалко молодости!

Ганс кивнул головой и сказал:

– Не бойся: пока нитка догорит до палубы, мы уже будем в безопасности. Ну, товарищи, теперь держись крепче! Мне нельзя пройти мимо лодки, так я пройду сквозь нее. Мы, может быть, пойдем ко дну по ту сторону, хотя я уверен, что огонь достигнет пороха еще раньше; в таком случае, вы можете спастись вплавь, я же пойду туда, куда пойдет «Ласточка».

– Посмотрю, когда придет время. Ох, этот проклятый астроном! – проворчал Мартин, оглядываясь на преследовавшую их лодку, которая находилась не дальше восьми или десяти сот ярдов.

Между тем офицер, командовавший лодкой, вооруженный мушкетом, кричал им, чтобы они спустили парус и сдались; только тогда, когда между обеими лодками оставалось расстояние не больше пятидесяти ярдов, он, казалось, понял отчаянное намерение голландцев. В лодке послышались возгласы:

– Эти дьяволы хотят потопить нас! – и многие бросились поднимать якоря. Один только офицер стоял стойко, бешено крича.

Но было уже поздно: сильный порыв ветра подхватил «Ласточку», и она пронеслась мимо с быстротой сокола.

Ганс стоял и, осматриваясь, слегка поворачивал руль. Фой наблюдал за лодкой, на которую они летели, а Мартин, лежа возле него, не сводил глаз с нитки.

Вдруг, когда до лодки оставалось всего футов пятьдесят, испанский офицер, перестав кричать, поднял мушкет и выстрелил. Мартину, поднявшему глаза, показалось, что лоцман покачнулся, но он не издал ни звука. Он только придал какое-то особое положение рулю, налегши на него изо всех сил, и его спутникам показалось, будто «Ласточка» на минуту остановилась и нос ее поднялся над водой; затем вдруг послышался звук, будто что-то треснуло, покрывший даже крик солдат в лодке: бушприт рухнул, и парус бился в воздухе, как огромный флаг.

Фой на минуту зажмурился, держась обеими руками за борт, пока лодка не перестала дрожать. Когда он снова от-

крыл глаза, то первое, что он увидел, было тело испанского офицера, перевесившееся через сломанный бушприт. Фой оглянулся. Лодка исчезла, и над водой виделись три или четыре головы пловших людей. Что же касается его и его спутников, то они казались невредимы, только их суденышко лишилось бушприта; но теперь оно плавно, как лебедь, плыло по морю. Ганс взглянул на зажигательную нитку, которая тлела уже близко к палубе, а Мартин стал топтать ее, говоря:

– Если мы теперь пойдем ко дну, то пойдем на глубоком месте, стало быть, не стоит лететь на воздух прежде, чем утопать.

– Поди взгляни, есть ли течь, – сказал Ганс.

Они спустились вниз; как оказалось, «Ласточка» не получила никакого серьезного повреждения. Ее массивный дубовый нос врезался в легкие борта открытой испанской лодки и разрезал ее, как нож яйцо.

– Отличный был поворот, – сказал Фой Гансу, когда они повернули, – кажется, все сделано как следует.

Ганс кивнул.

– Да, ловко прицелился, – проговорил он, – видимо, и следа не осталось.

В эту минуту «Ласточка» сильно качнулась, и тело испанца тяжело всплеснув, упало в воду.

– Я рад, что лодка пошла ко дну, – сказал Фой, – а теперь давайте позавтракаем: я умираю с голода. А вам, друг Ганс, принести что-нибудь поесть?

– Нет, мейнгерр, мне хочется спать.

Что-то такое в тоне лоцмана заставило Фоя взглянуть ему в лицо. Губы старика посинели. Фой взглянул ему на руки: хотя они крепко держали руль, однако тоже посинели, будто от холода, а на палубу капала кровь.

– Вы ранены? – спросил Фой. – Мартин, Ганс ранен.

– Да, – сказал лоцман, – он целил в меня, а я целил в него, и, может быть, мы скоро обсудим с ним вместе, как все случилось. Не беспокойтесь – навывлет и смертельно. Я не ждал ничего иного, поэтому и не жалуясь. Слушайте меня, пока я еще в силах говорить. Сумеете вы проехать до Гарвича, в Англию?

Мартин и Фой отрицательно покачали головой. Подобно большинству голландцев, они были хорошие моряки, но знали только берега собственной страны.

– В таком случае, и не пытайтесь; тут дуют ветры, которые отнесут вас в сторону, вы пойдете ко дну, и сокровища погибнут. Плывите на Гаарлемское озеро, друзья; на нашей «Ласточке» вы можете подойти близко к берегу, между тем как этому огромному дьяволу – он указал на преследовавший их корабль, переходивший через мель, – придется останавливаться вдали. Через узенький канал войдите в море. Вы знаете тетушку Марту по прозвищу Кобыла? Она будет ждать вас у входа в канал: она всегда там. Я, на всякий случай, дал ей знать, что мы можем захватить в море, и если вы поднимете белый флаг с красным крестом – он лежит в каюте

– или в сумерки вывесите красный фонарь на правой стороне, она придет, чтобы провести вас, потому что хорошо знакома с «Ласточкой». Ей вы безбоязненно можете сообщить все; она поможет вам и будет хранить тайну, как мертвая. В море вы можете потопить или взорвать на воздух, на суше – закопать сокровища, вообще сделать, что окажется нужным, но именем Бога, к которому я отхожу, умоляю вас, не отдавайте его в руки Рамиро и его испанских крыс, которые гонятся за нами по пятам.

При этих словах Ганс упал на палубу; Фой подбежал, чтобы поддержать его, но он отвел его слабеющей рукой.

– Оставьте меня, – шепотом сказал он, – я хочу помолиться. Я поставил руль. Держите тот же курс.

Мартин взялся за руль, между тем как Фой стоял около Ганса. Через десять минут последнего не стало.

Сильный ветер гнал их к Гаарлемскому морю; испанский корабль шел за ними, но держался дальше в открытом море, избегая мелей. Через полчаса ветер, все более и более поворачивая к северу, превратился в ураган, и им пришлось бороться против него, убрав паруса. Однако все обошлось благополучно; Фой смотрел за парусами, а Мартин стоял у руля. «Ласточка» была хорошее морское суденышко, и если плыла медленно, то и ее преследователь плыл не скорее ее, и между ними образовывался по временам промежуток в милю. Наконец к вечеру они увидели развалину мызы, указывавшую вход в один из каналов, ведущих в Гаарлемское море.

– Море бурно на мели, и теперь отлив, – заметил Фой.

– А все же надо попытаться, мейнгерр, может быть, и проскочим, – отвечал Мартин и направил «Ласточку» к устью протока.

Здесь волны вставали как горы и заливали палубу, однако «Ласточке» удалось перебраться через три мели, и наконец она вступила в спокойные воды канала, где пошла, хотя и тихо, но на парусе.

– Наконец-то мы ушли от них, – сказал Фой, – им не войти сюда до прилива.

– Надо воспользоваться временем, – отвечал Мартин. – Поднимите же белый флаг, и, пока возможно, закусим.

Пока они ели, солнце село и ветер так упал, что они едва шли по узлу в час. Так как Марты или какого-либо другого лоцмана не было видно, то они вывесили красный фонарь и медленно подвигались вперед, пока не достигли наконец выхода в море – обширной водной поверхности, местами мелкой, местами глубокой и усеянной во всех направлениях островками. Ветер теперь дул противный, и при наступившей полной темноте пришлось бросить якорь, рискуя иначе наткнуться на берег. Одно утешало пассажиров «Ласточки» – что их преследователь не мог видеть их.

Тут в первый раз их мужество несколько поколебалось, и они стояли молча у руля, не зная, что предпринять. Вдруг перед ними появилась белая фигура, будто поднявшись с палубы судна. Они не слышали звука весел или шагов, а меж-

ду тем фигура стояла перед ними, вырисовываясь на темном небе.

– Кажется, друг Ганс ожил, – сказал Мартин с легкой дрожью в голосе: он ужасно боялся привидений.

– А я думаю, что нас выследил испанец, – сказал Фой, хватывая нож.

Но тут послышался хриплый голос:

– Кому надо лоцмана в моих водах?

– А кто ты? – спросил Фой. – Говори скорей!

– Я лоцман, – отвечал голос, – а ваше судно по виду и сигналу, должно быть, «Ласточка» из Гааги. А почему это мне пришлось споткнуться на палубе о мертвое тело?

– Пойдем в каюту, и я расскажу тебе все, – сказал Фой.

– Хорошо, мейнггерр.

Фой повел лоцмана в каюту, между тем как Мартин немного отстал.

«Мы нашли себе проводника, зачем нам теперь фонари?» – подумал он и загасил все фонари, кроме одного, который взял в каюту.

Фой ждал его у двери, и они вошли вместе. Фонарь осветил странную фигуру, одетую в меховую одежду, такую широкую и бесформенную, что невозможно было сказать, мужчину или женщину она покрывала. Фигура была без шапки, и на лоб ей спускалась прядь волнистых седых волос. Лицо с парой блуждающих серых глаз было изможденное, обветренное от постоянного пребывания на воздухе, все в шрамах,

некрасивое, с высохшими губами и выступающими вперед зубами.

– Здравствуй, сын Дирка ван-Гоорля и Красный Мартин. Я – тетка Марта, прозванная испанцами «Кобылой» и озерной ведьмой.

– Я и без ваших слов узнал бы вас, матушка Марта, – сказал Фой, – хотя, правда, уже много лет не видел вас.

Марта грустно улыбнулась, отвечая ему:

– Да, много лет. Какое дело жирным лейденским бюргерам до бедной бродяги в спокойное время. Я не хочу укорять вас. Не следовало бы даже, чтобы знали, что ты или твои родители имеют дело со мной. Ну, что вам от меня нужно? По сигналу я вижу, что есть дело; а почему тело крестного брата Гендрика Бранта лежит там, у руля?

– Потому что, говоря прямо, у нас на борту богатство Гендрика Бранта, а что касается остального, то взгляните туда.

И Фой указал вдаль, где среди мрака в нескольких милях светилась точка, слишком низкая и красная, чтобы быть звездой, – фонарь, поднятый на мачту корабля.

Марта кивнула.

– Испанцы гонятся за вами, и ветер не пускает их сюда. Времени терять нечего. Спустите лодку, и мы отведем «Ласточку» туда, где она на сегодняшнюю ночь будет в безопасности.

Через пять минут они все ехали на веслах в лодочке, в ко-

торой бежали из Гааги, к неизвестному им месту в темноте, медленно ведя за собой на буксире «Ласточку». По пути Фой рассказал Марте все касавшееся данного ему поручения и своего бегства из Гааги.

– Я прежде слыхала об этих богатствах, – сказала Марта, – все Нидерланды знают о сокровищах Гендрика Бранта. Покойный Ганс известил меня, что они могут попасть сюда; он думал что на меня можно положиться в таких делах, – усмехнулась она. – Ну, что же вы намереваетесь делать?

– Исполнить данное нам приказание, – сказал Фой. – Спрячем богатство, если окажется возможным, или уничтожим его.

– Лучше первое, чем второе, – прервала Марта. – Спрячьте сокровища, говорю вам, и уничтожьте испанцев. У тетки Марты есть план.

– Мы можем потопить судно, – предложил Фой, – или положить драгоценности в лодку и потопить ее.

– И никогда не найти ее в этом море, – заметила Марта.

Все это время Марта так уверенно управляла лодкой, будто среди белого дня. Лодка выехала из открытой воды и пробиралась между островками. Наконец гребцы почувствовали, что идущая позади «Ласточка» слегка задевает дном за ил; тогда Марта, отведя ее в сторону, бросила якорь, говоря, что здесь будет ее стоянка на ночь.

– Теперь, – сказала она, – несите золото и кладите в лодку; если вы хотите спасти его, много придется поработать до

зари.

Фой и Мартин пошли вниз, между тем как Марта, свесившись над перилами лестницы, держала зажженный фонарь, светя им, так как они не решались подходить с огнем к пороху. Сняв мешки с солью, они скоро добрались до бочонков с буквой Б и, несмотря на всю свою силу, с трудом при помощи блока опустили их в лодку. Наконец погрузка была окончена, место бочонков занято мешками с солью. Захватив два железных, заранее приготовленных заступа, Фой, с Мартином снова спустились в лодку, которой по-прежнему управляла Марта. Больше часу они пробирались между бесконечными островками, на темные берега которых Марта пристально смотрела, пока, наконец она не приказала им положить весла, и они причалили.

Марта привязала лодку и скрылась в камышах, откуда скоро вернулась, говоря, что место найдено. Тогда началась трудная работа перекатывания тяжелых бочонков шагов на тридцать по тропинкам, проложенным речными бобрами среди густых камышей.

Осторожно вырезав камыш в месте, указанном Мартой, Мартин и Фой принялись копать при свете звезд глубокую яму. Они работали усердно и все-таки, не будь почва такой болотистой и мягкой, не успели бы кончить до рассвета, так как яма должна была быть очень объемистой, чтобы заключить в себе все бочонки.

Выкопав фута три почвы, они дошли до поверхности озе-

ра и продолжали работать в воде, выбрасывая заступами грязь. Наконец все пять бочонков были поставлены рядышком в воде, закрыты землей, а место заложено торфом и покрыто камышом.

– Пойдемте, – сказала Марта. – Времени терять нельзя.

Они выпрямились и обтерли пот с лица.

– Кругом накидана земля, она может выдать нас, – сказал Мартин.

– Да, – согласилась Марта, – если кто увидит это место в течение десяти дней, а потом болотистая почва опять зарастет мохом, и все скроется.

– Мы сделали, что могли, – заметил Фой, ополаскивая загрязнившиеся сапоги, – а там будь что будет.

Они снова сели в лодку и поехали прочь, но гребли гораздо медленнее: утомленный Фой чуть не засыпал над своим веслом.

Вдруг Марта дотронулась до его плеча. Он поднял голову и увидел неясно обрисовавшиеся при слабом свете футах в двухстах мачты преследовавшего их корабля с фонарем, одиноко горевшим на мачте.

Марта нагнулась и что-то повелительно шепнула.

– Это сумасшествие, – сказал Мартин.

– Делайте, как я говорю, – прошипела она.

И они пустили лодку по ветру, пока она не доплыла к маленькому островку футах в тридцати от стоявшего на якоре корабля. На островке, на самом берегу росла одинокая ива,

свесившись ветвями в воду.

– Держитесь за ветви дерева, – проговорила Марта, – и подождите, пока я вернусь.

Фой и Мартин повиновались.

Марта встала. Они увидели, что она сняла свое меховое платье и выросла перед ними высокой белой фигурой, вооруженной ножом. Она взяла нож в зубы и тихо, как водяная птица, спустилась в воду. Прошло не больше минуты, и ее спутники заметили, что кто-то карабкается по якорному канату.

– Что она хочет делать? – шепотом спросил Фой.

– Бог знает, – отвечал Мартин, только если она не вернется, прощай богатство герра Бранта: она одна может найти место.

Они ждали затаив дыхание, как вдруг до них донесся какой-то странный, глухой звук, и фонарь на корабле исчез. Две минуты спустя над бортом показалась рука с ножом, и в следующую секунду в лодку, как большая рыба из сети, скользнула белая фигура.

– Отчаливайте и гребите, – запыхавшись, проговорила она, и они повиновались.

Марта же снова оделась в свою меховую одежду.

– Что вы сделали? – спросил Фой.

– Одну вещь, – отвечала она со злобным смешком. – Заколола часового. Он принял меня за приведение и со страху не посмел крикнуть. Я перерезала канат и, кажется, по-

дожгла корабль. Смотрите!.. Только гребите, гребите за угол острова.

Они изо всей силы налегли на весла, а когда оглянулись, то увидели из-за высокой стены камышей огненный язык, взбегавший по снастям корабля, и до слуха их донеслись испуганные, сердитые голоса. Спустя десять минут они были на борту «Ласточки» и оттуда смотрели, как пылал испанский корабль приблизительно на расстоянии мили от них. Здесь они подкрепились пищей и питьем, в которых сильно нуждались.

– Что теперь делать? – спросил Фой, когда они кончили.

– Пока ничего, – отвечала Марта, – только дайте мне перо и бумагу.

Они нашли просимое, занавесив маленькое оконце каюты, Марта присела к столу и медленно, но чрезвычайно искусно нарисовала план, или, скорее, картину этой части Галемского озера. На этом плане было точно изображено до двадцати островов, и один из них был отмечен маленьким крестиком.

– Возьмите и спрячьте, – сказала Марта, окончив карту, – таким образом вы будете знать, где искать сокровища Гендрика Бранта. Имея этот план в руках, вам не трудно будет разыскать сокровища: я рисую хорошо. Помните, что вещи закопаны в тридцати шагах к югу от единственного места, где можно пристать к острову.

– Что мне делать с такой драгоценной картой? – беспо-

мощно спросил Фой. – Я вправду боюсь носить такую вещь при себе.

– Дайте ее мне, мейнгерр, – сказал Мартин, – пусть тайна сокровищ лежит вместе с завещанием, исполнение которого зависит от находки этих сокровищ.

Он отвинтил ручку меча «Молчание», сложил бумагу и, обернув ее тряпочкой, спрятал в пустую рукоять.

– Теперь меч мой дороже, чем могут подумать многие, – сказал Мартин, привинчивая рукоять. – Надеюсь, что тому, кому вздумалось бы узнать тайну от моего меча, прежде придется познакомиться с его лезвием. Теперь едем дальше!

– Послушайте, – сказала Марта, – решитесь ли вы вдвоем на смелое дело против испанцев? Корабль их сгорел, но их на нем было с полсотни, и у них два бота. На рассвете, заметив мачты нашего судна, они нападут на нас на своих ботах, надеясь найти сокровища. Нам надо поджечь зажигательные нити.

– Вероятно, испанцев осталось в живых не много, – высказал свое предположение Фой.

– Видя, как «Ласточка» взлетит на воздух, подумают, что сокровища погибли вместе с ней, и отложат их поиски, – продолжала Марта. – Да, план хорош, но опасен. Обсудим его хорошенько.

Заря разлилась желтым светом по поверхности Гаарлемского моря. Со стороны продолжавшего гореть испанского корабля донесся звук гребущих весел, и трое наблюдателей

с «Ласточки» увидели две лодки, полные вооруженных людей, направлявшихся к ним. Когда лодка подошла футов на сто, Марта прошептала:

– Пора!

Фой с разных сторон поджег нити и для пущей уверенности бросил зажженный огарок в кучу пропитанных маслом тряпок, уже приготовленных в трюме. После того он вместе со своими спутниками спустился с той стороны «Ласточки», где их не могли видеть испанцы, в мелкую воду, заросшую высоким тростником, и все направились к берегу. Здесь, пробежав шагов сто, они спрятались в группе болотного ивняка. Фой затем взобрался на одну из ив, откуда видны были «Ласточка» и испанский корабль. Испанцы уже подплыли к «Ласточке», и слышался голос начальника лодки, приказывавшего человеку, стоявшему у сломанной мачты, и всем находившимся на судне сдаться.

Но человек у мачты не отвечал, в чем, впрочем, не было ничего удивительного, так как то был убитый лоцман Ганс, тело которого Мартин привязал к мачте, чтобы обмануть испанцев. Испанцы выстрелили в лоцмана, который остался в прежнем положении, и начали взбираться на борт. Теперь все люди из первого бота были на «Ласточке», исключая двух рулевого и начальника, в котором по костюму и манере держаться Фой узнал одноглазого испанца Рамиро, хотя дальность расстояния мешала ему сказать это с уверенностью. Одно было очевидно – что этот человек не намеревался взби-

раться на «Ласточку», так как он вдруг повернул свою лодку, и ветер, надув парус, быстро отнес ее прочь.

– Хитрый парень, – сказал Фой Мартину и Марте, стоявшим под деревом, – я дурак, зажег промасленные тряпки, и он увидал дым из люка.

– А ему уже довольно было побывать сегодня на одном горящем корабле, и он предоставляет это удовольствие своим товарищам, – вставил Мартин.

– Второй бот подходит, – продолжал Фой, – и, вероятно, сейчас произойдет взрыв.

– Нет, еще рано, – сказал Мартин, – не прошло и шести минут с тех пор, как вы подожгли нитку.

Наступило молчание, в продолжение которого все трое наблюдали с сильно бьющимися сердцами. Послышался голос, возвещавший, что лоцман мертв, и ответ из лодки от испанца, в котором Фой справедливо признал Рамиро, предостерегавший против измены. Затем вдруг раздались крики: «Мина! Мина!» Испанцы, по-видимому, заметили одну из ниток.

– Они спешат в лодку, – сказал Фой, – а начальник удирает. Господи, как орут!

В ту же секунду воздух огласился страшным криком. Весь остров содрогнулся, дерево, на котором сидел Фой, закачалось, и он свалился с него. Что-то загрохотало, небо затемнилось тучей разлетевшейся соли, снастей, обрывков парусов, дождем посыпавшихся на остров.

В пять секунд все было кончено, а трое пассажиров «Ласточки» невредимые стояли, держась друг за друга, под деревом. Когда темный клуб дыма рассеялся, унесенный ветром к югу, Фой снова взобрался на дерево. Но теперь он уже увидел немного: «Ласточка» исчезла совершенно, и на много футов кругом вода была черна, как чернила, от грязи, поднятой со дна крушением. Испанцы также исчезли все, кроме двоих, остававшихся в лодке, которая невредимой плыла на некотором расстоянии. Фой всматривался в сидевших в лодке. Рулевой сидел, ломая руки, между тем как начальник, вооружение которого сверкало теперь на солнце, ухватившись за мачту, как окаменелый, смотрел на ту точку, где за минуту перед тем стояло судно с живыми людьми. Затем он как бы пришел в себя и, по-видимому, отдал приказание, после чего лодка стала быстро удаляться.

– Нам надо постараться догнать их, – сказала Марта.

– Нет, зачем, – возразил Фой, – довольно людей мы отправили на тот свет.

Он содрогнулся.

– Воля ваша, мейнгерр, – проворчал Мартин, – но, по-моему, это неблагоразумно. Слишком, должно быть, уж хитер этот человек, чтобы оставлять его в живых; иначе он вместе с другими взобрался бы на судно.

– Нет, мне тошно, – отвечал Фой. – Этот пороховой запах отвратителен. Решайте с матушкой Мартой, а меня оставьте в покое.

Мартин обернулся было, собираясь что-то сказать Марте, но она исчезла. Бормоча про себя в своей бешеной ненависти и безумной радости от предстоящей блестящей мести, она с ножом в руках пошла искать, не осталось ли в живых кого-нибудь из ненавистных испанцев. К счастью для последних, такового не оказалось: взрывом были убиты все, даже те, которые уже в первую минуту искали спасения в воде. Наконец Мартин нашел ее нагнувшейся над трупом, настолько обезображенным, что в нем трудно было узнать человека, и увел прочь. Однако теперь было уже поздно пускаться в погоню за Рамиро; уносимая сильным ветром, его лодка исчезла.

Глава XV. Сеньор Рамиро

Если бы Фой ван-Гоорль каким-нибудь чудом мог увидеть то, что происходило в уме беглеца, быстро удалявшегося на своей шлюпке от места катастрофы, он стал бы горько сожалеть о своей неопытности и заблуждении, побудивших его не послушаться совета Мартина.

Взглянем на этого человека в лодке, грызущего себе руки в бешенстве и отчаянии.

Лицо его как будто нам знакомо, и манеры его еще указывают, что некогда он принадлежал к лучшему обществу, но все же в сеньоре Рамиро трудно было признать когда-то изящного и красивого графа Жуана де Монтальво. Долгие годы, проведенные на галерах, способны изменить самого закаленного человека, а Монтальво, или, как его теперь зовут, Рамиро, пришлось, по несчастному стечению обстоятельств, отработать почти весь назначенный ему срок. Он освобожден бы раньше, если бы не принял участия в бунте, который был открыт и усмирен. При этой отчаянной попытке вырваться на свободу он лишился глаза, выколотого ему офицером, которому он нанес удар кинжалом. Ни в чем не повинный офицер умер, а негодяй Рамиро выздоровел, но лишился одного из своих красивых глаз.

Для человека, принадлежащего по происхождению к высшим слоям общества, какой бы негодяй он ни был, галеры,

заменявшие в шестнадцатом веке каторжные работы, тяжелая школа. В большинстве случаев человек, попадавший туда безупречным, портился, а человек дурной вконец погибал, согласно пословице: «Кто побывал в аду, от того всегда отдает смолой». Кто может представить себе весь ужас подобной жизни – цепи, постоянную тяжелую работу под бичом надзирателя в обществе воров и отбросов человечества – ужасное, однообразное существование?

Как бы то ни было, благодаря своему крепкому телосложению и известного рода мрачной философии, Рамиро выдержал и, наконец, оказался свободным человеком, правда, уже не первой молодости, но еще сильным и умным.

Жизнь снова открылась перед ним. Но какая жизнь!

Жена его, сочтя его умершим или, быть может, желая, чтобы было так, вышла замуж за другого и уехала со вторым мужем в Новый Свет, взяв с собой детей, а все друзья Монтальво, еще оставшиеся в живых, отвернулись от него. Однако, несмотря на свое несчастье, он не стал хуже, чем был прежде, и не потерял мужества и находчивости.

Граф Монтальво стал нищим бродягой, от которого все отворачивались с презрением; и вот граф Монтальво умер и был всенародно погребен в своем родном поместье. Но довольно странно, что в то же время в другой части Испании появился сеньор Рамиро и довольно успешно исполнял обязанности нотариуса и ходатая по делам. Так прошло несколько лет, пока, наконец, Рамиро, сколотившему себе порядоч-

ное состояньице путем остроумного обмана, не пришла гениальная мысль, и он отправился в Нидерланды.

В эти ужасные дни ради распространения религиозного преследования и совершения законного воровства доносчикам в награду выдавалась часть имущества еретиков. Рамиро пришла мысль – в своем роде гениальная – организовать собрание подобных справок и, заинтересовав в успехе нескольких лиц и сделав их пайщиками, иметь возможность улавливать в свои сети большие состояния, чем то было бы возможно для одного человека, как бы деятелен и ловок он ни был. Он скоро, как и ожидал того, нашел себе много достойных товарищей, и предприятие пошло в гору. При помощи местных шпионов вроде Черной Мег и Мясника, с которыми, забыв прежнюю обиду, Монтальво возобновил знакомство, дела пошли успешно и давали значительные дивиденды. Без риска получались кругленькие суммы из состояния тех несчастных, которые погибали на костре, а еще большие собирались негласным путем с тех, кто желал избежать казни. Таких людей, высосав из них до последней капли все, что было возможно, или отпускали на свободу, или сжигали, смотря по тому, что было выгоднее.

Были и другие средства получать деньги – организовалась целая остроумная система грабежей и откупов на сбор податей и налогов.

Так, проработав несколько лет, опытный делец сеньор Рамиро после долгой нужды и бедности разбогател, но, побуж-

даемый естественным, хотя неблагоразумным честолюбием, вступил на опасный путь.

Богатство золотых дел мастера Гендрика Бранта было известно всем, и богатым мог бы сделаться тот, кому удалось бы добиться его конфискации. Рамиро задумал сделаться наследником Бранта, что было не трудно, так как Брант был заведомый еретик и, следовательно, мог служить законной добычей всякому служителю истинной Церкви и короля. Однако дорогу к Бранту охраняли два грозных льва, или, скорее, один лев и один призрак льва, так как одно препятствие было осязаемое, а другое – духовное.

Осязаемое препятствие состояло в том, что его величество король Филипп сам желал унаследовать сотни тысяч от золотых дел мастера и, следовательно, мог рассердиться на вмешательство постороннего лица. Духовное препятствие заключалось в том, что Брант был родственником Лизбеты ван-Гоорль, некогда известной как Лизбета Монтальво, принесшей человеку, слывшему ее мужем, одно только несчастье. Очень часто, в часы тяжелых дум под лучами тропического солнца сеньор Рамиро вспоминал о том страшном проклятии, служившем ответом на его сватовство, – о проклятии, в котором его невеста молила, чтобы ему пришлось добывать себе пропитание тяжелым трудом, чтобы она и ее семья принесли ему заботы и несчастье и чтобы он кончил жизнь в горе. Оглядываясь назад, Монтальво видел, что проклятие принесло свои плоды: благодаря Лизбете и своим от-

ношениям с ней он перенес последнее унижение и выдержал четырнадцать лет каторжного труда на галерах.

Теперь он снова был свободен, и дела его улучшились, но кто знает, не вступит ли проклятие снова в силу, раз ему опять придется иметь дело с Лизбетой ван-Гоорль и ее родными?

Стоило ли состояние Бранта того, чтобы из-за приобретения его подвергать себя такому риску? Брант, правда, был только родственником мужа Лизбеты, но раз имеешь дело с одним членом семьи, никогда нельзя сказать, что прочие члены ее не будут замешаны.

Решение Рамиро нетрудно угадать.

Огромное богатство было близко, между тем как гнев небесного и земного владыки только возможен и отдален. Жадность пересилила осторожность и суеверие: Рамиро решился на предприятие и энергично и ловко приступил к выполнению его.

Рамиро и теперь, как прежде, ненавидел резкие меры. Он вовсе не желал бесполезно возвести на костер или подвергнуть пытке почтенного герра Бранта. Вследствие этого через своих посредников он сделал ему – как то сообщал Брант в своем письме – предложение, довольно великодушное по тем временам: уступить ему, Рамиро, и его товарищам две трети своего состояния, за что Бранту разрешалось бежать вместе с остающейся одной третью. К досаде Рамиро, упрямый голландец отказался заплатить за свою свободу хотя бы

один стивер. Он заявил энергично, что теперь, как и всегда, жизнь его в Божьих руках, и если Богу угодно будет отнять ее, а его большое состояние отдать на разграбление ворами, то, видно, такова воля Его; он же, со своей стороны, не пойдет ни на какую сделку.

Описание всего плана Рамиро, нападения его шайки, защиты Бранта и борьбы между членами компании и правительственными агентами потребовало бы целой книги; мы в общих чертах знаем все это, а об остальном можем догадаться.

Во все это время Рамиро сделал одну только ошибку, причина которой крылась в том, что он называл «слабостью своего характера»: он посмотрел сквозь пальцы на бегство дочери Бранта Эльзы. Быть может, его побудило к этому суеверие, быть может, жалость, быть может, клятва быть милосердным, данная в минуту крайней опасности, – как бы то ни было, он был доволен, что девушка не разделит судьбу отца. Он не думал, чтобы она могла захватить с собой какие-нибудь важные бумаги или драгоценности, однако на всякий случай велел обыскать ее дорогой.

Как мы видели, обыск не удался, и когда на следующий день к Рамиро явилась Черная Мег с донесением, что сын Дирка и его великан-слуга отправляются в Гаагу, то Рамиро окончательно убедился, что девушка привезла с собой какое-нибудь важное письмо.

Между тем местонахождение сокровищ Бранта было уста-

новлено. Предполагалось, что они скрыты на одном из кораблей, хотя и не было известно, что в грузе одного из них кроме золота находился также порох. Правительство предполагало производить осмотр судов перед их выходом в море и захватить сокровища под видом контрабанды, чем представлялась возможность избежать многих хлопот, так как в силу указов еретики не имели права увозить свое богатство на кораблях. План же Рамиро состоял в том, чтобы облегчить увоз сокровищ в открытое море, где он надеялся перехватить их и направить к более мирным берегам.

Когда Фой и его спутники поехали по каналу в лодке, Рамиро увидел, что пришло время действовать, и велел большому кораблю сняться с якоря. Нападение на Фоя произошло без его приказа, так как он желал, чтобы лодка голландцев шла беспрепятственно и чтобы он мог следить за нею. Это было делом личной злобы Черной Мег, переодетой мужчиной. Несколько раз отзывы Фоя в Гааге о Черной Мег возбуждали ярость последней, и теперь она пыталась уплатить ему по старому счету, за что в конце концов поплатилась пальцем, хорошим ножом и золотым кольцом, с которым были связаны воспоминания ее молодости.

Сначала все шло хорошо. С помощью самого искусного и смелого маневра, когда-либо виданного Рамиро в течение его долгой, полной опытом жизни, маленькая «Ласточка» со своим экипажем из трех человек избежала выстрелов с форта, где ее ждали и откуда ее заметили, перерезала, как яич-

ную скорлупу, большую казенную лодку, пустила ее ко дну с ее экипажем опытных солдат, причем многие из них потонули, и убила офицера – личного врага Рамиро, сама же ушла в открытое море. Здесь Рамиро был уверен, что «Ласточка» попадет в его руки: он не сомневался, что она направится к берегу Норфолка, и при сильном противном ветре его большому, снабженному многочисленным экипажем кораблю будет нетрудно перехватить ее.

Однако неудача – та неудача, которую он всегда испытывал, когда начинал вмешиваться в дела Лизбеты и ее близких, – снова начала преследовать его.

Вместо того чтобы попытаться перейти Северное море, маленькая «Ласточка» держалась берега, где вследствие различных обстоятельств – ветра, глубины воды и строения обоих судов – она всегда могла идти скорее. Наконец, лодка скрылась в канале, а что было дальше, уже известно нам. Нельзя было обольщаться: Рамиро потерпел полное фиаско. Корабль, снаряжение которого поглотило такую значительную часть доходов почтенной компании, взлетел на воздух, а часовой был заколот каким-то белым дьяволом неизвестного пола – это ли не неудача!

И все это после того, как нагруженное золотом судно было выслежено, после того, как оно было почти у него, Рамиро, в руках... Одна уже эта мысль была невыносима! Оставалось только одно утешение: было уже поздно спасти других, когда он заметил дым, выходящий из люка, но, по крайней мере,

он сам, травленная крыса, каким-то инстинктом почуял опасность и держался вдали, вследствие чего и остался в живых.

Что же случилось с другими – с его верными товарищами? Откровенно говоря, Рамиро мало заботился об участи, постигшей их.

Его гораздо больше занимал другой вопрос – где сокровища? Теперь, когда его мысли несколько прояснились после испытанного потрясения, ему стало ясно, что Фой ван-Горль, Рыжий Мартин и белый дьявол, взобравшийся на его корабль, не погубили бы сокровища, если бы был другой исход, а тем более не погубили бы самих себя. Логическим выводом было предположение, что они за ночь опустили богатство на дно моря или закопали его и подготовили западню, в которую он попался. Таким образом, тайна в их руках, и если они только живы, то можно найти средство заставить их открыть место, где спрятан клад. Значит, еще оставалась надежда, и Рамиро, взвесив все, пришел к убеждению, что дела еще не так плохи.

Начать с того, что почти все пайщики предприятия погибли по воле Провидения, и он остался их единственным наследником.

Другими словами, сокровища в случае находки становились его нераздельной собственностью. Далее, услышав про все это происшествие, правительство, вероятно, сочтет богатство Бранта безвозвратно погибшим, и, таким образом, Рамиро избавится от соперника, доставлявшего ему много

хлопот.

Что же следовало делать при подобных обстоятельствах? Сеньор Рамиро, плывя по морю на свежем утреннем воздухе, весьма скоро нашел ответ на этот вопрос.

Сокровищ уже нет в Гааге, стало быть, и ему нечего делать в Гааге. Тайна местонахождения клада в Лейдене, стало быть, и ему следует перебраться в Лейден. Почему же не сделать этого? Он прекрасно знал этот город. Жить в нем было хорошо. Конечно, его могли узнать, хотя это было маловероятно, так как граф Монтальво официально умер и был погребен. Время и жизнь изменили его; кроме того, он мог призвать искусство на помощь природе. В Лейдене у него также были помощники – хотя бы Черная Мег; денег же у него было достаточно – ведь он был казначеем компании, так неожиданно взлетевшей на воздух сегодня утром.

Было одно только обстоятельство, говорившее против плана: в Лейдене жили Лизбета ван-Гоорль и ее муж, а с ними еще молодой человек, о происхождении которого Рамиро догадывался. Место, где были скрыты сокровища, известно сыну Лизбеты, и узнать тайну можно только от него и его слуги Мартина.

Стало быть, снова придется идти против Лизбеты – Лизбеты, которой он боялся больше всего на свете.

Уже раз она одержала над ним победу, и ее обличающий голос до сих пор звучал у него в ушах, а горящие глаза до сих пор жгли его душу... Некогда он боролся с ней из-за де-

нег, и хотя получил их, но они принесли ему мало пользы, и в конце концов восторжествовала все-таки она. Теперь, если он переселится в Лейден, ему снова придется бороться с ней из-за денег, и каков будет исход этой борьбы? Стоило ли рисковать?

Не повторится ли прежняя история? Если он коснется Лизбеты, не сокрушит ли она его? Но сокровища, могущественные сокровища, которые могли дать ему столько благ, а главное – могли помочь вернуть потерянное положение и сан, чего он желал больше всего на свете! Как ни низко пал Монтальво, он не мог забыть, что родился дворянином.

Он решился попытать счастья и отправиться в Лейден. Если бы он стал обдумывать этот вопрос ночью или в сумрачную погоду, очень может быть – даже вероятно – его решение было бы иным. Но в это утро солнце светило ярко, ветер весело шелестел в камышах, болотные птицы пели, а с берега доносилось бляение стад.

При такой обстановке опасения и суеверия Рамиро рассеялись. Он овладел собой и знал, что все зависит от него самого, все же остальное – пустяки и воображение.

Позади него лежало скрытое золото, перед ним – Лейден, где он мог найти ключ к сокровищам. А Бог? А представление о возмездии, в которое верит духовенство и прочие? Раздумывая, он начинал находить тут недоразумение: ему, как всякому агенту инквизиции, было хорошо известно, что возмездие постигало именно тех, кто полагался на Бога, че-

му доказательством служили хотя бы тысячи пылавших костров. А если был такой закон, то почему Бог именно сегодня избрал его из среды многих, чтобы оставить его в живых и сделать наследником богатства Гендрика Бранта? Рамиро решил: он поедет в Лейден и начнет борьбу.

В устье канала сеньор Рамиро вышел из лодки. Сначала он думал было заколоть своего спутника, чтобы остаться единственным свидетелем катастрофы, но, рассудив, передумал, так как этот человек был предан ему и мог быть полезен. Итак, он приказал ему вернуться в Гаагу, чтобы сообщить о гибели корабля и «Ласточки», на которой были сокровища, со всем ее экипажем.

Кроме того, он должен был сказать, что, насколько ему известно, капитан Рамиро также погиб, так как он один остался на лодке во время взрыва. Затем он обязан был отправиться в Лейден и привезти с собой некоторые бумаги и ценности, принадлежавшие Рамиро.

Этот план казался удачным. Никто не станет разыскивать сокровища. Никто, кроме него самого, да, может быть, Черной Мег не узнает, что Фой ван-Гоорль и Мартин не были на борту «Ласточки» и спаслись, в чем, впрочем, он и сам не был вполне уверен; что же касается его самого, то он мог скрываться или оказаться живым, смотря по тому, что окажется более выгодным. Если бы даже его посланец оказался неверным и рассказал истину, то это не будет иметь большого значения, так как этот человек не знал ничего такого, из

чего кто-нибудь мог бы извлечь выгоду.

Итак, гребец уехал, между тем как Рамиро со своими воспоминаниями, рассуждениями и надеждами спокойно вошел через Марш-Порт (Болотные ворота) в Лейден.

В этот же вечер, но уже после наступления темноты два других путника – именно Фой и Мартин – также вернулись в Лейден.

Пройдя никем не замеченные по пустынным улицам, они дошли до калитки дома на Брее-страат. Калитку отперла служанка, сказавшая Фою, что мать его в комнате Адриана и что Адриану гораздо лучше. Фой в сопровождении медленно шагавшего за ним Мартина отправился также в комнату брата, шагая через две ступеньки на третью. Ему хотелось поскорее рассказать все пережитое!

Комната, в которую они вошли, представляла привлекательную картину, бросившуюся в глаза даже Фою, несмотря на всю его спешку, и так запечатлевшуюся в его уме, что он никогда не мог забыть ее подробностей. Комната была прелестно убрана, так как Адриан любил ковры, картины и тому подобные украшения. Сам он лежал теперь на богатой резной дубовой кровати, бледный от потери крови, но вследствие этого, может быть, еще более интересный. Возле постели сидела Эльза Брант, чрезвычайно миловидная при свете лампы, падавшем на ее светлые вьющиеся волосы и нежное лицо.

Она читала Адриану роман из жизни испанского рыцаря-

ства – любимое чтение романтического молодого человека, и он, приподнявшись на локте, созерцал своими черными мечтательными глазами ее красоту.

Однако Фой в одну минуту успел заметить, что Эльза все не сознавала того внимания, которое ей оказывал красавец Адриан, и что сама она в душе была далека от необычайных происшествий и ярких любовных сцен, описание которых она читала своим приятным голосом. И он не ошибся: бедная девушка думала о своем отце.

На другом конце комнаты, в нише окна, стояли мать и отец, занятые серьезным разговором.

Видимо, они были не менее озабочены, чем молодежь, и Фою было не трудно догадаться, что причина этого главным образом заключалась в опасности, которой подвергался их сын, хотя и помимо того забот у стариков было немало: жителям Нидерландов в то время приходилось из года в год переживать такие ужасы, которые мы даже едва в состоянии вообразить себе.

– Прошло уже шестьдесят часов, а их все еще нет, – сказала Лизбета.

– Мартин говорил, что мы не должны беспокоиться, пока не пройдет сто, – утешал жену Дирк.

В эту минуту Фой, выступив из темной двери, сказал своим звонким голосом:

– Шестьдесят часов, минута в минуту.

Лизбета с легким криком радости бросилась ему на-

встречу. Эльза выронила книгу и хотела сделать то же, но передумала и остановилась, между тем как Дирк не трогался со своего места, выражая удовольствие быстрым потиранием рук. Один Адриан не проявлял особенной радости; но не потому, чтобы сердился на Фоя за происшедшее несколько дней тому назад: раз успокоившись от своего припадка ярости, он не был злопамятным человеком и теперь даже был рад возвращению Фоя здоровым и невредимым, но ему было неприятно, что брат так шумно ворвался в его спальню и прервал приятное времяпрепровождение.

С самого отъезда Фоя Адриан был предметом забот, которые он принимал как должную дань. Даже его отчим пробормотал несколько слов сожаления по поводу случившегося и выразил надежду, что никто больше не будет вспоминать о происшедшем; мать же была полна забот, а Эльза внимательна и очаровательна. Теперь – Адриан знал это – все изменится. Шумный, неотесанный, несдержанный Фой станет центром всеобщего внимания и заставит всех выслушивать бесконечные рассказы о своих скучных приключениях, между тем как Мартин, этот медведь, которому бы только колоды ворочать, будет стоять тут же, время от времени вставляя свое «да» или «не-ет». Конечно, придется покориться, но какая тоска!

Через минуту Фой крепко жал руку Адриану, громко говоря:

– Ну, как поживаешь, старина? Вид у тебя совсем хоро-

ший. Чего же ты валяешься в постели и допускаешь сиделок кормить себя с ложечки?..

– Ради Бога, Фой, не ломай мне пальцы и перестань трясти меня, как крысу. Я знаю, ты это делаешь от души, только... – сказал Адриан, откидываясь на подушку, покашливая и придавая себе интересный вид.

Обе женщины напали на Фоя за его грубость, напоминая, что он своей неосторожностью может убить брата, артерии которого очень слабы, так что молодому человеку оставалось только зажать себе уши и ждать, пока он не увидел, что губы женщин перестали двигаться.

– Извиняюсь, – сказал он, – я не трону его и не стану говорить громко при нем. Слышишь, Адриан?

– Ты не нарочно, – слабо проговорил Адриан.

– Брат Фой, – прервала Эльза, умоляюще сложив руки и смотря ему прямо в лицо своими большими карими глазами, – прости меня, но я не в состоянии ждать дольше. Скажи мне, видел ли ты или слышал что-нибудь об отце во время своей поездки в Гаагу?

– Да, я видел его, – просто отвечал Фой.

– Ну, как он?.. Как все вообще?..

– Он был здоров.

– Свободен?.. И не в опасности?..

– Свободен, но не могу сказать, чтобы не в опасности.

Ведь теперь все мы в опасности, – отвечал Фой прежним спокойным голосом.

– Слава Богу и за это, – сказала Эльза.

– Не за что благодарить Бога, – пробормотал Мартин, вошедший в комнату за Фоем и стоявший, как великан на выставке.

Эльза отвернулась, а Фой, двинув локтями назад, изо всей силы толкнул Мартина под ложечку. Мартин отшатнулся на шаг, но понял предупреждение.

– Ну, сын, какие вести? – заговорил в первый раз Дирк.

– Новостей много, – отвечал Фой особенно веселым голосом, радуясь про себя своей находчивости. – Вот, посмотри!

Он вынул из кармана сломанный нож и длинный костлявый палец с кольцом.

– О, – застонал Адриан, – прошу тебя, убери эту ужасную вещь.

– Ах, извини, – отвечал Фой, пряча палец назад в карман. – Ведь ты это не о ноже? Нет? Да, матушка, чудесную вы мне дали кольчугу: этот нож переломился о нее, как морковь, а все же, когда пробудешь в такой одежде три дня не снимая, хочется освободиться от нее.

– Я вижу, у Фоя есть кое-что рассказать, – утомленным тоном проговорил Адриан, – и чем скорее он все сообщит, тем скорее ему можно будет умыться. Начинай же с самого начала.

Фой начал с самого начала, и его рассказ заинтересовал даже безучастного Адриана. Он, однако, смягчил некоторые подробности, а кое-что даже совсем опустил ради Эльзы, хо-

тя сделал это не особенно искусно, так как не был дипломатом, и живое воображение слушательницы быстро дополнило все недосказанное. Обо всем, что касалось его самого и будущности Эльзы, он вовсе умолчал. В общих чертах он рассказал о бегстве из Гааги, о потоплении казенной лодки, о плавании по каналам Гаарлемского моря с мертвым лоцманом на палубе «Ласточки», о погоне испанского корабля и о сокрытии сокровищ.

– Где вы закопали их? – спросил Адриан.

– Сам не имею ни малейшего понятия, где, – сказал Фой. – В этой части моря до трехсот островов, и я знаю только, что мы вырыли яму на одном из них. Впрочем, – добавил он в приливе откровенности, – мы нарисовали карту этого места, то есть...

Но тут он вскрикнул от боли. Мартин, стоявший позади него и, как предвидел Адриан, вставлявший по временам свое «да» или «нет», снял свой меч «Молчание» и рассеянно играл им, подбрасывая его в воздухе и ловя, когда он падал. Но тут он вдруг засмотрелся в сторону и не успел подхватить свое оружие: тяжелая рукоять упала прямо на ногу Фою и со звоном ударилась о пол.

– Ах ты, скотина! – взвыл Фой. – Ты раздробил мне палец. – Он на одной ноге заковылял к стулу.

– Извините меня, мейнгерр, – проговорил Мартин, – я сознаю, что был неосторожен, – таков был и мой отец.

Адриан, вздрогнув от страшного шума, закрыл глаза и

вздохнул.

– Ему дурно, – сердито сказала Лизбета, – я знала, что так кончится весь ваш шум. Если вы не будете осторожнее, у него опять лопнет жила. Убирайтесь из комнаты. Можете досказать все внизу.

И она погнала их перед собой, как крестьянки гонят перед собой птицу.

– Мартин, – обратился Фой к слуге, когда они на минуту очутились одни, так как при первых признаках бури Дирк удалился. – Как это тебя угораздило уронить твой тяжелый меч прямо мне на ногу?

– А как это вас угораздило толкнуть меня локтем прямо в живот, мейнгерр?

– Я сделал это, чтобы ты прикусил язык.

– А как зовут мой меч?

– «Молчание».

– Так вот, я уронил «Молчание» по той же причине. Надеюсь, вам не очень больно, но если бы даже и было больно, то делать нечего: без этого нельзя было обойтись.

Фой обернулся.

– Что ты хочешь сказать этим?

– Хочу сказать, что вы не имеете права говорить, куда девалась бумага, которую нам дала тетушка Марта.

– Почему? Я доверяю брату.

– Очень вероятно, но в этом-то и беда. Нам доверена важная и опасная тайна; не следует взваливать ее бремя на пле-

чи других. Чего люди не знают, того они не могут и сказать, герр Фой.

Фой продолжал смотреть на него во все глаза полувопросительно-полусердито, но Мартин ничего не говорил дальше и только делал какие-то жесты, будто человек, с трудом медленно вертящий колесо. Губы Фоя побледнели.

– Колесо? – шепотом спросил он.

Мартин кивнул головой и отвечал также шепотом:

– Теперь они, может быть, все на нем. Вы дали человеку в лодке бежать, а этот человек был Рамиро, испанский шпион, я в этом уверен. Если они не знают, они не могут сказать; а мы, хотя и знаем, не скажем – ведь мы скорее умрем, герр Фой.

Фой задрожал и прислонился к стене.

– Что может выдать нас?

– Кто знает, герр Фой. Женщина... мужчина под пыткой... – Он придавал особенное выражение своему голосу. – Ревность... тщеславие... месть... Придерживайте свой язык и не доверяйте никому: ни отцу, ни матери, ни невесте, ни... – и снова в голосе Мартина зазвучала особенная нота, – ни брату.

– Ни тебе? – спросил Фой, взглянув на него.

– Не знаю... Нет, мне кажется, на меня вы можете положиться, хотя, конечно, нельзя знать, как человек может заговорить на колесе.

– Если все так, – вдруг горячо заговорил Фой, – то я уж и

теперь сказал слишком много.

– Да, герр Фой, слишком много. Мне уже гораздо раньше хотелось ударить вас по ноге своим «Молчанием», да не удавалось: герр Адриан не сводил с меня глаз, и мне пришлось подождать, пока он закрыл глаза, что он сделал, чтобы не проронить ни одного вашего слова, принимая при том вид, будто он вовсе не слушает.

– Ты несправедлив к Адриану, Мартин, как всегда, и я сердит на тебя. Что же теперь делать?

– Теперь, герр Фой, вас следует забыть наставления пастора Арентца и солгать, – весело отвечал Мартин. – Вы должны продолжать свой рассказ с того места, где остановились, и сказать, что нарисовали карту острова, на котором спрятали сокровища, но что я, дурак, умудрился уронить ее в то время, как мы поджигали нити, так что она взлетела на воздух вместе с «Ласточкой». Я расскажу то же.

– Я должен сказать это и отцу с матерью?

– Да, и они поймут, почему вы говорите так. Госпожа Лизбета уже начинала беспокоиться, и вот почему она выгнала нас из комнаты. Вы скажете, что сокровища зарыты, но тайна их местонахождения потеряна.

– Но даже если бы действительно случилось, как мы расскажем, то ведь тетушка Марта знает, где мы спрятали богатство, и они догадаются, что она знает.

– Вы так спешили рассказать случившееся, что кажется, забыли упомянуть об ее присутствии при закапывании бо-

чонков. Вы только что собирались назвать ее, как я уронил меч.

– Но ведь она взбиралась на испанский корабль и подожгла его, так что Рамиро и его товарищ, вероятно, видели ее.

– А я так думаю, что единственный, кто видел ее, был тот человек, которого она спровадила на тот свет, – а этот уже ничего не скажет. Вероятно, Рамиро думает, что это дело наших рук. А если бы даже он видел Марту или если узнают, что тайна известна ей, то пусть добьются ее от нее. О, кобылы умеют скакать, утки нырять, а змеи прятаться в траве. Если они сумеют поймать ветер и выведать у него его тайну, если они сумеют заставить меч «Молчание» рассказать историю той крови, которую он пил, если они смогут призвать обратно на землю замученных святых, чтобы снова начать пытать их, только тогда и не раньше они узнают от колдуньи Гаарлемского озера тайну того места, где скрыты сокровища. Не бойтесь за нее, герр Фой, могила и та не так надежна.

– Почему ты не предостерег меня раньше?

– Потому что никак не думал, что вы такой сумасшедший, – невозмутимо ответил Мартин. – Я забыл, что вы молоды; да, я забыл, что вы молоды и добры, слишком добры для времени, в которое мы живем. Вина моя. Пусть она падет на мою голову.

Глава XVI. Маг

Фой закончил свой рассказ в гостинной уже в гораздо более сдержанном и осторожном тоне. Когда он дошел до того места, как «Ласточка» взлетела на воздух вместе со всеми испанскими солдатами, бывшими на ней, Эльза всплеснула руками, говоря:

– Ужасно! Ужасно! Подумайте об этих несчастных, отошедших таким образом в вечность.

– Но подумайте также о том, зачем они попали на «Ласточку», – мрачно перебил Дирк и затем прибавил: – Да простит меня Господь, что я не могу печалиться о судьбе, постигшей этих испанских разбойников. Хорошо сделано, Фой, прекрасно! Ну, продолжай.

– Кажется, все кончено, – кратко заключил Фой, – только два испанца уехали в лодке, и один из них, как говорит Мартин, главный шпион их, Рамиро.

– Но там, в комнате Адриана, ты как будто сказал, что вы сделали карту острова, где зарыто золото. Где она? Я ее спрячу.

– Да, я знаю, что сказал это, – отвечал Фой, – но разве я не сказал также, – продолжал он недовольным тоном, – что Мартин умудрился уронить карту в каюту «Ласточки», когда мы зажигали нити, и она взлетела на воздух вместе с судном, и теперь не осталось никакого воспоминания о месте, где за-

рыто богатство.

– Марта знает каждый уголок моря; она, наверное, запомнила и это место.

– Нет, – отвечал Фой, – ее не было с нами, когда мы закапывали бочонки. Она наблюдала за испанским кораблем, а нам велела пристать к первому острову и выкопать яму; мы так и сделали, предварительно нарисовав ту карту, которую Мартин уронил.

Всю эту грубую ложь Фой произнес с неподвижным лицом и голосом, не убедившим бы даже трехлетнего ребенка, сам же в душе восхищаясь своей необыкновенной находчивостью.

– Мартин, правда это? – подозрительно спросил Дирк.

– Совершенная правда, мейнгерр. Удивительно, как герр Фой все запомнил.

– Сын мой, – обратился Дирк к Фою, весь побледнев от сдерживаемого гнева. – Ты всегда был добрым парнем, а теперь показал себя и мужественным, но молю Бога, чтобы мне не пришлось сказать, что язык у тебя лживый. Разве ты не понимаешь, что это выходит неблагоприятно? Спрятанное тобою богатство – величайшее во всех Нидерландах. Не скажут ли люди, что нет ничего удивительного в твоей забывчивости, так как ты припомнишь, когда тебе покажется нужным.

Фой сделал шаг вперед, весь вспыхнув от негодования, но тяжелая рука Мартина, опустившаяся на его плечо, удержала его на месте, как малого ребенка.

– Кажется, фроу Лизбета желает что-то сказать вам, герр Фой, – вмешался он, смотря на Лизбету.

– Да, твоя правда, Мартин. Неужели, Дирк, ты думаешь, что в настоящее время только желание обогатиться кражей может заставить человека отступить от истины?

– Что ты хочешь сказать этим, жена? Фой говорит, что он и Мартин закопали сокровища, но что они оба не знают, где они закопали их, и потеряли нарисованную ими карту. Что бы ни стояло в завещании, это богатство принадлежит нашей племяннице, правда, при выполнении некоторых условий, время для которых еще не наступило и, может быть, никогда не наступит. Я же назначен ее опекуном, пока Гендрик Брант жив, и его душеприказчиком, когда он умрет. Стало быть, по закону это состояние принадлежит также мне. По какому же праву сын мой и слуга скрывают от меня истину, если они действительно скрывают ее? Говорите, что знаете, прямо: я простой человек и не умею отгадывать загадок.

– В таком случае я скажу тебе, в чем дело, хотя только догадываюсь и не говорила ни с Фоем, ни с Мартином; пусть они поправят меня, если я ошибусь. Я умею читать по их лицам и так же, как ты, уверена, что они говорят неправду. Я думаю, что они не хотят, чтобы мы знали истину, не с целью скрыть сокровища для себя, но потому, что подобная тайна может довести тех, кто знает ее, до пытки и костра. Не так ли, сын мой?

– Именно так, матушка, – почти шепотом проговорил

Фой. – Документ не потерян, но не старайтесь узнать, где он скрыт: есть волки, которые готовы растерзать вас на клочки, лишь бы добиться от вас открытия тайны; да, они не пощадят и Эльзу... даже Эльзу. Если будет следствие, предоставьте отвечать мне с Мартином, мы выносливы. Батюшка, что бы ни случилось, будьте уверены, что мы оба никогда не сделаемся ворами.

Дирк подошел к сыну и поцеловал его в лоб.

– Прости меня, сын мой, – сказал он, – и прости также ты, Красный Мартин. Я сказал эти слова сгоряча, и мне в мои годы пора бы было стать благоразумнее, но говорю вам: от всей души я бы желал, чтобы эти ящики с драгоценностями, эти бочонки с золотом взлетели на воздух вместе с «Ласточкой» и погибли бы на дне моря. Заметьте, что Рамиро спасся еще с одним человеком, и они очень хорошо знают, что сокровища не погибли вместе с судном, но что вы успели за ночь спрятать их. Эти испанские ищейки, жаждущие крови и золота, выследят вас, и хорошо еще, если нам всем не придется поплатиться жизнью за тайну местонахождения состояния Гендрика Бранта.

Он замолк, весь дрожа, и в комнате водворилось тяжелое, грустное молчание: всем присутствующим почудилось в словах отца семейства пророчество. Мартин первый заговорил:

– Может быть, и так, мейнгерр, – сказал он, – но, извините меня, вы должны были подумать обо всем этом прежде, чем принять на себя такое обязательство. Вас не просили прямо

послать герра Фоя и меня в Гаагу за этим богатством, но вы сделали это добровольно, как сделал бы всякий честный человек. Ну, теперь дело сделано, и мы должны быть готовы на все. Но позвольте мне сказать, мейнгерр: если вы, хозяйка и ювфроу Эльза благоразумны, то вы все, прежде чем выйти из комнаты, поклянетесь над Библией, что никогда не произнесете слова «сокровища», никогда не будете думать о них иначе, как что они погибли безвозвратно в водах Гаарлемского озера. И никому ни слова об этом богатстве, мефроу, даже вашему сыну Адриану, который теперь лежит больной у себя наверху.

– Ты замечательно поумнел, Мартин, с тех пор, как перестал пить и драться, – сказал Дирк сухо, – и что касается меня, то я клянусь перед Богом...

– И я! И я! И я! И я! – отозвались другие.

Мартин же, произнесший свою клятву последним, прибавил:

– Да, я клянусь, что никогда не стану говорить об этом, даже с моим молодым хозяином, герром Адрианом, лежащим больным наверху.

Адриан поправился, хотя и не очень быстро. Он потерял порядочное количество крови, но сосуд закрылся без дальнейших осложнений, так что оставалось только восстановить силы с помощью покоя и обильного питания.

Еще десять дней после возвращения Фоя и Мартина его продержали в постели, внимательно за ним ухаживая. Эль-

за проявляла свое участие в заботах о нем, читая ему испанские романы, которыми он восхищался. Однако весьма скоро он убедился, что восхищается самой Эльзой гораздо больше, чем читаемой ею книгой, и часто просил закрыть последнюю и поговорить с ним. Пока разговор касался его самого, его мечтаний, планов и стремлений, она довольно охотно выслушивала Адриана, но когда он переходил к ней самой и начинал говорить ей комплименты и намекать на свою любовь, она сейчас же прерывала его и искала спасения в дальнейшем чтении.

При всей своей красоте Адриан не привлекал Эльзу: в нем, на ее взгляд, было что-то неестественное, кроме того, он был испанец – испанец по красоте, испанец по складу ума, а все испанцы были ей ненавистны. Глубоко в душе ее скрывалась еще причина ее отвращения к Адриану: он напоминал ей другого человека, в продолжение нескольких месяцев бывшего для нее кошмаром, – испанского шпиона Рамиро. Она внимательно вглядывалась в этого Рамиро, хотя не часто встречалась с ним. Она знала его ужасную репутацию; отец рассказал ей, что Рамиро старается поймать его в свои сети, день и ночь измышляя, как бы овладеть его состоянием.

На первый взгляд между этими двумя людьми не было явного сходства: как оно могло существовать между человеком, перешедшим за средние лета, одноглазым, седым, носившим отпечаток своей прежней жизни и своего теперешнего неблагородного занятия, и юношей, изящным, краси-

вым, легкомысленным, но, во всяком случае, не преступным. А сходство, несомненно, существовало. Оно в первый раз бросилось в глаза Эльзе, когда Адриан стал развивать ей свой план атаки Лейдена, и с этой минуты он стал ей антипатичен. Сходство проявлялось и в других случаях: в интонации голоса и некоторой напыщенности манер; Эльза всегда замечала его в самые неожиданные минуты, может быть, как говорила сама себе, потому, что приучила себя искать это сходство, хотя сама сознавала, что это смешная фантазия, так как что общего могло быть между этими двумя людьми?

В последние дни Эльза вообще мало думала об Адриане или вообще о ком-либо, кроме отца, у которого она была единственной дочерью и которого страстно любила. Она знала об ужасной опасности, грозившей ему, и догадывалась, что отец отослал ее из Гааги, чтобы спасти ее. И у нее было единственное желание, единственная молитва: чтобы ему удалось благополучно бежать, а ей возможно было бы вернуться к нему. Один раз только она получила от него известие; принесла его незнакомая Эльзе женщина, жена рыбака, которая, вызвав ее, передала ей на словах:

«Передай мой поклон и благословение моей дочери Эльзе и скажи ей, что пока меня еще не трогают. Фою ван-Гоорлю скажи, что я слышал кое-что. Спасибо ему и его верному слуге. Пусть он помнит, что я сказал ему, и знает, что его труд не пропадет даром, и он получит свою награду на этом или на том свете».

И только. Также до Эльзы дошли слухи о том, что гибель стольких людей при взрыве «Ласточки» и при потоплении казенной лодки, разрезанной пополам, очень рассердила и возбудила испанцев. Но так как погибшие принадлежали не к регулярным войскам, то не было ничего сделано для розыска виновных в их гибели, да, сказать правду, ничего и нельзя было сделать, так как никому не было известно, из кого состоял экипаж «Ласточки», и все предполагали, как предвидел Рамиро, что ее груз затонул вместе с ней в Гаарлемском озере.

Скоро пришли еще вести, наполнившие сердце Эльзы надеждой: говорили, что Гендрик Брант исчез и что, по всей вероятности, он бежал из Гааги. Больше о нем не было никаких слухов, в чем, впрочем, не было ничего удивительного, так как, обреченный на смерть, он пошел по дороге других богатых еретиков под молчаливыми сводами инквизиционной тюрьмы. Сеть наконец сомкнулась над ним, и через нее опустился меч.

Если Эльза редко думала об Адриане, а когда и вспоминала, то не иначе, как с антипатией, зато Адриан думал о молодой девушке очень часто. Ее красота и обаяние подействовали на него, и скоро он был действительно влюблен; а то обстоятельство, что Адриан считал Эльзу самой богатой наследницей во всех Нидерландах, уж никак не могло охладить его пыла. Что могло быть для него более подходящим в его положении, как не женитьба на такой красивой и богатой де-

вушке?

Таким образом, Адриан решил про себя, что он женится на Эльзе, так как при своем тщеславии он не допускал мысли, чтобы она могла иметь что-нибудь против него, и единственное, что несколько смущало его, был вопрос, как получить все ее состояние. Фой и Мартин закопали его где-то на острове Гаарлемского озера, но сказали – в этом он убедился многократными расспросами, – что план места, где зарыты сокровища, взлетел на воздух вместе с «Ласточкой». Адриан ни на минуту не поверил в этот рассказ; он был убежден, что от него скрывают истину, и, как имеющий притязание на сокровища, был глубоко обижен этой скрытностью брата. Пока, делать нечего, пришлось покориться, но он решил высказать все, как только станет женихом Эльзы. Пока прежде всего надо было найти случай объясниться с ней, после чего он уже предполагал приняться за Фоя и Мартина.

Эльза обыкновенно выходила под вечер на прогулку, а так как Фой в это время также уходил из литейной, то он сопровождал ее, а Мартин на всякий случай шел позади. Скоро эти прогулки стали наслаждением для обоих. Эльза особенно бывала рада вырваться из душной комнаты на свежий вечерний воздух, а еще более рада смене напыщенной, натянутой нежности и преувеличенных комплиментов Адриана веселым, прямым разговорам Фоя.

Фою двоюродная сестра нравилась не меньше, чем его сводному брату, но его обращение с ней было совершенно

иное. Он никогда не говорил любезностей, он никогда не смотрел ей в глаза, вздыхая, разве только при случае иногда несколько сильнее пожимал ее руку. Он держал себя с Эльзой как друг и близкий родственник, и предмет их разговора составляло чаще всего обсуждение возможности для ее отца избежать грозившей ему опасности и вообще всего, что касалось его.

Наконец Адриану позволено было выйти из комнаты, и случайно на долю Эльзы выпало помочь ему совершить его первое путешествие вниз. В голландских домах того времени и в том сословии, к которому принадлежала семья ван-Горля, все женщины, без различия своего положения, должны были принимать участие в домашних работах. Обязанностью Эльзы было ухаживать за Адрианом, который при малейшем намеке на замену ее кем-нибудь другим волновался до такой степени, что Лизбета, помня приказания доктора, не решалась противоречить ему.

Эльза же с немалым удовольствием ждала освобождения, так как напыщенность и влюбленные вздохи молодого человека становились ей невтерпеж. Адриан же притворялся больным, чтобы пролежать в постели лишнюю неделю и наслаждаться постоянно обществом Эльзы. Но теперь неизбежный час настал, и Адриан думал, что пришла пора приподнять завесу, скрывавшую его чувства, и дать Эльзе заглянуть в его душу. Он приготовился к этому событию: скука пребывания в заключении ему значительно облегчала со-

ставление трогательной и искусной речи, в которой он, благородный кавалер, намеревался принести к ногам простой, но богатой и привлекательной девушки свою драгоценную персону и свое состояние.

Однако, когда настала решительная минута и Эльза подала Адриану руку, чтобы вывести его из комнаты, вдруг все красиво составленные фразы исчезли, и колени стали у него подгибаться от слабости, на этот раз не вымышленной. Эльза вовсе не имела вида девушки, которой молодой человек готов сделать предложение: она была слишком холодна и солидна и вовсе не догадывалась о чем-либо необычайном, ожидавшем ее. Было от чего растеряться; однако решиться представлялось необходимым.

Сделав отчаянное усилие, Адриан овладел собой и начал с одной из своих фраз, не самой удачной, но первой, пришедшей ему на память.

– Мои опустившиеся крылья готовы подняться на просторе, – начал он, – но хотя мое сердце рвется, как сердце дикого сокола, однако я должен сказать вам, прелестная Эльза, что в той золоченой клетке, – он указал на постель, – я...

– Боже мой! Герр Адриан, – прервала его встревоженная Эльза, – что с вами? У вас голова закружилась?

– Она не понимает. Бедная девочка, как ей понять? – проговорил он вполголоса в сторону, как на сцене, а затем продолжал вслух: – Да, моя дорогая, обожаемая, у меня закружилась голова, закружилась голова от благодарности этим

прелестным ручкам, от восхищения этими чудными глазами...

Тут Эльза, не будучи в силах дольше сдерживаться, разразилась веселым хохотом, но видя, что лицо ее поклонника становится снова таким, каким оно было в столовой, когда у Адриана лопнул сосуд, она пересилила себя и сказала:

– О, герр Адриан, не тратьте всю эту поэзию на меня – я слишком глупа, чтобы оценить ее.

– Поэзию! – воскликнул он. – Я не стихи читаю вам.

– Что же это такое? – спросила она, но в следующую же минуту готова была откусить себе язык.

– Это... Это любовь! – И Адриан упал перед Эльзой на колени, и при этом, надо сказать правду, был очень красив, с лицом, побледневшим от болезни, и своими большими горящими южными глазами. – Эльза, я люблю вас и никого другого, и если вы не ответите на эту любовь, вы разобьете мое сердце и я умру.

При обыкновенных обстоятельствах Эльза нашлась бы, как поступить, но боязнь взволновать Адриана осложняла положение. Сомневаться в искренности чувств молодого человека в эту минуту не было возможности: он весь дрожал, как лист. Однако надо было положить конец его ухаживанию. Эльза ласково протянула Адриану руку и подняла его, говоря:

– Встаньте, герр Адриан.

Он повиновался и, взглянув ей в лицо, увидел, что оно

спокойно и холодно, как зимний лед.

– Выслушайте меня, герр Адриан, – начала она. – Вы очень добры ко мне, и, без сомнения, каждая девушка была бы польщена вашими словами; но я должна сказать вам, что я не расположена теперь отвечать на ухаживания.

– Потому что есть другой? – спросил он, снова впадая в театральный тон. – Скажите, пусть я услышу худшее; я вынесу...

– Напрасно вы это спрашиваете, – тем же спокойным голосом сказала Эльза, – потому что нет никого другого. Я еще никогда не думала о замужестве и не желаю думать о нем. А если бы и приходила мне подобная мысль, то я позабыла бы про нее теперь, когда я могу думать только о том, где мой дорогой отец и какая судьба ожидает его. Он – моя единственная любовь, герр Адриан, – и ее кроткие карие глаза наполнились слезами.

– О, если б я мог полететь и спасти его от всех опасностей, как спас однажды вас...

– Да, хорошо было бы, если бы это оказалось возможным для вас, – сказала Эльза, невольно улыбнувшись двойному смыслу слов. – Однако слышите, ваша матушка зовет нас. Я знаю, – прибавила она мягко, – что вы поймете и уважите мое душевное состояние и больше не станете беспокоить меня объяснениями в любви, иначе я рассержусь.

– Ваше желание для меня закон, – отвечал Адриан, – и пока эти тучи не сбегут с лазоревого небосклона вашей жизни,

я буду нем, как месяц, стоящий посреди неба. Может быть, и вы также умолчите о нашем разговоре, – прибавил он нервно, – я вовсе не желал бы, чтоб этот шут Фой имел право поднять нас на смех.

Эльза наклонила голову. Ей весьма не нравилось это «нас» и другие выражения Адриана, но прежде всего хотелось положить конец неприятному свиданию, и, взяв своего обожателя за руку, она повела его вниз.

Три дня спустя после этой смешной сцены, когда Адриан вышел из комнаты во второй раз, печальная весть дошла до Эльзы. Дирк услышал ее в городе и вернулся домой чуть не плача.

Эльза по его лицу догадалась обо всем.

– Он умер? – с трудом проговорила она.

Дирк кивнул головой, чувствуя, что не в состоянии произнести ни слова.

– Как? Где?

– В тюрьме, в Гааге.

– Откуда ты знаешь?

– Я видел человека, помогавшего хоронить его.

Она подняла голову, будто собираясь спросить о дальнейших подробностях, но Дирк отвернулся, бормоча:

– Он умер... умер... не спрашивай больше.

Она поняла и не пыталась узнать ничего больше. После всех страданий он теперь был у Бога, которому служил, и возле жены, которой лишился. Бедная сирота, поддержива-

емая Лизбетой, тихо вышла из комнаты и целую неделю не показывалась. Когда она снова появилась, то как будто ни в чем не изменилась, но долго после того она не улыбалась и относилась совершенно безучастно ко всему происходившему вокруг.

Хотя все члены семьи понимали Эльзу и сочувствовали ей, Адриан скоро начал находить ее поведение смешным и скучным. Так велико было тщеславие молодого человека, что он почти не был в состоянии понять, что воспоминание об убитом отце могло так наполнить душу девушки, что в ней уже не оставалось места для нежного обожателя.

Что такое, в конце концов, был этот отец?

Средних лет, вероятно, вовсе не интересный бюргер, замечательный одним только – своим огромным богатством, большая часть которого была накоплена его предками.

Живой богач еще представляет некоторый интерес, но кому, кроме наследников, есть дело до умершего? Кроме того, этот Брант был одним из ограниченных, фанатичных последователей новой религии, столь антипатичных человеку умному и развитому. Правда, он сам, Адриан, по сложившимся обстоятельствам, принадлежал к этой общине, но он находил ее последователей скучными. Их учение о борьбе отдельной личности, о возможности собственными усилиями достигнуть личного спасения не нравилось Адриану; к тому же эти усилия обыкновенно приводили на костер. Кроме того, пышность и могущество главной Церкви имели для него

нечто обаятельное. Утешителен был также догмат о прощении, которое можно получить одной исповедью в своих грехах, и сознание великой силы, всегда готовой поддержать самого скромного из верующих.

Одним словом, умерший Гендрик не представлял из себя ничего интересного, ничего такого, что могло бы оправдать столь глубокую печаль молодой девушки, что она даже вовсе перестала замечать человека, без сомнения, интересного и готового откликнуться по первому знаку на ее внимание.

После долгих размышлений и найдя подтверждение им во внимательном изучении современных романов, Адриан пришел к убеждению, что во всем этом есть что-то неестественное, что молодая девушка находится как бы под каким-то очарованием, которое надо нарушить. Но как это сделать? В этом заключался вопрос. Сам Адриан никак не мог придумать и поэтому, по примеру многих других, решился обратиться за советом к человеку опытному – именно к Черной Мег, которая была не прочь за известное вознаграждение дать совет в сердечных делах.

Итак, ночью Адриан тайно отправился к Черной Мег: он любил таинственность, да и опасно было бы идти на свидание с ней среди белого дня. Сидя в полутемной комнате, он изложил колдунье свое дело, конечно, не сообщая имен. Последнее, впрочем, было бы и излишне, так как Адриан был старинный клиент Черной Мег, и никакая маска не в состоянии была бы скрыть его от нее. Прежде еще, чем он раскрыл

рот, она уже знала имя возлюбленной Адриана и все связанные с его делом обстоятельства.

Советница терпеливо выслушала Адриана и, когда он кончил, покачала головой, говоря, что она сама решительно не знает, как помочь, но предлагает посоветоваться с магом, гораздо более сведущим, чем она, по счастливой случайности находящимся теперь в Лейдене и даже бывающем у нее в доме. Она просила Адриана зайти к ней в то же время на следующий день.

По совершенно странному совпадению обстоятельств этот самый маг поручил Мег устроить свидание между ним и этим самым молодым человеком.

Адриан пришел, согласно условию, и получил ответ, что маг, спросив звезды и другие предметы гадания, так заинтересовался делом, что исключительно из любви к нему и во все не руководствуясь какими-нибудь целями наживы готов дать совет лично. Адриан был в восторге и просил, чтобы их познакомили. Скоро в комнату вошел статный человек, закутанный в длинный плащ. Адриан поклонился, и вошедший, внимательно приглядевшись к нему, с достоинством отвечал на поклон. Адриан откланялся и начал говорить, но мудрец перебил его.

– Объяснения излишни, молодой человек, – сказал он, – изучение дела открыло мне больше, чем вы можете сами сообщить мне. Имя ваше Адриан ван-Гоорль; девица, любви которой вы добиваетесь, – Эльза Брант, дочь Гендрика Бран-

та, еретика и известного золотых дел мастера, недавно казненного в Гааге. Она очень красива, но удивительно неотзывчива на любовь и не умеет ценить вас. Если я не ошибаюсь, здесь примешиваются еще некоторые особые, важные обстоятельства. Девушка – богатая наследница, но ее состояние теперь исчезло и, как я имею повод предполагать, скрыто на одном из островов Гаарлемского озера. Она окружена влияниями, враждебными вам, с которыми вам, однако, можно будет сладить, если вы отдадите себя в мои руки, потому что я (вы должны знать это) не принимаю откровенности наполовину. Задатка я не прошу; когда состояние отыщется и девушка станет вашей счастливой женой, тогда вы заплатите мне за услугу, но не раньше.

– Изумительно, ученый сеньор, как истинно каждое ваше слово, – проговорил Адриан.

– Да, друг Адриан, но я еще не все досказал вам. Например... впрочем, теперь не время говорить. Принимаете вы мои условия?

– Какие условия, сеньор?

– Старые условия, без которых чудо невозможно. Необходимо доверие, безусловное доверие.

Адриан несколько колебался. Можно ли обещать безусловное доверие совершенно незнакомому человеку при первом свидании?

– Я угадываю ваши мысли и уважаю их, – продолжал мудрец, в душе подумавший, не зашел ли он слишком далеко. –

Спешки нет; такие дела нельзя решать в один день.

Адриан согласился с этим, но высказал желание иметь немедленно какое-нибудь практическое указание. Мудрец закрыл лицо руками и стал размышлять.

– Первое, что следует сделать, – заговорил он, – это заставить девушку относиться к вам благосклонно, и этого лучше всего достигнуть (к подобному средству я не часто прибегаю), дав девушке выпить любовного напитка, составленного согласно требованиям настоящего случая. Если вы зайдете сюда завтра, то хозяйка этого дома – достойная женщина, хотя несколько суровая по внешности – передаст вам его.

– Это не яд? – подозрительно спросил Адриан.

– Какая глупость! Разве я торгую ядами? Напиток только приворожит сердце девушки к вам.

– Как же употреблять его?

– Дать выпить в воде или вине, которое она пьет, а потом стараться заговорить с ней как можно скорее. Итак, мы условились, – прибавил он мимоходом. – До свидания.

– Стало быть, задатка вы не требуете?

– Нет, пока все не совершится. Ах, если б вы знали, какое удовольствие для утомленного жизнью и много испытавшего человека помогать молодежи в достижении ее целей, способствовать бедной, тоскующей душе найти подругу, предназначенную ей небом, тогда вы не стали бы говорить о задатке! Кроме того (я буду с вами откровенен), в ту же минуту, как я вошел в эту комнату, я почувствовал в вас род-

ственную натуру, способную под моим руководством совершить великие вещи, более великие, чем я могу сказать. Какое видение стоит перед моими глазами! Вы – муж красавицы Эльзы и обладатель ее большого состояния, а я возле вас – ваш руководитель по своей опытности и знанию. Чего мы не достигнем вдвоем! Это мечты, без сомнения, мечты; но как часто мои мечты бывали пророчеством! Но лучше забудьте их, мы же с вами будем друзьями! – Он протянул руку Адриану.

– С удовольствием, – отвечал Адриан, прикасаясь к холодным длинным пальцам. – Много лет я ищу кого-нибудь, на кого мог бы положиться, кто бы понял меня, как вы понимаете меня теперь, – я это чувствую.

– Да, да! Я действительно понимаю вас, – сказал маг.

– И подумать только, что я могу быть отцом такого дурака, – начал он рассуждать по уходе Адриана вслух, как делал часто, когда думал, что находится наедине с самим собою. – Впрочем, это мне на руку: в данном случае красивый, влюбленный в себя дурак может быть мне полезнее, чем молодой человек со здравым умом. Надо свести свои счета. За наем конторы заплачено, и с первого числа я буду уже получать жалованье от правительства, как новый смотритель тюрьмы; стало быть, я могу заняться собиранием улик против почтенного наследника Бранта, Дирка ван-Гоорля, его предприимчивого сына Фоя и этого негодяя, Красного Мартина. Раз они попадут ко мне в тюрьму, уж непременно один из них

выдаст мне тайну богатств Бранта. Женщины, вероятно, ничего не знают – они не скажут им; да я и не желаю иметь дело с ними: ничто не разубедит меня, что... – он содрогнулся, как при неприятном воспоминании. – Надо добыть неопровержимые улики; последние казни и допросы вызвали такой шум, что правительство не допустит казни без личного предлога... Даже Альба и Кровавое Судилище начинают опасаться. Кто же может доставить лучшие улики, как не этот осел, сын мой Адриан? Но так как, по всей вероятности, у него где-нибудь да скрывается совесть, то лучше не давать ему заметить, что, разговаривая с ним, в сущности, допрашиваешь его. Прежде всего надо уличить старого друга Дирка в ереси, а против молодого человека и слуги возбудить обвинение в убийстве солдата и в пособничестве бегству еретиков с их состоянием. Убийство – тяжкое обвинение и не вызывает общественной симпатии, как ересь.

Он подошел к двери и позвал:

– Мег! Хозяйка!

Напрасно он трудился, так как едва отворил дверь, почтенная хозяйка очутилась у него чуть не в объятиях.

– Что это?.. Вы подслушивали? Какой стыд! Но женщины любопытны... – а про себя подумал: «Надо быть осторожнее. К счастью, я говорил негромко».

Он позвал Мег в комнату и, внимательно осмотрев последнюю, начал делать в ней некоторые приспособления.

Глава XVII. Обручение

В сумерки следующего дня Адриан вернулся, согласно обещанию, и был впущен в ту же самую комнату, где застал Черную Мег, которая передала ему маленький пузырек с совершенно прозрачной как вода жидкостью, что было весьма естественно, так как в действительности в пузырьке было не что иное, как вода.

– И это питье в самом деле повлияет на ее сердце? – спросил Адриан, рассматривая пузырек.

– Это удивительное лекарство, – отвечала старуха, – кто выпьет его, сходит с ума от любви к давшему его. Оно составлено по рецепту самого мага из драгоценных трав, не имеющих никакого вкуса и растущих только в африканских пустынях.

Адриан понял и стал шарить в кармане. Мег протянула руку, чтобы получить награду. То была длинная костлявая рука с длинными костлявыми пальцами, и на ней недоставало одного пальца. Мег увидела, что Адриан смотрит на руку и поспешила объяснить:

– Со мной случилось несчастье, – сказала она, – мясник резал свинью и отхватил мне палец.

– У вас было кольцо на этом пальце? – спросил Адриан.

– Было, – мрачно и сердито отвечала она.

– Как странно! – вырвалось у Адриана.

– Почему?

– Потому что я видел палец, длинный женский палец с золотым кольцом на нем, как будто отрубленный от вашей руки. Вероятно, мясник спрятал его на память.

– Может быть, герр Адриан; а где он теперь?

– Теперь он сберегается, или по крайней мере сберегался в банке со спиртом, привязанный ниткой к пробке.

Злое лицо Мег передернулось.

– Достаньте мне его, – хрипло сказала она. – Я много делала для вас, герр Адриан, сделайте это для меня.

– На что он вам?

– Чтобы по-христиански похоронить его, – мрачно проговорила она. – Не годится и не на счастье, если человеческий палец сохраняется в банке, как какой-нибудь жук или ящерица. Достаньте его – я не спрашиваю, у кого он, – иначе я не стану больше помогать вам в ваших любовных делах.

– Хотите получить вместе с тем и рукоятку кинжала? – колко спросил он.

Она искоса взглянула на него своими черными глазами. Этот молодой человек знал слишком много.

– Мне нужен палец с кольцом, который мясник отрубил, свежую свинюю.

– Может быть, тетушка, вам и свинку хотелось бы получить? Не ошибаетесь ли вы? Вы, может быть, сами хотели перерезать ей горло, а она откусила вам палец.

– Если мне понадобится свинья, я стану искать ее в хле-

ву... Принесите мне банку или...

Она не успела окончить, так как дверь отворилась и в комнату вошел маг.

– Вы ссоритесь? – укоризненно спросил он. – Из-за чего? Я догадываюсь. – Он провел рукой по лбу. – Тут замешан палец – перст судьбы?.. Нет, не то? А!.. – Он схватил руку Мег и, как бы осененный новым вдохновением, добавил: – Теперь понимаю. Принесите его, друг Адриан; мертвый палец приносит несчастье всякому, кроме его владельца. Сделайте это для меня.

– Хорошо, – отвечал Адриан.

– Моя сила увеличивается, – продолжал маг как бы про себя. – Я вижу эту честную руку и большой меч, но пока еще не стоит говорить: этого еще слишком мало. Оставьте нас, тетушка. Даю вам слово, ваш палец вернется. Да, вместе с золотым кольцом. А теперь, мой молодой друг, поговорим. Вы получили напиток? Говорю вам, что он окажется действенным, он заставит ожить мраморную Галатею. Пигмалиону, вероятно, был известен этот секрет. Но расскажите мне что-нибудь о вашей жизни, о том, что вы изо дня в день думаете и делаете: когда я даю свою дружбу, я люблю жить жизнью моих друзей.

Поощряемый им Адриан рассказал ему очень многое, сообщил столько подробностей, что сеньор Рамиро кивая ему из-под надвинутого колпака, думал про себя: «Успеет ли шпион, спрятанный в потайном шкафу, несмотря на всю

свою опытность, записать все, что он слышал?» Он старался не давать Адриану уклониться в сторону и, время от времени вставляя свое замечание, искусно перевел разговор в нужное русло.

– Вам нечего скрывать со мной, – сказал он, – я знаю, как вы выросли, как не по своей вине покинули лоно истинной Церкви и принимаете участие в тайных собраниях еретиков. Вы сомневаетесь, что это мне известно? Дайте припомнить. Не далее как на прошлой неделе вы сидели в комнате с выбеленными стенами, выходящей на рыночную площадь. Я вижу всех, бывших там: некрасивый, низенький человек проповедует резким голосом; его проповедь – сплошное кощунство. Корзины... корзины... Какое отношение могут иметь к нему корзины?

– Он, кажется, прежде делал их, – прервал Адриан, попавшись на удочку.

– Может быть, так, а может быть, я вижу их оттого, что ему предстоит быть похороненным в корзине. Как-никак, его судьба странным образом связана с корзинами. Вместе с вами тут и другие: человек средних лет с тупыми чертами лица; не Дирк ли это ван-Гоорль, ваш отчим? А кроме него еще молодой, довольно красивый молодой человек, вероятно, родственник. Я вижу его имя, но не могу ясно разобрать его. Ф... Ф... о... и... Foі по-французски значит вера; странное имя для еретика.

– Фой, – поправил Адриан.

– В самом деле!.. Как это я не разобрал последнюю букву; но в видениях подобные вещи случаются. Кроме того, в комнате еще один человек – высокого роста с рыжей бородой...

– Нет, вы ошибаетесь, – горячо возразил Адриан, – Мартина не было там, он оставался караулить дом.

– Вы уверены в этом? – с сомнением спросил маг. – Я смотрю, и мне кажется, вижу его.

Он пристально глядел на стену.

– Вообще, он часто бывает на этих собраниях, только не был на прошлой неделе.

Нет надобности дальше следить за разговором мага с Адрианом. Маг, вынув из-под плаща хрустальный шар, продолжал описывать свои видения, а молодой человек поправлял его, зная в точности все случившееся, пока сеньор Рамиро и его сообщник не нашли, что собрали достаточно улик, неопровержимых улик по понятиям того времени, чтобы три раза сжечь Дирка, Фоя и Мартина, а если бы оказалась надобность, то и самого Адриана. После этого маг простился со своим новым другом.

На следующий вечер Адриан явился с пальцем в банке, на которую Мег бросилась, как уж на лягушку, и снова начался интересный разговор. Адриана очень привлекала мистическая болтовня мага вперемежку с мудрыми наставлениями в сердечных и других житейских делах и льстивыми отзывами о его собственных качествах и дарованиях.

Несколько раз Адриан приходил таким образом к магу,

так как в это время случилось, что Эльза по нездоровью не выходила из комнаты и Адриан не имел случая дать ей выпить магического напитка, от которого ее сердце должно было вспылать любовью к нему.

Наконец, когда даже Рамиро начинали надоедать продолжительные визиты молодого человека, счастье улыбнулось последнему. Эльза появилась в один прекрасный день за столом, и Адриан ловко и незаметно для других успел вылить содержимое пузырька в стакан воды, который Эльза, к великой радости влюбленного, выпила до дна.

Но случая объясниться не представилось, так как Эльза, вероятно, подавленная нахлынувшим на нее чувством, ушла к себе в комнату, чтобы бороться с собой наедине. Так как следовать за ней туда и сделать ей сейчас же предложение оказалось невозможным, то Адриан, призвав на помощь все самообладание, на какое был способен, уселся в гостиной, ожидая ее возвращения, так как знал, что она никогда не выходит раньше пяти часов. Однако случилось, что Эльза иначе распорядилась своим временем на этот вечер: она обещала Лизбете сделать с ней несколько визитов соседкам, а затем зайти за Фоем в контору и пройтись с ним за город.

И вот, пока Адриан сидел в гостиной, погруженный в свои мечты, Лизбета вышла с Эльзой из дома через боковой подъезд.

Они уже побывали в двух или трех домах, как случайно должны были пройти мимо старинной городской тюрьмы,

называемой Гевангенгуз. Эта тюрьма находилась у одних из городских ворот; она была выстроена в стене и выходила на городской ров, окружавший ее со всех сторон водой. Перед ее массивной дверью, охраняемой двумя часовыми, на подъемном мосту и улице, ведущей к нему, собралась небольшая кучка людей в ожидании кого-то или чего-то. Лизбета взглянула на трехэтажное мрачное здание и содрогнулась: здесь допрашивали еретиков и здесь же многих из них казнили страшными способами того времени.

– Пойдем скорее, – сказала она Эльзе, пробираясь через толпу. – Наверное, тут происходит что-нибудь ужасное.

– Не бойтесь, – отвечала пожилая, добродушная на вид женщина, услышавшая ее слова. – Мы только ждем, чтобы послушать, как новый смотритель тюрьмы выйдет и прочтет о своем назначении.

В эту самую минуту дверь отворилась, и из нее вышел человек. Это был палач с мечом в одной руке и связкой ключей на подносе – в другой. За ним следовал смотритель в нарядной одежде, сопровождаемый взводом солдат и служебным тюремным персоналом. Вынув из-под плаща свиток, он стал быстро, едва слышно читать его.

Это было назначение его смотрителем, подписанное самим Альбой. В нем перечислялись все его полномочия, весьма значительные, ответственность, весьма небольшая, и все прочее, кроме той суммы, которую он заплатил за место, так как подобные должности продавались совершенно открыто

тому, кто предлагал больше. Можно догадаться, что подобное место в одном из больших нидерландских городов было весьма доходным для тех, кто не пренебрегал такими способами разбогатеть. И действительно, доходы были так велики, что жалованье, полагавшееся по этой должности, никогда не выплачивалось, и зрителю предоставлялось существовать на суммы из карманов еретиков.

Окончив чтение, новый зритель поднял глаза и окинул взглядом слушателей, быть может, чтобы увидеть, какое впечатление он произвел на них. Эльза, в первый раз увидевшая тут его лицо, схватила Лизбету за руку.

– Это Рамиро, – шепнула она, – шпион, следивший за отцом в Гааге.

Но ее спутница не отозвалась. Лизбета вдруг как бы окаменела и, вся побледнев, бессмысленным взглядом смотрела в лицо человека, стоявшего против нее. Она также узнала его. Несмотря на печать, наложенную на него годами, страстями, страданиями и злыми мыслями, несмотря на то, что он потерял один глаз, оброс бородой и страшно похудел, она узнала его: перед ней стоял ее муж, Жуан де Монтальво. Как бы повинувшись влиянию магнетического тока, и его взгляд обратился на нее; ее лицо выделилось для него из толпы. Он задрожал и побледнел, отвернулся и быстро пошел в ад Гевангенгуза. Он показался оттуда, будто дьявол, сошедший в людской мир, чтобы выискать себе жертв, и, как дьявол, снова скрылся. Так, по крайней мере, показалось Лизбете.

– Пойдем, пойдем, – проговорила она, увлекая за собой девушку и стараясь выбраться из толпы.

Эльза заговорила сдавленным голосом, часто переходившим в рыдание:

– Да, это он. Он затравил моего отца; ему нужно было его состояние, но отец поклялся, что умрет прежде, чем отдаст ему свое богатство; и он умер, умер в тюрьме инквизиции, а этот человек – его убийца.

Лизбета не отвечала; она не произнесла ни слова, пока они не остановились у маленькой, обшарпанной двери. Здесь она заговорила в первый раз холодным, неестественным тоном:

– Я зайду к фроу Янсен; ты слышала о ней: это жена того, которого они сожгли. Она присылала сказать мне, что больна; я не знаю, что с ней, но в городе ходит оспа: я уже слышала о четырех случаях, и поэтому лучше, если ты не пойдешь со мной. Дай мне корзинку с вином и провизией. Мы уже дошли до конторы, где тебя ждет Фой. Не вспоминай о Рамиро. Что сделано, того не воротишь. Поди, погуляй с Фоем и забудь на это время о Рамиро.

Эльза нашла Фоя у дверей конторы, где он уже ждал ее, и они вместе вышли из городских ворот в луга, лежавшие за городом. Сначала оба говорили немного, так как у каждого были мысли, которые не хотелось высказывать. Однако, отойдя недалеко от города, Эльза уже не могла дольше сдерживаться – страх, пробужденный в ней Рамиро, при напряжении ее нервов доводил ее почти до истерики. Она за-

говорила; слова лились, как вода, прорвавшая плотину. Эльза сказала, что видела Рамиро, и еще многое, многое, все, что она вынесла в это время, все, что перестрадала за горячо любимого отца.

Наконец она замолчала и, остановившись на берегу реки, ломая руки, заплакала. До сих пор Фой не говорил ничего: его находчивость и веселость совершенно оставили его. И теперь даже он не знал, что сказать; он только обнял девушку за талию и, привлекая ее к себе, поцеловал в губы и глаза. Она не сопротивлялась, ей даже не пришло это в голову; она опустила голову ему на плечо и тихо рыдала. Наконец она подняла лицо и спросила очень просто:

– Чего ты желаешь от меня, Фой?

– Чего? – повторил он. – Желая стать твоим мужем.

– Время ли теперь выходить замуж или жениться? – спросила она снова, как будто рассуждая про себя.

– Не знаю, – отвечал он, – но мне кажется, что только это и можно сделать: в наши дни вдвоем все же легче жить, чем одному.

Она несколько отступила и, грустно покачав головой, начала было:

– Отец мой...

– Да, – прервал он ее, просияв, – благодарю, что ты упомянула о нем. Это напомнило и мне. Он также желал нашего союза; и теперь, когда его нет, надеюсь, что ты поделишь его взгляд.

– Не поздно ли теперь спрашивать об этом? – проговорила она, не смотря на Фоя и приглаживая своей маленькой белой ручкой растрепавшиеся волосы. – Но что ты хочешь сказать этим?

Слово за словом, как мог восстановить в своей памяти, Фой повторил сказанное ему Гендриком Брантом перед тем, как они с Мартином отправились на опасное предприятие в Гаарлемское озеро, и закончил:

– Ты видишь, он желал этого.

– Его желания всегда были моими желаниями, и я... я также желаю этого...

– Бесценные вещи не легко приобрести, – сказал Фой, вспомнив слова Бранта, между тем как в душу его закралось опасение.

– Это он намекал на сокровища? – сказала она, и улыбка осветила ее лицо.

– Это сокровище – твое сердце.

– Правда, вещь не имеющая цены, но, мне кажется, неподдельная.

– Но и лучший металл может треснуть от долгого употребления.

– Мое сердце выдержит до смерти.

– Большого я не прошу. Когда я умру, можешь отдать его, кому захочешь; я снова найду его там, где нет ни женитьбы, ни замужества.

– Не много от него осталось бы на долю другого; но взгля-

дись внимательно и в свое золото: как бы его чеканка не изменилась – ведь золото плавится в горне, и каждая новая королева чеканит свою монету.

– Довольно, – нетерпеливо перебил ее Фой. – Зачем ты говоришь о таких вещах, да еще загадками, сбивающими меня.

– Потому... потому, что мы еще не женаты, бесценные же вещи – повторяю не свои слова – не легко достаются. Полную любовь и согласие нельзя приобрести несколькими нежными словами и поцелуями – они приобретаются путем испытаний...

– Немало их еще выпадет на нашу долю, – весело отвечал он. – А в начале пути очень приятно поцеловаться.

После этого Эльза уже не стала возражать.

Наконец, они повернули и пошли обратно в город в спокойные сумерки, рука в руке, счастливые в душе. Они не выражали этого счастья, потому что голландцы вообще народ сдержанный и не любят выказывать своих чувств. Кроме того, условия, при которых они дали друг другу слово, были особенные: как будто их руки соединились у одра умирающего, у смертного одра Гендрика Бранта, гаагского мученика, кровь которого взывала к небу о мести. Это чувство, тяготившее над ними, сдерживало проявление юношеской страсти; но даже если бы они были в состоянии забыть свое горе, осталось бы еще другое чувство, которое сковало бы их, – чувство страха.

«Вдвоем легче жить», – сказал Фой, и Эльза не оспарива-

ла этого; но все же она чувствовала, что в этом деле была еще другая сторона. Если при жизни вдвоем являлась возможность поддерживать друг друга, любить друг друга, то не являлось ли возможным и страдать друг за друга? Не удваивалось ли при этом беспокойство и не увеличились бы еще заботы в случае появления ребенка? Этот вопрос, являющийся при каждом браке, был еще более понятен в такое время, и особенно, когда дело шло о Фое и Эльзе – еретиках и богатых, – стало быть, живших каждую минуту под опасностью ареста или костра. Зная все это и только что перед тем увидав Рамиро, неудивительно, что Эльза, радуясь, как радуется всякая женщина, узнав, что человек, которому она отдала свое сердце, любит ее, тем не менее могла только робкими и неполными глотками пить из радостной чаши. Неудивительно также, что и на веселой жизнерадостности Фоя отразились эти опасения и тайная душевная тревога.

Расставшись с Эльзой, Лизбета вошла в комнату фрой Янсен. Это была бедная каморка, так как после казни мужа у несчастной вдовы его палачи отобрали все имущество, и она существовала теперь исключительно на подаяния своих единоверцев. Лизбета застала ее в постели, около которой сидела ухаживавшая за фрой Янсен старуха, сказавшая, что, по ее мнению, у больной горячка. Лизбета наклонилась над постелью и поцеловала больную, но отшатнулась, заметив, что железы у нее на шее опухли и вздулись, а лицо все горело в жару и налилось кровью. Однако фрой Янсен узнала посе-

ительницу и сказала:

– Что со мной, фроу ван-Гоорль, не оспа ли? Скажите мне, доктор, пожалуй, скроет.

– Я боюсь, не хуже ли, – отвечала мягко Лизбета, – это чума.

Бедная женщина хрипло засмеялась.

– О, я надеялась на это! – сказала она. – Я рада, очень рада; теперь я умру и пойду к нему. Жалко только, что я раньше не подхватила ее: я бы занесла ее к нему в тюрьму, и они не сделали бы над ним того, что сделали теперь, – продолжала она как бы в бреду, но затем, снова придя в себя, она обратилась к Лизбете: – Бегите отсюда, фроу ван-Гоорль, вы можете заразиться.

– Если я могу заразиться, то боюсь, что уже заразилась, потому что поцеловала вас, – отвечала Лизбета, – но я не боюсь такой болезни, хотя быть может, если б мне удалось заразиться, я бы избавилась от многих неприятностей. Но я должна подумать о других и поэтому уйду. – Она опустилась на колени, чтобы помолиться, и, затем, отдав корзину с вином и провизией старухе, ушла.

На следующее утро она услышала, что фроу Янсен умерла от болезни, в тяжелой форме поразившей ее.

Лизбета знала, что подверглась большой опасности, так как нет болезни заразительней чумы. Поэтому она решила сейчас же по возвращении домой сжечь свое платье и всю одежду, бывшую на ней, а самой очиститься дымом трав. По-

сле этого она перестала думать о чуме, так как ум ее был занят другой мыслью, всецело овладевшей ею.

Монтальво вернулся в Лейден! Этот злой дух ее жизни – и по роковой случайности также и жизни Эльзы, узнавшей его, – вернулся из мрака прошлого, с галер. Лизбета была мужественная женщина, встречавшаяся в своей жизни со многими опасностями, но она вся похолодела от ужаса, увидав его, и знала, что ей не избавиться от этого страха, пока он или она живы. Она догадывалась, зачем Монтальво появился в Лейдене. Его привлекло сюда проклятое богатство Гендрика Бранта. От Эльзы она знала, что целый год один человек в Гааге по имени Рамиро употреблял все усилия, чтобы завладеть этим богатством. Ему не удалось этого сделать. Он потерпел полное, позорное поражение благодаря храбрости и находчивости ее сына и слуги. Теперь он узнал, кто они, и, будучи уверен, что им известна тайна местонахождения сокровищ, перебрался в Лейден, чтобы выпытать ее. Это было ясно – ясно как заходящий шар багрового солнца перед ней. Она знала, что это за человек, недаром она жила с ним! В справедливости ее догадок не было сомнения – недаром Рамиро добился места смотрителя Гевангенгуза. Он, без сомнения, купил эту должность, чтобы быть вблизи от тех, кого намеревался выследить.

Еле передвигая ноги и ничего не видя, Лизбета добрела до дому. Ее единственной мыслью было, что надо поскорее все сказать Дирку; но она прикоснулась к чумной – стало быть,

прежде всего следует обеззаразить себя. Она пошла к себе в комнату и, несмотря на лето, развела огонь в очаге, на котором сожгла все платье. После того она окурила себе волосы и тело, посыпав на угли ароматических трав, запас которых в те времена, когда заразные болезни бывали так часто, всегда находился в каждом доме, и, переодевшись, пошла к мужу. Она застала его в его комнате у конторки за чтением какой-то бумаги, которую при ее появлении он быстро спрятал в ящик.

– Что это, Дирк? – спросила она с внезапно проснувшимся подозрением.

Он сделал вид, что не слышит, и она повторила вопрос.

– Если ты уж непременно желаешь знать, то скажу тебе: это мое завещание, – прямо ответил он.

– Почему ты стал читать свое завещание? – спросила она, снова начиная дрожать, так как ее нервы были напряжены и этот незначительный случай показался ей ужасным предзнаменованием.

– Без особенных причин, – спокойно отвечал Дирк, – но всем нам суждено рано или поздно умереть. От этого не уйдешь, и теперь это случается чаще, скорее, чем это было прежде; так лучше, чтобы те, кто останутся в живых, нашли все в порядке. Раз теперь разговор коснулся предмета, которого я избегал до сих пор, выслушай меня.

– В чем же дело?

– Дело касается моего завещания. Видишь ли, Гендрик

Брант со своим богатством дал мне урок. Я не такой богач, как он, но во многих странах слыл бы за богатого человека, так как работал усердно, и Бог благословил меня. В последнее время я продавал, что мог, и теперь главная часть моего состояния в деньгах. Но деньги не здесь, и даже не в этой стране. Ты знаешь моих корреспондентов, Мунта и Броуна, в Норвиче, в Англии, которым мы отправляем наши товары для английского рынка. Они честные люди, и Мунт мне обязан всем, даже жизнью. Так вот, деньги у них, они благополучно дошли до них: вот квитанция в получении и извещение, что капитал помещен за хорошие проценты под залог больших имений в Норфолке, где я или мои наследники всегда можем получить его; копия этого свидетельства, на случай его утраты, внесена в их английские книги. Здесь, кроме этого дома и конторы – да и те заложены, – у меня осталось немного. Дело дает достаточно дохода для жизни, и с процентами, получаемыми из Англии, мы везде можем прожить, не нуждаясь. Но что с тобой, Лизбета? Какой у тебя странный вид.

– О Боже! – вырвалось у Лизбеты. – Жуан де Монтальво здесь. Он назначен надзирателем тюрьмы. Я видела его сегодня вечером. Я не могла ошибиться, хотя он лишился одного глаза и очень изменился.

Челюсть Дирка отвисла, и его цветущее лицо побледнело.
– Жуан де Монтальво? – переспросил он. – Я слышал, что он давно умер.

– Ты ошибаешься. Дьявол никогда не умирает. Он отыскивает наследство Бранта и знает, что тайна известна нам. Ты догадаешься об остальном. Теперь я, кроме того, вспомнила, что слышала, что у Симона, прозванного Мясником, и Черной Мег, которую мы с тобой знаем, в последнее время жил какой-то странный испанец. Это, без сомнения, он, и теперь, Дирк, нас, может быть, уже сторожит смерть.

– Откуда ему знать о сокровищах Бранта?

– Он – Рамиро, тот самый человек, который затравил Бранта, тот самый, который старался догнать «Ласточку» на Гаарлемском озере. Эльза была со мной сегодня вечером и тоже сразу узнала его.

Дирк, опершись головой на руку, задумался на минуту, потом сказал:

– Я очень рад, что отправил деньги Мунту и Брауну. Само небо внушило мне эту мысль. Что ты посоветуешь делать теперь?

– Мой совет – бежать из Лейдена всем нам еще сегодня ночью.

Он улыбнулся.

– Это невозможно... Как бежать? По новым законам нам нельзя выйти за город, но дня через два я могу устроить все так, что мы сможем уехать, если ты желаешь.

– Сегодня, сегодня! – настаивала она. – Иначе кому-нибудь из нас придется остаться здесь навсегда.

– Говорю тебе, это невозможно. Разве я крыса какая, что-

бы какой-нибудь негодяй Монтальво мог выжить меня из моей норы? Я уже немолод и человек мирный, но чего доброго, пока еще живу здесь, проколю его мечом.

– Как хочешь, – сказала Лизбета. – Но мне кажется, что меч пройдет сквозь мое сердце. – Она залилась слезами.

Невесело было в этот день за ужином. Дирк и Лизбета, сидя на противоположных концах стола, молчали. С одной стороны помещались Фой и Эльза, тоже молчавшие, хотя и по другой причине, а напротив – Адриан, наблюдавший все время за Эльзой.

Он был уверен, что любовный напиток произвел свое действие, так как Эльза казалась сконфуженной и краснела и, что казалось ему весьма естественным, старалась избегать его взгляда, делая при этом вид, будто занята Фоем, казавшимся Адриану еще глупее обыкновенного. Адриан решил при первой возможности выяснить все, а в настоящую минуту тяжелое молчание, господствовавшее за столом, раздражало его нервы. Чтобы что-нибудь сказать, он спросил мать:

– Где вы были сегодня, матушка?

– Я? – спросила она, вздрогнув. – Была у фроу Янсен, которая очень больна...

– Что с ней?

Лизбета, мысли которой были далеко, с трудом могла ответить:

– Что с ней?.. У нее чума.

– Чума! – вскричал Адриан, вскакивая. – Неужели вы ходили к женщине, у которой чума?

– Да, кажется, – отвечала она, улыбаясь. – Но не бойся, я сожгла свое платье и окуривалась.

Но Адриан испугался. Он еще не забыл о своей недавней болезни и, кроме того, будучи трусом, он особенно терпеть не мог заразных болезней.

– Это ужасно, – сказал он, – ужасно! Дай Бог нам, то есть вам, избежать заразы. В доме у нас такая теснота. Я пройду по саду.

Он ушел, забыв, по крайней мере в эту минуту, и о своей любви к Эльзе, и о любовном напитке.

Глава XVIII. Видение Фоя

Ни разу еще с тех пор, как Лизбета много лет тому назад купила спасение любимого ею человека, обещавшись стать женой его соперника, не спала она так дурно, как в эту ночь. Монтальво был жив, он был здесь, чтобы погубить тех, кого она любила. Рамиро имел для этого в руках все – усердие и признанную правительством власть. Лизбета хорошо знала, что если предвиделась нажива, этот человек не отступит ни перед чем, пока не овладеет ею. Оставалась одна надежда: он не был жесток, то есть не находил удовольствия мучить людей ради мучения, а только прибегал к последнему как к средству. Она была уверена, что если бы он мог получить те деньги, которых добивался, он оставил бы всех в покое. Почему не получить их ему? Почему подвергать жизнь всех опасности из-за этого наследства, бремя которого взвалено на них?

Не будучи в состоянии выносить этой муки сомнений и страха, Лизбета разбудила спокойно спавшего мужа и сообщила ему свои мысли.

– Конечно, так было бы легче всего поступить, – отвечал Дирк с улыбкой, – я вижу, что даже лучшие из женщин не могут быть вполне честны, если дело коснется их личного интереса. Неужели ты хочешь, чтобы мы купили свое счастье ценой состояния Бранта и, таким образом, обманув доверие

покойного, призвали на себя его проклятие.

– Жизнь людей дороже золота, и Эльза, наверное, согласится, – мрачно отвечала Лизбета, – сокровища уже запятнаны кровью, кровью самого Бранта и Ганса-лоцмана.

– Да, и уж если на то пошло, то кровью многих испанцев, пытавшихся похитить его. Несколько их потонуло в устье реки и до двадцати взлетело на воздух вместе с «Ласточкой», так что потери не на одной нашей стороне. Слушай, Лизбета: двоюродный брат Гендрик Брант был уверен, что в конце концов его богатство окажет какую-нибудь услугу нашему народу или стране; это он написал в своем завещании и то же самое повторил Фою. Я не могу знать, как это совершится, но умру прежде, чем предам сокровища в руки испанцев. К тому же я и не могу этого сделать, так как тайна никогда не была сообщена мне.

– Ее знают Фой и Мартин.

– Лизбета, – серьезно заговорил Дирк, – именем твоей любви ко мне умоляю тебя не настаивать на том, чтобы они выдали ее, даже ради спасения моей или твоей собственной жизни. Если мы должны умереть, то умрем с честью. Обещаешь ты?

– Обещаю, – отвечала она запекшимися губами, – но с одним условием – что ты бежишь со всеми нами из Лейдена еще сегодня ночью.

– Хорошо, – отвечал Дирк, – долг платежом красен; ты дала обещание, и я дам обещание; согласен, хотя уже и ста-

роват я, чтобы искать себе нового дома в Англии. Но сегодня ночью бежать невозможно: мне надо еще кое-что устроить. Завтра утром уходит корабль, и мы можем догнать его завтра у устья реки после того, как он пройдет мимо досмотрщиков; капитан корабля мне друг. Согласна?

– Мне бы хотелось устроить это еще сегодня, – сказала Лизбета. – Пока мы в Лейдене с этим человеком, мы не можем ручаться ни за один час.

– И никогда мы не можем ни за что ручаться. Все в руках Божиих, и поэтому мы должны жить как солдаты, ожидающие часа выступления, и радоваться, когда раздастся призыв.

– Я знаю, – отвечала она. – Но трудно нам будет расстаться.

Он отвернулся на минуту, но затем отвечал твердым голосом:

– Да. Но хорошо будет снова встретиться, чтобы никогда больше не разлучаться.

Ранним утром Дирк позвал Фоя и Мартина в комнату жены. Адриана он, по особым соображениям, не звал и сказал, что ему жаль будить его, так как он крепко спит. Эльзу он также до поры до времени не хотел тревожить. В коротких словах он передал суть дела, сказав, что Рамиро – тот самый человек, который потерпел из-за них неудачу на Гаарлемском озере, – находится в Лейдене (обстоятельство, впрочем, уже известное Фою через Эльзу), что он не кто иной,

как граф Жуан де Монтальво, обманувший Лизбету и заставивший ее угрозами выйти за себя замуж, и что он отец Адриана. Все это время Лизбета сидела в резном дубовом кресле, слушая с окаменевшим лицом рассказ об обмане, жертвой которого она стала. Она не сделала ни одного движения и только слегка шевелила пальцами, пока Фой, угадывая ее душевное страдание, не подошел к ней вдруг и не поцеловал. По щеке ее скатилось несколько слезинок; с минуту она продержала руку на голове Фоя, как бы благословляя его, а затем снова стала прежней Лизбетой: серьезной, холодной, следившей за всем происходившим.

После того Дирк сообщил об опасениях Лизбеты и о предположении, что существует заговор с целью выпытать у них их тайну.

– К счастью, – сказал он, обращаясь к Фою, – ни я, ни Адриан, ни Эльза не знаем тайны; она известна только тебе и Мартину, да, может быть, еще одному, который далеко и не попадетсЯ в их руки. Мы этого не знаем и не хотим знать, и что бы ни случилось с нами, твердо надеемся, что ни один из вас не выдаст тайны, если бы даже от этого зависела наша и ваша жизнь: мы считаем, что обязаны выполнить завещание покойника во что бы то ни стало и не имеем права обмануть его доверие ради спасения собственной жизни. Не так ли, жена?

– Так, – хрипло ответила Лизбета.

– Не бойтесь, – сказал Фой, мы скорее умрем, чем выда-

дим тайну.

– Постараемся умереть прежде, чем выдадим тайну, – своим густым басом пробормотал Мартин, – но плоть немощна, и кто знает...

– Я не сомневаюсь в тебе, честный старик, – с улыбкой сказал Дирк, – ведь тебе в эту минуту не придется думать об отце и матери.

– Ну, вот и пустяки говорите, хозяин, – отвечал Мартин, – потому что, повторяю вам, плоть немощна, а вид колеса для меня всегда ненавистен. Но ведь мне также завещано кругленькое состояньице из этого богатства, и, может быть, эта мысль поддержит меня. Живому или мертвому мне неприятно было бы думать, что мои деньги станет тратить испанец.

Между тем как Мартин говорил, Фой подумал о том, как странно все происходившее вокруг него. Вот здесь было четверо людей, из которых двое знали тайну, а двое других, не знавших, умоляли знавших не сообщать им ничего, что могло, став им известным, спасти их от ужасной судьбы. Тут в первый раз он своим молодым неопытным умом понял, как высоко могут стоять мужчины и женщины и какое спокойное величие живет в человеческом сердце, способном ради исполнения завещания решиться обречь и тело и душу на ужаснейшие страдания. Сцена этого утра так врезалась в его память, что он не забыл ее во всю свою последующую жизнь: мать его, в плоском чепце и сером платье, сидящая с холодным и решительным лицом в дубовом кресле; отец, с кото-

рым он в этот день говорил в последний раз, хотя не знал этого, стоящий позади матери, положив руку на ее плечо и разговаривающий с ним спокойным тоном; Мартин, также стоящий несколько позади со своей рыжей бородой, ярко освещенной солнцем, и маленькими серыми глазами, блестящими, как всегда, когда он сердился, и сам он, Фой, наклонившийся вперед, весь охваченный волнением, любовью и страхом.

Да, он никогда не забывал этой сцены, в чем нет ничего удивительного, так как все происходившее так глубоко потрясло его, так ясно он сознавал, что эта сцена – только прелюдия к ужасным событиям, что на минуту его трезвый ум был потрясен, и он увидел перед собой видение: Мартин, огромный, похожий на терпеливого вола, превратился в кровавую мстителя. Фой видел, как он высоко взмахивал мечом, и слышал его громкий крик; он видел, как люди падали во круг, а земля обагрялась кровью. Фой видел также отца и мать, но они были уже не людьми, а святыми: их окружал ореол святости, а рядом с ними стоял Гендрик Брант и что-то говорил им на ухо. А он, Фой, стоял возле Мартина, принимая деятельное участие в его кровавом мщении.

Затем все исчезло, и на него нашло мирное настроение, сознание исполненного долга, удовлетворенной чести и полученной награды. Игра воображения кончилась, и ее смысл был ясен; но прежде чем он мог понять его, все уже исчезло.

Фой с трудом перевел дух, содрогнулся и всплеснул рука-

ми.

– Что ты видел? – спросила Лизбета, наблюдавшая за его лицом.

– Странные вещи, матушка, – отвечал Фой. – Видел, что мы с Мартином участвуем в битве, тебя и отца окружает слава, а для нас всех наступает мир.

– Это хорошее предзнаменование, – сказала она. – Борись сам и предоставь нам бороться. После многих испытаний мы вступим в царствие Божие, где всех нас ждет успокоение. Это хорошее предзнаменование. Отец твой был прав, а я неправа. Теперь я уже не боюсь. Я довольна.

Никто из присутствовавших не удивился и не нашел в этих словах ничего необычайного. Для них рука приближающегося рокового часа отдернула завесу далекого, и они все поняли, что таким образом луч света – слабый луч из-за облаков – упал в их сердца! Они с благодарностью приняли его.

– Я, кажется, все сказал, – заговорил Дирк своим спокойным голосом. – Нет, еще не все...

И он сообщил свой план бегства.

Фой и Мартин слушали и соглашались с ним, но бегство казалось им чем-то очень далеким и призрачным. Они не верили в возможность выполнения плана. Они были убеждены, что здесь, в Лейдене, их ждет испытание их веры и что здесь каждый из присутствовавших стяжает в отдельности свой венец.

Когда все было взвешено и каждый знал твердо, что ему

делать, Фой спросил, следует ли посвящать в план и Адриана. На это отец его поспешно заметил, что чем меньше будет разговоров, тем лучше, и предложил поэтому сообщить Адриану все только вечером, предоставив ему решить тогда, поедет ли он с ними или останется в Лейдене.

– Так он сегодня весь день просидит дома и проводит нас на корабль, – пробормотал Мартин, но вслух не сказал ничего.

Ему казалось почему-то, что не стоит делать из этого вопроса, так как знал, что выскажи он сомнение, Лизбета и Фой, вполне доверявшие Адриану, рассердятся.

– Батюшка и матушка, – начал Фой, – пока мы здесь все вместе, я желал бы сказать вам одну вещь.

– Что такое? – спросил Дирк.

– Вчера мы обменялись обещанием с Эльзой Брант и просим вашего согласия и благословения.

– Я с радостью дам их вам, сын мой, и мне приятно слышать эту новость. Приведи Эльзу сюда, – ответил Дирк.

Фой поспешил исполнить желание отца и не заметил, что Лизбета ничего не говорит. Она полюбила Эльзу – кто мог ее не любить, – но... они таким образом приближались еще на шаг к проклятым сокровищам, которые копились из поколения в поколение, чтобы погубить людей. Если Фой делается женихом Эльзы, богатство станет его наследством, так же как ее, и принесет ему такое же горе, как ей. Кроме того, люди могут сказать, что он женился из-за денег.

– Тебе это не по душе? – спросил Дирк, взглянув на нее.

– Да, теперь мне кажется, что мы уже никак не выберемся из Лейдена. Молю только Бога, чтобы Адриан ничего не узнал.

– Почему?

– Он без памяти влюблен в Эльзу. Разве ты не заметил этого? И ты знаешь его характер...

– Адриан, Адриан, все Адриан! – нетерпеливо воскликнул Дирк. – Эльза вполне подходящая партия для нашего сына; богатство ее, спрятанное где-то в болоте, вовсе не ее, так как большая часть ее завещана мне для употребления на известное дело; у него же деньги в полной безопасности в Англии. Вот они идут, прими ласковый вид, они сочтут за несчастное предзнаменование, если ты не улыбнешься.

Фой вошел в комнату, ведя за руку Эльзу, красивее которой в эту минуту трудно было бы найти девушку. Они рассказали, как все произошло, и опустились на колени перед Дирком, чтобы он благословил их по старинному обычаю; впоследствии им приятно было воспоминание, что это произошло именно так. После того они обратились к Лизбете, и она также подняла руки, чтобы благословить их, но, готовясь прикоснуться к их головам, не могла, несмотря на все свои усилия, сдержать грустного восклицания:

– О, дети, вы, конечно, любите друг друга, но время ли теперь жениться и выходить замуж?

– То же самое говорила и я, теми же самыми словами! –

воскликнула Эльза, вскакивая с колен и бледнея.

Фой сделал недовольное лицо, но, овладев собой, улыбнулся и сказал:

– И я опять отвечу теми же словами: вдвоем жить легче, и к тому же это только обручение, а не венчание.

– Да, правда, обручение – одно, а венчание – другое, – пробормотал Мартин, думая, как всегда, вслух; и как ни тихо были сказаны эти слова, Эльза услышала их.

– Мать твоя расстроена, – вмешался Дирк, – ты сам знаешь, почему, и не тревожь ее еще больше. Принимайся за дело; отправляйся с Мартином в контору и сделай там все, как я сказал тебе, а я, повидавшись с капитаном, поступлю так, как прикажет мне Господь. Теперь до свидания, сын мой... и дочь, – добавил он с улыбкой, обращаясь к Эльзе.

Они пошли к двери, но Лизбета позвала Мартина.

– Мартин, возьми с собой оружие, когда пойдете в контору, а молодой хозяин пусть наденет кольчугу под колет.

Мартин кивнул головой и вышел.

Адриан проснулся утром этого дня в дурном расположении духа. Он, правда, успел дать выпить Эльзе любовный напиток, но до сих пор не пожал еще плода своих хлопот и ужасно боялся, что волшебное питье не принесет никакой пользы. Сойдя вниз, он узнал, что Фой и Мартин уже ушли в контору, а отчим также отправился неизвестно куда. Это было ему на руку, так как оставляло ему свободное поле действия. Однако оказалось, что мать и Эльза уже позавтракали

наверху. Что он не увидится с матерью, не слишком огорчало его, особенно после того, как она приходила в соприкосновение с зачумленной, но отсутствие Эльзы страшно раздосадовало его. Кроме того, в доме стало вдруг как-то неуютно: вся прислуга почему-то была на ногах, переноса без всякой видимой цели разные вещи с места на место, будто потеряла голову. Раза два мимо Адриана прошла Эльза, но она также несла вещи, и ей некогда было разговаривать.

Наконец, Адриану надоело ждать, и он отправился в контору, намереваясь приняться за книги, которые, правду говоря, он несколько запустил. Но и тут царил такая же суета. Вместо того чтобы заниматься своим обычным делом, Мартин ходил взад и вперед, отбирая медные вещи, которые укладывались в корзины, и, кроме того, Адриан заметил – он был наблюдательный молодой человек, – что на Мартине было не его ежедневное рабочее платье. С чего, – спрашивал себя Адриан, – было Мартину в летний день прийти в контору в своей броне из дубленой буйволово́й кожи, опоясанным своим мечом «Молчание?» Зачем Фою понадобились книги, которые он просматривал с одним из конторщиков? Изучал он их, что ли? В таком случае – на здоровье, так как привести их в надлежащий вид оказалось бы далеко не по силам Адриана. Нельзя сказать, что они велись неверно – он вел их, как мог по своему крайне несовершенному знанию, – но часто приходилось выкидывать кое-что, потому что иначе баланс не сходился. В конце концов, он был очень рад: разве

пойдут человеку, занятому своими любовными надеждами и опасениями, разные арифметические выкладки? Потолкавшись в конторе, Адриан вернулся домой обедать.

Обед, совершенно вопреки обычаю, запоздал, и это опять раздосадовало молодого человека, и к тому же ни мать, ни отец не стали обедать. Наконец вышла Эльза, бледная и утомленная, и молодые люди начали обедать, или, по крайней мере, делали вид, что обедают, так как у обоих, казалось, не было никакого аппетита. И Адриану не пришлось воспользоваться их пребыванием вдвоем, так как в комнате постоянно была служанка, а Эльза сидела на своем месте – на другом конце длинного стола.

Наконец служанка ушла, а через несколько секунд поднялась и Эльза. Адриан потерял терпение. Он не мог дольше выносить неизвестности, он должен был объясниться.

– Эльза, – начал он раздраженным голосом, – сегодня у нас в доме все вверх дном, будто мы собираемся уезжать из Лейдена.

Эльза взглянула на него сбоку: она уже, вероятно, знала причину этого беспорядка.

– Очень жаль, герр Адриан, – сказала она, – но вашей матушке сегодня нездоровится.

– В самом деле? Надо надеяться, что она не заразилась чумой от этой Янсен, но это не причина, почему все бегают с полными руками, как муравьи в разоренном муравейнике, ведь теперь не такое время года, когда женщины все перево-

рачивают вверх дном и выбрасывают занавеси на улицу под предлогом, что производят чистку. Наконец-то нас оставили на минуту в покое, поговорим же.

Эльза встревожилась.

– Ваша матушка ждет меня, герр Адриан, – сказала она, направляясь к двери.

– Пусть она отдохнет, сон – лучшее лекарство.

Эльза сделала вид, что не слышит его, и пошла к двери, но Адриан, забыв всякое достоинство, быстрым движением преградил ей дорогу.

– Я сказал вам, что желаю поговорить с вами, – обратился он к Эльзе.

– А я сказала вам, что мне некогда, позвольте мне пройти. Адриан не трогался.

– Я не пропущу вас, пока не переговорю с вами, – сказал он.

Уйти не было возможности, Эльза вернулась и спросила холодным тоном:

– Что вам угодно? Прошу вас, говорите покороче.

Адриан откашлялся, думая про себя, что Эльза удивительно умеет сдерживать себя, несмотря на действие любовного напитка: никто не подумал бы по ее виду, что она приняла это восточное лекарство. Однако следовало на что-нибудь решиться, он зашел слишком далеко, чтобы отступить.

– Эльза, – сказал он смело, хотя в душе трусил сильнее всякого зайца. – Эльза! – Он в мольбе сложил руки и поднял

глаза к потолку. – Я люблю вас, и пришло время сказать вам это.

– Кажется, оно пришло уже несколько дней тому назад, герр Адриан; я думала, что вы уже успели и позабыть все это, – отвечала она насмешливо.

– Позабыть! – со вздохом повторил он. – Как я могу забыть это, когда вы у меня всегда на глазах.

– Не могу сказать вам, как; что меня касается, то я желаю забыть это безумство.

– Безумство? Она называет это безумством! – воскликнул Адриан. – Она называет безумством это вечное обожание моего сердца, истекающего кровью.

– Вы знаете меня ровно пять недель, герр Адриан.

– Что заставляет меня желать знать вас пятьдесят лет.

Эльза вздохнула: подобная перспектива вовсе не казалась ей заманчивой.

– Ну, преодолите вашу девическую застенчивость, – заговорил он вдруг порывисто, – вы уже довольно сделали уступок приличиям, теперь отбросьте в сторону жеманство, положите оружие и сдайтесь. Ни один час вашей борьбы – клянусь вам – не был так сладок, как будет эта минута уступки, потому что, помните, дорогая, что я – видимый победитель – в сущности, побежденный. Я отказываюсь...

Он не закончил, потому что тут Эльза уже не могла совладать с собой, но совершенно в ином смысле, чем он надеялся и ожидал.

– Вы с ума сошли, герр Адриан, – воскликнула она, – что осмеливаетесь заставлять меня выслушивать такие высокопарные пошлости, после того как я вам сказала, что не желаю слушать их! Я понимаю, что вы добиваетесь моей любви, но раз и навсегда говорю вам, что не могу ответить тем же.

Это был удар, и Адриан не сразу нашелся, как ответить на такое прямое заявление. Его самомнение покинуло его, и он только беспомощно повторил:

– Не можете ответить тем же? Или вы отдали вашу любовь другому?

– Да, – отвечала Эльза твердо: она не на шутку рассердилась.

– В самом деле? Кому же? В прошлый раз вы горевали об умершем отце. Может быть, теперь ваше расположение приобрел этот великолепный гигант Мартин или... нет, это было бы слишком нелепо... – и он захохотал в своем ревнивом бешенстве, – или этот шут, мой почтеннейший братец Фой?

– Да, – спокойно отвечала она, – Фой!

– Фой! Силы небесные! Желтоголовый увалень, невежда Фой – мой соперник! И после того говорят, что у женщин есть душа! Сблаговолите мне ответить на один вопрос: скажите мне, когда возникло это странное и чудовищное чувство? Когда вы объявили себя побежденной непреодолимыми качествами Фоя?

– Вчера вечером, если вам угодно знать это, – отвечала она так же спокойно и бесстрастно, как прежде.

Адриана осенило вдохновение. Он на минуту приложил руку ко лбу и громко, резко захохотал:

– А, вот что! – сказал он. – Это приворотное зелье подействовало в обратном направлении. Бедная Эльза, вы заколдованы; вы не знаете правды. Я влил вам напиток в воду, а Фой, предатель Фой, пожал плод! Дорогая моя, сбросьте с себя обманчивое очарование! Вы любите меня, а не похитителя сердец Фоя.

– Что вы говорите? Вы влили мне напиток? Вы посмели отравить мое питье своим языческим зельем? Прочь с дороги! Пропустите меня и никогда не смейте говорить со мной. Будьте благодарны, если я ничего не скажу брату о вашей низости.

Что случилось после этого, Адриан никогда не мог в точности припомнить, он только смутно помнил, что он отстранился, между тем как дверь отворилась с такой силой, что он ударился о стену, и мимо него промелькнуло видение – женщина со сверкающими глазами и гневно сжатыми губами – и больше ничего.

С минуту он стоял уничтоженный: удар попал в цель. В сердце его, казалось, не осталось ни надежды, ни чувства. Но затем его бешеный характер, всегда бывший его несчастьем, проснулся вместе с оскорбленным тщеславием, ненавистью, ревностью и прочими ослепляющими страстями. Это не могло быть правдой, тут должно существовать объяснение, и Адриан находил его в том, что Фой, по счастливой случайности

сти или по своей хитрости, сделал Эльзе предложение вскоре после того, как она выпила любовный напиток. Адриан, подобно многим своим современникам, был крайне суеверен и легковерен. Ему и в голову не приходило отнестись с сомнением ко всеми признанной действенности волшебного лекарства, хотя в душе он теперь и сознавал, что сделал большую глупость, сказав Эльзе в первом порыве ярости, что прибегнул к подобному средству, чтобы приобрести ее расположение, вместо того чтобы предоставить своим личным достоинствам подействовать на нее.

Что делать? Ошибка была совершена, яд проглочен, но ведь и для большинства ядов существует противоядие. Чего он медлит? Следует как можно скорее посоветоваться со своим другом – магом.

Десять минут спустя Адриан уже был у дома Черной Мег.

Глава XIX. Борьба на башне литейного завода

Дверь отворил Симон, лысый, толстый негодяй, живший с Черной Мег. В ответ на расспросы Адриана он отвечал, пристально смотря ему в лицо своими свинными глазами, что не может наверное сказать, дома его жена или нет.

– Она, кажется, вместе с магом была занята вызыванием духов, но они могли выйти незамеченными, потому что у них есть дар, великий дар, – заключил он, вводя Адриана в комнату, где тот бывал не раз.

Комната была неудобная и на Адриана почему-то всегда производила такое впечатление, будто в ней постоянно был кто-то, кого он не мог видеть: из пола и стен слышался какой-то странный, необъяснимый шум, похожий на скрип и вздохи. Но подобных вещей ведь всегда можно ожидать в доме, где живет один из величайших современных магов. Тем не менее Адриан был доволен, когда дверь отворилась и вошла Черная Мег, хотя многие предпочли бы ее обществу общества привидения.

– Почему вы беспокоите меня в такой час? – резко спросила она.

– Почему? – повторил Адриан, и вся его ярость снова поднялась при этой грубости. – Ваше проклятое лекарство подействовало совершенно наоборот, вот что. Другому чело-

веку вышла от этого польза, понимаешь, старая ведьма! И я думаю, он хочет увезти ее, – вот что значит вся эта суতোлка. Как это я раньше не догадался! Где маг? Я хочу видеть мага. Он должен дать мне противоядие, другое лекарство.

– Вам, кажется, самому оно нужно, – сухо ответила Черная Мег. – Не знаю, можно ли будет видеть мага: теперь не приемный час, да его, кажется, и дома нет; по крайней мере он так велел говорить всем.

– Мне необходимо видеть его, – настаивал Адриан.

– Может быть, и удастся, – сказала Мег, многозначительно дотронувшись до его кармана.

Несмотря на свое волнение, Адриан понял намек.

– Ты жаждешь золота? – спросил он фразой из прочитанного недавно романа, подавая старухе горсть серебряных монет – все свои капиталы в данную минуту.

Мег приняла деньги, фыркнув, но, вероятно, сообразила, что кое-что все же лучше, чем ничего, и вышла. Послышался какой-то таинственный шум, шепот, звук отпираемых и запираемых дверей, затем водворилась полнейшая, неприятная тишина. Адриан сидел, смотря в стену, так как единственное окно в комнате находилось так высоко над его головой, что в него нельзя было смотреть, и оно скорее походило на отдушину, чем на окно. Так он просидел с минуту, кусая концы своих усов и проклиная свою судьбу, как вдруг почувствовал чью-то руку у себя на плече.

– Какой тут черт?! – вскричал он, резко обернувшись и

очутившись лицом к лицу с магом, величественно задрапированным в плащ.

– Черт? Какое нехорошее слово в устах молодого человека, – укоризненно заметил мудрец.

– Может быть, – отвечал Адриан. – Только какой... я хотел сказать, каким образом вы вошли? Я не слышал, чтобы дверь отворилась.

– Каким образом вошел? Я сам не знаю. Двери? На что мне двери?

– Не знаю, – отвечал Адриан коротко, – но люди, вообще, находят, что они полезны.

– Довольно говорить о таких материальных вещах, – серьезно перебил его маг. – Ваш дух взывал к моему, и я здесь, вот все, что вам надо.

– Я предполагал, что вас позвала Черная Мег, – продолжал выспрашивать Адриан, в котором после неудачи с любовным напитком проснулась недоверчивость.

– Можете предполагать, что вам угодно, мой молодой друг, а теперь потрудитесь объяснить, что вам надо: мне некогда. Впрочем, я и так все знаю: вы дали питье девушке и не исполнили моего совета тут же сделать ей предложение. Другой подсмотрел и извлек пользу из магического напитка. Пока она еще находилась под влиянием очарования, он сделал предложение, и оно было принято... да, ваш брат Фой. Беспечный и недогадливый человек, чего же вы еще ожидали?

– Во всяком случае, не ожидал этого, – отвечал Адриан в бешенстве. – А теперь, если вы обладаете такой силой, как уверяете, скажите мне, что делать.

Что-то сверкнуло под капюшоном, то был единственный глаз мага.

– Друг, вы невежливы, даже грубы. Но я понимаю и прощаю. Подумаем сообща. Расскажите мне все, что было.

Адриан подробно рассказал все происшедшее, и рассказ, по-видимому, глубоко тронул мага, по крайней мере он отвернулся, закрыв лицо руками, и плечи его затряслись от сильного чувства.

– Дело очень серьезное, – сказал он торжественно, когда, наконец, Адриан кончил. – Теперь остается сделать только одно. Вашему коварному сопернику – сколько лукавства и обмана скрывается за его простоватой наружностью – кто-то дал хороший совет, не знаю, кто именно, хотя подозреваю, что это один знакомый Черной Мег – Арентц!..

– А!.. – вырвалось у Адриана.

– Я вижу, вы знаете этого человека. Да, конечно, мы ведь говорили с вами о нем на днях. Он действительно волк в овечьей шкуре, скрывающий дьявольские наущения под личиной благочестия. Я уж один раз вывел его на чистую воду – разве может тьма устоять против света? – и с помощью тех, кто помогает мне, выведу вторично. Теперь выслушайте мои вопросы и ответьте на них ясно, медленно, без утайки. Если вы хотите, чтобы молодая девушка стала вашей, вашего хит-

рого соперника надо удалить из Лейдена, по крайней мере на время, пока сила волшебства пройдет.

– Вы хотите... – начал было Адриан и запнулся.

– Нет, я не хочу сделать ему никакого зла. Я думаю только, что ему следует совершить путешествие, что он поспешит сделать, узнав, что его колдовство и прочие преступления известны. Отвечайте же поскорее, у меня есть другие дела, кроме любовных забот дур... упрямой головы. Во-первых, правда ли то, что вы говорили мне об участии Дирка ван-Гоорля, вашего отчима, и других домашних, например Рыжего Мартина и вашего брата Фоя, в богослужении, которое совершал ваш враг, колдун Арендц?

– Правда, – отвечал Адриан, – но я не вижу, какое то имеет отношение к делу.

– Молчите! – закричал маг, и вслед за тем Адриан услышал какой-то странный скрип, как будто из стены; маг стоял погруженный в задумчивость, пока скрип не прекратился. Тогда он опять заговорил: – Правда ли то, что вы мне сообщали об участии вышеназванных Фоя и Мартина в сокрытии сокровища умершего еретика Гендрика Бранта и об убийстве, совершенном ими во время плавания по Гаарлемскому озеру?

– Конечно, правда, – отвечал Адриан, – только...

– Молчите! – снова крикнул маг, – иначе, клянусь своим повелителем Зороастром, я все брошу.

Адриан притих, и снова последовала пауза.

– Вы предполагаете, – продолжал маг, – что вышеупомянутые Фой и Дирк ван-Гоорль вместе с Мартином намереваются увезти эту неповинную ни в чем и несчастную девушку, богатую наследницу Эльзу Брант, имея преступные виды.

– Я никогда не говорил вам этого, – возразил Адриан, – но я думаю, что это так, по крайней мере, идет укладка вещей.

– Вы никогда не говорили мне? Разве вы не понимаете, что и надобности нет говорить мне все?

– Так, именем вашего повелителя Зороастра, зачем же вы спрашиваете? – в отчаянии воскликнул Адриан.

– Узнаете сейчас, – отвечал маг, думая о чем-то.

Опять Адриан услышал шорох, будто скреблись молодые голодные крысы.

– Я, кажется, дольше не стану вас задерживать, – сказал вдруг встревожившись Адриан, так как все происходившее показалось ему очень странным, и встал.

Маг не отвечал, только начал свистеть, что уже было совсем недостойно мудреца.

– Позвольте проститься, – сказал Адриан, стоявший спиной к двери, – у меня дела.

– И у меня также, – сказал маг, продолжая свистеть.

Тут вдруг в одной из боковых стен образовался провал, и в отверстии показался человек в одежде монаха, а за ним Симон, Черная Мег и еще какой-то зловещего вида человек.

– Все записали? – спросил спокойным голосом маг.

Монах поклонился и, вынув несколько исписанных ли-

стов, положил их на стол вместе с чернильницей и пером.

– Хорошо. А теперь, мой молодой друг, потрудитесь подписаться.

– Подписать? Под чем? – в изумлении проговорил Адриан.

– Объясните ему, – сказал маг. – Он прав: человек должен знать, что подписывает.

Монах заговорил тихим, деловым тоном:

– Это показание Адриана по фамилии ван-Гоорль, записанное с его собственных слов, в котором, между прочим, он указывает на принадлежность к ереси его отчима, Дирка ван-Гоорля, его сводного брата, Фоя ван-Гоорля, и их слуги-фриса Рыжего Мартина, на убийство ими королевских подданных и на намерение бежать из королевских владений. Прочсть бумагу? Это займет некоторое время.

– Если свидетель пожелает, прочтите, – сказал маг.

– Какое значение имеет этот документ? – спросил хриплым голосом Адриан.

– Он должен убедить вашего соперника, Фоя ван-Гоорля, что желательно, в виду его здоровья, чтобы он на некоторое время уехал из Лейдена, – с усмешкой отвечал наставник Адриана, между тем как Мясник и Черная Мег захихикали. Один только монах молчал, как олицетворение мрачной, карающей свою жертву судьбы.

– Я не подпишу, – заявил Адриан. – Меня обманули! Это предательство! – Он бросился к двери.

Рамиро сделал знак, и в следующую минуту толстые пальцы Мясника крепко стиснули шею Адриана. Несмотря на это, юноша боролся и отбивался, тогда человек зловещего вида подошел к нему и слегка уколол его в нос большим ножом.

Рамиро же заговорил ласково и спокойно:

– Молодой мой друг, где же то доверие ко мне, которое вы обещали иметь, и почему вы отказываетесь подписать эту безобидную бумажку, когда я вам советую это?

– Потому что я не хочу быть предателем отчима и брата, – с трудом проговорил Адриан. – Я понимаю, для чего вам нужна моя подпись. – Он взглянул на монаха.

– Вы не хотите предать их? – насмешливо спросил Рамиро. – Вы, глупец, уже пятьдесят раз предали их, а кроме того – только вы, кажется, не помните этого, – предали и себя. Смотрите, мне все равно, подпишете ли вы бумагу или нет; я очень скоро могу, мой дорогой ученик, получить от вас подтверждение вашего показания.

– Я вижу, что поступил как безумец, поверив вам и вашему ложному искусству, – мрачно сказал Адриан, – но не такой я глупец, чтобы свидетельствовать в суде против своих родных. Я, говоря все это, никогда не думал, что могу повредить им.

– То есть не думали, можете повредить или нет, – поправил его Рамиро, – у вас была другая цель – приобрести расположение молодой девушки, которую вы даже ради этого

решились опоить приворотным напитком.

– Любовь ослепила меня, – сказал Адриан.

Рамиро положил ему руку на плечо и слегка потряс его, говоря:

– А вам не приходило в голову, глупый щенок, что есть и другие вещи, которые могут ослепить, например раскаленное железо?

– Что вы хотите сказать этим? – проговорил Адриан.

– Думаю, что пытка – удивительно убедительная вещь. Она заставляет говорить самого молчаливого человека и петь самого серьезного. Выбирайте же. Подписывайте или в застенки!

– Какое право вы имеете допрашивать меня? – спросил Адриан, стараясь скрыть свой страх за смелыми словами.

– Такое, что я, говорящий с вами, – начальник тюрьмы этого города, лицо, имеющее известную власть.

Адриан побледнел, но не сказал ничего.

– Вы, кажется, заснули, молодой друг? – сказал Рамиро. – Эй, Симон, ущипни-ка ему руку. Нет, не правую, она может понадобиться ему для подписи, а другую.

С противной усмешкой Мясник, оставив горло Адриана, схватил его за левую кисть и медленно, спокойно начал поворачивать ее.

Адриан застонал.

– Что, больно? – спросил Рамиро. – Ну, мне некогда. Сломай ему руку.

Адриан уступил: он не в силах был перенести пытки; его воображение было слишком живо.

– Я подпишу, – прошептал он, и пот выступил на его бледном лице.

– Вы это делаете добровольно? – спросил его мучитель и прибавил: – Ну-ка, Симон, еще слегка поверни, а если ему сделается дурно, так вы, фроу Маргарита, пощекочите его кончиком ножа.

– Да, да, добровольно, – простонал Адриан.

– Хорошо. Вот перо, подписывайте.

Адриан подписал.

– Хвалю вас за откровенность, ученичок, – заметил Рамиро, посыпав подпись песком и спрятав бумагу в карман. – Сегодня вы научились самому мудрому, чему может научить нас жизнь, а именно, что наши капризы должны подчиняться неминуемому. Мои солдаты, надеюсь, успели сделать, что им приказано, вы, стало быть, можете идти; если мне понадобится, я знаю, где найти вас. Но если хотите принять мой дружеский совет, вы придержите язык, не говорите обо всем случившемся сегодня. Если вы сами не скажете, никто не будет знать, что вы доставили некоторые полезные указания, потому что в Гевангенгузе имена свидетелей не сообщаются обвиненным. Иначе у вас могли бы выйти неприятности с родными и знакомыми. Добрый вечер! Мясник, потрудись открыть дверь.

Секунду спустя Адриан очутился на улице, куда был вы-

швырнут пинком тяжелого сапога. Его первым движением было пуститься бежать, и он бежал, не останавливаясь, с полмили, пока, наконец, не остановился, запыхавшись, на пустынной улице, где, прислонившись к колесу распряженной телеги, попытался собраться с мыслями. Думать! Как он мог думать? У него в голове все кружилось: бешенство, стыд, отчаяние, отвергнутая страсть – все кипело в нем, как в котле. Над ним надсмеялись, он потерял любимую девушку, позорно предал своих родных в ад инквизиции. Их станут пытать и сожгут. Да, может быть, даже сожгут мать и Эльзу, потому что эти дьяволы не останавливаются ни перед возрастом, ни перед полом; и кровь всех падет на его голову. Правда, он подписал под угрозой, но кто поверит этому, ведь все записанное слово в слово было сказано им. В первый раз Адриан увидал себя таким, каков он есть, покров тщеславия и эгоизма приподнялся над его душой, и он понял, что подумают другие, когда услышат о случившемся. Ему в голову пришла мысль о самоубийстве; до воды было недалеко, а кинжал под рукой... Но нет, у него не хватило сил, это было бы слишком ужасно. И притом, как он мог осмелиться переступить порог другого мира неподготовленным, запятнанным такими грехами? Не мог ли он попытаться спасти и себя, и тех, кого бездумно предал? Он оглянулся: не далее трехсот шагов от него возвышалась труба завода. Может быть, еще не поздно, может быть, ему еще удастся предупредить Фоя и Мартина об ожидающей их участи.

Действуя под влиянием минуты, Адриан рванулся вперед и побежал, как заяц. Подойдя к заводу, он увидел, что рабочие уже ушли и главные ворота были заперты. Он бросился кругом к боковой двери; она оказалась отпертой, и в конторе двигались люди. Слава Богу! Там были Фой и Мартин. Весь бледный, с полуоткрытым ртом и неподвижными глазами, Адриан вбежал к ним, скорее похожий на привидение, чем на живого человека.

Мартин и Фой испугались, увидав его.

«Неужели это Адриан, – подумали они, – или выходец с того света?»

– Бегите! – задыхаясь, проговорил он. – Спрячьтесь! За вами идут солдаты инквизиции!

Но тут другая мысль поразила его, и он пробормотал:

– А отец и мать! Я должен предупредить их!

Прежде чем они успели ответить, он уже исчез, еще раз крикнув на прощание:

– Бегите! Бегите!

Фой стоял, как окаменелый, пока Мартин не ударил его по плечу и сказал грубо:

– Ну, нечего стоять так! Он или помешался, или знает что-нибудь. Меч и кинжал при вас? Теперь скорей!

Они через дверь, которую Мартин запер, вышли на двор. Фой первым дошел до калитки и выглянул через нее. Потом он преспокойно задвинул болт и запер замок на ключ.

– Вы с ума спятили, что запираете нас на ключ? – спросил

Мартин.

– Вовсе нет, – возразил Фой, возвращаясь к нему, – бежать поздно; солдаты уже идут по улице.

Мартин подбежал к калитке и взглянул через решетку. Действительно, по улице шла целая рота человек в пятьдесят, направляясь прямо к конторе, вероятно, предполагая найти ее укрепленной.

– Остается одно – защищаться, – весело сказал Мартин, бросая ключ в чан под колодцем и накачивая в него воды, которую он спустил в трубу.

– Что могут сделать два человека против пятидесяти? – спросил Фой, сняв свою шапку на стальной подкладке и почесывая в затылке.

– Не много, однако при удаче кое-что могут. Но так как, кроме кошки, никто не умеет лазать по стенам, а калитка заперта болтом, то, мне думается, для нас безразлично, умереть ли здесь, обороняясь, или под пыткой в тюрьме.

– И я то же думаю, – согласился Фой, ободряясь. – Ну, как нам насолить им посильнее, прежде чем они уложат нас?

Мартин огляделся вокруг, раздумывая. Посредине двора возвышалась постройка вроде голубятни или палатки, какие устраиваются иногда на рынках. В действительности это была постройка, где отливались свинцовые ядра различного калибра – изготовление их входило в число производств литейных, – и оттуда они после отливки спускались для охлаждения в неглубокий резервуар с водой, находившийся внизу.

– Вот здесь можно продержаться, – сказал Мартин, – и на стенах висят арбалеты.

Фой кивнул головой, и они вбежали в башенку, но не незамеченные, так как в ту минуту, когда они ступили на лестницу, офицер, командовавший отрядом, крикнул им, что приказывает сдаться во имя короля. Они не отвечали, и когда они входили в дверь, стрела из арбалета ударилась о деревянную обшивку башенки.

Башня стояла на дубовых столбах, и в круглую комнату над ними, имевшую до двадцати футов в диаметре, вела широкая наружная лестница в пятьдесят ступенек. Лестница оканчивалась небольшой площадкой футов шести в поперечнике, и налево от нее дверь вела в помещение, где отливались пули. Фой и Мартин вошли туда.

– Что теперь делать? Запереть дверь? – спросил Фой.

– Я не вижу пользы в этом, – отвечал Мартин, – они постараются ее разбить, а чего доброго, вздумают еще поджечь. Нет, лучше снимем ее с петель и положим на высокие болты так, чтобы им пришлось взобраться на нее, когда они вздумают взять нас.

– Блестящая мысль, – сказал Фой, и они сняли с петель узкую дубовую дверь и положили ее поперек порога на нескольких металлических формах, приперев другими формами. Площадку же они насыпали мелкой дробью так, чтобы люди впопыхах спотыкались и падали. Кроме того, они сделали еще одно приспособление, и это была уже выдумка Фоя.

На одном конце комнаты стояли ванны, в которых плавился свинец, а в печи под ними уже были наложены дрова для работы следующего дня. Фой зажег их и открыл тягу, чтобы дрова загорелись скорее и поскорее расплавились лежавшие в ваннах свинцовые слитки.

– Пусть они подойдут снизу, – сказал он, показывая на отверстие, через которое расплавленный металл выливался в резервуар с водой, – расплавленный свинец окажется кстати.

Мартин кивал, посмеиваясь. Он снял со стены арбалет – в эти времена, когда каждое жилище или склад товаров должны были быть приспособлены так, чтобы служить для защиты, было обыкновение везде держать большие запасы оружия – и подошел к узкому окошечку, откуда видна была улица.

– Я так и думал, – сказал он. – Они сами не могут отпереть калитку, а острые прутья над ней не нравятся им; вот они пошли за кузнецом, чтобы выбить болты. Подождем.

Фой начал волноваться: перспектива быть убитым превосходящими силами расстраивала его. Он думал об Эльзе и своих родителях, с которыми никогда больше не увидится, думал о смерти и обо всем, что может ожидать его после нее в том неведомом мире, где он скоро должен очутиться. Он осмотрел свой арбалет, попробовал тетиву и положил запас стрел на пол возле себя, сняв пику со стены, он попробовал ее рукоятку и конец, потом раздул огонь под ваннами, так что плавившаяся масса заклокотала.

– Не надо ли еще что-нибудь сделать? – спросил он.

– Мы можем еще помолиться, – сказал Мартин, – в последний раз, – и приводя свои слова в исполнение, великан опустился на колени, Фой последовал его примеру.

– Читай молитву! – сказал Фой. – Я не могу ни о чем думать.

Мартин начал молитву, которую, может быть, стоит привести:

«Господи, – начал он, – отпусти мне мои грехи, которым нет числа или которые мне теперь некогда счесть, а особенно тот мой грех, что я отсекаю голову палачу его собственным мечом, хотя мы и не бились с ним, и убил испанца в боксе. Благодарю Тебя, Боже мой, что Ты допустил нас умереть в бою, а не быть замученными или сожженными в тюрьме, и прошу Тебя допустить нас убить как можно больше испанцев, чтобы они помнили нас долгие годы. Господи, защити моих дорогих хозяина и хозяйку, и пусть они узнают, что мы кончили свою жизнь так, что они похвалили бы нас, а пастор Арентц пусть лучше не знает: он, пожалуй, подумает, что нам лучше бы было сдаться. Аминь».

Фой после того также прочел краткую и сердечную молитву.

Между тем испанцы отыскивали кузнеца, который начал работать над калиткой, как было видно через верхнюю решетку.

– Почему ты не стреляешь? – спросил Фой. – В него мож-

но попасть. Стреляй.

– Потому, что он бедный голландец, которого они силой принудили идти с ними. Подождем, пока они сломают калитку. Когда придет время, постоим за себя, герр Фой; видите, как все смотрят на нас: они ждут, что мы будем отчаянно защищаться. – Он указал вниз.

Фой взглянул. Двор литейного завода был окружен высокими домами с остроконечными крышами, и у всех окон, на всех балконах собрались зрители. Уже распространился слух, что инквизиция выслала солдат, чтобы схватить молодого ван-Гоорля и Рыжего Мартина, и что они уже ломают калитку завода. Поэтому граждане, между которыми были и рабочие с завода, собрались, так как не думали, чтобы Рыжего Мартина и Фоя ван-Гоорля легко было взять.

Стук у калитки продолжался, но она была крепка и не поддавалась.

– Мартин, – сказал вдруг Фой, – я боюсь... Мне нехорошо... Я знаю, что буду тебе плохой поддержкой в трудную минуту.

– Вот теперь я уверен, что вы храбрый мальчик, – отвечал Мартин с коротким смехом, – иначе вы никогда бы не признались, что боитесь. Конечно, вам страшно, и мне тоже страшно. Это от ожидания; но при первом ударе вы будете счастливы. Слушайте: как только они начнут взбираться по лестнице, становитесь позади меня, близехонько за мной, – мне нужна будет вся комната, чтобы размахнуться мечом, и,

стоя рядом, мы только мешали бы друг другу, а с пикой вы можете стоять позади меня и принимать каждого, кто сунется вперед.

– Ты думаешь защитить меня своей тушей, – сказал Фой. – Ну, ты начальник здесь; я же сделаю, что могу. – Обняв великана обеими руками за талию, он ласково потрепал его.

– Смотрите, калитка валится! – закричал Мартин. – Ну, стреляйте вы первый! – Он несколько отстранился.

В эту минуту дубовая дверь повалилась, и солдаты ворвались во двор. Силы вдруг вернулись к Фою, он почувствовал себя крепким, как скала. Подняв арбалет, он спустил стрелу. Тетива зазвенела, стрела со свистом разрезала воздух, и первый солдат, пораженный в грудь, подпрыгнув, упал. Фой отошел в сторону, чтобы натянуть тетиву.

– Хороший выстрел, – сказал Мартин, становясь на его место, между тем как зрители в окнах одобрительно кричали. Фой снова выстрелил, но промахнулся, следующий же выстрел Мартина ранил солдата в руку и пригвоздил его к сломанной калитке. После этого стрелять уже нельзя было, так как испанцы подошли к башне.

– Отойдите к двери и помните, что я сказал вам, – приказал Мартин. – Прочь стрелы, холодная сталь делает остальное.

Они оба стояли у открытой двери. Мартин, сняв со стены шлем, надел его на голову и подвязал под подбородком обрывком веревки, потому что шлем был слишком мал для

него. В руке он держал меч «Молчание», высоко подняв его для удара; Фой стоял за ним, держа длинную пику обеими руками. Из собравшейся внизу толпы солдат доносился неясный гул, затем один голос прокричал команду, и на лестнице послышались шаги.

– Они идут, – сказал Мартин, повернувшись так, что Фой увидал его лицо. Оно преобразилось и было ужасно. Большая рыжая борода, казалось, горела, бледно-голубые глаза вращались и сверкали, как голубая сталь «Молчания», блестящего в руках великана. В эту минуту Фой вспомнил свое видение. Вот оно уже исполнялось – мирный, терпеливый Мартин превратился в мстителя.

Один солдат достиг верхней ступени лестницы, наступил на разбросанную дробь и упал с шумом и проклятием. Но за ним следовали другие. Их сразу показалось четверо из-за угла. Они смело бросились вперед. Первый из них попал в щель от выломанной двери и вытянулся во всю длину. Мартин не обратил на него внимания, но Фой, прежде чем солдат успел вскочить, проколол его пикой, так что тот и умер на двери. Следующего ударил Мартин, и Фой увидал, как солдат вдруг сделался маленьким и раздвоился, но стоявший за ним так быстро подвинулся вперед, что Мартин не успел размахнуться мечом, а принял его концом меча и в следующую минуту уже стряхивал с лезвия мертвое тело.

После того Фой уже потерял счет. Мартин рубил мечом, а когда случалось, колот и пикой, пока, наконец, потеряв боль-

ше людей, чем думали, испанцы уже не отваживались наступать. Двое из них лежали мертвыми в дверях, другие скастились или были стащены вниз по лестнице, между тем как зрители при каждом новом убитом или раненом громкими криками выражали свою радость.

– Пока мы не ударили в грязь лицом, – сказал Мартин спокойно, – но если они опять полезут, мы должны быть хладнокровнее и не тратить так свою силу. Если бы я не так горячился, я бы еще уложил одного.

Однако испанцы, по-видимому, не намеревались повторить приступ; они достаточно познакомились с узкой лестницей и красным человеком, ожидавшим их с мечом при повороте на площадку. Правда, для нападающих позиция была невыгодна, так как они не могли стрелять из арбалетов или луков, а должны были идти на убой, как бараны. Будучи людьми осторожными, любящими жизнь, они стали совещаться внизу.

Глава XX. В Гевангенгузе

Резервуар под башней закрывался, когда в нем не было надобности, каменной крышкой. На ней солдаты устроили костер из дерева и щеп, которые были сложены в углу двора, и встали кругом, чтобы зажечь его. Мартин лег на пол и посмотрел на них сквозь щели, затем сделал знак Фойю и что-то шепнул ему. Фой подошел к медным ваннам и зачерпнул из них два ведра расплавленного свинца. Снова Мартин взглянул вниз и, выждав минуту, когда большинство солдат собралось под башней, быстрым движением открыл трап, и расплавленная жидкость хлынула на стоявших внизу и поднявших головы вверх солдат. Двое упали, чтобы никогда больше не встать, между тем как другие разбежались с криком, срывая с себя горящее платье.

После того испанцы задумали другое: они обложили горючим материалом дубовые столбы, которые загорелись и комната сверху наполнилась дымом.

– Теперь нам приходится выбирать – быть изжаренными, как жаркое в печке, или сойти вниз, чтобы нас зарезали, как свиней.

– Что касается меня, я намереваюсь умереть здесь, – сказал Фой.

– И я также, герр Фой. Однако послушайте: мы не можем сойти вниз, потому что они поджидают нас; а не попытаться

ли нам, свалившись вниз через трап, пробиться через огонь, а там, став спиной к спине, отбиваться?

Полминуты спустя из пылающего костра появились два человека с обнаженными мечами. Им удалось выбраться довольно благополучно из огня и достигнуть свободного пространства недалеко от калитки, где они остановились спиной к спине, вытирая слезившиеся глаза. Несколько секунд спустя на них набросилась толпа солдат, как свора собак на раненых медведей, между тем как из среды сотни зрителей неслись крики ободрения, сожаления и страха. Люди валились кругом борцов, но другие тотчас же занимали места своих товарищей. Борцы падали и снова поднимались, последний же раз встал только один гигант Мартин. Он поднялся медленно, отряхивая солдат, цеплявшихся за него, как крысоловка за крыс. Он встал, загородив собой тело своего товарища, и еще раз страшный меч завертелся в воздухе, поражая всех, к кому прикасался. Солдаты отступили, но один из них, подкравшись сзади, вдруг набросил плащ ему на голову. Тут пришел конец, и медленно-медленно враги одолели его, свалили и связали, а смотревшая толпа застонала и заплакала от горя.

Из конторы Адриан побежал в дом на Брее-страат.

– Что случилось?! – вскричала мать, когда он вбежал в комнату, где она была с Эльзой.

– Они идут за ним, – запыхавшись, проговорил он. – Где он? Пусть он... мой отчим... бежит скорее.

Лизбета закачалась и упала на стул.

– Откуда ты знаешь?

При этом вопросе голова у Адриана закружилась и сердце остановилось. Он прибегнул ко лжи.

– Я случайно подслушал, – сказал он. – Солдаты нападают на Фоя и Мартина в литейной, и я слышал, что они придут сюда за отчимом.

Эльза громко заплакала, а затем бросилась на Адриана, как тигрица, спрашивая:

– Отчего вы не остались с ними?

– Потому что первый мой долг – быть при отце и матери, – ответил он с оттенком своей прежней напыщенности.

– Дирка нет дома, – прервала его Лизбета тихим голосом, слышать который было страшно, – и не знаю, где он. Поди, отыщи его. Скорее! Скорее!

Адриан ушел и рад был, что мог бежать с глаз этих мучающихся женщин. Он искал Дирка во многих местах, но безуспешно, как вдруг гул голосов и двигавшаяся по улице толпа людей привлекли его внимание. Он подбежал, и вот какое зрелище представилось его глазам.

По широкой улице, ведущей к городской тюрьме, двигался отряд испанских солдат, и в центре его две фигуры, которые Адриан сразу узнал: это были его брат Фой и Красный Мартин. Несмотря на то, что буйволовая куртка Мартина была вся изрублена и изорвана и что шлема на нем уже не было, он сам, по-видимому, не получил серьезного по-

вреждения, так как шел прямо и гордо, со связанными назад руками, между тем как испанский офицер держал острие меча, его собственного меча «Молчание», у шеи Мартина, угрожая заколоть его при первой попытке к бегству. Фой же находился в ином положении. Сначала Адриан подумал, что Фой умер, так как его несли на носилках. Кровь текла у него из головы и ног, а колет был весь в клочках от ударов сабель и штыков; и действительно, не будь на нем кольчуги, его уже давно не было бы в живых. Но Фой не умер: Адриан увидел, как он слегка повернул голову и поднял один раз руку.

За этой группой двигалась запряженная серой лошастью телега с телами убитых испанцев – сколько их было, Адриан не мог счесть, – а за телегой тянулся длинный ряд испанских солдат, из которых многие были серьезно ранены и тащились с помощью товарищей, а некоторых, подобно Фою, несли на носилках и дверях. Не удивительно, что Мартин выступал так важно, если за ним следовала такая богатая жатва его меча «Молчание». Кругом же этой процессии шумела и теснилась толпа лейденских граждан. Раздавались крики:

– Браво, Мартин! Молодец, Фой ван-Гоорль! Мы гордимся вами!

Кто-то из середины толпы крикнул:

– Освободить их! Убить собак инквизиции! В клочки испанцев!

В воздухе пролетел камень, за ним еще и еще; но по команде солдаты обернулись к толпе, и она отступила, так как

у нее не было предводителя. Так продолжалось до самых ворот Гевангенгуза.

– Не дадим убить их! – снова закричал голос из толпы. – Освободим! – И толпа с ревом бросилась на солдат.

Но было уже поздно, солдаты сомкнулись вокруг арестованных и с оружием в руках пробились до ворот тюрьмы. Однако при этом они понесли значительную утрату: раненые и поддерживавшие их были отрезаны и вмиг перебиты все до одного. После этого испанцы, хотя и продолжали владеть крепостью и стенами Лейдена в действительности лишились своей власти над ним, и лишились безвозвратно. С этого часа Лейден стал свободен. Таков был первый плод борьбы Фоя и Мартина против подавляющего большинства.

Массивные дубовые ворота Гевангенгуза затворились за пленниками, замок щелкнул и болты были задвинуты, между тем как перед воротами продолжала бушевать разъяренная толпа.

Процессия вступила на подъемный мост над узким рукавом городского рва, оканчивавшийся узеньким проходом, ведущим на небольшой, обнесенный стенами двор, посреди которого возвышался трехэтажный дом, выстроенный в обыкновенном голландском стиле, но с узкими окнами, снабженными решетками. Направо от входа в сводчатый коридор, служивший арсеналом и весь увешанный оружием, дверь вела в залу суда, где допрашивали арестованных, а налево – в большое помещение со сводами и без окон, похожее

на большой подвал. Это был застенок. Коридор выходил во двор, в глубине которого находилась тюрьма. На этом втором дворе процессию ожидали Рамиро и маленький человечек с красным лицом и свинными глазами, одетый в грязную куртку. Это был областной инквизитор, имевший полномочия от Кровавого Совета на основании различных указов и законов пытать и казнить еретиков.

Офицер, командовавший отрядом, выступил вперед, чтобы доложить о выполнении возложенного на него поручения.

– Что это за шум? – спросил инквизитор испуганным пискливым голосом. – Бунт в городе?

– А где же прочие? – перебил Рамиро, окинув взглядом поредевшие ряды.

– Умерли, – отвечал офицер, – некоторых убили рыжий великан и его спутник, а других – толпа.

Рамиро начал браниться и посылать проклятия, так как знал, что если весть о случившемся дойдет до Альбы и Кровавого Совета, он потеряет всякий кредит в их глазах.

– Трус! – кричал он, тряся кулаком перед лицом офицера. – Как ухитриться потерять столько солдат, арестовывая двух еретиков?

– Не моя вина, – довольно грубо отвечал офицер, возмущенный резкостью смотрящего, – виноваты толпа и меч этого великана, косивший нас, как траву. – Он подал Рамиро меч «Молчание».

– Меч по нем, – пробормотал Монтальво, – другому и под-

нять его не впору. Повесьте его в коридоре, он может понадобиться как вещественное доказательство. – А про себя он подумал: «Опять неудача, неудача, преследующая меня всякий раз, как замешивается Лизбета ван-Хаут».

Он отдал приказание, и арестованных повели вверх по узкой лестнице.

На первую площадку выходила крепкая дубовая дверь, которая вела в большое полутемное помещение. Посредине этого помещения шел проход, а по обеим сторонам его находились клетки из крепких дубовых брусьев шагов девяти или десяти в поперечнике, слабо освещенные высоко сделанными окошечками за железными решетками, – клетки, как бы предназначенные для диких зверей, но служившие помещением для человеческих существ, провинившихся против учения Церкви. Те, кому пришлось видеть еще существующую поныне в Гааге тюрьму инквизиции, могут представить себе весь ужас подобного помещения.

В одно из таких ужасных помещений втокнули Мартина, а раненого Фоя грубо бросили на кучу грязной соломы, лежавшей в углу. Затем, заперев дверь засовами и замком, солдаты ушли.

Как только глаза Мартина привыкли к полумраку, он стал осматриваться. Удобств тюрьма предоставляла весьма мало, и построенная на некоторой высоте, она тем не менее поражала воображение еще больше всякого подземелья, предназначенного для подобной же цели. По счастливой случайности

сти, однако, в одном углу этой клетки оказался большой кувшин с водой.

«Авось не отравленная», – подумал Мартин, и, взяв кувшин, стал жадно пить, так как от огня и жаркой битвы в нем, казалось, все пересохло внутри.

Утолив наконец жажду, он подошел к лежавшему в беспомощности Фую и понемножку начал вливать ему в рот воду, которую тот глотал механически. Мартин осмотрел, насколько мог, его раны и увидел, что причиной его беспомощности служит рана на правой стороне головы, которая, наверное, оказалась бы смертельной, не будь на Фое шапки со стальной подкладкой, но в настоящем случае была неопасна, и нанесенный удар причинил только сильный ушиб и сотрясение.

Вторая глубокая рана была на левом бедре, однако хотя из нее сильно шла кровь, артерия не была задета. На руках и ногах были еще раны, и под кольчугой на теле оказалось много синяков от мечей и кинжалов, но ни одно повреждение не было серьезным.

Мартин обмыл раны как можно осторожнее, но дальше оказалось затруднение, так как на нем и на Фое было фланелевое белье, а фланель не годится для перевязки ран.

– Вам нужно полотно? – слышался женский голос из соседней клетки. – Подождите, я дам вам свою рубашку.

– Как я могу взять часть вашей одежды, мефрону, чтобы перевязать нашего раненого? – отвечал Мартин.

– Возьмите и не беспокойтесь, – отвечала незнакомка ти-

хим, приятным голосом. – Мне она уже не нужна: меня сегодня казнят.

– Казнят сегодня? – проговорил Мартин.

– Да, – отвечал голос, – во дворе или в подземелье, на площади они не смеют, боясь народа. Мне отрубят голову. Не счастливица ли я? Только отрубят голову!

– Боже, где же ты? – вырвалось у Мартина.

– Не печальтесь обо мне, – продолжал голос. – Я очень рада. Нас было трое – отец, сестра и я, и вы понимаете, мне хочется встретиться с ними. И лучше умереть, чем снова перенести все, что я перенесла. Вот вам полотно. Рубашка, кажется, в крови у горла, но все же пригодится вам, если вы разорвете ее на полосы.

В промежуток между дубовыми брусьями просунулась нежная дрожащая ручка, державшая сорочку.

При слабом свете Мартин увидел, что кисть ее была порезана и вспухла. Он заметил это и поклялся отомстить испанцам и монахам за эту нежную благодетельную ручку, что, по счастливому стечению обстоятельств, мог впоследствии выполнить блестяще. Взяв сорочку, Мартин на минуту остановился, раздумывая, следует ли предпринимать что-нибудь и не лучше ли дать Фою умереть.

– О чем вы раздумываете? – спросил голос из-за решетки.

– Я думаю, что, может быть, для моего господина было бы лучше умереть, и я дурак, что останавливаю кровь.

– Нет, нет, – возразил голос, – вы должны сделать все, что

от вас зависит, а остальное предоставить Богу. Богу угодно, чтобы я умерла, и в том нет большой беды, ведь я только слабая девушка; а может быть, Богу будет угодно, чтобы этот молодой человек остался в живых и служил своему отечеству и вере. перевяжите его раны, добрый человек!

– Может быть, вы правы, – отвечал Мартин. – Кто знает? Для каждого замка найдется подходящий ключ, если только сумеет найти его.

Он наклонился над Фоем и начал перевязывать его раны полотняными бинтами, смоченными в воде, а потом снова одел его, даже надел кольчугу.

– А вы сами не ранены? – спросил голос.

– Слегка, сущие пустяки: несколько царапин и ушибов. Кожаная куртка сослужила службу.

– Расскажите мне, с кем вы сражались? – спросила девушка.

Пока Фой все еще лежал в беспамятстве, Мартин, чтобы скоротать время, рассказал о нападении на литейную башню, о борьбе с испанцами и о последней обороне на дворе.

– Какая ужасная оборона – двое против стольких солдат, – сказал голос, и в нем послышалось восхищение.

– Да, – согласился Мартин, – горячая была битва, самая горячая, какую я запомню. Что до меня, то я не горюю: они хорошо заплатили за мое грешное тело. Я еще не сказал вам, что народ напал на них, когда они вели нас сюда, и в клочки растерзал их раненых. Да, хорошую цену они заплатили за

фрисского мужика и лейденского бургера.

– Прости, Господи, их души! – проговорила незнакомка.

– Это как Ему будет угодно, – сказал Мартин, – и меня не касается: я имел дело только с их телами и...

В эту минуту Фой застонал, сел и попросил пить. Мартин подал ему кувшин.

– Где я? – спросил Фой. Мартин объяснил ему.

– Кажется, плохи наши дела, старина, – сказал Фой слабым голосом, – но раз мы пережили это, то, я думаю, мы переживем и остальное. – В голосе его прозвучала свойственная ему жизнерадостность.

– Да, мейнгерр, – раздался голосок из-за решетчатой перегородки, – и я тоже думаю, что вы переживете все остальное, и я молюсь, чтобы это было так.

– Кто это? – спросил Фой вяло.

– Тоже узница, – отвечал Мартин.

– Узница, которая скоро освободится, – снова раздался голос в темноте, так как тем временем совершенно стемнело.

Фой снова заснул или впал в беспамятство, и на долгое время воцарилась полная тишина, пока не раздался стук засовов у входной двери, и среди мрака показалось мерцание фонаря. В узком проходе слышались шаги нескольких людей, и один из них, отворив дверь клетки, наполнил кружку водой из кожаного меха и бросил, как собакам, несколько кусков черного хлеба и трески. Посмотрев на заключенных, сторож что-то пробормотал и пошел прочь, не подозревая,

как он был близок к смерти, так как Мартин был взбешен. Однако он не тронул сторожа. Затем отворилась дверь соседней клетки и мужской голос сказал:

– Выходите!.. Пора!..

– Да, пора, и я готова, – отвечал тонкий голосок. – Прощайте, друзья. Господь с вами!

– Прощайте, мефроу, – отозвался Мартин, – желаю вам скоро быть у Бога. – Затем, как бы спохватившись, он прибавил: – Как ваше имя? Мне бы хотелось знать его.

– Мария, – отвечала она, и, запев гимн, пошла на смерть.

Ни Мартин, ни Фой никогда не видали ее лица, не узнали, кто была эта бедная девушка, одна из бесчисленного количества жертв ужаснейшей тирании, когда-либо виданной миром, одна из шестидесяти тысяч убитых Альбой. Несколько лет спустя, когда Фой жил свободным человеком на свободной земле, он построил церковь – Мария-кирка.

Длинная ночь протекла в тишине, прерываемой только стонами и молитвами узников в клетках или гимнами, которые пели выводимые на двор. Наконец по свету, пробившемуся через решетчатые окна, заключенные узнали, что наступило утро. При первых лучах его Мартин проснулся и почувствовал себя бодрым: и здесь его здоровая натура позволила ему заснуть. Фой также проснулся, и хотя все тело у него ныло, однако он подкрепился, так как был голоден. Мартин нашел куски хлеба и трески, и они проглотили их, запивая водой, после чего Мартин перевязал раны Фоя, на-

ложив на них пластырь из хлебного мякиша, и, как мог, полечил и свои ушибы.

Было около десяти часов, когда двери снова отворились и вошедшие солдаты приказали заключенным следовать за собой.

– Один из нас не может идти, – сказал Мартин, – ну, да я это устрою. – Он поднял Фоя, как ребенка, на руки и пошел за тюремщиком из тюрьмы вниз, в залу суда.

Здесь за столом сидели Рамиро и краснолицый инквизитор с тоненьким голосом.

– Силы небесные с нами, – сказал инквизитор. – Какой волосатый великан! Мне даже быть с ним в одной комнате неприятно. Прошу вас, сеньор Рамиро, прикажите своим солдатам зорко следить за ним и заколоть при первом движении.

– Не бойтесь, сеньор, – отвечал Рамиро, – негодяй обезоружен.

– Надеюсь... Однако приступим к делу. В чем обвиняются эти люди? Ах да, опять ересь, как и в последнем случае, по свидетельству... ну, да это все равно... Дело считается доказанным, и этого, конечно, достаточно. А еще что? А, вот что! Бежали из Гааги с состоянием еретика, убили несколько солдат из стражи его величества, взорвали других на воздух на Гаарлемском озере, а вчера, как нам лично известно, совершили целый ряд убийств, сопротивляясь законному аресту. Арестованные, имеете вы что-нибудь возразить?

– Очень многое, – отвечал Фой.

– В таком случае, не беспокойте себя, а меня не заставляйте терять время, так как ничем нельзя оправдать вашего безбожного, возмутительного, преступного поведения. Друг смотритель, передаю их в ваши руки, и да сжалится Господь над их душами. Если у вас есть под рукой священник, чтобы исповедать их – если они хотят исповедаться – окажите им эту милость, а все прочие подробности предоставьте мне. Пытка? Конечно, к ней можно прибегнуть, если это может повести к чему-нибудь или очистить их души. Я же отправлюсь теперь в Гаарлем, потому что – скажу вам откровенно, сеньор Рамиро – не считаю такой город, как этот Лейден, безопасным местопребыванием для честного служителя закона: тут слишком много всякого темного люда. Что? Обвинительный акт не готов? Ничего, я подпишусь на бланке. Вы можете потом заполнить его. Вот так. Да простит вас Господь, еретики, да обретут ваши души покой, чего, к несчастью, не могу обещать вашим телам на некоторое время. Ах, друг смотритель, зачем вы заставили меня присутствовать при казни этой девушки сегодня ночью, ведь она не оставила после себя состояния, о котором стоило бы толковать, а ее белое лицо не выходит у меня из ума. О, эти еретики, как много они заставляют перестрадать нас, верующих. Прощайте, друг смотритель! Я думаю выйти задними воротами: кто знает, у главного входа может встретиться кто-нибудь из этого беспокойного люда. Прощайте и, если можете, смягчите

правосудие милосердием.

Он вышел, Рамиро же, проводив его до ворот, вернулся. Сев на краю стола, он обнажил свою рапиру и положил на стол перед собой. Затем, приказав подать стул для Фоя, который не мог стоять на раненых ногах, он велел страже отойти, но быть наготове в случае надобности.

– Кроме него, ни одного сановника, – обратился он почти веселым голосом к Мартину и Фою. – Вы, вероятно, ожидали совсем иного! Ни доминиканца в капюшоне, ни писцов для записывания показаний, никакой торжественности – один только краснолицый судейский крючок, который трясется от боязни, как бы его не захватила недовольная толпа, чего я лично очень бы желал. Чего и ждать от него, когда он, насколько я знаю, обанкротившийся портной из Антверпена? Однако нам приходится считаться с ним, так как его подпись на смертном приговоре так же действительна, как подпись папы, или его величества короля Филиппа, или – в таких делах – самого Альбы. И вот ваш приговор подписан, вас все равно как уже нет в живых!

– Как не было бы и вас, если б я не был настолько неблагодарен, чтобы не послушаться совета Мартина и выпустить вас из Гаарлемского озера, – отвечал Фой.

– Совершенно так, мой молодой друг, только с моим ангелом-хранителем вам не удалось справиться, и вот вы не послушались прекрасного совета. А теперь я хочу поговорить с вами именно о Гаарлемском озере.

Фой и Мартин переглянулись, ясно понимая, зачем они здесь, а Рамиро, искоса наблюдая за ними, продолжал тихим голосом:

– Оставим это и перейдем к делу. Вы спрятали сокровища и знаете, где они; мне же надо позаботиться, чем жить на старости лет. Я не жестокий человек и не желаю мучить или убивать кого-либо, кроме того, откровенно говоря, я чувствую уважение к вам обоим за ту ловкость, с какой вы увезли сокровища на вашей «Ласточке» и взорвали ее, причем вы, молодой господчик, сделали только одну маленькую ошибочку, которую сознаете, – он, улыбаясь, поклонился Фою. – Ваша вчерашняя оборона – также блестящий подвиг, и я даже занес ее подробности в свой личный дневник – на память.

Тут пришлось поклониться Фою, между тем как даже на невозмутимом, суровом лице Мартина мелькнула улыбка.

– Естественно, – продолжал Рамиро, – что я желаю спасти таких людей. Я желал бы отпустить вас отсюда на свободу, не тронув вас... – Он остановился.

– Как же это возможно, после того как нам смертный приговор подписан? – спросил Фой.

– Это даже вовсе не трудно. Мой друг портной – то есть инквизитор – несмотря на свои мягкие речи, жестокий человек. Он спешил и подписался под чистым бланком – большая неосторожность, как всегда. Судья может осудить или оправдать, и этот случай не исключение. Что может мне по-

мешать заполнить бланк предписанием о вашем освобождении?

– Что же мы должны сделать для этого? – спросил Фой.

– Даю вам слово дворянина: если вы скажете мне, что мне надо, я в неделю устрою все свои дела, и тотчас по моему возвращению вы будете свободны.

– Конечно, нельзя не поверить такому слову, которому сеньор Рамиро, извините – граф Жуан де Монтальво, мог научиться на галерах! – не помня себя, воскликнул Фой.

Рамиро весь побагровел.

– Если бы я был другого сорта человек, вас за эти слова ожидала бы такая смерть, перед которой содрогнулся бы и мужественнейший человек. Но вы молоды и неопытны, поэтому я извиняю вас. Пора кончить этот торг. Что вы предпочитаете: жизнь и свободу или возможность – при теперешних обстоятельствах невероятную – когда-то кому-то получить спрятанные сокровища?

Тут в первый раз заговорил Мартин, медленно и почтительно:

– Мейнгерр, мы не можем сказать вам, где спрятаны сокровища, потому что не знаем этого. Откровенно говоря, никто, кроме меня, никогда и не знал этого. Я взял вещи и опустил их в узкий проток между двумя островами, который нарисовал на клочке бумаги.

– Отлично мой друг, а где же эта бумага?

– Вот в том-то и беда, зажигая фитили на «Ласточке», я

впопыхах уронил бумажку, и она отправилась туда же... куда отправились ваши почтенные товарищи, бывшие на суде. Однако, я думаю, что если бы вам угодно было взять меня проводником, я мог бы показать вашему сиятельству то место; мне не хочется умирать, поэтому я был бы счастлив, если бы вы приняли мое предложение.

– Прекрасно, чистосердечный человек, – отвечал Рамиро с усмешкой, – ты рисуешь мне необыкновенно заманчивую перспективу. В полночь отправиться на Гаарлемское озеро – это все равно, что пустить тарантула с бабочкой! Мейнгерр ван-Гоорль, что вы имеете сказать?

– Только то, что все рассказанное Мартином – правда. Я не знаю, где деньги, так как я не присутствовал при том, как их опускали и как потерялась бумага.

– В самом деле? Я боюсь в таком случае, как бы мне не пришлось освежить вам немного память, но прежде я еще приведу вам один довод или два. Не приходило ли вам в голову, что от вашего ответа может зависеть другая жизнь? Имеет ли человек право обрекать своего отца на смерть?

Фой слушал, и как ни ужасен был намек, однако молодой человек почувствовал облегчение, так как ожидал услышать слова «вашу мать» или «Эльзу Брант».

– Вот мое первое убеждение – думаю, недурное, – но у меня еще имеется одно, еще более убедительное для молодого человека и наследника в будущем. Третьего дня вы обрuchились с Эльзой Брант – не удивляйтесь, люди в моем по-

ложении многое слышат; не пугайтесь, девицу не приведут сюда – она слишком драгоценна.

– Будьте добры объяснить мне ваши слова, – сказал Фой.

– С удовольствием. Видите ли, молодая девушка – богатая наследница, не правда ли? И удастся ли мне или не удастся узнать факты от вас, она, без сомнения, рано или поздно откроет местонахождение своего богатства. Конечно, муж разделит ее состояние. Я теперь человек свободный и могу быть представлен ювфру Эльзе... Вы видите, мой друг, что есть и другие способы убивать собак, кроме как вешать их.

Сердце упало у Фоя при словах этого негодяя, этого дьявола, обманувшего его мать и бывшего отцом Адриана. Мысль сделать богатую наследницу своей женой была достойна его дьявольской изобретательности. И что могло помешать ему выполнить свой план? Эльза, конечно, возмутится, но в руках приспешников Альбы в эти дни были средства, с помощью которых они могли преодолеть несогласие молодой девушки или, по крайней мере, заставить сделать выбор между смертью и унижением. Расторжение браков с тем, чтобы заставить еретичку выйти за человека, домогающегося ее состояния, было делом обычным. Справедливости не стало в стране: люди были пешками и рабами своих притеснителей. И что оставалось им делать, как не уповать на Бога. Фой думал: стоит ли подвергаться мучению, рисковать смертью и браком против воли из-за золота. Он думал, что понял человека, сидящего перед ним, и что с ним мож-

но вступить в торг. Он не был фанатиком, ужасы не доставляли ему удовольствия, ему не было дела до душ его жертв. Он обманул его мать, Лизбету, из-за денег и, вероятно, согласился отступить за деньги. Почему не попытаться? Но сейчас же в уме Фоя встал другой, ясный и неопровержимый ответ. Не клялся ли он отцу, что ничто на свете не заставит его открыть тайну? Не клялся ли он в том же Гендрику Бранту, пожертвовавшему уже жизнью ради того, чтобы его сокровища не попали в руки испанцам, в уверенности, что со временем они какими-нибудь неисповедимыми путями послужат на пользу его отечеству? Нет, как ни велико было искушение, он обязан сдержать данное обещание и заплатить ужасную цену. Итак, Фой снова ответил:

– Напрасно вы искушаете меня: я не знаю, где деньги.

– Прекрасно, герр Фон вай-Гоорль, теперь исход для нас ясен, но все же я попытаюсь защитить вас от самих себя, – я еще некоторое время не стану заполнять бланка. – Затем он позвал:

– Сержант, попросите мастера Баптиста приступить к делу.

Глава XXI. Мартин трусит

Сержант вышел из комнаты и скоро вернулся в сопровождении «мастера» – высокого малого подозрительного вида, одетого в затасканное черное платье, с широкими заскорузлыми руками и коротко остриженными для проворности ногтями.

– Здравствуйте, профессор, – сказал Рамиро, – вот вам два субъекта. Начните с большого, время от времени вы будете доносить об успехе, и будьте уверены, что в случае, если он пожелает открыть то, о чем я хлопочу – подробности вас не касаются, это мое дело, – то немедленно позовите меня.

– Какой способ, ваше превосходительство, прикажете употребить?

– Предоставляю это вам. Разве я занимаюсь вашим поганым ремеслом? Мне все равно, лишь бы добиться результата.

– Не нравится мне этот молодец, – проворчал «профессор», кусая ногти. – Слышал я об этой бешеной скотине, он на все способен.

– Так возьмите с собой всю стражу: один голый негодяй немного сделает против девяти вооруженных. Да захватите также и молодого человека, пусть он посмотрит, что будет происходить, может быть, тогда он переменит свой взгляд. Только не трогайте его, не сказав мне. Мне же надо писать

бумаги, и я останусь здесь.

– Не нравится мне этот малый, – повторил «профессор», – от одного вида его мороз у меня подирает по коже. Какие у него злые глаза. Я бы лучше начал с молодого.

– Ступайте и делайте, что я вам приказываю, – сказал Рамиро, свирепо смотря на него. – Стража, помогите палачу Баптисту.

– Ведите их, – приказал «профессор».

– Зачем употреблять силу, господин, – проговорил Мартин, – покажите дорогу, и мы сами пойдем. – Нагнувшись, он поднял Фоя со стула.

Процессия двинулась. Впереди шел Баптист с четырьмя солдатами, потом Мартин с Фоем и, наконец, еще четверо солдат. Они вышли из комнаты суда под своды коридора. Мартин, медленно шагая, осмотрелся и увидел, что на стене между прочим оружием висел его меч «Молчание». Большие ворота были заперты замками и засовами, но у калитки возле них стоял часовой, обязанность которого была впускать и выпускать людей, входивших и выходивших по делам. Под предлогом, что ему надо переложить Фоя на другую руку, Мартин внимательно, насколько позволяло время, рассмотрел калитку и заметил, что хотя она казалась задвинутой железными засовами вверху и внизу, но в действительности не была заперта, так как петли, в которые входили концы засовов, были пусты. Вероятно, часовой не считал нужным прибегать, пока стоял тут, к большому ключу, висевшему у него

за поясом.

Сержант, сопровождавший узников, отворил массивную низкую дверь, отодвинув засов. По-видимому, это помещение когда-то служило тюрьмой, что подтверждал и засов снаружи. Несколько минут спустя Мартин и Фой были заперты в застенке Гевангенгуза, представлявшем из себя подвальное сводчатое помещение, освещенное лампами (дневной свет не проникал туда) и зловещим огнем, разведенным на полу. Обстановку помещения легко себе представить: интересующиеся подобными ужасами могут удовлетворить свое любопытство, осмотрев средневековые тюрьмы в Гааге и других местах. Опустим их, как предмет, недостойный описания, хотя эти ужасы, о которых нам в настоящее время даже неприятно говорить, были близко известны поколению, жившему всего три столетия тому назад.

Мартин опустил Фоя на какое-то ужасное приспособление, имевшее сходство со стулом, и обвел все кругом своими голубыми глазами. Между различными предметами, стоявшими у стен, один, по-видимому, особенно интересовал его. Это было ужасное орудие, но Мартин видел в нем только крепкую стальную полосу, которой удобно размозжить чью-нибудь голову.

– Разденьте-ка этого карлика, – обратился «профессор» к солдатам, – пока я приготавливаю ему постельку.

Солдаты начали стаскивать платье с Мартина, но не насмеялись над ним и не оскорбляли его, помня его вчераш-

ние подвиги и чувствуя почтение к силе и выносливости этого огромного тела, находившегося в их руках.

– Он готов, – сказал сержант.

«Профессор» потер руки.

– Ну-ка пойдем, молодчик, – сказал он.

Нервы Мартина не выдержали; он задрожал.

– Скажите! Ему стало холодно в этой духоте, надо согреть его.

– Кто мог бы подумать, что такой большой человек, который так хорошо бьется, может оказаться таким трусом? – сказал сержант своим товарищам. – С ним, думаю, будет не труднее справиться, чем с рейнским лососем.

Мартин услышал эти слова, и с ним сделался такой припадок дрожи, что даже пот выступил у него на всем теле.

Фой смотрел на него, открывши рот. Он не верил своим ушам. Почему это Мартин, если ему так страшно, делал ему особенные знаки глазами, закрыв их растопыренными пальцами руки? Совершенно так же блестели его глаза накануне, когда солдаты пытались взобраться на лестницу. Фой не мог разрешить загадку, но с этой минуты не спускал глаз с Мартина.

– Слышите, что нам говорит эта дамочка, герр Баптист? – сказал сержант. – Она обещает, – продолжил он, подражая голосу Мартина, – сказать все, что знает.

– В таком случае, мне нечего хлопотать. Побудьте с ним. Я пойду и доложу смотрителю: так мне приказано. Не оде-

вайте его полностью, довольно и того, что на нем остается... осторожность не мешает.

Баптист пошел к двери и, проходя мимо Мартина, ударил его рукой по лицу, говоря:

– Вот тебе, трус!

Фой заметил, что при этом его товарищ вспотел еще сильнее и отшатнулся к стене.

Но, Боже мой! Что случилось? Дверь застенка отворилась, и вдруг со словами: «Ко мне, Фой!» – Мартин сделал движение, которое Фой едва успел уловить. Что-то пролетело в воздухе и упало на голову палача, вышедшего в коридор. Солдаты побежали к двери, но огромная железная полоса, брошенная им в лицо, положила двух из них на месте. Еще минута, рука обхватила Фоя, и в следующее мгновение Мартин стоял, растопырив ноги на теле мертвого «профессора» Баптиста.

Они были за дверями, но те не были заперты, так что с другой стороны шесть человек напирали на них изо всей силы. Мартин опустил Фоя на пол.

– Возьмите кинжал и займитесь привратником, – поспешно проговорил Мартин.

В одно мгновенье Фой выхватил кинжал из-за пояса убитого и обернулся. Привратник бежал к ним с поднятым мечом. Фой забыл, что он ранен, в эту минуту он опять крепко стоял на ногах. Он согнулся и прыгнул на привратника, как дикая кошка, как человек, вырвавшийся из когтей пыт-

ки. Борьбы не последовало: искусство, которому Мартин с таким терпением учил Фоя, пригодилось ему в эту минуту; меч пролетел над головой Фоя, между тем как длинный кинжал его пронзил горло привратника. Взглянув на него, Фой убедился, – что ему уже нечего бояться, и повернулся.

– Помогите, если можете, – с трудом проговорил Мартин, своим голым плечом налегавший изо всей силы на один из засовов калитки, стараясь просунуть его в задвижку.

Боже! Какая это была борьба! Голубые глаза Мартина, казалось, готовы были выйти из орбит, он раскрыл рот, и мускулы его тела выступали узлами. Фой поспешил к нему и изо всех сил пытался помочь. Он мало мог сделать, стоя на одной только ноге, так как раны на другой снова открылись, однако и этого оказалось достаточно: засов медленно-медленно вошел в скобу. Тяжелая дверь трещала под напором солдат изнутри, Мартин, не будучи в состоянии говорить, только смотрел на засов, который Фой левой рукой все дальше и дальше вдвигал в скобу. Засов заржавел от долгого бездействия и поддавался с трудом.

– Еще! – задыхаясь, проговорил Фой.

Мартин сделал такое усилие, что со стороны было страшно, и кровь закапала у него из ноздрей, но дверь подалась еще, и засов с шумом вдвинулся в каменную скобу.

Мартин отступил и с минуту качался, будто готовясь упасть. Затем, придя в себя, он бросился к мечу «Молчание», висевшему на стене, и перевязью обмотал правую руку

выше кисти. После того он направился к двери комнаты суда.

– Куда ты?! – закричал Фой.

– Проститься с ним, – отвечал Мартин.

– Ты с ума сошел, – сказал Фой, – бежим, если можно.

Дверь может поддаться. Слышишь, как они кричат.

– И впрямь, может быть, лучше бежать, – с сомнением в голосе согласился Мартин. – Садитесь мне на плечи.

Несколько секунд спустя двое часовых, стоявших у ворот тюрьмы, с изумлением увидали, как на них с криком бросился высокий рыжий человек, почти голый, размахивавший огромным мечом и несший на спине другого человека. Они пришли в такой ужас, что, не дожидаясь нападения и думая, что это дьявол, разбежались в разные стороны, между тем как человек с ношей вышел мимо них по маленькому подъемному мосту на улицу, начинающуюся от городских ворот.

Придя в себя, солдаты бросились было в погоню, но кто-то из прохожих крикнул:

– Это же Мартин, Красный Мартин и Фой ван-Гоорль вырвались из тюрьмы.

И сейчас же в солдат полетел камень.

Помня судьбу, постигшую их товарищей накануне, солдаты вернулись под защиту тюремных сводов. Когда, наконец, Рамиро, которому надоело ждать, вышел из задней комнаты при зале суда, где что-то писал, он увидел палача и привратника лежащими мертвыми у калитки и услышал отчаянные крики стражи из застенка, между тем как часовые у моста

объявили, что не видали ровно никого.

Сначала им поверили и бросились обыскивать всю тюрьму от колокольной башни до самого глубокого подземелья, даже искали в воде рва, но когда правда открылась, им досталось от смотрителя, а еще хуже досталось стражам, из рук которых Мартин ускользнул, как угорь из рук рыбной торговли. Рамиро не помнил себя и начинал думать, что в конце концов напрасно вернулся в Лейден.

Однако у него в руках еще оставалась одна карта. В одном из помещений тюрьмы сидел еще узник. В сравнении с берлогой, куда были заключены Мартин и Фой, это помещение казалось даже хорошим: это была комната на нижнем этаже, предназначавшаяся для знатных политических заключенных или взятых в плен на поле битвы офицеров, за которых ожидали выкупа. Здесь было настоящее окно, хотя и заделанное двойной решеткой, выходившее на двор и тюремную кухню, стояла кое-какая мебель, и все было более или менее чисто. Заключенный в этой комнате был не кто иной, как Дирк ван-Гоорль, захваченный в ту минуту, как он возвращался домой после приготовлений к побегу своей семьи. Утром того же самого дня Дирка также допрашивал краснолицый суетливый экс-портной. И он также был приговорен к смерти, причем вид ее, как для Мартина и Фоя, был также предоставлен решению смотрителя. После того Дирка отвели обратно в занимаемую им комнату и заперли.

Через несколько часов в комнату вошел человек, которого

до дверей провожали солдаты, и принес Дирку пищу и питье. Это был один из поваров и, как оказалось, словоохотливый малый.

– Друг, что случилось в тюрьме? – спросил его Дирк. – Отчего люди бегают по двору и кричат в коридоре? Не приехал ли принц Оранский в тюрьму, чтобы освободить нас? – Он грустно улыбнулся.

– Есть и такие, что освобождаются, не дожидаясь принца Оранского. Колдуны они... колдуны, и ничего больше.

Интерес Дирка был возбужден. Опустив руку в карман, он вынул золотой, который подал повару.

– Друг, – сказал он, – ты готовишь мне кушанье и ходишь за мной. Я захватил с собой несколько таких кружочков, и если ты будешь добр ко мне, они перейдут из моего кармана в твой. Понимаешь?

Повар кивнул головой, взял золотой и поблагодарил.

– Расскажи же мне, пока станешь убирать комнату, об этом побеге – заключенного интересуют и пустяки.

– Вот как было дело, мейнгерр, насколько я слышал: вчера в одной конторе захватили двух молодцов, должно быть, еретиков, с которыми пришлось много повозиться при аресте. Я не знаю, как их зовут, я здесь чужой, но видел, как их привели: один был молодой и, кажется, ранен в ногу и шею, а другой – рыжий, бородатый великан. Их допрашивали сегодня утром, а потом отправили с девятью стражами к «профессору», понимаете?

Дирк кивнул, этого «профессора» хорошо знали в Лейдене.

– И что же дальше? – спросил он.

– Дальше-то? Мать Пресвятая Богородица! Они убежали: великан, весь голый, унес на плечах молодого. Да, они убили «профессора» железной полосой и вышли из тюрьмы, как спелый горох из шелухи.

– Это невозможно, – сказал Дирк.

– Может быть, вам это лучше известно, чем мне; может быть, тоже невозможно, что они заперли испанских петухов снаружи, закололи привратника и проскользнули мимо часовых на мосту? Может быть, все это невероятно, однако все это случилось; и если не верите мне, спросите сами у часовых, почему они бросились бежать, когда увидели, что этот огромный голый человек идет на них, рыкая, как лев, и размахивая своим огромным мечом. Ну, теперь пойдет разборка, и всем нам достанется от зрителя. Уж и теперь многие платятся своими спинами.

– А разве их не поймали за стенами тюрьмы?

– Поймали? Поймаешь их, когда сотни людей собрались вокруг них на улице! Теперь их и след, должно быть, простыл, и в Лейдене поминай их как звали. Однако мне пора идти, но если вам что-нибудь понадобится пока вы здесь, скажите мне, и я постараюсь достать вам то, за что вы такой щедрый.

Когда дверная задвижка закрылась за поваром, Дирк

всплеснул руками и чуть не захохотал громко от радости. Мартин и Фой свободны, и если они снова не попадутся, тайна сокровищ останется тайной. Они никогда не достанутся Монтальво, в этом Дирк был уверен. А что касается его собственной судьбы, она мало тревожила его, особенно после того, как инквизитор сказал, что такого влиятельного человека, как он, не станут допрашивать. Это распоряжение было, впрочем, вызвано не милосердием, а осторожностью, так как инквизитору было известно, что Гаага, подобно другим голландским городам, находится накануне восстания, и он опасался, что народ мог выйти из всяких границ повинования, если бы одного из самых богатых и уважаемых бюргеров стали мучить за его веру.

Увидав, как народ разорвал на клочки раненых испанских солдат и их носильщиков и как тяжелая дверь тюрьмы затворилась за Мартином и Фоем, Адриан отправился домой, чтобы сообщить печальную весть. Народ еще долго не расходился, и если бы подъемный мост над рвом не был поднят, так что не оказалось возможности перебраться через него, весьма вероятно, было бы произведено нападение на тюрьму. Теперь, однако, когда к тому же пошел дождь, толпа начала расходиться, рассуждая, захочет ли герцог Альба в эти дни ежедневных побоищ мстить за нескольких убитых солдат.

Когда Адриан вошел в верхнюю комнату, чтобы сообщить принесенное им известие, он нашел там одну только мать. Она сидела прямо на стуле, с руками, сложенными на коле-

нях, и обратившись к окошку неподвижным, как бы изваянным из мрамора, лицом.

– Я не мог найти его, – сказал Адриан, – но Фой и Мартин взяты после отчаянного сопротивления, причем Фой ранен. Они в тюрьме...

– Я знаю все, – прервала его Лизбета холодным, глухим голосом. – Муж тоже взят. Кто-нибудь предал их. Да воздаст ему Господь! Оставь меня одну, Адриан.

Адриан повернулся и поплелся к себе в комнату. Упреки совести и стыд так тяжело лежали у него на сердце, что ему казалось, оно не выдержит. При всей своей слабости и злобе он никогда не намеревался сделать то, что произошло: теперь по его вине его брат Фой и человек, бывший его благодетелем и более всего на свете любимый его матерью, обречены на смерть, ужаснее которой ничего нельзя себе представить. Предатель провел эту ночь среди окружавшего его комфорта хуже, чем его жертвы в тюрьме. Три раза Адриан был готов покончить с собой; один раз он даже укрепил рукоять меча в полу и наставил его острие себе на грудь, но при первом уколе отшатнулся.

Лучше было бы для него, может быть, если бы он преодолел свою трусость: по крайней мере, он избавился бы от многих страданий и унижений, ожидавших его впереди.

Как только Адриан вышел, Лизбета встала, оделась и отправилась к своему родственнику ван-де-Верфу, теперь почтенному гражданину средних лет, избранному бурго-

мистром Лейдена.

– Вы слышали? – спросила она.

– К несчастью, слышал, – отвечал он. – Это ужасно. Правда, что богатство Гендрика Бранта на дне Гаарлемского озера?

Она кивнула головой и ответила:

– Думаю, что так.

– Не могли ли бы они, открыв тайну, спасти себе жизнь?

– Может быть. Фой и Мартин могли бы это сделать, Дирк же ничего не знает: он отказался узнать. Но Фой и Мартин поклялись лучше умереть, чем открыть тайну.

– Почему?

– Потому что они дали такое обещание Гендрику Бранту, желавшему, чтобы его золото, скрытое от испанцев, могло сослужить службу его отечеству в будущем. Он и их убедил в необходимости этого.

– В таком случае, дай Бог, чтобы его желание исполнилось, – со вздохом сказал ван-де-Верф, – иначе было бы слишком тяжело думать, что еще жизни будут загублены из-за груды золота.

– Я знаю это, и я пришла к вам, чтобы спасти их.

– Каким образом?

– Каким образом? – воодушевляясь, ответила она. – Подняв город, произведя нападение на тюрьму и освободив их... Выгнав испанцев из Лейдена...

– И навлекши на себя судьбу Монса. Вы желали бы, чтобы

город был отдан на разграбление солдатам Нуаркарма и дона Фредерика?

– Мне все равно; я желаю спасти мужа и сына! – в отчаянии проговорила она.

– Так может говорить женщина, но не патриотка. Лучше пусть умрут три человека, чем будет разорен целый город.

– Странно мне слышать от вас этот довод еврея Каиафы.

– Нет, Лизбета, не сердитесь на меня. Что я могу сказать?

Правда, испанского войска в Лейдене немного, но новые силы отправлены из Гаарлема и других мест после вчерашних волнений при аресте Фоя и Мартина; через двое суток они будут здесь. Город не снабжен запасами на случай осады, горожане не привыкли владеть оружием, и пороху мало. Кроме того, в городском совете нет согласия. Перебить испанских солдат мы еще можем, но напасть на Гавенгенгуз – значило бы произвести открытое восстание и привлечь сюда армию дона Фредерика.

– Что же? Все равно рано или поздно дойдет до этого.

– Пусть же это случится позднее, когда мы будем более способны отразить ее. Не упрекайте меня, мне тяжелы были бы ваши упреки, так как я день и ночь работаю, подготавливая все к роковому часу. Я люблю вашего мужа и сына, сердце мое обливается кровью при виде вашего горя и постигшей их ужасной судьбы, но пока я не могу сделать ничего... ничего. Вы должны нести свой крест так же, как они свой, а я свой, мы все должны идти во мрак, пока Господь не прика-

жет заняться заре – заре свободы и возмездия.

Лизбета не отвечала: она встала и, качаясь, вышла из дома, между тем как ван-де-Верф, опустившись на стул, горько плакал и молился о ниспослании помощи и света.

Глава XXII. Встреча и разлука

Лизбета не закрыла глаз в эту ночь. Если бы даже горе дозволило ей спать, то не дало бы физическое состояние: она вся горела, и в голове стучало. Сначала она мало обращала на это внимания, но при первом свете холодного осеннего утра подошла к зеркалу и стала осматривать себя: на шее у нее оказалась опухоль величиной с орех. Лизбета догадалась, что заразилась чумой от фроу Янсен, и засмеялась коротким, сухим смехом: раз все любимые ею обречены на смерть, ей казалось лучше всего умереть и самой. Эльза еще не вставала, обессиленная горем, и Лизбета, запершись у себя в комнате, не впускала к себе никого, кроме одной женщины, выздоровевшей некоторое время тому назад от чумы, но и ей она не сказала ничего о своей болезни.

Около одиннадцати часов утра женщина вбежала к ней в комнату, крича:

– Они убежали!.. Убежали!..

– Кто? – в напряженном ожидании спросила Лизбета, вскочив со стула.

– Ваш сын Фой и Красный Мартин.

Она рассказала, как голый великан с обнаженным мечом в руке и Фоем на спине выбежал с ревом из тюрьмы и, под защитой толпы пробежав через город, направился к Гаарлемскому озеру.

Глаза Лизбеты засветились гордостью при этом известии.

– Верный, преданный слуга, ты спас моего сына, но мужа тебе не спасти, – проговорила она.

Прошел еще час, и служанка вошла снова, неся письмо.

– Кто принес его? – спросила Лизбета.

– Солдат-испанец.

Лизбета разрезала шелковый шнурок и прочла письмо. Оно было без подписи, и в нем значилось:

«Человек, пользующийся влиянием, шлет свой привет фроу ван-Гоорль. Если фроу ван-Гоорль желает спасти жизнь самого дорогого ей человека, ее просят, надев вуаль, последовать за подателем этого письма. Ей нечего бояться за свою собственную безопасность: это письмо служит ей гарантией».

Лизбета подумала с минуту. Может быть, это западня, даже очень вероятно, что это ловушка, чтобы захватить и ее. Ну, не все ли равно ей? Она предпочитала умереть с мужем, чем жить без него, и кроме того, зачем ей избегать смерти, когда чума уже у нее в крови? Но было еще нечто, худшее смерти. Она догадывалась, кто написал это письмо; после многих лет она узнала почерк, несмотря на видимое старание переделать его. Но хватит ли у нее сил встретиться с ним? Надо найти эти силы... ради Дирка!

Если она откажет и Дирк умрет, не будет ли она упрекать себя, если останется сама в живых, что не сделала всего, что было в ее власти?

– Дай мне плащ и вуаль, – приказала она служанке, – и скажи солдату, что я иду.

У дверей ее встретил солдат, почтительно отдавший ей честь, говоря:

– Мефроу, последуйте за мной, но на некотором расстоянии.

Солдат провел Лизбету переулками к заднему входу тюрьмы, двери которой таинственно перед ними отворились и снова затворились, причем Лизбета невольно спросила себя: придется ли ей когда-нибудь снова переступить порог этой калитки? На дворе ее встретил другой человек, она даже не обратила внимания, кто он был, и, сказав ей: «Пожалуйста, сударыня», провел по мрачным коридорам в маленькую комнату, меблированную столом и двумя стульями. Дверь отворилась, и Лизбета почувствовала, как будто у нее внутри что-то оборвалось и заболело, как от приема яда: перед ней стоял совершенно такой же, как прежде, хотя отмеченный временем и своей жизнью, человек, бывший ее мужем, – Жуан де Монтальво. Однако Лизбета не показала своего чувства, и лицо ее осталось бледно и неподвижно-сурово, к тому же, даже еще не взглянув на него, она уже знала, что он боится ее больше, чем она его.

Это была правда: в глазах этой женщины отражался такой ужас, что сердце Монтальво содрогнулось. Перед ним встала сцена его сватовства и снова зазвучали в его ушах ужасные слова, сказанные ею. Какое странное совпадение обстоя-

ательств: и теперь опять, как тогда, целью переговоров была жизнь Дирка ван-Гоорля. В прежние дни она купила эту жизнь, отдав себя, свое состояние и – что хуже всего для женщины – навлекши на себя презрение своего бывшего жениха. Какую цену ей придется уплатить теперь? К счастью, многого уже нельзя требовать от нее! Он же в душе боялся этого торга с Лизбетой ван-Гоорль из-за жизни Дирка ван-Гоорля. В первый раз этот торг довел его до четырнадцатилетних каторжных работ на галерах. Чем кончится второй?

В ответ перед глазами Монтальво открывалась будто черная бездна, в безграничную глубину которой летел несчастный, представлявший из себя по сравнению с пролетаемым им пространством одну крошечную, незаметную точку. Точка перевернулась, и Монтальво узнал в ней самого себя.

Этот кошмар на мгновение представился ему и тотчас же исчез. В следующую минуту Монтальво уже спокойно и вежливо раскланивался перед своей посетительницей, предлагая ей сесть.

– Очень любезно с вашей стороны, фроу ван-Гоорль, что вы так быстро отозвались на мое приглашение, – начал он.

– Может быть, вам, граф де Монтальво, угодно будет как можно короче сообщить мне, зачем вы вызвали меня, – сказала Лизбета.

– Конечно, я сам желаю этого. Позвольте прежде всего успокоить вас. В прошлом у нас обоих есть общие воспоминания: и неприятные и приятные. – Он положил руку на

сердце и вздохнул. – Но все это уже умершее прошедшее, поэтому мы не станем касаться его.

Лизбета не отвечала, только вокруг ее рта легла несколько более суровая складка.

– Теперь еще одно слово, и я перейду к главному предмету нашего свидания. Позвольте мне поздравить вас с доблестным поступком вашего доблестного сына. Конечно, его храбрость и ловкость вместе с поддержкой, оказанной ему Красным Мартином, причинили мне много неприятностей и внесли осложнения в исполнение задуманного мною плана, но я старый солдат и должен признаться, что их вчерашняя оборона и сегодняшнее бегство из... из не совсем приятной обстановки взволновали во мне кровь и заставили мое сердце забиться сильнее.

– Я слышала... Не трудитесь повторять, – сказала Лизбета, – иного я не ожидала от них и благодарю Бога, что Ему угодно было продлить их жизнь, чтобы в будущем они могли страшно отомстить за любимого отца и хозяина.

Монтальво кашлянул и отвернулся, желая прогнать снова вставший перед его глазами кошмар – маленького человечка, летящего в пропасть.

– Да, они бежали; и я рад за них, какое убийство они ни замыслили бы в будущем. Да, несмотря на все их преступления и убийства в прошлом, я рад, что они ушли, хотя я обязан был удерживать их, пока мог, и если они попадутся, я снова должен буду сделать то же самое; но я не стану теперь

дольше останавливаться на этом. Вам, вероятно, известно, что есть один господин, который не был так же счастлив, как они.

– Мой муж?

– Да, ваш почтенный супруг, к счастью для моей репутации как зрителя одной из тюрем его величества, занимает помещение здесь наверху.

– И что же дальше? – спросила Лизбета.

– Не пугайтесь, мефроу: страх ужасно подрывает здоровье. Итак, возвращаюсь к предмету нашего разговора... – Тут он вдруг переменяет тон. – Однако прежде мне необходимо объяснить вам, Лизбета, положение вещей.

– Какое положение вещей?

– Прежде всего то, что касается сокровищ.

– Каких сокровищ?

– Не теряйте времени, пытаясь обмануть меня. Я говорю о несметном богатстве, оставшемся после Гендрика Бранта и скрытом бежавшими Фоем и Мартином, – он застонал и заскрежетал зубами, – где-то на Гаарлемском озере.

– Какое отношение имеют к нашему разговору сокровища?

– Я требую его – вот и все.

– Так вам лучше всего стараться отыскать его.

– Я так и предполагаю и начну искать его... в сердце Дирка ван-Гоорля, – произнес он медленно, комкая своими длинными пальцами носовой платок, будто тот был живым суще-

ством, которое можно замучить насмерть.

Лизбета не моргнула, она ожидала этого.

– Не много вы найдете в этом источнике, – сказала она. – Никто ничего не знает теперь о наследстве Бранта. Насколько я могла понять, Мартин спрятал его и потерял бумагу. Таким образом, сокровища будут лежать на дне моря, пока оно не высохнет.

– Знаете, я уже слышал эту басню, да, от самого Мартина, и должен сказать, не совсем верю ей.

– Что же делать, если вы не верите? Вы должны помнить, что я всегда говорила правду, насколько она была мне известна.

– Совершенно верно: но другие не так добросовестны. Взгляните сюда...

Он вынул из кармана бумагу и показал ей. То был смертный приговор Дирку, подписанный инквизитором.

Лизбета машинально прочла его.

– Заметьте, – продолжал Монтальво, – что род казни предоставляется «на усмотрение нашего любезного» и т. д., то есть на мое. Теперь потрудитесь выглянуть в это окно. Что вы видите перед собой? Кухню? Совершенно верно; приятный вид для такой прекрасной хозяйки, как вы. Посмотрите несколько выше. Что вы видите? Маленькое оконце за решеткой. Представьте себе, что из-за этой решетки человек, все более и более голодный, смотрит на то, что происходит в кухне, на то, как туда приносят припасы и через некоторое

время выносят вкусное кушанье, между тем как он все больше и больше тощает и слабеет от голода. Как вам кажется, приятно положение этого человека?

– Вы дьявол! – воскликнула Лизбета, отшатнувшись от окна.

– Никогда не считал себя им, но если вы желаете иметь определение, то я трудолюбивый работник, испытавший много неудач и принужденный иногда прибегать к решительным средствам, чтобы обеспечить себя на старость. Уверяю вас, что я не желаю уморить кого бы то ни было с голоду; я желаю только найти сокровища Гендрика Бранта, и если ваш супруг не захочет помочь мне в этом, то я должен заставить его – вот и все. Дней через шесть или девять после того, как я примусь за него, я уверен, он заговорит: нет ничего, что было бы способнее заставить упитанного бургера, привыкшего к изобилию во всем, открыть рот, как совершенное лишение пищи, которую он может только видеть и обонять. Приходилось вам когда-нибудь слышать историю очень старого господчика – Тантала? Удивительно применимы подобные вещи к надобностям и обстоятельствам настоящего.

Гордость Лизбеты была сломлена; в отчаянии несчастная бросилась к ногам своего мучителя, умоляя его о жизни мужа, заклиная его именем Бога и даже сына его Адриана. До того довел ее ужас, что она решилась молить этого человека именем сына, рождение которого было позором для нее.

Он попросил ее встать.

– Я желаю спасти жизнь вашего мужа, – сказал он. – Даю вам слово, что если он только скажет мне то, что мне надо, я спасу его, даже – хотя риск и велик – постараюсь способствовать его бегству. Теперь я попрошу вас пройти наверх и объяснить ему мои миролюбивые намерения. – Подумав минуту, он прибавил: – Вы сейчас упомянули имя Адриана. Это, вероятно, тот самый молодой человек, подпись которого стоит под этим документом? – Он подал Лизбете бумагу. – Прочтите его спокойно, спешить некуда. Добрый Дирк еще не умирает с голоду; мне сейчас донесли, что он прекрасно позавтракал, и будем надеяться, не в последний раз.

Лизбета взяла исписанные листы и взглянула на них. Вдруг она поняла, в чем дело, и поспешно пробежала листы до конца последней страницы, где стояла подпись. Увидав ее, она бросила сверток на пол, будто из него на нее устремилась змея и ужалила ее.

– Вам, кажется, тяжело видеть эту подпись, – с участием заговорил Монтальво, – и я не удивляюсь этому: мне самому приходилось испытывать подобные разочарования, и я знаю, как они оскорбляют благородные характеры. Я показал вам этот документ из великодушия, желая предостеречь вас от этого молодого человека, которого, как я мог понять, вы считаете моим сыном. Человек, способный выдать брата, может сделать шаг дальше и предать свою мать, поэтому советую вам не выпускать молодого человека из виду. Не могу не высказать вам также, что на вас в данном случае ложится боль-

шая вина: как можно проклинать ребенка еще до его рождения? Ведь вы помните, о чем я говорю? Проклятие обратилось мстью против вас самой. Этот случай может служить предупреждением от увлечения минутной страстью.

Лизбета уже не слушала его; она думала, как никогда не думала перед тем. В эту минуту, как бы по вдохновению, ей пришли на память слова умершей фроу Янсен: «Я жалею, что раньше не подхватила чуму, тогда я отнесла бы ее ему в тюрьму, и с ним не сделали бы того, что произошло». Дирк в тюрьме и обречен на голодную смерть, потому что, вопреки убеждению Монтальво, он ничего не знал, а следовательно, не мог ничего и сказать. Она заражена чумой – симптомы хорошо знакомы ей, ее яд жжет ей жилы, хотя она еще в силах думать, говорить и ходить.

Лизбета не считала преступлением передать чуму мужу: лучше ему умереть от чумы в пять дней, а может быть, даже в два, что часто бывало с людьми полнокровными, чем умирать с голоду целых двенадцать дней и, может быть, еще при этом подвергаться мучениям пытки. Лизбета быстро решилась и сказала хриплым голосом:

– Что вы хотите, чтобы я сделала?

– Я желаю, чтобы вы убедили вашего мужа перестать упорствовать и сообщить тайну нахождения наследства Бранта. В таком случае я обещаю немедленно после того, как удостоверюсь в справедливости его слов, освободить его, а пока с ним будут обращаться хорошо.

– А если он не захочет или если не может?

– Я уже сказал вам, что будет в таком случае, и чтобы показать вам, что не шучу, я сейчас же подпишу приговор. Если вы не согласитесь на выполнение моего поручения или если ваше вмешательство окажется безуспешным, я в вашем присутствии передам это распоряжение офицеру, и через десять дней вы узнаете о результате или сами сможете убедиться в нем.

– Я пойду, – сказала она, – но мы должны видаться наедине.

– Этого обыкновенно не допускается, – отвечал Монтальво, – но если вы удостоверите меня, что при вас нет оружия, то я сделаю исключение.

Написав приговор и засыпав песком из песочницы – Монтальво во всем любил аккуратность, – он сам, с соблюдением всевозможной вежливости, проводил Лизбету в тюрьму ее мужа и, впустив ее туда, обратился к Дирку ласковым тоном:

– Друг ван-Гоорль, привожу вам гостью, – запер дверь и сам остался ожидать извне.

Не станем описывать того, что произошло в тюрьме: сообщила ли или нет Лизбета мужу о своем ужасном, но вместе с тем спасительном намерении; рассказала ли ему о предательстве Адриана, что они говорили между собой на прощанье и как молились вместе в последней раз, – мы все это, преклонив голову, обойдем молчанием, предоставив читателю дополнить все подробности своим воображением.

Монтальво, потеряв терпение ждать, отпер дверь и увидел, что Лизбета и ее муж стоят рядом посреди комнаты на коленях, подобно изваяниям на каком-нибудь древнем мраморном памятнике. Услыхав шум, они поднялись. Дирк обнял жену последним долгим объятием и затем, выпустив ее, положил одну руку ей на голову, благословляя ее, а другой указал на дверь.

Так невыразимо трогательно было это немое прощание, что не только насмешка, но даже вопрос замер на губах Монтальво. Он не мог выговорить ни слова здесь.

– Пойдемте, – проговорил он наконец. И Лизбета вышла.

В дверях она обернулась и увидела, что муж ее все еще стоит посредине комнаты и из глаз его катятся слезы, но на лице сияет неземная улыбка, а одна рука поднята к небу. В таком положении он стоял, пока она ушла.

Монтальво и Лизбета вернулись в маленькую комнату.

– Я боюсь, на основании виденного, – заговорил Монтальво, – что ваши старания не увенчались успехом.

– Да, не увенчались, – отвечала она голосом умирающей, – тайна, которой вы допытываетесь, неизвестна ему, стало быть, он не может открыть вам ее.

– Очень сожалею, что не могу поверить вам, – сказал Монтальво, – стало быть... – Он протянул руку к колокольчику, стоявшему на столе.

– Остановитесь! – вскричала Лизбета. – Остановитесь ради самого себя. Неужели вы действительно решились на это

ужасное бесполезное преступление? Подумайте, что здесь или там вам придется отвечать за него; подумайте, что я, женщина, обесчещенная вами, выступлю свидетельницей перед престолом Всевышнего против вашей обнаженной, содрогающейся души. Подумайте о том, как этот добрый, никому не сделавший зла человек, которого вы собираетесь убить, будет говорить Христу: «Вот он, мой безжалостный убийца»...

– Молчите! – загремел Монтальво, отскакивая к стене, будто стараясь избежать удара меча. – Молчи, злая колдунья-вещунья. Поздно, говорю тебе, поздно: руки мои слишком часто обгалялись кровью, на моем сердце слишком много грехов, в уме слишком много воспоминаний. Не все ли равно: одним преступлением больше? Пойми же, мне нужны деньги, деньги, чтобы иметь возможность доставлять себе наслаждения, чтобы счастливо прожить свои последние годы и умереть спокойно. Довольно я страдал и работал: я, теперешний нищий, хочу иметь богатство и отдыхать. Имей ты двадцать мужей, я капля за каплей вытянул бы их жизнь, чтобы добыть золото, которого жажду.

Пока он говорил под впечатлением страсти, прорвавшей оболочку обычной хитрости и сдержанности, его лицо изменилось. Лизбета, зорко наблюдавшая, не заметит ли она следа сострадания, поняла, что всякая надежда потеряна: перед ней было совершенно такое же лицо, как двадцать шесть лет тому назад, когда она сидела рядом с этим человеком во

время бега. Точно так же глаза его, казалось, готовы были выкатиться из орбит, те же клыки сверкали из-под приподнятой губы, а над ней усы, теперь седые, поднялись к скулам. Он был как оборотень, имеющий способность при некоторых магических словах и знаках сбрасывать свою человеческую оболочку и превращаться в зверя. Лицо Монтальво превратилось в лицо хищника-волка, но на этот раз на лице волка, которое Лизбете суждено было увидеть вторично в жизни, был написан страх.

Припадок прошел, и Монтальво опустился на стул, с трудом переводя дух, Лизбета же, несмотря на весь свой смертельный страх, содрогнулась при виде этой открывшейся души, преследуемой дьяволом.

– У меня есть еще одна просьба, – сказала она. – Раз муж мой должен умереть, разрешите мне умереть вместе с ним. Неужели вы мне откажете и в этом, переполнив таким образом чашу ваших преступлений и заставив отойти последнего ангела Божиего милосердия?

– Откажу, – отвечал он. – Неужели я могу желать присутствия здесь женщины с таким дурным глазом, чтобы на мою голову обрушились все беды, которые вы мне сулите? Говорю вам, что я боюсь вас. Много лет тому назад ради вас я дал Пресвятой Деве обет, что никогда не подниму руки на женщину. Я свято исполнил свою клятву, и надеюсь, это зачтется мне. И теперь я исполняю свой обет, иначе и вам, и Эльзе не избежать бы пытки. Уходите и унесите с собой ва-

ше проклятие. – Он схватил колокольчик и позвонил.

В комнату вошел солдат, отдал честь и ждал приказания.

– Передай этот приказ офицеру, которому поручен надзор за еретиком Дирком ван-Гоорлем. Здесь указан род его казни. Приказания строго выполнять и доносить мне каждое утро о состоянии заключенного. Стой, проводи фроу из тюрьмы.

Солдат снова отдал честь и направился к двери. Лизбета последовала за ним. Она не сказала больше ни слова, но, проходя мимо Монтальво, взглянула на него, и он понял, что и после ее ухода проклятие останется на нем.

Лизбета чувствовала, что чума вступает в свои права: голова и кости во всем теле страшно болели, между тем как несчастное сердце истекало кровью от горя. Однако сознание еще оставалось ясно и ноги еще могли двигаться. Дойдя до дома, Лизбета прошла наверх, в гостиную, и послала служанку за Адрианом, чтобы он пришел к ней.

В комнате она застала Эльзу, которая бросилась к ней навстречу, крича:

– Это правда?.. Правда?..

– Да, правда, что Фой и Мартин бежали.

– О, Господь милосерд! – с плачем сказала девушка.

– А муж мой в тюрьме и приговорен к смерти.

– О! – воскликнула девушка. – Какая я эгоистка!

– Вполне естественно: женщина прежде всего вспомнит о любимом человеке. Не подходи ко мне – у меня, кажется,

чума.

– Я не боюсь ее, – отвечала Эльза. – Разве я не говорила, что я болела ею, еще когда была девочкой, в Гааге.

– Вот хоть одна хорошая весть среди всего тяжелого. Не говори ничего, вот идет Адриан, мне надо сказать ему несколько слов. Нет, не уходи, будет лучше, если ты узнаешь всю правду.

Адриан вошел в комнату, и наблюдательная Эльза заметила, что он очень изменился и казался совсем больным.

– Вы посылали за мной, матушка? – начал он, пытаясь сохранить свою обычную манеру говорить свысока, но, взглянув в лицо матери, замолчал.

– Я была в тюрьме, Адриан, – сказала Лизбета, – и имею кое-что сказать тебе. Как ты, может быть, уже слышал, твой брат Фой и наш слуга Мартин бежали неизвестно куда. Они бежали от мучений, худших, чем смерть, из застенка, убив негодяя, известного под именем «профессора», и заколов часового. Мартин унес раненого Фоя на спине.

– Я рад этому, – взволнованным голосом сказал Адриан.

– Молчи, лицемер! – крикнула на него мать, и он понял, что настала для него минута расплаты. – Мой муж, твой отчим, не бежал, он в тюрьме и приговорен к голодной смерти в виду кухни, находящейся против помещения, где я прощалась с ним.

– Боже мой! – воскликнула Эльза, а Адриан застонал.

– По счастливой или несчастной случайности мне при-

шлось видеть бумагу, в которой мой муж, твой брат Фой и Мартин осуждаются на смерть по обвинению в ереси, возмущении и убийстве королевских слуг, – заговорила Лизбета ледяным голосом, – а внизу стоит засвидетельствованная законными свидетелями твоя подпись... Адриан ван-Гоорль.

У Эльзы челюсть опустилась. Она смотрела на Адриана, как парализованная, между тем как он, схватившись за спинку стула, опирался на нее, покачиваясь взад и вперед.

– Что ты можешь сказать на это? – спросила Лизбета.

Для него, будь он более бесчестен, оставался один исход: отречься от своей подписи. Но это даже не пришло ему в голову, он пустился в несвязное, непонятное объяснение, так как гордость даже в эту ужасную минуту не позволяла ему открыть всю правду в присутствии Эльзы. Ледяное молчание матери приводило его в отчаяние, и он говорил, сам уже не зная что, и, наконец, совершенно замолчал.

– Из твоих слов я поняла, что ты подписал эту бумагу в доме Симона в присутствии некоего Рамиро, смотрителя городской тюрьмы, который показал документ мне, – сказала Лизбета, подняв голову.

– Да, матушка, я действительно подписал что-то, но...

– Я не желаю слышать ничего больше, – прервала Лизбета.

– Руководила тобой ревность или досада, природная злость или страх – все равно, ты подписал такой документ, прежде чем подписать который порядочный человек дал бы себя растерзать на куски. Ты же дал свое показание по доб-

рой воле, я читала это, и приложил как доказательство отрубленный палец женщины Мег, который украл из комнаты Фоя. Ты убийца своего благодетеля и сердца своей матери, ты желал быть убийцей брата и Красного Мартина. Когда ты родился, сумасшедшая Марта, приютившая меня, советовала убить тебя, предсказывая, что ты принесешь много горя мне и всей моей семье. Я отказалась, и ты погубил нас всех, а главное – погубил свою собственную душу. Я не проклиная тебя, не призываю бед на тебя, но предаю тебя в руки Господни, пусть Он поступит с тобой, как Ему будет угодно. Вот деньги, – она подошла к бюро и вынула из него тяжелый кошель с золотом, приготовленным на случай бегства, и сунула его в карман куртки Адриана, вытерев пальцы платком после прикосновения к нему. – Уходи отсюда и никогда больше не показывайся мне на глаза. Я родила тебя, ты плоть от плоти моей, но перед всем миром я отрекаюсь от тебя. Я не знаю тебя больше! Уходи, убийца!

Адриан упал на колени, он ползал у ног матери, пытаясь поцеловать край ее платья, а Эльза истерически рыдала, Лизбета же оттолкнула его ногой, говоря:

– Уходи, иначе я позову слуг и велю выбросить тебя на улицу!

Адриан поднялся и, шатаясь, как раненый, вышел из комнаты, из дома и, наконец, из города.

Когда он ушел, Лизбета взяла перо и написала крупными буквами следующее объявление:

«Объявление к сведению всех лейденских граждан. Адриан, названный ван-Гоорлем, по письменному доносу которого его отчим Дирк ван-Гоорль, его сводный брат Фой ван-Гоорль и слуга Красный Мартин приговорены в тюрьме к пытке, голодной смерти и обезглавливанию, не имеет более входа сюда. Лизбета ван-Гоорль».

Лизбета позвала слугу и приказала ему прибить это объявление над входной дверью, где каждый проходящий мог прочесть его.

– Сделано, – сказала она. – Перестань плакать, Эльза, и уложи меня в постель, откуда я, Бог даст, уже не встану.

Два дня спустя после описанных событий в Лейден приехал измученный и израненный человек – беглец, лицо которого носило отпечаток ужаса.

– Какие вести? – спрашивала толпа на площади, узнав его.

– Мехлин, Мехлин... – задыхаясь, проговорил он. – Я из Мехлина.

– Что же случилось с Мехлином? – спросил, выступая вперед, Питер ван-де-Верф.

– Дон Фредерик взял его, испанцы перебили всех от старого до малого: мужчин, женщин, детей. Я убежал; но на целую милю я слышал крики тех, кого убивали... Дайте мне вина...

Ему дали вина, и медленно, отрывистыми фразами он передал об одном из ужаснейших преступлений против Бога и себе подобных, когда-либо совершенных злыми людьми во

имя Христа. Оно крупными буквами занесено на страницы истории, и нам не нужно передавать здесь его подробности.

Когда все стало известно, толпа лейденцев гневно загудела, слышались крики, требующие мщения. Горожане схватились за оружие, какое у кого было: бюргер – за меч, рыбак – за острогу, крестьянин – за пику, сейчас же нашлись предводители, и раздались крики:

– К Гевангенгузу!.. Освободим заключенных!..

Тысячи людей окружили ненавистное место. Подъемный мост был поднят – навели новый. Из-за стен в толпу было направлено несколько выстрелов, но затем оборона прекратилась. Толпа взломала массивные ворота и бросилась в тюремные камеры освобождать еще живых заключенных.

Испанцев и Рамиро в тюрьме не оказалось: они исчезли неизвестно куда. Кто-то крикнул:

– Где Дирк ван-Гоорль?.. Ищите его!..

Все бросились к камере, выходящей на двор, крича:

– Ван-Гоорль, мы здесь!

Взломали дверь и нашли его лежащим на соломенном матрасе со сложенными руками и обращенным кверху лицом: его поразила не рука человека, а чумный яд.

Голодный и без ухода, он умер очень быстро.

Книга третья. Жатва

Глава XXIII. Отец и сын

Выйдя из дома матери на Брее-страат, Адриан пошел наудачу; он чувствовал себя таким несчастным, что даже не был в состоянии подумать, что ему делать или куда идти. Он очутился у подножия большого холма, известного до нынешнего времени под именем «бурга», странного места с остатками круглой стены на вершине, как говорят, построенной еще римлянами. Он взобрался на холм и лег под одним из росших там дубов на выступе стены. Закрыв лицо руками, он пытался собраться с мыслями.

Но о чем мог он думать? Как только он закрывал глаза, перед ним вставало лицо матери, такое ужасное в своем неестественном гневном спокойствии, что он смутно удивлялся, как мог он, отвергнутый сын, вынести этот взгляд Медузы, поразивший его душу. Зачем он остался в живых? Зачем он еще не умер, когда у него на боку есть шпага? Может быть, чтобы доказать, что он невиновен в этом ужасном преступлении? Он невиновен в нем. Ему и в голову не приходило предать Дирка ван-Гоорля, Фоя и Мартина в руки инквизиции. Он только сказал о них человеку, которого считал за астролога и мага, умеющего приготавливать напитки для при-

вораживания женщин. Не его вина, если этот человек оказался членом Кровавого Судилица. Но зачем он говорил так много? Зачем подписал бумагу? Зачем не дал себя убить? Он подписал, и, как не объясняй, он уже никогда не посмеет взглянуть в лицо честному человеку, а тем более женщине, если правда известна ей. Стало быть, он остался в живых не потому, что был невиновен: в его собственных глазах его правота была весьма сомнительна, и не потому, чтобы испугался смерти. Правда, он всегда боялся смерти, но у молодого и впечатлительного человека бывают состояния, когда смерть кажется меньшим из зол. В таком состоянии он находился прошлую ночь, когда наставил было острие меча себе в грудь, но испугался прикосновения этого острия. Теперь это настроение миновало.

Он остался в живых, имея в виду отомстить: он убьет этого пса Рамиро, загипнотизировавшего его своими очками и своей дружеской речью, запугавшего его угрозой смерти до того, что он, как растерявшаяся девчонка, подписью обесчестил себя, он, всегда гордившийся своей испанской кровью, кровью рыцарей. Да, он убьет этого коварного пса, не остановившегося перед тем, чтобы, выпытав от него все, что было нужно, выдать его позор той, от кого его следовало скрывать всего тщательнее, и другим. Теперь Фой, если они когда-нибудь встретятся, плюнет ему в лицо. Фой честен и ненавидит всякую скрытность, он не может представить себе, до какого унижения нервы могут довести человека! А Мартин, всегда

не доверявший ему и не любивший его? Он, если представится случай, с наслаждением разорвет его на клочки, как ястреб куропатку. А хуже всего, как отнесется к нему Дирк ван-Гоорль, человек, принявший его в свою семью, воспитавший его как родного, хотя он был сыном его соперника. Вот он сидит теперь в тюрьме; щеки его с каждым днем впадают все больше и больше, тело все больше и больше худеет, пока, наконец, не превратится в живой скелет; он сидит, смотря на кушанья, которые проносят мимо, и среди мучений долгой, ужасной агонии возносит молитвы к небу, прося воздать Адриану за все зло, причиненное им!

Адриан не мог дольше выносить этих мыслей, он лишился чувств и обрел то спокойствие, которое в наши дни испытывают люди, приготавливаемые к ножу хирурга, спокойствие, от которого они часто просыпаются для более острых страданий.

Придя в себя, Адриан заметил, что ему холодно: наступил осенний вечер, и в воздухе чувствовался как бы мороз. Голод также давал себя знать; Адриан вспомнил, что и Дирк ван-Гоорль теперь, вероятно, голоден. Он решил пойти в город поесть и потом придумать, что ему делать.

Адриан отправился в лучшую городскую гостиницу и, сев к столу под деревьями перед домом, велел слуге подать кушанья и пиво. Бессознательно он принял свой обычный насмешливо-высокомерный тон испанского гидальго, но тотчас же, несмотря на свое расстройство, с негодованием заме-

тил, что слуга не поклонился ему, а только приказал принести требуемое из дома и, повернувшись спиной к Адриану, заговорил с одним из посетителей.

Скоро Адриан заметил, что он служит предметом разговора: разговаривавшие косились на него и указывали на него пальцами.

Мало-помалу к двум собеседникам присоединилось еще несколько, и они начали рассуждать о чем-то, по-видимому, сильно интересовавшем всех. Собралась также дюжина мальчишек и несколько женщин, и все стали коситься и указывать на него. Адриану стало неловко, он начал сердиться, но, надвинув шляпу на глаза и скрестив руки на груди, сделал вид, что ничего не замечает. Слуга принес ему ужин, но так грубо сунул ему кушанья и пиво, что оно расплескалось по столу.

– Осторожнее, да вытри! – приказал Адриан.

– Сам вытри, – ответил слуга, дерзко поворачиваясь на каблуках.

Первым движением Адриана было встать, но он был голоден и решил прежде поужинать. Он взял кружку и стал жадно пить, как вдруг что-то упало на дно кружки, так что пиво снова расплескалось и залило его платье. Он опустил кружку и, схватившись за меч, спросил, кто смел помешать ему пить. Из толпы не раздалось ни шуток, ни насмешек, она казалась слишком серьезно настроенной, но голос из задних рядов крикнул:

– Это тебе за Дирка ван-Гоорля. Ему пища скоро понадобится.

Адриан понял. Все знали об его позоре, всему Лейдену было известно случившееся с ним. Слова замерли у него на губах и рука выпустила меч. Как ему было поступить? Сделать вид, что он относится с презрением к происшедшему? Он попробовал было приказать подать себе новую порцию, но слова не шли у него с языка. Толпа заметила его колебание и, выводя из него заключение об его виновности, разразилась криками и бранью.

– Предатель!.. Испанский шпион!.. Убийца!.. – раздалось со всех сторон. – Кто донес на нашего Дирка?.. Кто предал брата на пытку?..

Затем раздались еще более резкие ноты:

– Убить его!.. Повесить вниз головой!.. Побить камнями!.. Вырвать у него язык!..

Из толпы к нему протянулась длинная женская костлявая рука, и пронзительный голос закричал:

– Дай-ка нам подарочек, красавчик!

Адриан почувствовал, как у него вырвали клочок волос. Это было уже слишком! Он должен был подняться и дать себя убить, но вдруг его охватил страх перед этими волками в человеческом образе. Быть растоптанным этими грубыми сапогами, быть разорванным на клочки этими грязными руками, очутиться повешенным за ноги – нет, он не мог покориться этому! Он выхватил меч и приготовился бежать.

– Держи его! – раздалось из толпы.

Он же рванулся вперед, налетев на мальчика, старавшегося задержать его, расставив руки.

Вид крови и крик раненого мальчика решили вопрос, и толпа ринулась на Адриана, но он был проворен и, прежде чем чья-то рука успела схватить его, он уже бежал по улице, преследуемый градом камней и грязи. Толпа бежала за ним, и началась одна из самых отчаянных травлей человека, когда-либо виданных Лейденом.

Адриан поворачивал из улицы в улицу, за один угол и за другой, а позади плотной массой бежали его преследователи. Несколько женщин протянули через улицу веревку, чтобы остановить его, – он перепрыгнул через веревку, как олень. Четыре человека пытались задержать его, забежав вперед, – он вырвался и побежал по Брее-страат. Здесь, на двери дома своей матери, он увидел бумагу и догадался, что это было. Толпа, однако, настигла его, к ней приставали все новые и новые лица. Теперь ему оставалось одно спасение – Рейн был близко, в этом месте он был широк и моста не было. Может быть, его преследователи не решатся полезть за ним в воду? Адриан бросился в реку и поплыл. За ним вдогонку полетели камни и куски дерева, но, к счастью Адриана, ночь стала быстро спускаться, и он скоро исчез из глаз толпы. До него долетели крики стоявших на берегу, возвещавшие, что он утонул.

Однако Адриан не утонул. Он с трудом выбрался через

тинистую грязь на противоположный берег и, спрятавшись между старыми лодками и наваленным лесом, ждал, пока несколько придет в себя. Однако долго он не мог оставаться здесь: стало слишком холодно. Он потащился дальше в совершенной темноте.

Полчаса спустя, когда Симон-Мясник и его супруга, Черная Мег, уселись отдыхая от дневных трудов, за ужин, у дверей их дома раздался стук. Они выронили ножи и испуганно переглянулись.

– Кто это может быть? – проговорила Мег.

Симон покачал своей круглой головой.

– Я никого не жду, – сказал он, – и не люблю непрошенных гостей. В городе скверный дух!

– Поди посмотри! – приказала Мег.

– Ступай сама... – он добавил эпитет, способный взбесить самую кроткую женщину.

Мег отвечала ругательством и пустила металлическую тарелку в лицо мужу, но прежде чем ссора успела разгореться, снова у двери раздался стук колотушки и на этот раз все сильнее и сильнее. Черная Мег пошла отпереть, между тем как Симон спрятался за занавеску. Обменявшись несколькими словами шепотом с посетителем, Черная Мег пригласила его войти в комнату, ту самую роковую комнату, где Адриан подписал свой донос. Теперь при свете Мег узнала его.

– Симон, иди сюда, это наш графчик! – закричала она.

Симон вышел, и почтенная парочка, подперши бока ру-

ками, разразилась хохотом.

– Это наш дон... наш дон... – задыхаясь, повторял Симон.

Смех их, выдавших Адриана высокомерным, в богатом платье, был вполне естествен при виде этого несчастного, стоявшего, прижавшись к стене, с волосами, слипшимися от грязи, разбитым виском, из которого сочилась кровь, в изорванном платье, пропитанном грязью и водой, в одном сапоге. С минуту беглец сносил их насмешки, но затем, обнажив меч, вдруг, не говоря ни слова, бросился на скотоподобного Симона. Тот побежал вокруг стола.

– Перестаньте смеяться, – закричал Адриан, – или познакомьтесь с этим! Я теперь на все готов.

– Это заметно, – отвечал Симон, уже не смеясь, так как видел, что шутить дальше рискованно. – Что вам угодно, герр Адриан?

– Угодно, чтобы вы дали мне кров и пищу, пока мне вздумается оставаться здесь. Не бойтесь, у меня есть деньги, чтобы заплатить.

– Вы опасный гость, – вмешалась Мег.

– Знаю, – отвечал Адриан, – только, если я буду на улице, я буду еще опаснее: не я один замешан в доносе, и если меня захватят, то доберутся и до вас. Понимаете?

Мег кивнула. Она прекрасно понимала. Лейден становился опасным местопребыванием для людей, занимавшихся ее ремеслом.

– Постараемся устроиться, мейнгерр, – сказала она. –

Пройдите наверх, в комнату мага, и переоденьтесь в его платье: оно будет вам впору, вы почти одинакового роста.

У Адриана дыхание сперло в горле.

– Он здесь? – спросил он.

– Нет, но комната за ним.

– Он заходит к вам?

– Думаю, что будет заходить, раз оставил комнату за собой. Вам нужно видеть его?

– Очень нужно!.. Но вы не говорите ему. Мое дело может подождать, пока мы встретимся. Высушите мое платье как можно скорее, я не люблю носить чужое.

Четверть часа спустя Адриан, обсохший и почистившийся, уже не похожий на беглеца, за которым гонится толпа, вернулся в гостиную.

Когда он вошел, одетый в платье Рамиро, Мег толкнула мужа и прошептала:

– Правда, похожи?

– Как два дьявола в аду, – отвечал Симон критически и прибавил: – Ужин готов, мейнгерр, садитесь и кушайте.

Адриан поел с аппетитом: мясо и вино были хорошие, а он был голоден. Ему доставило грустное удовольствие сознание, что он может еще наслаждаться чем-нибудь, будь то хоть еда и питье.

Полужинав, он передал хозяевам случившееся, или то, что считал нужным передать, и затем отправился спать, спрашивая себя, не убьют ли его хозяева во время сна, чтобы овла-

деть бывшим при нем кошельком с деньгами. Он даже надеялся на это и крепко проспал целых двенадцать часов.

Следующий день до самого вечера Адриан просидел в доме шпионов, отдыхая и раздумывая о своем падении. Черная Мег сообщала о происходившем в городе. От нее Адриан узнал, что мать его заболела чумой и что приговор о голодной смерти застал бездыханное тело Дирка ван-Гоорля. Он узнал также подробности бегства Фоя и Мартина, составлявшие предмет всеобщего разговора в городе. В глазах народа беглецы сделались героями, и кто-то даже сочинил на этот сюжет песенку, которую распевали на улицах. Два стиха ее относились к Адриану, и Черная Мег повторила их ему со скрытым злорадством. Да, брат его превратился в народного героя, а он, Адриан, стоявший бесконечно выше его, стал предметом всеобщего презрения. И во всем этом был виноват Рамиро.

Адриан ждал Рамиро. Ради этого он рисковал оставаться в Лейдене. Рано или поздно Рамиро заглянет в этот дом, и тогда... Адриан вынул свою рапиру, отпарировал и, наконец, прошипев угрозу, воткнул ее в пол, воображая, что горло Рамиро находится между острием оружия и досками. Конечно, в поединке, который неминуемо должен состояться, Рамиро, без сомнения искусно владеющий оружием, может взять верх, и под острием может очутиться горло Адриана. Но хотя бы и так? Ему все равно. Он решился показать себя Рамиро, а там пусть пойдет к дьяволу он сам, или Рамиро,

или оба вместе.

Под вечер второго дня Адриан услышал крики на улице, и вошедший Симон рассказал, что прибыл человек с дурными вестями из Мехлина. Пока он еще не знал подробностей и отправился разузнать их.

Прошло несколько часов, и снова раздались крики, на этот раз более определенные. Черная Мег пришла и рассказала об избиении жителей Мехлина и о восстании лейденцев, направившихся к городской тюрьме. Затем она снова убежала: где вода мутилась, там Черная Мег ловила рыбу.

Прошел еще час, снова кто-то отворил входную дверь ключом и осторожно запер, войдя.

«Симон или Мег», – подумал Адриан; но не будучи вполне уверен, он из предосторожности спрятался за занавеску.

Дверь комнаты отворилась, и вошел Рамиро. Теперь настал удобный случай для Адриана. Маг казался расстроенным. Он сел на стул и начал обтирать лоб шелковым платком, а затем, потрясая кулаком в воздухе, начал проклинать всех и вся, главное же – лейденских граждан. После того он снова погрузился в молчание и сидел, неопределенно смотря в пространство и крутя свои седые усы.

Теперь наступила минута, которой Адриану следовало воспользоваться: ему стоило выйти из-за занавески и приколоть Рамиро прежде, чем тот успеет подняться со стула. План имел много привлекательного, и Адриан привел бы его в исполнение, если бы его не остановило соображение, что

убитый таким образом Рамиро никогда не узнает, за что он убит, а Адриан непременно желал, чтобы он знал это. Он желал не только отомстить Рамиро, но желал, чтобы тот знал, за что Адриан мстит ему. Кроме того, надо отдать справедливость Адриану, он предпочитал открытый поединок удару из-за угла: люди благородные бьются, а убийцы нападают сзади.

Выбрав удобный момент, Адриан вышел из-за занавески и стал между Рамиро и дверью, которую запер на задвижку, чтобы никто не прервал их свидания. При шуме Рамиро вздрогнул и поднял глаза. В минуту он понял свое положение, его загорелое лицо побледнело, так как он знал, что опасность велика, но он смело взглянул ей в лицо, как дворянин, стяжавший большую, разнообразную опытность на своем веку.

– Герр Адриан ван-Гоорль, – сказал он. – Я рад видеть своего ученика и друга, но позвольте вас спросить, зачем вы в этой тесной комнате, хотя времена, правда, беспокойные, и так угрожающе размахиваете обнаженной рапирой?

– Негодяй, ты знаешь, зачем! – отвечал Адриан. – Ты предал меня и моих родных, опозорил меня... В награду я убью тебя.

– Вижу, опять это дело ван-Гоорля, – сказал Рамиро. – Ни на полчаса мне нет от него покоя. Ну, прежде чем вы приступите к выполнению вашего намерения, вам, может быть, интересно будет узнать, что ваш почтенный батюшка, по-

постившись несколько дней, теперь, вероятно, находится на свободе, так как чернь взяла приступом Гевангенгуз. Однако я не могу скрыть, что он сильно страдает от чумы, которую ваша матушка, со свойственной ей находчивостью, передала ему, считая подобный конец для него более приятным, чем тот, который был назначен ему законом.

Все это медленно говорил Рамиро, все время стараясь встать так, чтобы свет из окна падал на его противника, между тем как он сам оставался в тени, что, как он знал по опыту, очень удобно при поединке.

Адриан не отвечал, но поднял меч.

– Одну минуту, молодой человек, – продолжал Рамиро, в свою очередь обнажая оружие и становясь в позицию. – Вы серьезно хотите драться?

– Да, – отвечал Андриан.

– Какой же вы глупец после того, – заявил Рамиро. – Почему вы в ваши годы ищете смерти? Ведь у вас против меня столько же шансов, сколько у крысы против терьера. Смотрите! – Он коварно направил свой меч прямо в сердце своему противнику, но Адриан был настороже и отпарировал удар.

– Я знал, что вы сделаете это, – сказал Рамиро, – я бы не промахнулся, но все ангелы знают, что я не желаю ранить вас. – Про себя же он подумал: «Молодец опаснее, чем я предполагал, теперь дело идет о жизни. Старая ошибка: слишком высоко наметил».

Но тут Адриан бросился на него как тигр, и в следующие полминуты в комнате не было ничего слышно, кроме звона стали и усиленного дыхания сражающихся.

Сначала удача была на стороне Адриана, он нападал ожесточенно, и его более старому противнику приходилось только обороняться. Отпарировав выпад Рамиро, Адриан слегка ранил его в левую руку. Царапина, видимо, разгорячила Рамиро: он перестал обороняться и начал нападать. Искусство и сила пришли ему на помощь. Адриану пришлось медленно отступать перед ним, пока уже двигаться почти было некуда в тесной комнате, и вдруг, споткнувшись или потеряв силы, он кубарем полетел к противоположной стене. С гортанным криком торжества Рамиро бросился к нему, намереваясь покончить с ним, пока Адриан еще не успел встать в позицию, но задел ногой за стул, опрокинутый во время борьбы, и во всю длину растянулся на полу.

Теперь настала очередь Адриана воспользоваться минутой. В одно мгновение он очутился возле Рамиро и приставил острие рапиры к его горлу. Однако он не заколол его сразу – не из сожаления, а из желания перед смертью помучить своего врага: подобно всем своим соплеменникам Адриан мог делаться мстительным и кровожадным, когда в нем просыпалась жажда мести. Рамиро быстро осознал свое положение. Физически он был беспомощен, потому что Адриан одной ногой наступил ему на грудь, а другой – на рукоять его меча и не отнимал острия от его горла. Приходилось пу-

стить в ход хитрость.

– Готовьтесь умереть! – сказал Адриан.

– Еще рано, – отвечал Рамиро.

– Как это? – с изумлением спросил Адриан.

– Потрудитесь немного приподнять острие – оно колет меня. Благодарю вас. Теперь я вам объясню, почему я говорю так. Потому что вообще не принято, чтобы сын мог заколоть отца, как первую попавшуюся свинью...

– Сын?.. Отца?.. – спросил Адриан. – Разве?

– Да, мы имеем счастье состоять в таких священных отношениях друг с другом.

– Вы лжете! – закричал Адриан.

– Дайте мне встать и взяться за меч, тогда вы поплатитесь за это слово. Никто еще не говорил графу Жуану де Монтальво, что он лжет, оставаясь после того в живых.

– Докажите это, – сказал Адриан.

– В моем настоящем положении, до которого меня довела несчастная случайность, а не неумение, я не могу доказать ничего. Но если вы сомневаетесь, спросите у своей матери или у наших хозяев, или загляните в церковные книги Гроте-кирк, не найдете ли вы там под числом, которое я сообщу вам, запись о браке Жуана де Монтальво и Лизбеты ван-Хаут, от какового брака и родился сын Адриан. Я докажу вам это. Не будь я вашим отцом, разве спаслись бы вам из рук инквизиции и разве не проколол бы я вас дважды в последние пять минут? Вы, правда, хорошо деретесь, но все же вам

далеко до меня.

– Если вы даже отец мне, почему мне не убить вас, после того как вы угрозой заставили меня сделать, что хотели? Вы опозорили меня, из-за вас за мной гнались по улицам, как за бешеной собакой, из-за вас мать отреклась от меня! – Адриан смотрел так свирепо и так низко опустил меч, что Рамиро почти потерял надежду.

– На все это могут найтись объяснения в душе человека религиозного, – сказал он, – но я приведу вам один довод, касающийся вашей личной выгоды. Если вы убьете меня, проклятие, постигающее отцеубийцу, будет над вами и в здешней и в будущей жизни...

– Надо мной уже тяготеет более тяжелое проклятие, – начал было Адриан, но в голосе его послышалось колебание: Рамиро, искусно умевший играть людскими сердцами, затронул настоящую струну, и суеверие Адриана отозвалось.

– Будь благоразумен, сын мой, – снова начал Рамиро, – и останови свою руку, прежде чем совершить дело, которому ужаснется сам ад. Ты думаешь, что я враг тебе, но ты ошибаешься, все это время я старался делать тебе добро, но как я могу объяснить тебе все, лежа, как теленок под ножом мясника? Отложи в сторону мой меч и свой и дай мне сесть, тогда я сообщу тебе план, который послужит на пользу нам обоим. Или, если хочешь, то коли скорей! Я не намерен умолять тебя о жизни – это недостойно испанского гидальго. И что такое жизнь для меня, знавшего столько горя? Боже, Ты

всевидящий, прими мою душу и, молю Тебя, прости этому юноше его ужасное преступление – он не в полном разуме и впоследствии раскается в своем поступке.

Рамиро выпустил из руки меч, уже бесполезный ему. Придвинув его к себе концом своего оружия, Адриан нагнулся и поднял его.

– Встаньте, – сказал он, снимая ногу. – Я могу убить вас после, если захочу.

Если бы он мог заглянуть в сердце своего отца, с трудом поднявшегося на ноги, он не стал бы откладывать своей мести.

«Здорово же ты напугал меня, мой друг, – подумал Рамиро, – но теперь опасность миновала, и если я не заплачу тебе, то твое имя не Адриан».

Встав и отряхнувшись, Рамиро уселся на стул и заговорил очень серьезно. Во-первых, он с самой убедительной чистосердечностью доказывал, что, заставляя Адриана действовать в своих интересах, он и не подозревал, что Адриан его сын. Конечно, доводы были не выдерживающими критики, но для Рамиро главное было выиграть время, а Адриан слушал. Рамиро рассказал, что только после того, как мать Адриана случайно, а вовсе не по его желанию увидела документ, которым уличался ее муж, он узнал, что Адриан ван-Гоорль ее сын, а также его, Рамиро, собственный. Однако, – поспешил он прибавить, – все это теперь уже старая история и не имеет никакого значения в настоящем. Благодаря волне-

нию черни, заставившей его покинуть свой пост в крепости, он, Рамиро, находится временно в затруднительных обстоятельствах, Адриан же опозорен. Вот поэтому он хочет сделать Адриану одно предложение. Почему им не соединиться, почему естественной связи, существующей между ними и чуть было не порванной мечом – о чем оба они должны сожалеть, – не перейти в действительную нежную привязанность? Он, отец, имеет положение, большую опытность, друзей и виды на огромное состояние, которым, конечно, не может вечно пользоваться. На стороне же сына молодость, красота, приятные, изысканные манеры, образование светского человека, ум и честолюбие, которые поведут его далеко, а в ближайшем будущем доставят ему возможность приобрести расположение молодой особы, столь же доброй, как просто-та.

– Но она ненавидит меня, – сказал Адриан.

– Вот и видно, что ты еще неопытен, – со смехом сказал Рамиро. – Как легко юность приходит в восторг и впадает в уныние! Сколько я знаю счастливых браков, начавшихся подобной ненавистью! Дело это устроится, даю слово. Если ты хочешь жениться на Эльзе Брант, я помогу тебе, если не хочешь, никто тебя не заставляет.

Адриан задумался, и так как в нем была практическая жилка, то спросил:

– Вы говорили об огромном богатстве, на которое имеете виды. Что это за богатство?

– Я скажу тебе, – шепотом начал родитель, осторожно осматриваясь. – Я имею намерение отыскать огромные сокровища Гендрика Бранта – поиски его лежат в основе всех постигших меня теперь неприятностей. Видишь, как я был откровенен с тобой: ведь если ты женишься на Эльзе, все это богатство по закону будет твоим, и я могу только получить из него столько, сколько тебе угодно будет дать мне. В нашем гербе стоит девиз: «Вверься Богу и мне». Поэтому я представляю решение твоему чувству чести, которое никогда не ослабевало в роду Монтальво. Не все ли равно, кто законный владетель состояния, раз оно находится в семье?

– Конечно, все равно, – мельком ответил Адриан, – я не коммерческий человек.

– Ну и прекрасно! – продолжал Рамиро. – Однако мы заговорились, и если мне суждено жить, то есть дела, которыми я должен заняться. Ты слышал все, что я имел сказать, и меч в твоих руках, я тоже в твоих руках и отпущен только под честное слово. Прошу же тебя, реши скорее. Только если ты намереваешься прибегнуть к оружию, то позволь мне указать тебе, куда целиться, – я не желаю бесцельных мучений.

Он встал и поклонился вежливо и с достоинством. Адриан взглянул на него и поколебался.

– Я не доверяю вам, – сказал он, – вы уже раз обманули меня и, думаю, обманете во второй раз. Я не особенно высокого мнения о людях, которые, переодетые и под чужим

именем, устраивают западни, чтобы добыть свидетельство. Но я попал в плохое место, и у меня нет друзей. Я хочу жениться на Эльзе и вернуть себе положение, которое занимал в обществе, кроме того, вы сами понимаете, я не могу перерезать хладнокровно горло родному отцу, – Адриан бросил один из мечей.

– Я и не ожидал другого решения от такого благородного характера, сын мой Адриан! – заметил Рамиро, поднимая свой меч и вкладывая его в ножны. – Но теперь, прежде чем мы заключим окончательный союз, я должен предложить тебе два условия.

– Какие они? – спросил Адриан.

– Во-первых, чтобы между нами существовали такие дружеские отношения, какие должны существовать между сыном и отцом, – отношения, не допускающие никакой утайки. Второе условие может показаться тебе несколько тяжелым. Несмотря на то, что судьба вела меня по каменистому пути и неизвестно, что еще готовит мне в будущем, была всегда одна вещь, которую я всегда хранил свято и в чистоте и которая, в свою очередь, не раз в тяжелую минуту награждала меня за мою приверженность, – моя вера. Я католик и желал бы, чтобы сын мой был также католиком, эти ужасные заблуждения – поверь мне – так же опасны для души, как теперь они опасны для тела. Могу ли я надеяться, что ты, воспитанный, но не рожденный в ереси, согласишься учиться правилам истинной веры?

– Конечно, можете! – почти с увлечением воскликнул Адриан. – Надоели мне эти собрания, пения псалмов и постоянное опасение попасть на костер. С тех пор как помню себя, я всегда желал быть католиком.

– Твои слова делают меня счастливым человеком, – сказал Рамиро. – Позволь мне отпереть дверь: я слышу, наши хозяева возвращаются. Почтенный Симон и фроу Мег, прошу вас принять участие в веселом событии: этот молодой человек – мой сын, и в знак моей отеческой любви, которой он пожелал, я обнимаю и целую его в вашем присутствии.

Черная Мег, с изумлением смотревшая на Рамиро из-за плеча Адриана, вдруг увидела, что его единственный глаз быстро закрылся. Неужели дон Рамиро сделал ей знак?

Глава XXIV. Марта произносит проповедь и открывает тайну

Два дня спустя после своего примирения с отцом Адриан был принят в лоно католической Церкви. Приготовления были кратки: они состояли из трех свиданий с монахом, которого приводили ночью. Наставник нашел в своем ученике такую готовность воспринять его учение и такие способности, что по намеку Рамиро, которого его собственные соображения, не имевшие ничего общего с религией, заставляли желать скорейшего присоединения сына к католицизму, он объявил излишним продолжать период испытания. Поэтому в сумерки третьего дня – при тогдашнем настроении общества они не решались показываться днем, – Адриана отвели в баптистерию Гроуте-кирке, где он исповедался в своих грехах аббату, отцу Доминику, что оказалось простой формальностью, так как список грехов, приготовленный Адрианом, был выслушан весьма быстро. Так, ко всем его винам перед родными, в том числе и преданию отчима, монах отнесся весьма легко; впоследствии Адриан узнал, что с церковной точки зрения подобные преступления считались скорее даже подвигами. Серьезно было принято только его отречение от еретических заблуждений, и, получив удовлетворительные ответы в этом отношении, исповедник дал рассказавшемуся грешнику полное отпущение.

Затем был совершен обряд крещения со всеми формальностями, какие были возможны по обстоятельствам. При церемонии присутствовало несколько священников; восприемниками были его отец и Симон, получивший хорошую плату за труд. Во время совершения обряда произошло неожиданное событие. С самого начала на площади перед церковью слышался топот ног и раздавались голоса толпы, теперь же эта толпа начала стучать в дверь и бросать камни в цветные окна, разбивая чудные древние стекла. Вдруг в баптистерию вбежал один из прислужников и шепнул аббату что-то на ухо, от чего тот побледнел и поспешил окончить обряд.

– Что такое? – спросил Рамиро.

– К несчастью, сын мой, эти собаки-еретики увидели, как вы или наш новоприсоединенный брат, не знаю наверное кто из вас, вошел в это священное место, и теперь окружили церковь, требуя вашей крови, – отвечал монах.

– Так надо бежать! – сказал Рамиро.

– Сеньор, это невозможно, – вмешался дьячок, – все выходы охраняются ими. Слышите?..

В эту минуту раздался усиленный стук в дубовую дверь.

– Не может ли выше преподобие обратиться к ним с внушением? – спросил Рамиро. – Иначе... – Он пожал плечами.

– Будем молиться, – сказал один из монахов дрожащим голосом.

– Конечно!.. Только лучше бы прежде уйти. Вероятно, впрочем, в церкви найдутся потайные помещения, если же

мы останемся здесь, нас перережут.

Тогда дьячок, весь дрожа, побелевшими губами прошептал:

– Идите за мной все. Пойдите. Потушите огни.

Все свечи были погашены, и, взявшись за руки, они в темноте пошли за дьячком, не зная куда. Они пробирались по пустой церкви, где их шаги гулко раздавались среди тишины, составлявшей резкий контраст с шумом голосов снаружи и стуком в дверь. Один из монахов, толстый аббат Доминик, отстал от прочих и пробирался вперед, протягивая руку в пространство и взывая к остальным. Дьячок было отозвался, но Рамиро сердито приказал ему молчать, прибавив:

– Ты хочешь, чтобы всех нас растерзали из-за монаха?

Они продолжали идти, и крики Доминика слабели в отдалении и, наконец, совершенно покрылись ревом, раздававшимся снаружи.

– Здесь, – сказал дьячок, ощупав пол руками, и при слабом свете луны, проникшем в эту минуту через окно на хорах, Адриан увидал перед собой дыру в полу.

– Спускайтесь, там есть ступени, – сказал проводник. – Я задвину камень.

Один за одним они спустились по шести или семи узким ступеням в темное помещение.

– Где мы? – спросил один из монахов, когда дьячок, задвинув камень, присоединился ко всем.

– В фамильном склепе графа ван-Валькенберга, которого

ваше преподобие похоронили три дня тому назад. К счастью, каменщики еще не заделали вход. Если вашему сиятельству душно, – обратился он к Адриану, – станьте на гроб почтенного графа: вам будет легче дышать.

Адриан задыхался; он воспользовался указанием, причем открыл, что над самой его головой находилась какая-то каменная резьба с мелкими отверстиями, вероятно, доски мраморной гробницы, находившейся в церкви над полом. Через эти отверстия был виден лунный свет, дрожавший на полу хоров. В то время как Адриан смотрел в одно из этих отверстий, он услышал рядом с собой голос монаха:

– Слышите?.. Двери выломаны. Помогите нам, святой Панкратий. – И монах, опустившись на колени, начал усердно молиться.

Уступив ударам, большие двери с треском растворились, и толпа ворвалась в храм. Она хлынула с ревом и гулом, как поток, прорвавший плотину, с факелами, фонарями на шестах, топорами, секирами и мечами в руках, и дошла до дубового иконостаса чудной резной работы, перед которым, возвышаясь на шестьдесят футов над полом церкви, стояло Распятие с фигурами Пресвятой Девы и св. Иоанна по сторонам. Здесь вдруг величие и тишина святого места, с детства знакомого каждому, с его нишами, в которых отдавалось эхо, с его освещенными лунной цветными стеклами, неугасаемыми лампадами, подобно огням рыбацких лодок, мерцающим среди темных вод, казалось, охватили толпу. Как при свя-

ценном голосе, раздавшемся среди темноты с неба, разбушевавшиеся волны и ветер утихли, так теперь при виде священных изображений Христа, стоящего с поднятыми руками над алтарем, распятого в терновом венце на кресте, молящегося до кровавого пота в саду Гефсиманском, восседающего за Тайной вечерей и произносящего заповедь: «Возлюбите друг друга, как Я возлюбил вас», возбужденная толпа вдруг стихла.

– Их нет здесь; уйдем! – раздался голос.

– Нет, они здесь, – возразил другой женский голос, в котором слышалась жажда мести. – Я следила за ними до самых дверей, я видела убийцу – испанца Рамиро, шпиона Симона, предателя Адриана и монахов, монахов, наших мучителей.

– Пусть их накажет Господь, – сказал первый голос, показавшийся знакомым Адриану. – Мы сделали довольно, разойдемся по домам.

Раздался ропот.

– Пастор прав. Слушайте пастора Арентца.

Более умеренные из толпы собирались разойтись, как вдруг с противоположного конца церкви раздался крик:

– Вот один из них. Ловите его!

Через минуту окруженный людьми с факелами появился аббат Доминик. Глаза его выступали из орбит, а разорванная ряса волочилась по полу. Измученный и испуганный, он бросился к подножию фигуры святого и молил о пощаде, пока десяток рук снова не поставили его на ноги.

– Выпустите его, – сказал пастор Арентц. – Мы боремся против Церкви, а не против ее служителей.

– Выслушайте сначала меня, – раздался женский голос, говоривший прежде, и все головы обратились к кафедре, где появилась седая костлявая старуха со сверкающими глазами, желтыми зубами и лицом, вытянутым вперед, как у лошади, а по обеим сторонам ее стояли две женщины с факелами в руках.

– Это «Кобыла»! – раздалась возгласы. – Марта с моря. Продолжай, Марта. На какой текст будет твоя проповедь?

– Кто проливает кровь человеческую, того кровь также прольется, – отвечала она звучным, торжественным голосом, и тотчас же кругом водворилось полное молчание. – Вы называете меня «Кобылой», – продолжала она. – А знаете ли вы, почему мне дали это прозвище? Они назвали меня так, вытянув мне губы вперед и изуродовав клещами мое красивое лицо. А знаете ли, что они принудили меня сделать? Они заставили меня нести моего мужа на спине на костер, говоря, что кобыла для того и создана, чтобы на ней ездили. И знаете, кто сказал это? Этот самый монах, который теперь стоит перед вами.

Когда она произнесла эти слова, страшный крик ярости огласил своды церкви. Марта подняла руки, и снова водворилась тишина.

– Это сказал он, святой отец Доминик. Пусть он опровергнет мои слова. Что? Он не узнает меня? Может быть,

и нет, время, горе, расстройство, горячие клещи изменили лицо фроу Марты ван-Мейден, которую называли Лилией Брюсселя. Взгляните на него теперь! Он вспомнил Лилию Брюсселя. Он вспомнил ее мужа и ее сына, которых он сжег. Да будет Бог судьей между нами. Сделайте с этим дьяволом, что Бог укажет вам!.. Где же другие? Где Рамиро, смотритель Гевангенгуза, много лет тому назад потопивший бы меня подо льдом, если бы фроу ван-Гоорль не купила мою жизнь, где он, приговоривший ее мужа, Дирка ван-Гоорля, к голодной смерти? Сделайте с ним, что Бог укажет вам!.. А где третий, полуиспанец, предатель Адриан, носивший фамилию ван-Гоорля, которого привели сегодня сюда, чтобы присоединить к католической церкви, и который подписал донос, послуживший обвинению Дирка ван-Гоорля и приведший в тюрьму его брата Фоя, откуда его спас Красный Мартин. Сделайте с ним, что Бог укажет вам!.. А четвертый, Симон-шпион, руки которого уже много лет обгагрываются кровью невинных? Симон-Мясник... шпион...

– Довольно, довольно! – редела толпа. – Веревку, веревку! Повесить его на Распятии!

– Друзья мои, – закричал Арентц, – отпустите его. «Я воздам», – говорит Господь.

– Пусть так, а мы ему прежде дадим задаточек! – раздался голос. – Молодец, Ян... Куда взобрался!

Все подняли головы и увидали в шестидесяти футах над своими головами на одной из перекладин креста сидящего

человека со связкой веревок за плечами и свечой, привязанной на лбу.

– Упадет, – сказал кто-то.

– Ну, вот. Это Ян, кровельщик, он может висеть в воздухе, как муха.

– Держите конец, – раздался тонкий голос сверху.

– Пощадите! – молил несчастный монах, когда палачи схватили его.

– А ты пощадил герра Янсена несколько месяцев тому назад?

– Я радел о спасении его души, – оправдывался доминиканец.

– А теперь мы порадеем о твоей душе, твоим же средством полечим тебя.

– Пощадите!.. Я вам укажу, где остальные.

– Где же? – спросил один человек, выступая вперед и отстраняя товарищей.

– Спрятаны в церкви... в церкви...

– Мы знали это, собака-предатель! Ну, спасайте его душу! «Лошадь для того, чтобы на ней ездили», – говорил ты. – А «ангел должен уметь летать», – говорим мы. – Ну, взвивайся!

Так кончил свою жизнь аббат Доминик в руках мстившей ему толпы. Она была свирепа и кровожадна, и читатель не должен думать, что все ужасы этих дней падали исключительно на голову инквизиции и испанцев. Приверженцы новой Церкви также совершали вещи, от которых мы приходим

в ужас. В извинение им можно сказать только то, что они в сравнении со своими притеснителями были, как отдельные деревья в сравнении с лесной чащей, и что преследования, которым они подвергались, и страдания, которые испытывали, доводили их до сумасшествия. Если бы наших отцов, мужей и братьев сжигали на кострах, замучивали в подземельях инквизиции или избивали тысячами при разграблении городов; если бы наших жен и дочерей позорили, наши дома сжигали, достояние разграбляли, права попирали, дома опустошали, то не было бы ничего удивительного, если бы мы, даже в настоящие времена, сделались жестокими, когда бы дело коснулось нас. Благодаря Богу, насколько мы можем предвидеть, цивилизованное человечество никогда больше – разве только в случае какого-нибудь внезапного и ужасного общественного переворота – не подвергнется подобному испытанию.

Высоко в воздухе на одной из перекладин креста висел мертвый монах, подобно возмущившемуся матросу, вздернутому на мачту корабля, который он собирался предать. Но его смерть не успокоила ярости торжествующей толпы.

– Где другие? – кричали все. – Найдите других.

И люди бегали с факелами и фонарями по большой церкви; они побывали на хорах, обшарили ризницу, все часовни и, не найдя ничего, снова крича и жестикулируя, собрались в притворе.

– Приведите собак! – закричал голос. – Они чутьем най-

дут.

Собак привели, они с лаем бегали взад и вперед, но, сбитые с толку множеством людей и не зная, чего искать, ничего не нашли. Кто-то сорвал образ со стены, и в следующую минуту при криках «Долой идолов!» началось разрушение.

Фанатики устремились к алтарям и хранилищам церковной утвари. Вся резьба была отбита и разрублена топорами и молотами, занавесы, закрывавшие шкафы, были оторваны, в священные чаши влито было вино, приготовленное для таинства, и богохульники пили его с грубым хохотом. Они сложили посредине церкви костер и разжигали его священными изображениями, обломками резьбы и дубовых скамеек. В этот костер они стали бросать золотую и серебряную утварь: они пришли сюда не с целью грабежа, а мести, и плясали вокруг, между тем как со всех сторон раздавался треск падающих статуй и звон разбиваемых стекол.

Колеблющийся зловещий свет костра проник через решетчатую плиту гробницы, и Адриан увидал при нем лица своих товарищей по заключению. Что это была за картина! Весь склеп был заставлен полуистлевшими гробами, из которых местами выглядывали белеющие кости, только гроб, на котором он стоял, был еще покрыт ярким бархатом, а кругом эти лица! Монахи в полном облачении прижались по углам, сидя на полу и бормоча неизвестно что побледневшими губами, дьячок лишился чувств, Симон обхватил гроб, как утопающий обхватывает доску, а среди них стоял спо-

койный, насмешливо улыбающийся с обнаженной рапирой в руке Рамиро.

– Мы погибли, – завопил один из монахов, потеряв всякое самообладание. – Они убьют нас, как убили святого аббата.

– Нет, не погибли, – заметил Рамиро. – Мы в безопасности; но если ты посмеешь еще раз открыть свою пасть, то сделаешь это в последний раз. – Подняв меч, он пригрозил им и прибавил: – Молчите! Кто пикнет, тому конец!

Сколько времени продолжалось их заключение – час, два, три, – никто из заключенных не знал, но, наконец, буйство в церкви кончилось. Внутренность церкви со всеми ее богатствами и украшениями была опустошена, но к счастью, пламя не достигло крыши и стены не загорелись.

Мало-помалу иконоборцы устали, казалось, что и ломать больше нечего, и в дыму стало тяжело дышать. По два и по три человека они стали выходить из поруганного храма, и снова в нем водворилась торжественная тишина. Тонкие струйки дыма поднимались над тлеющим костром, по временам с треском обрушивался кусок надломленной лепной работы, и холодный осенний ветер врывался в выбитые окна. Дело было совершено, месть измученной толпы наложила свою печать на древнее здание, где молились ее предки в течение нескольких поколений, и снова тишина наполнила здание, и кроткие лунные лучи залили опустевшую святыню.

Один за одним, как привидения, вылезали беглецы из склепа, прокрадывались к маленькой двери баптистерии и с

бесконечными предосторожностями выходили на улицу, где исчезали во тьме, ощупывая сердце, чтобы ощутить, бьется ли оно еще.

Проходя мимо Распятая, Адриан взглянул наверх, где над ниспровергнутой статуей Пресвятой Девы виднелся кроткий лик Спасителя. Там же, неподалеку, виднелось другое мертвое лицо, казавшееся необыкновенно маленьким и жалким на этой высоте, – искаженное ужасом лицо аббата Доминика, еще недавно возбуждавшего зависть, благоденствовавшего церковного сановника, несколько часов тому назад присоединившего его к святой Церкви. Никакое привидение не могло бы напугать Адриана так, как этот мертвец, но он стиснул зубы и, шатаясь, побрел дальше, следуя за слабым блеском меча Рамиро, вполне доверяясь последнему.

Еще прежде, чем занялся рассвет, Рамиро увел его из Лейдена.

После десяти часов вечера этого дня женщина, закутанная в грубый фрисский плащ, постучалась у дверей дома на Брее-страат и спросила фроу ван-Гоорль.

– Госпожа лежит при смерти от чумы, – отвечала служанка. – Уходи скорей из зараженного дома, кто бы ты ни была.

– Я не боюсь чумы, – сказала посетительница. – А ювфроу Эльза еще не легла спать? Скажите ей, что Марта по прозвищу «Кобыла», желает ее видеть.

Минуту спустя Эльза, бледная, утомленная, но, несмотря на это, такая же хорошенькая, как всегда, вошла в комнату,

поспешно спрашивая:

– Что нового?.. Он жив?.. Как его здоровье?..

– Он жив, ювфроу Эльза, но не здоров: рана на бедре загноилась, и он не может ни ходить, ни даже стоять. Не бойтесь, время и чистые перевязки вылечат его, а лежит он в безопасном месте.

В избытке чувства Эльза схватила руку Марты и хотела поцеловать.

– Не дотрагивайтесь до нее – на ней кровь, – сказала Марта, отдергивая руку.

– Кровь? Чья кровь? – спросила Эльза, отшатнувшись.

– Чья кровь?.. – с глухим смехом спросила Марта. – Кровь многих испанцев. Где, вы думаете, кобыла скачет по ночам? Спросите у испанцев, плавающих по Гаарлемскому озеру. А теперь со мной Красный Мартин, и мы ходим вместе, захватывая добычу, где она попадетсЯ.

– Довольно! – сказала Эльза. – Изо дня в день все одно и то же – все только смерть. Я знаю, несчастье помрачило ваш рассудок, но... чтобы женщина решилась убивать...

– Женщина! Я не женщина, женщина умерла во мне вместе со смертью мужа и сына. Говорю вам, я не женщина – я меч Божий, которому суждено самому погибнуть от меча. Вот я и убиваю и буду убивать, пока меня саму не убьют. Посмотрите, кто висит в церкви на Распяттии, – толстый аббат Доминик. Это я заставила вздернуть его сегодня, завтра вы услышите, как я превратилась в пастора и произнесла про-

поведь. И Рамиро, и Адриану, и Симону-шпиону – всем было бы то же, но я не могла найти их – значит, их час еще не настал. Но идола свергнуты, образа сожжены, золото, и серебро, и драгоценные камни – все брошено в кучу мусора. Храм очищен и окурен, для того, чтобы Господь мог обитать в нем.

– Очищен кровью убитых священников и окурен дымом святотатства, – прервала ее Эльза. – О, как вы можете делать такие ужасные вещи и не бояться!

– Бояться! – повторила Марта. – Те, кто побывали в аду, уже не боятся ничего: я ищу смерти, и когда наступит день судный, я скажу Господу: «Что я сделала, чего мне не говорил голос, говорящий мне ныне? Кровь моего мужа и сына еще курится на земле. Она взывает к Тебе о мести».

Говоря так, она подняла кверху почерневшие руки и потрясала ими. Затем она продолжала:

– Они убили вашего отца, почему вы не убиваете их также? Вы малы, слабы и робки и не можете днем употребить нож, как я, но есть яд. Я умею готовить из болотных трав совершенно светлую, как вода, и смертоносную, как рука смерти, отраву. Хотите, я принесу вам ее? Вы пугаетесь подобных вещей. И я когда-то была так же красива, так же любила и была так же любима, как вы, и делаю это в память своей любви. Нет, вам нечего братья за такие дела – довольно на них и меня. Я – меч, но и вы также меч, хотя и не знаете этого; да и вы, такая нежная и кроткая, меч-мсти-

тель, умерщвляющий людей; я по-своему, вы по-своему, мы обе оплачиваем полной мерой тем, кому суждено умереть. Каждая вещь из сокровища Гендрика Бранта – вашего наследства – обагрена кровью. Говорю вам, все убийства, лежащие на мне, только песчинки в полном стакане по сравнению с теми, которые будут совершены из-за вашего сокровища. Я вижу, что пугаю вас. Но не бойтесь, ведь говорит не кто иной, как сумасшедшая Марта, и сегодня в церкви мне привиделось такое, чего я не видала уже много лет.

– Скажите мне еще что-нибудь о Фое и Мартине, – просила Эльза, не помнившая себя от страха.

При этих словах в Марте произошла перемена; она ответила уже не крикливо, а спокойным голосом.

– Они довольно благополучно дошли до меня пять дней тому назад: Мартин принес Фоя на себе. Я увидела издали его по бороде. Слушая его рассказ, я хохотала, как никогда в жизни.

– Повторите мне их рассказ.

Марта рассказала, что знала, и Эльза слушала ее, сложив руки, как на молитве.

– Молодцы... молодцы! – проговорила она. – Мартин выбил дверь, а Фой, слабый и раненый, убил часового. Слыхано ли что-нибудь подобное?

– Люди становятся отчаянными храбрецами, когда избежали пытки, – мрачно отвечала Марта. – Ну, теперь, когда испанцев выгнали отсюда, Фой вернется домой, как только си-

лы позволят ему, пока же он еще не может подняться, и Красный Мартин ходит за ним. Однако долго ему нельзя оставаться так: я слышала, что испанцы собираются с большим войском осадить в скором времени Гаарлем, и тогда нам уже будет не безопасно оставаться на островах, да я и сама уйду к гаарлемцам помогать им.

– А Фой и Мартин вернутся?

– Думаю, да, если их не захватят.

– Захватят? – Эльза схватила за сердце.

– Времена опасные, ювфроу Эльза. Может ли кто-нибудь, кто дышит утром воздухом, сказать, чем он будет дышать вечером? Времена тяжелые, и владыка теперь – смерть. Сокровища Гендрика Бранта не позабыты, не забыли и о тех, кому известно, где они. Рамиро выскользнул из моих рук сегодня и, наверное, ищет сокровища где-нибудь далеко от Лейдена.

– Сокровища! О, эти трижды проклятые сокровища! – воскликнула Эльза, вздрогнув, как от дуновения ледяного ветра. – Когда мы избавимся от них!

– Не избавитесь, пока не настанет время. Отец ваш хлопотал не о том, чтобы сохранить наследство для вас. Послушайте: известно вам, где скрыты сокровища? – Ее голос опустился до шепота.

Эльза отрицательно покачала головой, говоря:

– Я не знаю, где оно спрятано, и не желаю знать.

– Все же лучше бы сказать вам: нас троих, которым известна тайна, могут убить. Я не укажу вам места, но скажу,

где найти ключ к тайне.

Эльза вопросительно взглянула на нее, и Марта, нагнувшись вперед, шепнула ей на ухо:

– Он в рукояти меча «Молчание». Если Красного Мартина захватят или убьют, разыщите его меч и отверните рукоять. Понимаете?

Эльза кивнула и отвечала:

– А если Мартин лишится меча?

Марта пожала плечами.

– Тогда, значит, прощай и сокровища, то есть если меня убьют. На все Божья воля; но, во всяком случае, вы наследница, хотя бы по имени, и должны знать, где искать сокровища, которые могут оказать со временем хорошую службу и вам и вашему отечеству. Я не даю вам бумаги, только указываю, где искать ее, а теперь мне пора в путь, чтобы дойти к морю до рассвета. Что передать вашему жениху, ювфрону?

– Я напишу ему несколько слов, если вы можете подождать. Пока покушайте.

– Хорошо, пишите, а я пока поем. Любовь для молодежи, а пища для стариков, а за то и другое – благодарение Богу.

Глава XXV. Красная мельница

После недельного пребывания на Красной мельнице, и она сама, и ее окрестности начали надоедать Адриану. В девяти или десяти голландских милях к северо-западу от Гаарлема находится местность, называемая Фельзен, лежащая на песчаных дюнах к югу от канала, известного теперь под именем Северного морского канала. В то время, к которому относится наш рассказ, канал представлял из себя большую осушительную канаву, а Фельзен был малонаселенное село. Вся местность была вообще слабо населена, потому что несколько лет тому назад здесь прошла испанская армия, убивая, сжигая, опустошая, так что осталось весьма мало жителей, которые едва содержали в порядке ветряные мельницы и осушительные каналы. Голландия – земля, отвоеванная у болот и моря, и если воду постоянно не откачивать, каналы не прочищать, то земля весьма быстро снова превращается в болото, и хорошо еще, если океан, прорвавшись через слабую преграду, воздвигнутую рукой человека, не образует здесь обширной соленой лагуны.

В былые времена Красная мельница была насосной станцией, откачивавшей, когда ее огромные крылья работали, воду с плодородных лугов в большую канаву, соединенную системой шлюзов с Северным морем. Во времена нашего рассказа возвышенные берега канала еще существовали, но

луга уже снова превратились в болото, среди которого на небольшом земляном пригорке поднималась узкая и высокая ветряная мельница, деревянная, на каменном фундаменте, которую далеко было видно со всех сторон среди пустынных окрестностей. Поблизости не было других строений, никакой скотины не паслось у подножия мельницы, она стояла мертвой среди мертвого ландшафта. Налево от нее отделенный широким илистым каналом, откуда во время половодья густая болотная вода разливалась по равнине, начинался ряд бесплодных песчаных дюн, поросших редкой травой, торчавшей, как щетина на спине дикого кабана, а за дюнами ревел, стонал и плакал океан, когда ветер и непогода вздымали его недра. Против мельницы не более как в пятидесяти шагах проходил широкий канал, заключенный в высокие берега и выливавший день за днем миллионы галлонов своей воды в море. Насыпные берега, однако, начинали ослабевать: на них виднелись пространства, где, казалось, прошел гигантский плуг, выворотив бурую землю среди зеленой поверхности; в других местах вода, во время зимних наводнений ища себе выхода, перерезала мягкую насыпь, однако не настолько разрушив ее, чтобы она не могла исполнять своего назначения.

Слева и сзади тянулись опять болота, только на горизонте виднелись башни Гаарлема да местами, на больших расстояниях, церковные башни, болота же служили пристанищем всякой местной птице, а летом всю ночь напролет в них ква-

кали лягушки.

В такое-то убежище Симон и Черная Мег отвели Рамиро и его сына Адриана в ту достопамятную ночь, когда аббат Доминик был повешен после того, как Адриан получил от него отпущение грехов и крещение. Он ничего не спрашивал: он был слишком потрясен нравственно и физически, жизнь для него была в эти дни ужасающей фантазмагорией, полной мрака, из которой появлялись мстительные фигуры с обгагранными кровью руками и раздавались голоса, обрекающие его на погибель.

Беглецы нашли на обширном нижнем этаже мельницы несколько кое-как меблированных комнат. Мельница, насколько Адриан мог понять, была обитаема контрабандистами или ворами, или вообще какими-то темными личностями, с которыми Симон и Черная Мег состояли в союзе и которые знали, что здесь рука закона не достигнет их, хотя, надо сказать, что в правление Альбы в Нидерландах закона не существовало, и бояться его приходилось только людям богатым или тем, кто осмеливался молиться Богу по-своему.

– Зачем мы пришли сюда, отец? – несмело спросил Адриан.

Рамиро пожимал плечами, оглядывая все кругом своим единственным глазом, и отвечал:

– Нас привели сюда наши проводники и друзья, Симон и его жена уверяют меня, что только здесь мы в безопасности, и, клянусь св. Панкратием, после того, что мы видели в

церкви, я склонен верить этому. Каким жалким казался отец Доминик, когда он висел, как черный паук, на своей веревке! У меня мороз подирает по коже, когда я вспомню о нем.

– А долго мы проживем здесь?

– Пока дон Фердинанд возьмет Гаарлем и толстые голландцы – те, по крайней мере, которые останутся в живых, – станут лизать наши сапоги, умоляя о пощаде. – Он заскрежетал зубами и прибавил: – Ты играешь в карты? Прекрасно, сыграем партию. Вот карты, игра развлечет нас. Ставлю сто гульденов.

Они начали играть, и Адриан выигрывал, после чего отец, к его удивлению, стал платить ему.

– Зачем это? – спросил он.

– Порядочные люди всегда должны платить карточные долги.

– А если нечем?

– В таком случае следует вести аккуратный счет и выплатить при первой возможности. Помни, что все можно забыть, но проигрыш в карты – долг чести. Никто не может обвинить меня, что я остался ему должен хотя бы один гульден из проигранных денег, что же до других долгов, то, боюсь, их за мной наберется порядочно.

Когда игра кончилась в этот вечер, Адриан оказался в выигрыше около четырехсот флоринов. На следующий день его выигрыш дошел до тысячи, на которые отец выдал ему форменную расписку, но на третий вечер счастье изменило или,

может быть, Рамиро играл внимательнее, и Адриан проиграл две тысячи гульденов.

Он заплатил их, вернув отцу его расписку и отдав все золото из кошелька, данного ему матерью, так что теперь у него не осталось ни гроша.

Дальнейший ход событий можно угадать. При каждой игре ставки увеличивались, так как, не будучи в состоянии заплатить, Адриан относился равнодушно к тому, сколько он проиграет. Кроме того, его слегка волновало обращение с такими крупными суммами. Через неделю он проиграл королевское состояние. Тогда, встав из-за стола, отец предложил ему подписать обязательство, пригласив женщину, появившуюся неизвестно откуда для домашних работ на мельнице, подписаться в качестве свидетельницы.

– К чему эта комедия? – спросил Адриан. – Чтобы заплатить по этому обязательству, не хватило бы даже наследства Бранта.

Отец насторожил уши.

– В самом деле?.. А я так думаю, что хватило бы. К чему?.. Кто знает?.. Ты можешь со временем разбогатеть; недаром великий император говорил: «Фортуна – женщина, сберегающая свою милость для молодых». А тогда, как честный человек, вероятно, ты пожелаешь заплатить свой старый игровой долг.

– Конечно, пожелал бы заплатить, если бы мог, – зевая, отвечал Адриан, – но теперь, кажется, и говорить об этом не

стоит.

Он встал и вышел на свежий воздух.

Отец задумчиво смотрел ему вслед.

«Надо пользоваться обстоятельствами, – рассуждал он, – у милого сынка, кажется, не осталось ни гроша за душой, и хотя бы ему и надоело жить здесь, он не может убежать. Он должен мне столько, иметь сколько мне никогда и во сне не снилось, стало быть, если бы ему удалось стать мужем Эльзы Брант и законным наследником ее состояния, то какие бы ни возникли между нами неприятности, я получу свою часть совершенно чистым, порядочным путем. Если же, с другой стороны, окажется необходимым мне самому жениться на Эльзе, чего „Боже избави!“, то, по крайней мере, никто не останется в убытке, и Адриан даже будет в выигрыше, взяв несколько ценных уроков у одного из самых искусных игроков Испании. Теперь же нам необходимо оживить это скучное место присутствием самой красавицы. Наши почтенные друзья должны вернуться скоро со своей ношей, по крайней мере надеюсь, что будет так, иначе в нашем деле возникнут большие осложнения. Надо припомнить, все ли предусмотрено, в таком деле малейший промах... Он католик, следовательно, может заключить законный брак без предварительного оглашения, – хорошо, что я вспомнил этот пункт закона. Я достану священника, скромного человека, который не станет вслушиваться, если девице вздумается ответить „нет“, и совершит, чего от него требует его обязанность. Да,

кажется, все предосторожности приняты. Я тщательно посеял семя, Провидению остается взрастить его. Пора тебе, Жуан, успеть в чем-нибудь и успокоиться, довольно ты поработал, и годы дают себя знать, да, даже очень дают себя знать!»

Когда Адриан затворил за собой дверь, ноябрьский день подходил к концу, и через желтые снеговые облака время от времени прорывался луч заходящего солнца, падая на длинные, как руки скелета, крылья мельницы, в которых с завыванием свистел ветер. Адриан предполагал пройтись, но ему показалось слишком сыро на лугу, и, перебравшись через канал по наложенным от одной насыпи до другой доскам, он пошел по песчаным дюнам. Даже летом, когда воздух был тих, все цвело и жаворонки заливались в воздухе, эти холмы со своими изборожденными ветром скатами из бледного песка, резкими очертаниями, небольшими каменными утесами и вершинами, поросшими жесткой травой, производили фантастическое впечатление. Теперь же, под мрачным зимним небом, нельзя было представить себе более пустынного, более унылого места: нигде не было видно следа человека, и за исключением одинокого кулика, заунывный голос которого доносился до слуха Адриана с моря, все животные и птицы попрятались неизвестно куда. Только голос природы слышался во всем своем величии: свистел и завывал ветер, и океан шумел глухо и непрерывно.

Адриан дошел до высшей точки дюн, откуда открылся вдруг вид на скрытое до тех пор море – необозримое про-

странство аспидного цвета с подымающимися на нем холмами и уходящими вглубь долинами, всюду изборожденное белыми пенистыми валами. При подобном состоянии души, а на душе у Адриана все еще было беспокойно, другой, может быть, нашел бы некоторого рода утешение в этом зрелище, так как созерцание явлений природы во всем их величии невольно берет верх над нашими чувствами и заставляет умолкнуть мятежное волнение нашей души. По крайней мере, так бывает с теми, кто умеет читать наставления, начертанные на лице природы, и умеет слышать то, что она изо дня в день говорит нам, но такое понимание дано только людям, которые обладают ключом к пониманию природы или жаждут приобрести его.

Адриан же чувствовал, что однообразие окрестных песчаных холмов, величественный океан с бушующим над ним ветром и, главное, расстилающаяся повсюду пустыня только еще больше расстраивают его нервы, и без того напряженные до последней возможности.

Зачем отец привел его в это отвратительное болото, прилегающее к бесконечному морю? Чтобы спасти свою и его жизнь от разъяренной черни? Это он еще понимал, но, кроме того, здесь таилось и еще что-то, какой-то непонятный для него заговор, выполнить который теперь отправился негодяй Симон и его достойная подруга. А пока ему приходилось сидеть тут, играя в карты с этим Рамиро, посланным судьбою ему в отцы. Кстати, почему это он оказался таким любите-

лем карточной игры? И что значат все эти глупости с расписками? Да, приходится сидеть тут, не забывая ни на минуту своего позора, лица своей матери, когда она оттолкнула его и выгнала из дома, тоскуя о той, которую он надеялся приобрести и потерял навеки, и постоянно видя перед собой привидение Дирка ван-Гоорля!

Адриан содрогнулся, волосы у него стали дыбом и губы затряслись: для него, при его расшатанных нервах, привидение человека, которого он предал, не было игрой воображения; просыпаясь ночью, он видел его у своей постели, обезображенного чумой и истощенного голодом, и поэтому он даже боялся спать один, особенно на этой старой мельнице, где все скрипело, где бегали крысы и каждая доска, казалось, рассказывала о крови и смерти. Боже! В эту минуту ему показалось, что этот самый голос доносится до него с моря. – Нет, это, вероятно, кулик, но, во всяком случае, пора идти «домой» – так приходится называть это место, где даже нет священника, у которого можно было бы исповедаться и найти поддержку.

Слава Богу! Ветер несколько улегся, но зато пошел густой снег и началась метель, так что Адриан с трудом мог разглядеть тропинку. Каково было бы умирать здесь, замерзая на этих песчаных холмах и чувствуя, что рядом находится дух ван-Гоорля, не спуская с тебя ввалившихся, голодных глаз. Пот выступил на лбу Адриана при этой мысли, и он пустился бежать к берегу большого канала, который, как он

знал, должен был вывести его к мельнице. Тропинка поросла травой, и идти было нелегко, так как наступила уже полная темнота, и мокрые хлопья, летевшие прямо в лицо, покрыли дорожку скользким белым налетом. Плотнo завернувшись в плащ, Адриан пробирался вперед, пока ему не показалось, что мельница уже недалеко, и он остановился, пытаясь оглядеться.

В это самое мгновение снег перестал на минуту, и при слабом свете сумерек Адриан мог увидеть, что сделал хорошо, остановившись. Как раз против того места, где он стоял, в нескольких шагах от него нижняя часть насыпи сползла, смытая с каменного основания постоянным медленным течением воды. Если бы он сделал еще шаг дальше, он бы неминуемо полетел в грязь, откуда еще неизвестно, удалось ли бы ему выбраться. Как бы то ни было, он в полумраке взобрался на каменное основание, еще державшееся на деревянных сваях, обнаженных, но пока еще не снесенных постоянно подмывающим их течением. Дорога была не из особенно приятных, так как направо расстилалось грязное болото, а налево, доходя почти до уровня насыпи, протекал темный, вздувшийся от дождей канал, изливавший свои воды в море.

«В следующий разлив и этого не останется, – подумал Адриан, – и тогда болото превратится в озеро, и плохо придется тому, кто окажется в это время обитателем Красной мельницы».

Он вышел на твердую землю, где шагах в пятистах на су-

мрачном небе вырисовывался призрачный силуэт мельницы с ее гигантскими крыльями, Адриан пошел к ней по тропинке, проложенной по небольшой насыпи, и очень изумился, услышав плеск весел в канале и мужской голос, говоривший:

– Слава святым! Доехали! Высаживайтесь скорее!

Адриан, которого все пережитое сделало трусливым, остановился в тени высокого берега канала и увидел, как из лодки поднялись три фигуры или, скорее, две, так как двое вышедших на берег тащили или вели третьего между собой.

– Постой, пока я расплачусь, – раздался голос, показавшийся Адриану знакомым.

Затем послышался звон монеты вперемежку с проклятиями по адресу погоды и расстояния. Снова раздался плеск весел – лодка отчалила, но вместе с тем послышался нежный голос, говоривший в испуге:

– Друзья, у вас есть жены и дочери, неужели вы оставите меня в руках этих негодяев? Ради Бога, сжальтесь надо мной!

– Позор!.. И такая красивая девушка, – проворчал другой хриплый бас. Но рулевой крикнул:

– Знай свое дело. Марш, Ян! Мы сделали, на что подрядились, и получили деньги, а свои любовные дела пусть они уж устраивают сами. Прощайте! Ну, живо! Отчаливай!

Лодка повернула и исчезла в темноте.

На минуту сердце замерло у Адриана, бросившись вперед, он увидел перед собой Симона-Мясника и Черную Мег, а

между ними что-то закутанное в платки.

– Что это? – спросил он.

– Вам бы, кажется, следовало знать, что, герр Адриан, – отвечала Мег, хихикая, – ведь мы этот тючок привезли из Лейдена, не щадя расходов, вам на удовольствие.

Из тючка поднялась голова, и слабый свет упал на бледное, испуганное личико Эльзы Брант.

– Да воздаст вам Бог за это злое дело, Адриан, названный ван-Гоорлем! – произнес слабый голос.

– За какое дело? – проговорил он. – Я ничего не понимаю, Эльза Брант, ничего не знаю!

– Не знаете, а между тем все сделано от вашего имени, и вы ждете меня здесь, меня же схватили, когда я вышла пройтись, и эти чудовища притащили меня сюда. Неужели у вас нет сердца, и вы не боитесь суда, что можете говорить так?

– Освободите ее, – приказал Адриан, бросаясь на Мясника, в руке которого, так же как в руках Мег, сверкнул нож.

– Отстаньте со своими глупостями и отойдите, герр Адриан. Если вам нужно что-нибудь сказать, скажите своему отцу, графу. Пропустите: мы устали и иззябли!

Взяв Эльзу под руки, они прошли мимо Адриана, которому пришлось отстраниться, так как он был без оружия.

И какую пользу могло бы принести его вмешательство теперь, когда лодка уехала и они были одни среди полнейшего безлюдия, в местности, где не было другого приюта, кроме этой полуразвалившейся мельницы? Адриан поник головой

и побрел за Симоном и его женой по тропинке. Теперь он наконец понял, зачем они все жили на Красной мельнице.

Симон отворил дверь и вошел, но Эльза отшатнулась на пороге. Она даже попыталась оказать некоторое сопротивление, но негодяй толкнул ее так, что она споткнулась и упала лицом вниз. Этого Адриан не мог уже снести. Рванувшись вперед, он ударил Мясника изо всей силы кулаком в лицо, и в следующую минуту оба покатались по полу, борясь из-за ножа, который Симон не выпускал из руки.

Всю свою жизнь Эльза не могла забыть этой сцены. Позади нее – открытая дверь, в которую, прямо ударяясь ей в лицо, летели снежные хлопья; впереди – большая круглая комната на нижнем этаже мельницы, освещенная только огнем торфа, пылавшего в очаге, и роговым фонарем, спускавшимся с потолка с балками из темного массивного дуба. И в этой неуютной, почти лишенной всякой мебели комнате перед очагом на грубом деревянном стуле сидел человек – Рамиро, испанская ищейка, затравивший ее отца, ненавистный больше всего на свете Эльзе, – и спал, другие же двое – Адриан и шпион – катались по полу, а между ними сверкал нож.

Такова была картина, представившаяся глазам Эльзы.

Рамиро проснулся от шума, и на лице его отразился испуг, будто от виденного им страшного сна. Но в следующую минуту он осознал происходившее.

– Кто еще поднимет руку, того я прокалю насквозь! – заявил он холодным ровным голосом, вынимая шпагу. –

Встаньте, сумасшедшие, и говорите, в чем дело.

– Дело в том, что эта скотина сейчас сбил с ног Эльзу Брант, – запыхавшись, заявил Адриан. – И я учу его за это.

– Он врёт! – шипел Симон. – Я ее только подтолкнул вперед, и вы сами сделали бы так же, если б вам пришлось целые сутки возиться с такой дикой кошкой. С ней было труднее справиться, чем с любым мужчиной...

– Понимаю, – прервал Рамиро, совершенно овладев собою, – девичье жеманство, вот и все, а со стороны молодого человека – страх влюбленного, и тебе, почтеннейший Симон, вероятно, в былые дни приходилось испытывать то же. – Он взглянул на Черную Мег. – Не обижайтесь: молодежь всегда останется молодежью.

– И молодежи можно всегда всадить нож между ребер, если она вовремя не одумается... – проворчал Симон, выплевывая кусок сломанного зуба.

– Сеньор, зачем меня привезли сюда вопреки всяким законам и справедливости? – перебила Симона Эльза.

– Законам? Кажется, таковых уже не существует в Нидерландах. Справедливость? В войне и любви все дозволено – вы сами согласитесь, ювфроу. А что касается причины, то, думаю, надо спросить Адриана: он знает больше, чем я.

– Он говорит, что не знает ничего, сеньор.

– Ах, он плут! Неужели он утверждает это? Ну, его не переспоришь. Я, не рассуждая, принимаю его слова на веру и советую вам сделать то же. Не трудитесь давать объяснения,

мы все понимаем, – обратился он к Адриану, а затем приказал вошедшей служанке: – Отведи ювфроу в лучшую комнату, какая есть. Да смотрите все, чтоб с ней обращались хорошо, иначе, случись что с ней через вас или через нее самое, клянусь, вы заплатите мне своей кровью до последней капли. Смотрите же!

Женщины – Мег и другая – кивнули головами и пригласили Эльзу следовать за ними. Она с минуту постояла в нерешимости, смотря на Рамиро и Адриана, затем, грустно опустив голову, повернулась и не говоря ни слова пошла по дубовой лестнице, начинавшейся возле очага.

– Отец, – начал Адриан, когда они остались одни, – ведь я должен так называть вас...

– Нет ни малейшей надобности, – перебил его Рамиро, – не все случившееся нуждается в полном дневном освещении... Ну, что ты хотел сказать?

– Что значит все это?

– Сам желал бы объяснить тебе. Но, кажется, это значит, что без малейшего усилия с твоей стороны – ты мне кажешься удивительно ненаходчивым – твои любовные дела принимают неожиданно счастливый поворот.

– Я ни при чем во всем этом. Умываю руки.

– Все равно. Могут найтись люди, которые подумают, что сразу твои руки не отмоешь. Выслушай меня, глупый, – он оставил насмешливый тон. – Ты влюблен в эту куклу, и я велел привезти ее сюда, чтобы женить тебя на ней.

– А я отказываюсь жениться на ней против ее воли.

– Как тебе угодно. Но кто-нибудь да женится на ней – ты или я.

– Вы? – вырвалось у Адриана.

– Совершенно верно. Откровенно говоря, подобная перспектива вовсе не улыбается мне. В мои годы прошедшего достаточно. Но надо думать о материальных выгодах, и если ты отказываешься, то я могу заменить тебя. Понимаешь, что руководит мною?

– Нет. Что?

– Таким образом получается право на наследство Гендрика Бранта. Конечно, мы бы могли оружием или другим путем захватить это богатство; но не лучше ли было бы приобрести его для нашей семьи законным путем, получив на то разрешение высшей власти? Теперь страна в волнении; но не всегда будет так: кто-нибудь, в конце концов, должен будет уступить, и снова водворится порядок. Тогда может возбудиться вопрос – ведь богатые всегда бывают предметом зависти. Если же наследница замужем за католиком и верноподданным короля, то кто может оспаривать права, освященные законами божескими и человеческими? Подумай об этом хорошенько. Выбирай, кем желаешь иметь Эльзу – мачехой или женой!

Весь охваченный бессильным бешенством, мучимый совестью, Адриан начал раздумывать. Всю ночь он продумал, ворочаясь на своем соломенном матрасе, где крысы свили

себе гнезда, между тем как на дворе завывала метель. Если он не женится на Эльзе, на ней женится его отец, и не могло быть вопроса, какой из двух исходов будет для нее лучшим. Эльза – жена этого злого, циничного, истрепанного искателя приключений с таким ужасным прошлым! Этого нельзя допустить! В таком случае ее жизнь была бы адом, с ним же, может быть, после некоторого периода бурь и сомнений она будет счастлива: ведь он молод, красив, симпатичен и любит ее! Вот в том-то и главное. Адриан любил Эльзу настолько, насколько была способна его натура, и мысль, что она может достаться другому, была для него ужасна. Если бы этим человеком был Фой, его сводный брат, было бы тяжело, но что им будет Рамиро – этого Адриан не мог вынести.

Эльза не вышла к завтраку на следующее утро, отец же и сын опять сошлись.

– Ты бледен, Адриан, – сказал Рамиро. – Погода, вероятно, не давала тебе спать ночью, и я не спал, хотя в твои годы был способен спать и при шуме битвы. Ну, что же? Поразмыслил ли ты о нашем разговоре? Мне неприятно приставать к тебе с этими семейными делами, но время не терпит, надо решить что-нибудь.

Адриан смотрел в окно на непрерывно падающий снег. Наконец он обернулся и сказал:

– Да, лучше уж пусть я женюсь на ней, хотя, думаю, что подобное преступление не останется без возмездия.

– Какой ты предусмотрительный молодой человек! – от-

вечал отец. – При всем твоём разгильдяйстве я замечаю в тебе задатки здравого смысла. Что же касается возмездия, то, собственно говоря, тебе нельзя не позавидовать...

– Замолчите! – гневно перебил его Адриан. – Вы забываете, что при подобных сделках бывают две стороны: я должен получить её согласие, а просить его не стану.

– Не станешь? В таком случае, я попрошу его и сумею получить. Ну, теперь слушай: мы заключили договор, и ты потрудишься сдержать его или взять на себя все последствия – каковы бы они ни были. Я подведу эту девицу к алтарю, то есть к этому столу, и ты обвенчаешься с нею, после чего можешь поступить, как тебе будет угодно: можешь жить со своей женой или раскланяться с ней и удалиться – мне все равно, лишь бы вы были женаты. Уж мне надоели все эти разговоры, прошу тебя оставить меня с ними в покое.

Адриан посмотрел на него, хотел что-то сказать, но передумал и вышел из дому на снег.

«Наконец убрался!» – подумал отец и, призвав Симона, вступил с ним в продолжительное совещание.

– Понял? – спросил он наконец.

– Понял, – мрачно ответил Симон. – Я должен разыскать монаха, ожидающего в указанном месте, и вечером привести его сюда. Нелегкое это дело для христианской души в такую погоду!

– А что получишь? Помни, что получишь!

– Все это отлично; да хоть бы задаточек дали...

– Получишь! Такому работнику не жалко и дать, – согласился Рамиро и, вынув из кармана кошелек, данный Лизбетой Адриану, с усмешкой – действительно, в этом была комическая сторона – отсчитал Симону порядочную сумму.

Симон посмотрел на деньги и, решив, что вряд ли удастся сегодня выклянчить еще что-нибудь, спрятал их в карман, затем, закутавшись в толстый фрисский плащ, он отворил дверь и исчез среди метели.

Глава XXVI. Жених и невеста

Весь день снег шел не переставая ни на один час, наступила ночь, и большие мягкие хлопья падали на землю тихо, как пух, так как ветер прекратился. Адриан встречался с отцом только за едой, предпочитая проводить остальной день на дворе, на снегу, или под старым навесом позади мельницы, чем оставаться в обществе этого ужасного человека, вечно насмехающегося и принуждающего его совершить великое преступление.

За завтраком на следующий день Рамиро осведомился у Черной Мег, отдохнула ли ювфрону Эльза от своего путешествия настолько, чтобы позавтракать вместе с ними. Мег отвечала, что Эльза положительно отказывается выходить из своей комнаты и говорить что-либо, кроме самого необходимого.

– В таком случае, мне надо самому переговорить с нею, – сказал Рамиро. – Пойдите и скажите ювфрону, что я шлю ей свой привет и сам поднимусь к ней еще до обеда.

Мег отправилась выполнить поручение, а Адриан взглянул на отца подозрительно.

– Успокойся, мой друг, – обратился к нему отец, – хотя мы и увидимся наедине, но тебе нет причины ревновать. Помни, что пока я только запасная стрела в колчане, запасной актер, выучивший на всякий случай свою роль, но могущий ока-

заться полезным.

Каждое слово Рамиро резало Адриана, но он не отвечал: он уже понял, что ему никогда не сравниться с отцом в речах.

Эльза выслушала послание, как выслушивала все остальное, молча. Три дня тому назад, когда было объявлено, что Лизбета ван-Гоорль окончательно вне опасности после той страшной болезни, которая за это время несколько раз грозила ей смертью, Эльза Брант, все время ухаживавшая за ней, решила выйти прогуляться. Город в этот вечер положительно душил ее, и, чувствуя, что ей необходим чистый деревенский воздух, она вышла за городские ворота и пошла вдоль городского рва, не замечая, что за ней следят. Когда начало смеркаться, она остановилась на минуту, смотря в сторону Гаарлемского озера, мысленно переносясь к любимому человеку, которого надеялась увидеть дня через два или три.

Но тут вдруг что-то покрыло ее голову, и она очутилась в темноте. Она очнулась в лодке, где рядом с ней, карауля ее, поместились двое негодяев, в которых она узнала лиц, напавших на нее в день ее приезда в Лейден.

– По какому праву вы схватили меня и куда вы меня везете? – спросила она.

– Нам заплатили за это, и мы везем вас к Адриану ван-Гоорлю, – был ответ.

Эльза поняла и замолчала.

Таким образом ее привезли в пустынный разбойничий

пригон, где ее ждал Адриан, встретивший ее, как она была убеждена, ложью. Теперь, без сомнения, настал конец. Ее, любившую всей душой его брата, насильно обвенчают с человеком, которого она ненавидела и презирала, обвенчают с пустым, ничтожным предателем, который не остановился из-за ревности, жажды мести или жадности – она не знала, из-за чего собственно – перед тем, чтоб предать своего благодетеля, мужа своей матери, в руки инквизиции.

Что ей делать? Бежать казалось невозможным с третьего этажа мельницы, стоявшей среди занесенного снегом болота, вдали от всякого жилья, из-под надзора двух женщин, не спускавших с нее своих свирепых глаз. Нет, оставалось только одно бегство: в объятия смерти. Но и это исполнить было трудно: у нее не было оружия, а женщины день и ночь караулили ее: пока одна наблюдала за ней, другая спала. Да и умирать Эльзе не хотелось при ее красоте, молодости и любви к жизни. К тому же с детства она была приучена смотреть на самоубийство, как на грех. Она решила положиться на Бога и, как ни казалось невозможным, бороться до конца. И у беспомощного человека иногда находятся друзья. Решившись, она ради сохранения сил стала принимать пищу и пить вино, которые ей приносили, но отказывалась выходить из комнаты и говорить что-либо, кроме самого необходимого, сама между тем зорко наблюдала за всем происходившим.

На второе утро ее пребывания на мельнице ей передали поручение Рамиро, на которое она ничего не ответила, и в

назначенное время Рамиро явился и с поклоном остановился в дверях.

– Вы позволите войти, ювфроу? – спросил он.

И Эльза, поняв, что наступила решительная минута, приготовилась принять его.

– Вы здесь хозяин, – отвечала она голосом холодным, как падавший на дворе снег. – К чему же еще насмешки?

Он приказал женщинам уйти и, когда они остались наедине с Эльзой, отвечал:

– Ничего подобного мне и в голову не приходило, ювфроу; дело слишком серьезное, чтобы говорить пустые фразы.

Еще раз поклонившись, он сел на стул возле очага, где горел огонь.

Тогда Эльза встала, ей казалось, что стоя она будет чувствовать себя сильнее.

– Потрудитесь объяснить, в чем это дело, сеньор Рамиро. Меня привезли сюда, чтобы допрашивать, еретичка ли я?

– Да, отчасти. Вы еретичка перед богом любви и приговорены судом быть... не сожженной на костре, но... предстать перед алтарем...

– Ничего не понимаю.

– Я объясню вам. Мой сын Адриан – в общем порядочный молодой человек, ведь вам известно, что Адриан, мой сын, имел несчастье или, скажем, счастье серьезно полюбить вас, между тем как вы обнаружили такой недостаток вкуса, или, может быть, наоборот, что отдали свое расположение друго-

му. При таких обстоятельствах Адриан, малый неглупый и находчивый, прибегнул к старинному средству для достижения своего желания. Он здесь, и вы здесь, сегодня вечером, я думаю, прибудет сюда и священник. Я не стану вдаваться в подробности того, как все кончится, это частное дело, в которое я не имею права вмешиваться, и только могу, как отец и доброжелатель, поздравить...

Эльза сделала нетерпеливое движение головой, будто желая остановить весь этот поток слов.

– Что заставляет вас так хлопотать о ненавистном для бедной девушки браке? – спросила она. – Какая вам может быть из этого выгода?

– Я замечая, что передо мной деловая женщина, – весело отвечал Рамиро, – одаренная весьма редким качеством – здравым смыслом. Я буду откровенен. Ваш покойный батюшка имел огромное состояние, которое теперь перешло к вам как его единственной дочери и наследнице. По закону, который я сам считаю несправедливым, это состояние перейдет к вашему мужу, кого бы вы ни выбрали. Стало быть, как скоро вы станете женой Адриана, оно перейдет к нему. Я отец Адриана, и обстоятельства сложились так, что он очень много должен мне, следовательно, как он сам убедился, этот союз принесет выгоду нам обоим. Но деловые подробности скучны, поэтому я не стану дольше останавливаться на них.

– Богатство, о котором вы говорите, сеньор Рамиро, исчезло.

– Исчезло, но я имею причины надеяться, что оно будет отыскано.

– В таком случае, здесь главную роль играют деньги?

– Что меня касается лично – да. За чувства Адриана я не могу отвечать: кто знает тайну чужого сердца!

– Стало быть, если бы деньги отыскались или отыскалось указание, как найти их, не было бы надобности в женитьбе?

– Что меня касается, никакой.

– А если деньги не отыщутся, а я откажусь выйти за герра Адриана, или он откажется жениться на мне, что тогда?

– Это задача. Но я вижу и решение ее, или, по крайней мере, половины ее. В таком случае, брак все-таки состоится, но с другим женихом.

– С другим женихом? Кто же он?

– Ваш покорнейший слуга и обожатель.

Эльза содрогнулась и отступила на шаг.

– Ах, мне не следовало так низко кланяться: вы увидели мои седые волосы, а молодость не любит седины.

Негодование Эльзы росло, и она отвечала:

– Не ваша седина заставила меня отшатнуться, седина для многих почетный венец, но...

– Но что касается меня, то вы думаете иначе. Будьте милы и не высказывайте мне ваших соображений. Когда действительность так ужасна, какая нужда еще ухудшать ее беспощадными словами?

Несколько минут продолжалось молчание, которое Рами-

ро, смотревший в окно, прервал замечанием, что «снег идет необыкновенно густо по времени года», а затем снова наступила пауза. Наконец, Рамиро заговорил:

– Насколько я понял, ювфроу Эльза, вы сделали намек, который может повести к удовлетворительному для нас обоим решению вопроса. Местонахождение сокровищ в точности не известно, вы упомянули об указании. Вы можете доставить подобное указание?

– А если могу, что тогда?

– Тогда, после небольшого путешествия в интересную, но малоизвестную часть Голландии, вы можете вернуться к своим друзьям так же, как уехали от них, то есть незамужней.

Эльза боролась с собой, и как она ни старалась скрыть это, следы борьбы отразились у нее на лице.

– Вы поклянетесь в этом? – шепотом спросила она.

– Конечно.

– Поклянетесь ли вы, что если вы получите это указание, вы не станете принуждать меня выйти за герра Адриана или за вас, что вы отпустите меня?

– Клянусь перед Богом.

– Зная, что Бог отомстит вам, если вы нарушите клятву, вы все-таки клянетесь?

– Клянусь. К чему эти излишние повторения?

– В таком случае... – Она нагнулась к нему и продолжала хриплым шепотом: – Веря, что вы, даже вы не решитесь нарушить такую клятву, потому что и вам, даже вам должна

быть страшна смерть и возмездие – вечная мука, я даю вам указание: оно спрятано в мече «Молчание».

– Что это за меч «Молчание»?

– Большой меч Красного Мартина.

Рамиро ударил себя по колену.

– И подумать только, что целый день этот меч висел на стене Гевангенгуза! Позвольте попросить у вас более подробного объяснения. Где меч?

– Где и Красный Мартин. Больше я ничего не знаю. Я могу вам сказать одно: план места, где скрыты сокровища, в мече.

– Или был там. Я верю вам, но чтобы овладеть тайной, скрытой в мече человека, вырвавшегося из застенка Гевангенгуза, надо быть Геркулесом. Сначала надо отыскать Красного Мартина, затем овладеть его мечом, что, думаю, будет стоить жизни не одному человеку. Очень благодарен за ваше указание, но опасаясь, что без брака мы все же не обойдемся.

– Вы же поклялись! – в отчаянии воскликнула Эльза. – Вы поклялись перед Богом.

– Совершенно верно, и приходится предоставить на усмотрение высшей власти, о которой вы упоминаете, дальнейший образ действия. Она, вероятно, сама позаботится о своих делах, мне же надо подумать о своих. Надеюсь, что сегодня около семи часов вечера священник прибудет и жених будет готов.

Эльза не выдержала.

– Дьявол! – закричала она. – Ради спасения своей чести я изменила завещанию отца, выдала тайну, за которую Мартин готов был умереть под пыткой, и предала его на травлю. Господи, прости меня и помоги мне!

– Без сомнения, первая часть вашей мольбы будет услышана, потому что искушение для вас было действительно немалое, я, как человек более опытный, только перехитрил вас, вот и все; предоставляю вам самой устраиваться с Богом. До свидания, до вечера!

Он с поклоном вышел из комнаты.

Эльза же в отчаянии, сгорая от стыда, бросилась на постель и горько зарыдала.

Около полудня она встала, услышав на лестнице шаги женщины, приносившей ей еду, и, чтобы скрыть заплаканное лицо, стала смотреть в решетчатое окно. Вид из него открывался унылый: ветер и снег перестали и сменились дождем. По уходе прислужницы Эльза умылась и, несмотря на полное отсутствие аппетита, стала есть, зная, что это необходимо для сохранения сил.

Прошел еще час, и у дверей снова послышался стук. Эльза содрогнулась, думая, что вернулся Рамиро, чтобы мучить ее. Она почувствовала некоторое облегчение, когда увидела, что то бы Адриан. Один взгляд на его расстроенное лицо и один звук его нетвердых шагов пробудили в ней надежду. Ее женский инстинкт подсказал ей, что теперь она уже имеет дело не с беспощадным, ужасным Рамиро, смотрев-

шим на нее только как на пешку в игре, которую ему необходимо выиграть, а с молодым человеком, любящим ее, стало быть, находящимся в ее руках, кроме того, пристыженным и растерявшимся, на совесть которого она, стало быть, могла подействовать. Встав, она подошла к нему и, хотя она была небольшого роста, а Адриан высок, ей показалось, будто она на голову переросла его.

– Что вам угодно? – спросила она.

В прежние дни Адриан ответил бы каким-нибудь изысканным комплиментом или громкой фразой, вычитанной в романах, да, правду сказать, он даже и обдумывал нечто подобное, когда, как полуголодная собака, отыскивающая себе пристанище, бродил вокруг мельницы. Но теперь ему было не до риторики и галантности.

– Отец мой пожелал, – неуверенно начал он, – то есть я хочу сказать, что я пришел к вам поговорить о нашем браке.

Вдруг нежные черты Эльзы приняли ледяное выражение, а глаза, по крайней мере так показалось Адриану, засверкали.

– О браке? – сказала она странным голосом. – Сколько в вас должно быть низости, что вы решаетесь произнести это слово. Называйте задуманное вами, как хотите, но не произносите священного слова «брак».

– Я тут ни в чем не виноват, – ответил он сумрачно, видимо, задетый ее словами. – Вы знаете, Эльза, что я и прежде предлагал вам стать моей женой с соблюдением всей свято-

сти брака...

– Да, – прервала она его, – и потому что я не хотела слушать вас, потому что вы не нравитесь мне, потому что вы не могли завоевать меня, как мужчина завоевывает девушку, вы устроили западню и увезли меня сюда, надеясь грубой силой получить то, на что я не хотела согласиться добровольно. Во всех Нидерландах, кажется, не найдется другого такого презренного человека, как Адриан, получивший фамилию ван-Гоорль, незаконный сын Рамиро-галерника.

– Я уже говорил вам, что это неправда, – сердито возразил он. – Я ни при чем в вашем похищении. Я ничего не знал о нем, пока не увидел вас здесь.

Она засмеялась горьким смехом.

– Не трудитесь оправдываться, если бы вы поклялись перед лицом самого Бога, я бы не поверила вам. Вспомните, что вы предали брата и благодетеля, и после того можете догадаться, как я отношусь к вашим словам.

Адриан глубоко вздохнул, и этот вздох пробудил в душе Эльзы некоторую надежду.

– Я уверена, что вы не решитесь на такое злое дело. Кровь Дирка ван-Гоорля на ваших руках; неужели вы хотите еще иметь и мою смерть на своей душе? Говорю вам верно, клянусь Создателем, что, прежде чем действительно стать вашей женой, я умру, а может быть, не станет вас, или нас обоих. Понимаете?

– Понимаю, но...

– Но что? К чему это преступление? Ради спасения вашей души откажитесь принять в нем участие.

– Если я откажусь, отец женится на вас.

Это была стрела, пущенная наудачу; но она попала в цель, потому что вдруг силы и красноречие, казалось, покинули Эльзу. Она подбежала к Адриану, сложив руки умоляющим жестом, и бросилась на колени.

– Помогите мне бежать, – молила она, – и я буду благословлять вас всю свою жизнь.

– Невозможно, – отвечал он. – Как бежать из этого места, где за вами следят? Говорю вам, это невозможно.

– В таком случае, – и в глазах Эльзы вспыхнул дикий огонь, – убейте его и освободите меня. Он дьявол. Он ваш злой гений. Вы сделали бы богоугодное дело. Убейте его и освободите меня.

– Я бы не прочь, – отвечал Адриан, – и чуть было уже однажды не сделал этого; но, не погубив свою душу, я не могу убить отца. Это ужаснейшее из преступлений. На исповеди...

– В таком случае, – прервала она его, – если уж необходимо проделать этот гнусный фарс, то клянитесь, что вы пощадите меня.

– Трудно предъявлять такое требование человеку, любящему вас больше всего на свете, – отвечал он, отворачиваясь.

– Помните, – продолжала она, и снова в ее взгляде вспыхнул недобрый огонек, – что вам недолго удастся лю-

бить живую женщину и, может быть, нам обоим придется предстать с решением этого дела перед престолом Всевышнего. Дайте мне клятву.

Он колебался.

Она же думала: «Что он теперь ответит? Что, если „нет, лучше, в таком случае, я уступлю вас Рамиро“».

К счастью, однако, подобная мысль не пришла Адриану.

– Поклянитесь, – умоляла его Эльза. – Поклянитесь! – Она ухватилась рукой за полу его плаща и обратила к нему свое бледное лицо.

– Приношу эту жертву как искупление своих грехов, – ответил Адриан. – Я отпущу вас на все четыре стороны.

Эльза вздохнула с облегчением. Она не доверяла обещаниям Адриана, но видела по крайней мере возможность выиграть время.

– Я так и думала, что не напрасно обращусь...

– К такому забавному ослу, – докончил насмешливый голос из-за двери, которая, как теперь только заметила Эльза, неслышно перед тем отворилась.

– Любезный мой сын и будущая дочь, как мне благодарить вас за развлечение, которым вы оживили один из самых скучных вечеров, которые мне приходилось переживать? Не принимай такого угрожающего вида, мой мальчик; вспомни, что ты сейчас говорил этой молодой девице о преступлении против отца. Какие трогательные планы для будущего! Душа Дианы и самопожертвование... О, нет, кажется, между всеми

героями древности не подберешь подходящего сравнения. А теперь до свидания, я иду встретить человека, которого вы оба ожидаете с таким нетерпением.

Он ушел, и минуту спустя, не говоря ни слова – что можно было сказать в его положении? – Адриан стал спускаться по лестнице вслед за отцом, чувствуя себя еще более несчастным и уничтоженным, чем полчаса тому назад.

Прошло еще два часа. Эльза сидела у себя в комнате под надзором Черной Мег, следившей за ней, как кошка следит за мышью в мышеловке. Адриан искал убежища в помещении, где спал, на верхнем этаже. Это была неудобная, пустая комната, где прежде хранились жернова и другие мельничные принадлежности, теперь же гнездились пауки и крысы, за которыми постоянно гонялась худая черная кошка. Под потолком проходили жерди, концы которых уходили в темноту, а из дырявой крыши постоянно падала каплями вода с монотонным, непрерывным звуком колотушки, ударяющей о доску.

В жилой комнате нижнего этажа находился один Рамиро. Фонарь не был зажжен, и только отблеск огня, горевшего в очаге, освещал фигуру сидящего в задумчивом ожидании человека. Наконец до его тонкого слуха донесся звук извне, приказав прислужнице зажечь лампу, он встал и отворил дверь. Через завесу непрерывавшего дождя мелькал свет фонаря. Еще минута, и человек, несший его, – Симон – появился в сопровождении двух других людей.

– Вот он, – сказал Симон, кивая на стоявшую позади него фигуру, с толстого фрисского плаща которой вода стекала потоками. – А вот другой лодочник.

– Хорошо, – отвечал Рамиро. – Прикажи ему и прочим подождать под навесом, куда вынеси им водки, они нам могут понадобиться.

Послышались переговоры и ругательства, после чего лодочник, ворча, ушел.

– Войдите, отец Фома, – обратился Рамиро к прибывшему. – Пожалуйста, и прошу вашего благословения...

Не отвечая, монах откинул назад капюшон плаща, и показалось грубое, злое, красное лицо с воспаленными от невоздержания глазами.

– Извольте, сеньор Рамиро, или как вас там теперь именуют, хотя, собственно говоря, стоили бы вы проклятия за то, что заставляете священное лицо ехать ради какого-то вашего дьявольского замысла по такой погоде, когда разве только собаке впору быть на дворе. Будет наводнение, вода уже вышла из берегов канала и все более прибывает от тающего снега. Говорю вам, будет такой потоп, какого мы не видали много лет.

– Тем больше причин, святой отец, поскорее окончить наше небольшое дельце, но, вероятно, вы пожелаете прежде выпить глоток чего-нибудь?

Отец Фома кивнул головой, и Рамиро, налив водки в кружечку, подал ему. Монах одним глотком осушил кружечку.

– Еще! – сказал он. – Не бойтесь. Все в свое время. Вот, прекрасно. Ну, в чем дело?

Рамиро отвел его в сторону, и они несколько минут разговаривали наедине.

– Отлично, – заявил наконец монах, – рискну исполнить ваше желание; в настоящее время на такие вещи смотрят довольно легко, когда дело касается еретиков. Но прежде деньги на стол: я не принимаю ни бумаг, ни обещаний.

– Ах вы, духовные отцы, – со слабой усмешкой проговорил Рамиро, – сколькому нам, светским, приходится учиться у вас и в духовных, и в житейских вещах.

Со вздохом он вынул кошель и отсчитал требуемую сумму, затем прибавил: – С вашего позволения, мы прежде посмотрим бумаги. Они при вас?

– Вот они, – отвечал монах, вынимая несколько документов из кармана. – Но ведь они еще не обвенчаны, знаете, ведь прежде чем церемония совершится, мало ли что может произойти.

– Совершенно верно. Мало ли что может случиться или прежде, или после, но мне кажется, в данном случае вы можете засвидетельствовать акт прежде совершения церемонии: вам может вдруг понадобится уехать, и таким образом вы избавитесь от лишней задержки. Потрудитесь написать свидетельство.

Отец Фома колебался, между тем как Рамиро тихонько побрякивал золотыми и проговорил:

– Ведь было бы досадно, отец, если бы вы совершили такое трудное путешествие задаром.

– Что вы еще задумали? – проворчал монах. – Ну, в конце концов, все это одна формальность. Назовите мне имена.

Рамиро назвал имена, и отец Фома записал их, прибавив несколько слов и свою подпись.

– Готово: для всех, кроме одного папы, достаточно.

– Простая формальность, – сказал Рамиро, – конечно, но свет придает такое значение этой формальности, и поэтому, я думаю, надо будет, чтобы эту бумажку нам подписали свидетели – не я, так как я здесь заинтересованное лицо, а кто-нибудь посторонний.

Позвав Симона и служанку, Рамиро приказал им подписаться под документом.

– Бумага подписана вперед, и деньги вперед, – продолжал он, вручая деньги монаху, – а теперь еще стаканчик за здоровье жениха и невесты, тоже вперед. Вы ведь тоже не откажетесь, уважаемый Симон и любезная Абигайль... Ночь такая холодная!

– А водка крепкая, – заплетающимся языком проговорил монах, испытывая действие третьего приема чистого спирта. – Однако к делу! Мне надо выбраться отсюда еще до наводнения.

– Совершенно верно. Будьте добры, господа, пригласите моего сына и ювфруу. Лучше прежде ювфруу, вы все трое можете быть ее провожатыми. Невесте иногда вдруг случает-

ется заупрямиться – понимаете? О сеньоре Адриане не беспокойтесь. Я хочу дать ему кое-какие советы и поэтому сам схожу за ним.

Минуту спустя отец и сын стояли лицом к лицу. Адриан потрясал кулаком и неистово бранил холодного, невозмутимого Рамиро.

– Дурак ты, – сказал Рамиро, когда Адриан замолчал. – И подумаешь, что такой осел, годный только, чтобы его колодили да заставляли носить чужие тяжести, способный только оглашать воздух своим ослиным криком и брыкаться на воздух, мог родиться от меня! Не делай, пожалуйста, таких рож – ты в моих руках, как ты там ни ненавидишь меня. Ты телом и духом мой раб – больше ничего. Ты потерял единственный шанс, который имел, когда захватил меня в Лейдене. Теперь ты уже не смеешь обнажить оружия против меня, любезнейший Адриан, боясь за свою душу, а если б и посмел, то я приколот бы тебя. Ну, идешь?

– Нет, – отвечал Адриан.

– Подумай минуту. Если ты не женишься на ней, не пройдет и получаса, как я стану ее мужем, и тогда... – Он нагнулся к Адриану и шепотом закончил фразу.

– Дьявол! – проговорил Адриан и пошел к двери.

– Что? Передумал? Флюгер! Это преимущество всех утонченных натур... Но ты ведь без колета, и позволь посоветовать тебе пригладить волосы. Хорошо. Ну, идем. Ступай ты вперед – так будет лучше.

Когда они сошли в комнату нижнего этажа, невеста была уже там, ее с двух сторон поддерживала Черная Мег и другая женщина. Эльза была бледна, как смерть, и вся дрожала, но, несмотря на то, смело смотрела в глаза присутствовавшим.

– Итак, приступим, – бормотал полупьяный монах. – Мы имеем согласие обеих сторон.

– Я не согласна! – закричала Эльза. – Меня завезли сюда силой. Призываю всех в свидетели, что все, что происходит здесь, делается против моей воли. Призываю Бога на помощь!

Священник обратился к Рамиро:

– Как же обвенчать их ввиду такого заявления? Если б она молчала, это еще было бы возможно.

– Я уже подумал о подобном затруднении, – отвечал Рамиро и сделал знак Симону и Черной Мег, которые, пройдя сзади, завязали платком рот Эльзе так, что она не могла уже говорить и только в состоянии была дышать через нос.

Она попробовала было сопротивляться, но затем смирилась и обратила умоляющий взор на Адриана, который выступил вперед и собирался что-то сказать.

– Ты помнишь, между чем должен выбирать? – спросил его отец тихо, и он отступил.

– Мне кажется, что мы можем считать ответ жениха или по крайней мере его молчание за согласие, – сказал монах.

– Можете, – ответил Рамиро.

После этого началось венчание. Эльзу потащили к столу.

Три раз она бросалась на землю, и три раза поднимали ее, но, наконец, утомленные тяжестью ее тела, ей не препятствовали оставаться на коленях. Она так и осталась в этой позе, как осужденная, молящаяся на эшафоте. Это была сцена грубого насилия, каждая подробность которой запечатлелась в памяти Адриана. Круглая комната с каменными стенами, наполовину освещенная лампой и огнем массивного дубового очага, наполовину остававшаяся в темноте; невеста, скорее похожая на покойницу, с повязкой на бледном, измученном лице, краснолицый монах, бормочущий отвислыми губами молитвы, читая их по книге и стоя чуть не спиной к невесте, чтобы не видеть ее борьбы и позы; две ужасные старухи; плосколицый Симон, ухмыляющийся около очага, и, наконец, Рамиро, следящий циничным, насмешливым, торжествующим, но вместе с тем несколько тревожным взглядом своего единственного глаза за ним, Адрианом, – такова была картина. Кроме того, еще одно обстоятельство обратило на себя внимание Адриана и еще сильнее встревожило его – звук, который, как он думал в эту минуту, был слышен ему одному, отдаваясь в его голове, – тихое, протяжное завывание, похожее на завывание ветра, мало-помалу перешедшее в рев.

Церемония окончилась. Монаху удалось надеть кольцо на палец Эльзы, и до тех пор, пока брак не был расторгнут законным судом, она должна была считаться женой Адриана. Платок сняли, руки отпустили, физически она стала свобод-

на, но, как она сама сознавала, в эти дни и на той земле, где господствовало насилие, она была скована более крепкой цепью, чем та, какую мог сковать из стали самый искусный мастер.

– Поздравляю, сеньора, – обратился к ней отец Фома. – Вам было нехорошо во время церемонии, но таинство...

– Перестань насмеяться, богохульник! – крикнула на него Эльза. – Да поразит Божья месть прежде всего тебя!

Сдернув кольцо с пальца, она бросила его на дубовый стол, по которому оно покатилося; после того, отвернувшись с жестом отчаяния, она бросилась к себе в комнату.

Красное лицо отца Фомы побледнело, и желтые зубы застучали.

– Проклятие девушки, да еще в час ее венчания, не пройдет даром! – пробормотал он, крестясь. – Несчастье неминуемо, а может быть, и смерть... да, смерть, клянусь св. Фомой. И это ты заставил меня сделать такое дело, ты, галерник, ка-торжник!

– Я предупреждал вас, отец, еще в Гааге, – отвечал Рамиро, – рано или поздно такие вещи, – он указал на бутылку с водкой – действуют на нервы. Хлеб и вода в продолжение сорока дней – вот, что я советую, отец Фома...

Он не успел закончить своих слов, как дверь с шумом отворилась и в комнату вбежали с выражением ужаса на лицах оба лодочника.

– Скорей, скорей! – кричали они.

– Что случилось? – завопил монах.

– Большой канал вышел из берегов. Слышите? Вода идет сюда; мельницу снесет.

Праведный Боже, это было верно! В открытую дверь доносился рев воды – тот самый шум, который Адриан слышал перед тем, и сквозь мрак виднелись пенистые гребни огромных водяных масс, стремившихся через все увеличивающуюся промоину в плотине канала на затопленную уже низменную равнину.

Отец Фома бросился к двери с отчаянным криком:

– Лодку! Лодку!

Рамиро стоял минуту, раздумывая, затем приказал:

– Приведите ювфруу. Не ты, Адриан, – она скорее умрет, чем пойдет за тобой, – но ты, Симон, и Мег. Скорее!

Симон и Мег ушли.

– Возьмите этого господина и посадите в лодку, – приказал Рамиро лодочникам, указывая на Адриана. – Держите его, если он вздумает бежать. Я сейчас приду с ювфруу. Ступайте, нельзя терять ни минуты.

Лодочники утащили Адриана, несмотря на его сопротивление.

Рамиро остался один, времени, как он справедливо заметил, нельзя было терять, и снова он на несколько секунд глубоко задумался. Лицо его то краснело, то бледнело, наконец, он принял решение. «Я неохотно делаю это, нарушая, таким образом, свой обет, но случая нельзя упустить. Она обвен-

чана, но впоследствии могла бы оказаться для нас большой помехой и довести нас даже до суда и галер, так как за ее богатством гонятся еще другие, – рассуждал он, весь дрожа, – заодно отделаемся и от шпионов, и от их свидетельств!..»

С быстрой решимостью Рамиро выскочил из двери, запер ее снаружи железным болтом и со всех ног пустился бежать к лодке.

Возвышенная дорожка уже на три фута была покрыта водой, так что он едва мог пробираться по ней. Вот наконец и лодка; он вскочил в нее, и в эту минуту лодку понесла вперед на своем хребте огромная волна. Вся плотина подалась сразу, и переполненная дождями, снегом и притоком со стороны стекающих вод, большая вода опустошающим потоком хлынула на равнину.

– Где Эльза? – закричал Адриан.

– Не знаю, я не мог найти ее, – отвечал Рамиро. – Гребите изо всех сил, мы можем съездить за ней завтра... прихватим тогда и монаха.

Наконец холодное зимнее солнце поднялось над водяной пустыней, представлявшей теперь довольно спокойную поверхность. Рамиро на вчерашней лодке направлялся сквозь утренний туман к тому месту, где должна была стоять Красная мельница.

Ее уже не было, над водой возвышались только остатки красного кирпичного фундамента, но деревянная часть была снесена первой же налетевшей волной.

– Это что такое? – спросил один из гребцов, указывая на темный предмет, плывший среди обломков деревьев и пучков камыша, прибитых водой к фундаменту.

Лодка направилась к этому предмету. Он оказался телом отца Фомы, который, вероятно, оступился, направляясь к лодке, и попал в глубокую воду.

– Гм! – Проклятие девушки! – пробормотал Рамиро. – Заметьте, друзья, как иногда совпадение случайных обстоятельств может повести к суеверию. Постойте-ка! – Обхватив мертвеца одной рукой, он другую обшарил его карманы и с улыбкой удовольствия нащупал в одном из них кошелек с тем самым золотом, которое он отсчитал монаху накануне вечером.

– О, Эльза, Эльза! – горевал Адриан.

– Успокойся, мой сын, – обратился к нему Рамиро, когда лодка повернула назад, предоставив отцу Фоме покачиваться на легкой ряби водной поверхности, – ты лишился жены, характер которой, впрочем, сулил тебе мало счастья в будущем, но зато у меня сохранился документ о вашем браке, составленный вполне по форме и подписанный свидетелями, и ты – наследник Эльзы.

Он не прибавил, что он, в свою очередь, считает себя наследником сына. Но Адриан подумал об этом и даже при всем своем расстройстве не мог не задать себе вопроса: долго ли еще ему, ближайшему родственнику Рамиро, украшать собою этот мир?

«Вероятно, пока от меня еще можно ждать какой-нибудь прибыли», – решил он.

Глава XXVII. Что Эльза увидела при лунном свете

Читатель помнит, что за несколько недель до принудительного брака Эльзы на Красной мельнице Мартин, бежавший с Фоем из тюрьмы, отнес его в убежище тетки Марты на Гаарлемском озере. Здесь Фой проболел довольно долго, и даже одно время его жизнь находилась в опасности от ран на ноге, грозивших ему гангреной, но в конце концов его молодые силы, крепкое сложение и лечение Марты помогли ему оправиться. Как только силы позволили, он уехал в Лейден, где мог показаться совершенно безопасно, так как испанцев оттуда выгнали.

Как усиленно билось его молодое сердце, когда он, еще несколько бледный и не вполне окрепший после перенесенной болезни, подходил к знакомому дому на Брее-страат, где жили его мать и невеста. Он готовился свидеться с ними, зная, что Лизбета уже вне опасности, а Эльза ухаживает за ней.

Лизбету, превратившуюся от горя и болезни в старуху, он действительно нашел, но Эльзы не было. Она исчезла. Накануне вечером она вышла подышать воздухом и не вернулась. Никто не мог сказать, что с ней случилось. По всему городу только и толков было, что об этом исчезновении, а мать его была близка к помешательству, опасаясь всего самого худ-

шего.

Пытались искать в разных направлениях, но нигде не могли найти ни малейшего следа. Кто-то видел, как Эльза вышла за городские ворота, но затем она исчезла. Некоторое время Фой ничего не мог сообразить, но мало-помалу он успокоился и начал размышлять. Достав из кармана письмо, принесенное ему Мартой в вечер сожжения церкви, он стал перечитывать его, надеясь найти в нем какое-нибудь указание, так как могло случиться, что Эльзе понадобилось совершить небольшое путешествие по своим личным делам. Письмо было очень нежное; Эльза высказывала свою радость по поводу его спасения, сообщала о событиях в городе, о смерти его отца в тюрьме и заканчивала так:

«Дорогой Фой, мой жених, я не могу прийти к тебе, потому что должна ухаживать за твоей матерью; я думаю, что ты сам пожелал бы этого, точно так же как я считаю это своим долгом. Надеюсь, однако, что скоро и ты будешь с нами. Но кто в состоянии поручиться в наше ужасное время, что может случиться? Поэтому, Фой, что бы ни постигло нас, прошу тебя помнить, что и в жизни, и в смерти я твоя, твоя, мертвая или живая; умри ты, а я останься жива, или умри я, а ты останься жив, я навеки останусь верной тебе и в жизни, и в смерти, и при всем, что бы ни случилось. Теперь пока прощай, до свидания в скором будущем или тогда, когда все земное перестанет существовать для нас с тобою. Да будет с тобой благословение Божие и моя любовь; когда ты не бу-

дешь спать ночью или встанешь утром, вспоминай обо мне и молись так же, как то делает твоя невеста Эльза. Марта ждет. Прощай, дорогой, ненаглядный!»

Здесь не было ни малейшего намека на какое-либо путешествие, стало быть, если Эльзе пришлось куда-нибудь отправиться, то вопреки ее желанию.

– Что ты думаешь, Мартин? – спросил Фой, смотря на него озабоченными ввалившимися глазами.

– Рамиро... Адриан... украли, – ответил Мартин.

– Почему ты так думаешь?

– Видели третьего дня, что Симон бродил за городом, а на реке стояла какая-то подозрительная лодка. Ювфроу вышла за город, об остальном можно догадаться.

– Зачем она могла понадобиться им? – хриплым голосом спросил Фой.

– Кто знает? – сказал Мартин, пожимая плечами. – По моему, могут быть две причины. Предполагают, что состояние Бранта, когда оно будет найдено, перейдет к ней – вот поэтому-то она и могла понадобиться вору Рамиро; Адриан же влюблен в нее – и естественно, ему хотелось заполучить ее. Знаем мы эту парочку и всего можно ожидать от нее.

– Убью их обоих, попадись они мне в руки, – заявил Фой, скрежеща зубами.

– И я, само собой разумеется, только прежде надо поймать их и отыскать ее, что одно и то же.

– Как это сделать, Мартин?

– Не знаю.

– Подумай.

– И то стараюсь, герр Фой, а вы-то не думаете. Вы говорите слишком много, помолчите.

– Ну что же, придумал что-нибудь? – спросил Фой через полминуты.

– Нет пользы раздумывать, герр Фой. Придется бросить все это и отправиться к Марте. Никто, кроме нее, не в состоянии выследить их. Здесь нам ничего не узнать.

Они вернулись на остров Гаарлемского озера и рассказали Марте свою грустную повесть.

– Поживите здесь денек-другой и не теряйте терпения, – сказала она. – Я отправлюсь на поиски.

– Ни за что мы не останемся здесь, и мы идем с вами, – заявил Фой.

– Как хотите, но дело предстоит трудное. Мартин, приготовь-ка эту большую лодку.

Прошло две ночи, и было около часа пополудни третьего дня венчания Эльзы. Снег перестал, и его сменил постоянный частый дождь. На северном краю Гаарлемского озера спрятанная в камышах – частью скрываясь от непогоды, а частью от испанцев – стояла большая лодка, в которой находились Фой и Мартин. Марты с ними не было: она отправилась в корчму на некотором расстоянии, чтобы попытаться собрать какие удастся сведения. Сотни крестьян в этих местах знали и любили ее, хотя многие и не признались бы в

этом открыто, и от них-то Марта надеялась узнать что-либо о месте пребывания Эльзы, если только ее не увезли прямо во Фландрию или даже в Испанию.

Целых два дня она уже употребила на розыски, но пока без всякой тени успеха. Фой и Мартин сидели в лодке, мрачно переглядываясь, и на Фоя действительно было жалко смотреть.

– О чем вы думаете, герр Фой? – спросил Мартин.

– Думаю, что если бы мы и нашли ее теперь, было бы уже поздно; то, что они хотели сделать – убить ее или выдать заму́ж – они уже исполнили.

– Успеем погоревать об этом, когда найдем ее, – проговорил Мартин, не зная, что сказать, кроме этого, и прибавил: – Слышите?.. Кто-то идет.

Фой раздвинул камыши и выглянул на проливной дождь.

– Верно, – сказал он, – идет Марта, а с ней еще кто-то.

Мартин выпустил рукоять меча «Молчание». В эти дни рука и оружие не должны были находиться далеко друг от друга. Через минуту Марта и ее спутник вошли в лодку.

– Кто это? – спросил Фой.

– Мой знакомый, Март Ян.

– Узнали что-нибудь?

– Да, Март Ян кое-что знает.

– Говори скорее! – с нетерпением обратился Фой к пришедшему.

– Мне не станут мстить? – спросил Март Ян, недурной ма-

лый, хотя и попавший в плохую компанию, и подозрительно взглянул на Фоя и Мартина.

– Ведь я же тебе обещала, – сказала Марта, – а разве случилось Кобыле нарушать свое слово?

Март Ян рассказал все, что ему было известно: как он находился в числе гребцов, отвозивших две ночи тому назад Эльзу или молодую особу, подходившую к ней по описанию, на Красную мельницу, недалеко от Фельзена, и как ее охраняли мужчина и женщина, которые не могли быть не кем иными, как Симоном и Мег. Он рассказал об ее мольбе во имя их жен и дочерей, обращенной к лодочникам, причем, слушая его, Фой плакал от страха и бешенства и даже Марта заскрежетала зубами. Только Мартин столкнул лодку с отмели и направил ее к глубокой воде.

– Это все? – спросил Фой.

– Все, мейнггерр. Больше я ничего не знаю, но могу объяснить вам, где это место.

– Проводи нас! – заявил Фой.

Лодочник начал отнекиваться, ссылаясь на дурную погоду, на болезнь ожидающей его жены и т. п. Он даже пытался было выскочить из лодки, но Мартин поймал его и, бросив обратно в лодку, сказал:

– Ты один раз мог съездить на мельницу, отвозя девушку, про которую знал, что ее увезли силой, можешь вторично съездить, чтобы освободить ее. Сиди смирно и управляй рулем, а не то я брошу тебя на съедение рыбам.

После этого Март Ян выказал полную готовность направить лодку к Красной мельнице, до которой можно было, по его словам, добраться к сумеркам.

Все послеполуденное время они плыли то под парусом, то на веслах, пока в сумерки, еще прежде чем показалась мельница, не началось наводнение, такое наводнение, какого десятки лет не бывало в той местности, и волны не начали их бросать из стороны в сторону. Но Март Ян хорошо умел держать курс, он обладал инстинктом, врожденным у тех, предки которых снискивали себе пропитание на бурных волнах, и поэтому плыл не сбиваясь к намеченной цели.

Один раз Фою показалось, что он слышит голос, взывающий о помощи, но призыв не повторился, и они поплыли дальше. Наконец небо прояснилось, и месяц осветил такую водную поверхность, какую разве Ною пришлось видеть из ковчега, только на этой поверхности носились вещи, какие вряд ли приходилось видеть Ною: стога сена, мертвый и тонущий скот, домашняя утварь и даже гроб, вымытый с какого-нибудь кладбища, и только вдалеке мелькали бесплодные вершины дюн.

– Мельница должна быть недалеко, – сказал Март Ян, – повернем.

Они повернули и стали грести усталыми руками, так как ветер вдруг утих.

Теперь мы вернемся несколько назад. Из комнаты, где совершилось ее венчание, Эльза побежала к себе наверх и за-

перла дверь. Через несколько минут она услышала стук и голоса Симона и Мег, просившие ее отворить. Она не отозвалась, стук прекратился, и тут Эльза в первый раз услышала гул и рев прибывающей воды. Время шло как в каком-то кошмаре, пока вдруг не раздался треск ломающегося дерева. Эльза заметила, что вся мельница стала оседать. Она уступила напору волн в тех местах, которые были старше всего, верхняя узкая часть ее рухнула, красная крыша повисла, как пригнутое ветром к земле дерево. Эльза в ужасе бросилась к двери, ища лестницу. Но вода уже поднималась по ступенькам: путь был отрезан. Но в комнате была еще лестница, которая вела на бывший чердак, теперь лежавший под острым углом. Эльза взобралась на эту лестницу, так как вода лилась в двери, – деваться было некуда. Под самой крышей оказался люк. Эльза вползла в него и очутилась как раз в месте прикрепления гигантских мельничных крыльев.

Ветер задул фонарь, который она успела захватить с собой. Эльза схватилась за стержень, к которому были прикреплены лопасти крыла. Тут она заметила, что деревянная крыша, опираясь еще на кирпичный фундамент, качается во все стороны, как лодка на бушующем море. Вода подходила к ней, Эльза слышала это по всплескам волн, хотя не видала воду и она еще не смочила ее ног.

Часы протекали; сколько времени прошло, Эльза не могла определить; но наконец тучи несколько разошлись, выглянул месяц, и при его свете она увидела нечто ужасное.

Вся окрестность была покрыта водой, до крыши она не доходила всего на несколько футов и все еще продолжала подниматься. Эльза заметила, что на крыше изнутри были маленькие выступы вроде ступенек, которые вели к слуховому окну. Кое-как она добралась до этого окна. Отсюда можно было кое-что рассмотреть. Очень близко, но все же отделенные пространством футов в пятнадцать волнующейся желтой воды, виднелись остатки каменного фундамента, за которые хватались две человеческие фигуры – Симон и Мег. Они также увидели Эльзу и стали звать на помощь, но Эльза не могла помочь им. Без сомнения, то был сон: ничего подобного не могло случиться наяву.

Вода все больше и больше заливала фундамент, пространство, на котором держались два существа, становилось все меньше и меньше. Скоро оно сделалось слишком тесным для обоих. Они начали ссориться, браниться, и их разъяренные скотские лица почти соприкасались между собой, между тем как сами они, скорчившись, стояли на руках и коленях. Вода еще поднялась; они продолжали стоять в том же положении, и Симон головой толкнул Мег. Но Мег была еще сильна, она ответила на толчок толчком, и в следующую минуту, как кошка, вспрыгнула Симону на спину, придавив его. Он пытался стряхнуть ее, но не мог, не решаясь разжать рук, которыми держался, он повернулся своим плоским ужасным лицом и укусил жену в ногу. Мег громко вскрикнула от боли – этот крик услышал Фой, – затем выхватила нож из-за пазу-

хи – Эльза видела, как он сверкнул при лунном свете, – и стала наносить им удары.

Эльза закрыла глаза. Когда она снова открыла их, женщина осталась одна на узком карнизе, распластавшись, как лягушка. Так она лежала с минуту, как вдруг карниз стал опускаться и исчез, затем он снова вынырнул, а Мег продолжала держаться за него, вся мокрая, воя от ужаса. Карниз снова скрылся под водой, на этот раз глубже, и когда всплыл опять, то на нем уже никого не было; нет, впрочем, было одно существо – полудикая черная кошка, бродившая по мельнице, Черная Мег же исчезла без следа.

Стало страшно холодно, так как дождь сменился морозом. Не случись так, что на Эльзе было надето теплое зимнее платье, обшитое мехом, совершенно сухое, она, наверное, заплатилась бы здоровьем. Она совершенно ослабела и лишилась сознания. Ей показалось, что все – ее насильственное замужество, наводнение, смерть Симона и Мег – все это было не более как сон, кошмар, проснувшись от которого она окажется лежащей в своей теплой постели на Брее-страат. Да, это не что иное как кошмар, иначе как могла снова повториться та ужасная борьба, которой Эльза была свидетельницей, а между тем Эльза снова увидела Симона, кусающего ногу своей жены, только его плоское лицо сменилось кошачьей головой, горящие глаза которой устремились на нее. А Мег продолжала наносить ему удары между лопаток, и вдруг она начала расти, принимая гигантские размеры, лицо

ее поднялось из воды и подплыло к ней на расстояние фута. Эльза чувствовала, что должна неминуемо упасть, но решила прежде закричать о помощи, так закричать, чтобы мертвые услышали ее. Но не лучше ли удержаться от крика? Крик может вернуть Рамиро, лучше молча присоединиться к уже умершим. Но что такое говорит голос, голос Мег, однако очень сменившийся? Он ободряет ее, говорит, что слышанный ею звук вовсе не происходит от ударов ножа, а от весел. Вероятно, это Рамиро приехал в лодке, чтобы схватить ее. Нет, она не дастся в руки ему или Адриану, она лучше бросится в воду, отдавшись на волю Божию. Раз, два, три – и все кончено...

Вдруг Эльза увидела, что на нее падает свет, и почувствовала, что кто-то целует ее в лоб и губы. Она в ужасе подумала, что это Адриан, и наполовину открыла глаза. Но как странно: ее целовал вовсе не Адриан, а Фой. Без сомнения, это все еще продолжение сна, а так как во сне или наяву Фой имел полное право целовать ее, то она и не противилась. Затем ей показалось, что она слышит знакомый голос Красного Мартина, который спрашивает у кого-то, за сколько времени можно доплыть до Гаарлема при попутном ветре, на что другой голос отвечает: «За три четверти часа».

Как странно, почему Мартин сказал в Гаарлем, а не в Лейден?.. После того другой, также знакомый голос, сказал:
– Она приходит в себя.

Кто-то влил ей в горло вина, и Эльза, уже не будучи долъ-

ше в состоянии переносить неизвестность, совсем открыла глаза. Тут она увидела перед собой Фоя, живого Фоя.

Она глубоко вздохнула и снова начала терять сознание от радости и слабости, но Фой обнял ее и прижал к груди. Тогда она вспомнила все.

– О, Фой, Фой! – воскликнула она. – Ты не должен целовать меня.

– Почему? – спросил он.

– Потому что... потому что... я замужем.

Вдруг его счастливое лицо омрачилось.

– Замужем? – с усилием проговорил он. – За кем?

– За твоим братом, Адрианом.

Он растерянно смотрел на нее и медленно спросил:

– Ты убежала из Лейдена, чтобы обвенчаться с ним?

– Как вы смеете задавать мне такой вопрос?! – вскричала

Эльза, вся вспыхнув.

– Может быть, ты потрудишься в таком случае объяснить все?

– Тут нечего объяснять. Я думала, ты все знаешь. Они увезли меня силой в ночь перед наводнением и силой обвенчали.

– Подожди же, друг Адриан, попадешься ты мне! – скрежеща зубами, проговорил Фой.

– Надо быть справедливым, – продолжала Эльза, – он, кажется, вовсе не особенно желал жениться на мне, но другого исхода не было, так как иначе меня обвенчали бы с Рамиро...

– И он, этот добрый, мягкосердечный человек, пожертвовал собой, – насмешливо перебил ее Фой.

– Да, – сказала Эльза.

– А где же твой пожертвовавший собой... Не могу выговорить, кто...

– Не знаю; предполагаю, что они с Рамиро спаслись в лодке; а может быть, он утонул.

– В таком случае, ты стала вдовой раньше, чем того ожидала, – сказал Фой более веселым тоном, подвигаясь к Эльзе.

Но Эльза несколько отодвинулась, и Фой с ужасом заметил, что как ни ненавистен ей ее брак, она все-таки признает его.

– Не знаю, – отвечала она. – Думаю, что мы со временем что-нибудь услышим о нем, и тогда, если он окажется в живых, я стану хлопотать, чтобы освободиться от него. А пока, мне кажется, я его законная жена, хотя никогда больше не увижу его. Куда мы едем?

– В Гаарлем. Испанцы стягиваются вокруг города, и мы не можем даже пытаться пробиться через их линию. Позади нас испанские лодки. Скушай что-нибудь и выпей глоток вина, а потом расскажи нам все случившееся.

– Один вопрос, Фой. Как вы нашли меня?

– Мы слышали два раза женский крик: один раз вдаль, другой раз ближе, и, поехав на звук, увидели что-то висящее из опрокинувшейся мельницы футах в трех или четырех над водой. Мы знали, что тебя отвезли на мельницу, нам сказал

это этот человек. Ты узнаешь его? Но мы долго не могли найти мельницы впотьмах и при разливе.

Немного подкрепившись, Эльза рассказала свою историю слушателям, собравшимся под парусом, между тем как Март Ян управлял рулем. Когда она кончила, Мартин сказал что-то шепотом Фойю, и, как бы повинуюсь одному общему побуждению, все четверо опустили на колени на лавки лодки и возблагодарили Бога за избавление молодой беззащитной девушки от такой ужасной опасности через ее друзей и ее нареченного жениха. Окончив простую, но сердечную благодарственную молитву, они встали, и Эльза не воспротивилась, когда Фой взял ее руку.

– Скажи, милая, правда, что ты считаешь действительным этот насильственный брак? – спросил он.

– Выслушайте меня, прежде чем ответить, – вмешалась Марта. – Это вовсе не брак, так как никого нельзя обвенчать без его согласия, а ты не давала своего согласия.

– Это не брак, – повторил за Мартой Мартин, – а если он считается браком, то меч мой рассечет его.

– Это вовсе не брак, – сказал Фой, потому что, хотя мы и не стояли с тобой перед алтарем, но сердца наши соединены, стало быть, ты не можешь стать женой другого.

– Милый, – ответила Эльза, – и я так же убеждена, что это не брак, но священник произнес слова венчания надо мной и надел мне на палец кольцо, таким образом, перед законом, если еще есть закон в Нидерландах, я жена Адриана. Стало

быть, прежде чем я могу стать твоей женой, все случившееся должно быть предано гласности, и я должна обратиться к закону, чтобы он освободил меня.

– А если закон не может или не захочет этого сделать, что тогда, Эльза?

– Тогда, мой милый, наша совесть будет чиста, и мы станем сами себе законом. Пока же придется подождать. Ты доволен теперь, Фой?

– Нет, – мрачно возразил Фой, – возмутительно, чтобы подобный дьявольский замысел мог разлучить нас, хотя бы на один только час. Однако и в этом, как во всем остальном, я послушаюсь тебя, милая.

– Перестаньте говорить о женитьбе и замужестве, – раздался резкий голос Марты. – Теперь перед нами другое дело. Взгляни туда, девушка. Что ты видишь? – Она указала на берег. – Призраки амаликитян, тысячами идущих на избиение нас и наших братьев, сынов Божиих. Взгляни назад. Что ты видишь? Корабли тиранов стремятся окружить город сынов Божиих. Наступит день смерти и опустошения, и, прежде чем солнце зайдет, тысячи людей перейдут через врата смерти, а между этими тысячами, может быть, и мы. Поднимем же знамя свободы, обнажим оружие на защиту правды, опояшемся мечом справедливости и возьмем себе в защиту щит надежды. Сражайтесь за свободу страны, родившей вас, за память Христа, Царя, умершего за вас, за веру, в которой вы выросли, бейтесь, и только когда битва будет

выиграна, но не раньше, тогда думайте о мире и любви. Не смотрите на меня с таким испугом, дети. Я, сумасшедшая скиталица, говорю вам, что вам нечего бояться. Кто защитил тебя в тюрьме, Фой ван-Гоорль? Какая рука сохранила твою жизнь и честь, когда ты очутилась среди дьяволов на Красной мельнице, Эльза Брант? Вы это хорошо знаете; и я, Марта, говорю вам, что эта самая рука защитит вас до конца. Да, я знаю это. Тысячи и десятки тысяч будут падать вокруг вас, но вы переживете и голод и болезни, стрелы будут пролетать мимо вас, и меч злодея не коснется вас. Я – другое дело, наконец мой час приближается, и я рада; вам же, Фой и Эльза, я предсказываю много лет земных радостей.

Так говорила Марта, и слушателям ее казалось, что ее возбужденное обезображенное лицо светилось вдохновением, и никому из них, знавших ее историю и веривших в то, что пророческий дух может проявляться в избранниках, не показалось странным открывшееся перед ней видение будущего. Слова Марты успокоили ее слушателей, и на некоторое время они перестали думать об опасности.

А опасность между тем была большая. По роковому стечению обстоятельств наши друзья избегли одной опасности, чтобы попасть в другую, еще большую, так как случилось, что именно десятого декабря 1572 года они попали как раз в кольцо испанской армии, стягивавшейся вокруг обреченного на гибель города Гаарлема. Спасение было невозможно: никакое существо, не обладавшее крыльями, не могло про-

рваться сквозь эту цепь судов и солдат. Единственным убежищем являлся город, где им пришлось остаться до конца осады, одной из самых ужасных осад. У них оставалось одно утешение: что они встретят смерть вместе и что с ними есть два любивших их человека – Марта, «бич испанцев», и Мартин, свободный фрис, богатырь, как бы дарованный им Богом щит.

Бывшие жених и невеста улыбнулись друг другу и смело поплыли к воротам Гаарлема, которые скоро должны были затвориться.

Глава XXVIII. Возмездие

Прошло семь месяцев, семь самых ужасных месяцев, которые когда-либо приходилось переживать людским существам. Во все это время – при снеге, и морозах, и зимних туманах, при ледяных весенних ветрах, и теперь, в самый разгар летней жары, – Гаарлем был осажден тридцатитысячной испанской армией, состоявшей большей частью из опытных, старых солдат под начальством дона Фредерика, сына Альбы, и других полководцев. С этим дисциплинированным войском приходилось бороться маленькому четырехтысячному гарнизону Гаарлема, состоявшему из голландцев, немцев, небольшого числа англичан и шотландцев и двадцатитысячного населения – мужчин, женщин и детей. Из дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц между этими двумя неравными силами шла борьба, сопровождавшаяся с обеих сторон проявлениями геройства, но также и жестокости, которую мы в наше время назвали бы чудовищной. В ту эпоху военнопленные не могли ждать пощады, и тот мог считать себя счастливым, кому не приходилось умирать медленной смертью повешенного за ноги на глазах своих сограждан.

Стычек происходило без числа, люди гибли массами, из одних только жителей умерло двенадцать тысяч, так что окрестности Гаарлема превратились в одно огромное клад-

бище, и даже рыба в озере была отравлена трупами. Приступы, вылазки, засады, военные хитрости, смертельные стычки на льду между солдатами на коньках, отчаянные морские сражения, попытки штурма, взрывы мин и контрмин, при которых гибли тысячи, – все это сделалось обычными событиями дня.

К этому присоединились еще другие ужасы: мороз при недостатке топлива, различные болезни, всегда развивающиеся во время осады, и самое худшее из бедствий – голод. Неделю за неделей, по мере того как затягивалась осада, запасы пищи уменьшались, и наконец, совсем истощились. Травы, росшие на улице, остатки на кожевенных заводах, все отбросы, кошки и крысы – все было съедено. На высокой башне собора уже много дней развевался черный флаг, долженствовавший известить принца Оранского в Лейдене, что в Гаарлеме царствует мрачное отчаяние. Были сделаны последние попытки прийти извне на помощь осажденным; но Баттенберг был разбит и умер, так же как владетельные князья Клотингена и Карлоо, потерявшие до шестисот человек. Надежды не оставалось!

Начали строить отчаянные планы: оставить детей, женщин и больных в городе, а всем способным носить оружие попытаться пробиться через ряды осаждающих. Надеялись, что испанцы сжалятся над безоружными – как будто чувство жалости было доступно этим людям, которые впоследствии вытаскивали раненых и больных к дверям госпиталей и здесь

хладнокровно их убивали и вообще совершали повсюду такие зверства, которые перо отказывается описать. Старинная хроника говорит: «Но женщины поняли это и, собравшись вместе, подняли такой ужасный крик, что каменное сердце должно было тронуться, и не оказалось возможным бросить их».

Затем составилась другой план: взяв всех женщин и беспомощных в середину каре вооруженных людей, выйти из города и биться с врагом, пока не падет последний человек. Услыхав это и опасаясь того, что могли произвести эти доведенные до отчаяния люди, испанцы склонились на переговоры. Они сообщили жителям Гаарлема, что те останутся безнаказанными, если заплатят двести сорок тысяч флоринов. Не имея ни пищи, ни надежды, несчастные, защищавшиеся до того, что их четырехтысячный гарнизон насчитывал теперь всего девятьсот человек, сдались.

В половине первого рокового дня, 12 июля, ворота растворились, и испанцы, сколько их осталось в живых, с доном Фердинандом во главе, при барабанном бое, развевающих знаменах и с обнаженным, отточенным для убийства оружием в руках вступили в город Гаарлем. В глубокой нише между двумя кирпичными колоннами собора стояло четверо знакомых нам людей. Война и голод оставили их в живых, хотя они разделяли общую участь всех жителей. Фой и Мартин принимали участие в каждом предприятии, как бы опасно оно ни было, и бились или стояли на часах всегда рядом,

и испанцы близко познакомились с тяжестью меча «Молчание» и руки рубившего их рыжебородого великана.

Марта тоже не теряла времени в бездействии. Во все время осады она состояла адъютантом при вдове Хасселер, сражавшейся с тремястами женщинами день и ночь бок о бок с их братьями и мужьями. И Эльза, несмотря на свое нежное сложение и робкий характер, не позволявший ей принимать участие в сражениях, нашла применение своим силам: она рыла рвы и помогала класть стены, так что ее нежные ручки загубели и растрескались.

Как все они изменились! Фой, имевший всегда юношески-цветущее лицо, теперь имел вид человека средних лет. Высокий Мартин напоминал гигантский скелет, на котором висело платье, или, скорее, лохмотья его и вытертая буйволовая куртка, а его голубые глаза светились из глубоких впадин над огромными выдавшимися скулами. Эльза сделалась совсем маленькой, как ребенок. Ее кроткое личико утратило красоту и возбуждало жалость, и вся округленность ее фигуры исчезла: она стала походить на исхудалого мальчика. Из всех четверых Марта, одетая мужчиной, изменилась меньше всего. За исключением того разве, что ее волосы совершенно поседели, а лицом она стала еще больше напоминать лошадь, так как желтые зубы еще больше выставлялись изо рта, лишенного губ, а худые, сухие руки стали походить на руки египетской мумии.

Мартин оперлся на свой большой меч и вздохнул.

– Проклятые трусы, – бормотал он, – зачем они не выпустили нас, чтобы мы могли умереть сражаясь? Только безумные глупцы могут отдать себя на произвол испанцев.

– О, Фой! – воскликнула Эльза, порывисто обнимая своего бывшего жениха, – ты ведь не отдашь меня им? Если уж на то пойдет, ты убьешь меня, не правда ли? Иначе мне придется самой убить себя, а я трусиха, Фой, я боюсь сделать это.

– Хорошо, – сказал он хриплым, неестественным голосом. – Но Господи, если ты есть, сжался над нею... сжался...

– Не богохульствуй, не сомневайся! – прервала Фоя Марта. – Разве не произошло все, как я сказала тебе прошлой зимой в лодке? Разве ты не состоял под покровительством и не найдешь его до конца? Только не богохульствуй и не сомневайся.

Ниши, где они находились, не было видно с большой площади проходящим, но в ту минуту, как Марта говорила, человек восемь или девять победоносных испанцев вышли из-за угла и заметили группу скрывавшихся в притворе.

– Тут смазливенькая девушка, – сказал командовавший отрядом сержант, – вытащите-ка ее, молодцы.

Несколько человек выступили вперед, намереваясь исполнить его приказание, но тут Фой не вспомнил: он не убил Эльзу, как она просила его, а бросился на говорившего, и через минуту меч его на фут вышел из горла, пронзив его насквозь. За ним с негромким криком последовал Мартин с

обнаженным мечом «Молчание», за Мартином – Марта со своим большим ножом. В несколько минут все было кончено: пять человек лежали на земле – трое убитых и двое тяжело раненных.

– Еще прибавка к счету, – проговорила Марта, нагибаясь над ранеными, между тем как их товарищи спешили скрыться за углом.

Наступила минутная тишина. Яркое летнее солнце светило на лица и вооружение убитых испанцев, на обнаженный меч Фоя, наклонившегося над Эльзой, прижавшейся в углу ниши и закрывшей лицо руками, на ужасные голубые глаза Мартина, сверкавшие яростью. Затем снова послышались шаги, и появился отряд испанцев, предводительствуемый Рамиро и Адрианом.

– Вот они, капитан, – сказал один из солдат, один из бежавших. – Прикажите пристрелить их?

Рамиро взглянул сначала как бы мельком, но затем пристально. Наконец-то они попались ему! Уже давно он узнал, что Фой и Красный Мартин спасли Эльзу на Красной мельнице, и теперь, после долгих поисков, птицы попались в его сети.

– Нет, зачем! – отвечал он. – Над такими отчаянными людьми должен быть назначен особый суд.

– Куда же мы можем посадить их? – недовольным голосом спросил сержант.

– Я заметил, что при доме, где мы поселились с сыном,

прекрасный погреб; пока их можно посадить туда, то есть всех, кроме дамы, о которой уже позаботится сам сеньор Адриан, так как это, оказывается, его жена.

Солдаты, не стесняясь, захохотали.

– Я повторяю, жена его, которую он искал уже много месяцев, – продолжал Рамиро, – и стало быть, с ней надо обращаться почтительно. Понимаете?

Солдаты, по-видимому, поняли, по крайней мере ни один из них не отвечал. Они уже успели заметить, что их начальник не любит возражений.

– Ну, вы, сдавайте оружие! – обратился Рамиро к Фою и Мартину.

Мартин подумал с минуту, видимо, рассуждая, не лучше ли будет броситься на испанцев и умереть сражаясь. И в эту минуту ему, как он говорил впоследствии, пришла на память старинная народная пословица: «Не считай игру проигранной, пока не выиграешь», и, истолковав ее так, что только мертвый никогда не может надеяться выиграть, он отдал меч.

– Давай его сюда, – сказал Рамиро. – Это замечательный меч, и он мне понравился.

Солдаты передали ему меч, и он повесил его себе через плечо. Фой смотрел то на свой меч, то на стоявшую на коленях Эльзу. Вдруг ему пришла мысль, и он взглянул в лицо Адриану, своему брату, с которым он виделся в последний раз, когда тот прибежал в контору предупредить его и Мартина. Он знал, что Адриан с отцом сражаются в рядах

испанцев, но им ни разу не пришлось встретиться. Даже тут, в эту критическую минуту, Фоя поразила мысль о том, что Адриан, при всей своей низости, потрудился предостеречь их и тем дал возможность организовать свою защиту в литейной башне.

Фой взглянул на брата. Адриан был в мундире испанского офицера, в латах поверх стеганой куртки и в стальном шлеме, украшенном истрепанными перьями. Лицо его изменилось: в его красивых чертах не было и тени прежней надменности, он похудел и выглядел запуганным, как животное, дрессированное с помощью голода и хлыста. Фою показалось, что сквозь печать позора и падения он уловил на лице брата какое-то особенное выражение, как бы желание сделать что-либо хорошее, мелькнувшее, подобно солнечному лучу из-за черных туч. Может быть, Адриан, в конце концов, не так еще дурен, может быть, он действительно такой, каким его всегда считал Фой, – пустой, взбалмошный, бесхарактерный, рожденный, чтобы быть всегда игрушкой, а считающий себя главой, но ни в коем случае не злой. Кто знает? Но и в худшем случае, не лучше ли Эльзе стать женой Адриана, чем погибнуть, и погибнуть от руки любящего ее человека?

Эта мысль мелькнула в уме Фоя, как молния, пронизывающая тучи, и он бросил свой меч солдату, который подхватил его. В эту минуту его взгляд встретился с взглядом Адриана, и ему показалось, что он читает в этом взгляде благо-

дарность и обещание.

Всех забрали, и, расталкивая толпу пинками и ударами солдаты повели их по улицам павшего города в одно из зданий, еще не вполне разрушенное ядрами, в дом, стоявший в некотором отдалении от стен, которые представляли груды развалин, и городских ворот, где происходили такие ужасные сцены, в дом, принадлежавший прежде одному из зажиточнейших граждан Гаарлема. Здесь Фоя и Эльзу разлучили. Она уцепилась за него, но ее оторвали и потащили на верхний этаж, между тем как его, Мартина и Марту заперли в темном погребе.

Через некоторое время дверь погреба приотворилась, чья-то рука – не было видно, чья – просунула воды и кушанья, хорошего кушанья, такого, какого они не ели уже много месяцев: мяса, хлеба, сухих селедок было так много, что они не могли съесть все сразу.

– Может быть, кушанье отравлено, – сказал Фой, жадно нюхая принесенное.

– Какая корысть отравлять нас, – сказал Мартин. – По-едем сегодня, а завтра – смерть.

Как истощенные голодом животные, принялись они за еду, а затем, несмотря на все свои несчастья и опасения, уснули крепким сном.

Через несколько минут, как им показалось, в действительности же через девять часов, дверь снова отворилась, и вошел Адриан с фонарем в руке.

– Фой, Мартин, вставайте и пойдём со мной, если хотите остаться живы.

Они в минуту совершенно проснулись.

– Идти за тобой, за тобой? – проговорил Фой, запинаясь.

– Да, – спокойно отвечал Адриан. – Конечно, может случиться, что вам и не удастся убежать, но если вы останетесь здесь, что ожидает вас? Рамиро, мой отец, скоро вернется, и тогда...

– Сумасшествие вверяться вам! – прервал его Мартин, и презрение, слышавшееся в его голосе, больно отозвалось в сердце Адриана.

– Я знал, что ты подумаешь это, – сказал он покорно, – но что же остается делать? Я могу вывести вас из города. У меня уже приготовлена лодка для вашего бегства. Я рискую собственной жизнью, что же я могу сделать больше? Почему вы колеблетесь?

– Потому что не доверяем тебе, – возразил Фой, – и, кроме того, я не уйду без Эльзы.

– Я предвидел это, – отвечал Адриан. – Эльза здесь. Эльза, подите сюда, покажитесь.

Эльза спустилась по лестнице в погреб, уже изменившаяся Эльза, так как и ее накормили, и в ее глазах светилась надежда. Необузданная радость наполнила сердце Фоя. Почему она смотрит так? Она же подбежала к нему, обхватила руками его шею и поцеловала его, а Адриан не сделал никакого движения и только отвернулся.

– Фой, – поспешно заговорила она, – он в конце концов честный человек, только очень несчастный. Пойдем скорее, воспользуемся случаем бежать прежде, чем вернется дьявол. Теперь он в совете офицеров, обсуждающих, кто должен быть казнен, но он скоро вернется, и тогда...

Оставив всякое колебание, заключенные двинулись в путь.

Они вышли из дома, и никто не остановил их, так как сторож ушел, чтобы принять участие в грабеже. У ворот разрушенной стены стоял часовой, но он или не обратил внимания на проходящих, или был пьян, или подкуплен. Адриан сказал ему пароль, и, кивнув головой, солдат пропустил его с его спутниками.

Через несколько минут они дошли до берега Гаарлемского озера, где в камышах стояла лодка.

– Садитесь и уезжайте, – сказал Адриан.

Они вошли в лодку и взялись за весла, между тем как Марта начала отталкивать ее от берега.

– Адриан, что будет с вами? – спросила Эльза.

– Зачем вам беспокоиться об этом? – ответил он с горькой усмешкой. – Я иду на смерть, и моя кровь будет платой за вашу свободу. Я ваш должник.

– Нет! – воскликнула она. – Поедемте с нами.

– Да, – поддержал ее Фой, хотя снова почувствовал приступ ревности, – поедем с нами, брат.

– Ты от души приглашаешь меня? – спросил Адриан нере-

шительно. – Подумайте, я могу выдать вас.

– Если так, то почему вы не сделали этого теперь? – спросил Мартин. – И, вытянув свою огромную костлявую руку, схватил Адриана за ворот и перетащил его в лодку.

Лодка отчалила.

– Куда мы едем? – спросил Мартин.

– Предполагаю, что в Лейден, – сказал Фой, – если только возможно будет добраться без паруса и оружия, что, кажется, весьма невероятно...

– Кое-какое оружие я положил в лодку, – прервал его Адриан, вынимая из трюма простую тяжелую секиру, пару испанских мечей, нож, небольшой топор, арбалет и несколько железных полос.

– Недурно, – сказал Мартин, гребя левой рукой, а правой размахивая большой секирой. – А все же жаль моего «Молчания», который проклятый Рамиро отнял у меня и повесил себе на шею. И что он нашел в нем? Он слишком велик для такого карлика.

– Не знаю, – сказал Адриан, – но когда в последний раз я видел его, он возился над его рукоятью с отверткой. Он давно говорил об этом мече. Во время осады он предлагал большую награду тому, кто убьет тебя и принесет ему меч.

– Возился над рукоятью с отверткой? – переспросил Мартин. – Ах, Бог мой, я и забыл... Карта-то, карта! Какой-нибудь негодяй сказал ему, что карта того места, где скрыты сокровища, спрятана в рукояти. Вот почему ему понадобил-

ся мой меч.

– Кто же мог сказать ему это? – спросил Фой. – Тайна была известна только тебе, мне да Марте, а мы не такие люди, чтобы проговориться. Как? Выдать тайну сокровищ Гендрика Бранта, из-за которых он умер и хранить которую мы поклялись?.. Да этого никто и подумать не смеет!

Марта слышала и взглянула на Эльзу, и под ее вопросительным взглядом бедная девушка вся вспыхнула, хотя, к счастью, никто при плохом освещении не мог видеть ее румянца. Она чувствовала, что должна говорить, чтобы снять подозрение с других.

– Мне следовало сказать это раньше, – тихо проговорила она, – но я забыла, то есть я хочу сказать, что мне было ужасно стыдно... Я выдала тайну меча «Молчание».

– Ты? Откуда ты узнала ее? – спросил Фой.

– Тетушка Марта сказала мне в тот вечер, когда был сожжен собор в Лейдене, а вы бежали.

Мартин проворчал.

– Женщина доверилась женщине, да еще в такие годы. Какое сумасшествие!..

– Сам ты сумасшедший, тупоголовый фрис, – сердито перебила его Марта, – где тебе учить тех, кто умнее тебя! Я сказала ювфрону, думая, что всех нас может не стать и будет лучше, если она будет знать, где найти ключ к тайне.

– Женское рассуждение, – невозмутимо отозвался Мартин, – и оказалось оно никуда не годным: потому что если

бы нас не стало, ювфроу вряд ли бы пришлось добыть мой меч. А каким образом ювфроу сказала такую вещь Рамиро?

– Я сказала потому, что струсил, – рыдая, отвечала Эльза. – Ты знаешь, Фой, я всегда была трусихой и всегда ею останусь. Я выдала тайну, чтобы спасти себя.

– От чего? – нерешительно спросил Фой.

– От замужества.

Адриан, видимо, страдал, и Фой, видя это, не мог устоять против искушения нажать больнее.

– От замужества? Насколько я понял – вероятно, Адриан может разъяснить мое недоумение – церемония была все-таки совершена.

– Да, – слабым голосом ответила Эльза, – была, я пыталась откупиться от Рамиро, сказав ему тайну, что служит вам доказательством моего ужаса при одной мысли о подобном замужестве.

Адриан глубоко вздохнул, а Мартин как будто поперхнулся.

– Мне так досадно, – смущенно продолжала Эльза. – Я не хочу обижать Адриана, особенно после того, как он был так добр к нам.

– Оставь в стороне Адриана с его добротой и досказывай, как все было, – сказал Фой.

– Рассказ не долог. Рамиро поклялся перед Богом, что если я дам ему ключ к тайне, он отпустит меня, а потом... когда я попала в ловушку и опозорила себя, он сказал, что

этого недостаточно и что меня все-таки обвенчают.

Тут Фой и Мартин прямо расхохотались.

– Что же ты ждала от него, глупая девочка? – спросил Фой.

– О, Мартин, простишь ли ты меня? – спросила Эльза. – Я сейчас же поняла, какую постыдную вещь я сделала, и увидела, что Рамиро станет преследовать вас, вот почему я все боялась сказать вам. Прошу вас, верьте мне, я сказала только потому, что страх и стыд заставили меня потерять голову. Прощаете вы меня?

– Ювфрону, – отвечал фрис, усмехаясь своей флегматичной улыбкой, – если бы Рамиро не знал меня и вы предложили бы ему мою голову на блюде, чтобы подкупить его, я не только простил бы вас, но сказал бы, что вы поступили хорошо. Вы – девушка, и вам пришлось защищать себя от ужасной вещи; стало быть, кто станет осуждать вас?..

– Я! – воскликнула Марта. – Меня Рамиро мог бы разорвать на куски раскаленными щипцами, прежде чем я сказала бы ему.

– Совершенно верно, – возразил ей Мартин, желавший поквитаться с ней, – только я сомневаюсь, чтобы Рамиро пожелал дать себе этот труд ради того, чтоб убедить вас выйти замуж. Ну, не сердитесь, по пословице: «У тупоголового фриса что на уме, то на языке».

Не найдясь, что ответить, Марта снова обратилась к Эльзе.

– Отец ваш умер из-за этих сокровищ, – сказала она, –

и Дирк ван-Гоорль также; жених ваш и его слуга попали в застенки, я также кое-что сделала ради сохранения этого богатства, а вы при первом щипке выдали тайну. Правду говорит Мартин, что я сошла с ума, доверившись вам.

– Как жестоко с вашей стороны говорить так! – плача, проговорила Эльза в ответ на горькие упреки Марты. – Но вы забываете, что никого из вас не принуждали выходить замуж... Ах, Боже мой, зачем я говорю это!.. Я хотела сказать: не принуждали стать женой одного человека, когда... – ее взгляд упал на Фоя, и она решилась договорить, надеясь, что он станет на ее сторону, – когда вы очень любили другого...

– Конечно, нет, – сказал Фой, – тебе нечего объяснять дальше.

– Напротив, еще очень много, – продолжала Марта, – меня не проведешь сладкими словами. Но что теперь делать? Мы приложили все старание, чтобы спасти сокровища; неужели же в конце концов придется лишиться их?

– Как лишиться их? – переспросил Мартин очень серьезно. – Помните, что уважаемый Гендрик Брант говорил нам в тот вечер в Гааге. Он надеялся, что тысячи и десятки тысяч людей благословят то золото, которое он вверил нам.

– Я помню это и все его завещание, – подтвердил Фой, думая об отце и часах, проведенных им самим и Мартином в тюрьме. – Затем, взглянув на Марту, он кротко прибавил: – Тетушка Марта, хотя вас называют сумасшедшей, но вы самая умная из нас. Посоветуйте, что делать?

Марта подумала с минуту и отвечала:

– Несомненно, что, узнав о нашем бегстве, Рамиро поспешит взять лодку и отправиться на место, где скрыты сокровища, так как догадается, что иначе мы опередим его. На расвете или часом позже он будет здесь. – Она остановилась.

– Вы думаете, что мы должны поспеть на остров раньше его?

Марта кивнула утвердительно.

– Если окажется возможным; но без стычки не обойдется.

– Да, наверное, – согласился Мартин. – Что же, я не прочь еще раз помериться с Рамиро. Этот двуязычный негодяй завладел моим мечом. Я хочу отнять его...

– Опять прольется кровь, – прервала его Эльза. – Я надеялась, что мы, по крайней мере на этот раз, спокойно отправимся в Лейден, где находится принц. Я до смерти боюсь крови, Фой. Мне кажется, я не вынесу и умру...

– Слышите, что она говорит? – спросил Фой.

– Слышим, – отвечала Марта, – но нечего обращать внимания на ее слова. Она много перенесла и ослабела духом. Я же, хотя и предвижу, что смерть ждет меня, говорю: поедемте туда, и не бойтесь.

– Я не боюсь, – заявил Фой. – Ни за какие сокровища на свете я не допущу, чтобы Эльза подверглась опасности, если она сама не желает того. Пусть она решает.

– Как ты добр ко мне! – проговорила Эльза и, подумав минуту, прибавила: – Фой, обещаешь ты мне одну вещь?

– После того как Рамиро давал тебе клятвенное обещание, я удивляюсь, как ты решаешься просить что-нибудь, – отвечал Фой, стараясь казаться веселым.

– Обещаешь ли ты мне, – продолжала она, не обращая внимания на его шутку, – что в случае моего согласия отправиться не в Лейден, а на поиски сокровищ, и если мы останемся после этого живы, ты увезешь меня из этой страны, где проливается столько крови, где столько убийств и мучений, увезешь в какую-нибудь землю, где народ живет спокойно и не принужден видеть постоянно убийства? Я многого прошу, но обещай мне это, Фой!

– Обещаю, – сказал Фой, которому самому стали невыносимы все повторявшиеся изо дня в день ужасы.

И кто из выдержавших осаду Гаарлема мог чувствовать иначе?

Фой сидел у руля; но теперь Марта взяла руль у него из рук. С минуту она всматривалась в звезды, блестевшие ярче по мере того, как месяц скрывался, затем сделала несколько поворотов и примолкла.

– Я опять голоден, – сказал Мартин, – мне кажется, я целую неделю могу есть без перерыва.

Адриан, усердно налегавший на весло, поднял голову и ответил:

– В трюме есть вино и еда, я приготовил. Может быть, Эльза прислужит тем, кто захочет есть.

Эльза, сидевшая без дела, отыскала провизию и обнесла

гребцов, которые поели с аппетитом, не отрываясь от работы. После нескольких месяцев голодания вкусное кушанье и хорошее вино доставляют неопишное наслаждение.

Когда, наконец, голод был утолен, Адриан прервал молчание, обращаясь к Фою:

– Брат, ввиду неизвестности, ожидающей нас, я, отверженный и презренный между вами, желал бы кое-что сказать тебе, если ты только пожелаешь выслушать меня.

– Говори, – отвечал Фой.

Адриан начал с самого начала и рассказал все, что случилось с ним: как сначала им овладели суеверие, тщеславие и любовь; как шпионы записали все сказанное им в порыве безумной откровенности, как угрозами заставили его подписать бумагу, имевшую такие роковые последствия. Он рассказал, как за ним гналась толпа по улицам Лейдена, точно за бешеной собакой, после того как мать выгнала его из дома, как он искал убежища в вертепе Симона, дрался с Рамиро и был побежден ловким напоминанием, что он готовился пролить кровь отца. Он рассказал о том, как он был принят в лоно римско-католической веры, об ужасной сцене в церкви и бегстве на Красную мельницу. Он рассказал также о похищении Эльзы, в котором, несмотря на свою любовь к ней, он не был виновен, и о том, как, наконец, он был принужден жениться на ней, чтобы спасти ее от Рамиро, хотя сам хорошо знал, что подобный брак ничего не значит, как во время наводнения отец увез его с мельницы, предоставив, как он

после узнал, Эльзу ее судьбе, так как уже не ожидал от нее больше никакой для себя выгоды. Наконец, упавшим голосом он сообщил о своей жизни во время осады, о жизни, по его сравнению похожей на жизнь какого-то проклятого духа; как он был произведен в офицеры, когда ряды испанцев начали редеть, и как по утонченной злобе Рамиро был принужден распоряжаться казнями и избиением пленных голландцев.

Наконец ему улыбнулась удача: Рамиро, думая, что теперь Адриан уже никак не может пойти против него, оставил его с Эльзой, между тем как сам отправился по делам и, кстати, похлопотать, чтобы на его долю пришлась также часть награбленного имущества. Со своими пленниками он намеревался покончить завтра. Он, Адриан, пользуясь своею властью, освободил заключенных и приготовил для них лодку. Вот все, что он хотел сказать, и к сказанному желал только добавить, что отказывается от всяких прав на свою названную жену и просит у всех прощения.

Фой дослушал до конца. Затем, выпустив на минуту весло, обнял Адриана и проговорил своим обычным веселым голосом:

– Вот я и оказался прав! Ты знаешь, Адриан, я всегда стоял за тебя, несмотря на твой характер и странности. Я никогда не считал тебя за негодяя, но и не думал же я, что ты такой осел!

Приниженный и разбитый, Адриан не нашелся, что отве-

тить на подобную характеристику. Он только сильнее налег на весло и вздохнул, а по его красивому бледному лицу покатались слезы стыда и раскаяния.

– Ну, перестань, старина, – принялся утешать его Фой. – Благодаря тебе случилось много дурного, но теперь, тоже благодаря тебе, все, надеюсь, пойдет хорошо. Мы квиты и забудем все остальное.

Бедняга Адриан взглянул на Фоя и Эльзу, сидевших рядом.

– Да, брат, для тебя с Эльзой все, может быть, пойдет хорошо, но не для меня: я продал себя дьяволу... и не получил условленной платы...

После этого все некоторое время молчали, все чувствовали, что положение слишком трагично, чтобы можно было разговаривать, заблуждения, даже злое намерение Адриана – все сглаживалось его полной неудачей и искупалось постигшим его возмездием.

Сероватый свет летнего утра занимался над поверхностью большого озера-моря. Позади солнечные лучи преломлялись на золотой короне башни собора, возвышавшейся над Гаарлемом, павшим городом, и его патриотами, ожидавшими смерти от меча убийц. Сидевшие в лодке взглянули и содрогнулись. Не будь Адриана, они находились бы теперь в плену, а что это значило, было всем хорошо известно. Если бы у них оставалось еще какое-нибудь сомнение, оно бы рассеялось при виде водной поверхности, усеянной остова-

ми полусожженных кораблей, остатками побежденного флота Вильгельма Молчаливого, напоминавшими о последних отчаянных усилиях освободить погибавший от голода город. По временам их весла касались чего-то мягкого – тел утонувших и убитых людей, иногда в полном вооружении.

Наконец лодка выехала из этого морского кладбища, и Эльза могла смотреть кругом без содрогания. Потянулись острова, поросшие роскошными летними травами, зеленевшими и цветшими так, как будто никакой испанец не топтал их ногами в продолжение долгих зимних месяцев осады и мора. Сотни этих островков появлялись со всех сторон, но Марта направляла лодку среди их лабиринта, как по прямой дороге. Когда солнце взошло, она поднялась в лодке и, прикрыв глаза рукой, стала всматриваться вдаль.

– Вот это место, – сказала она, указывая на маленький островок, весь заросший болотной травой, от которого нечто вроде природной плотины более чем в шесть футов ширины вдавалось в виде длинного языка в середину тинистого болота, населенного куликами и водяными курочками с их красноносым потомством.

Мартин также встал. Он оглянулся назад и сказал:

– На горизонте виднеется парус. Это Рамиро.

– Без сомнения, – спокойно отвечала Марта. – У нас еще полчаса работы впереди. Гребите сильнее, отталкивайтесь веслом о дно, мы обогнем остров и пристанем в болоте на том краю. Они вряд ли увидят нас там, и я знаю место, где

мы можем быстро проскользнуть.

Глава XXIX. Адриан возвращается домой

Лодка причалила к острову, и все сидевшие в ней, кроме Эльзы, оставшейся в лодке на страже, перебрались на берег вброд через грязь, под которой оказалось каменистое дно. По тропинкам, проложенным выдрами, они через густые камыши дошли до середины острова. Здесь, на месте, которое указала Марта, росла густая группа камышей. В ней помещалось гнездо дикой утки с только что вылупившимися утятами, при виде людей мать слетела с него с отчаянными криками.

Под гнездом должны были находиться сокровища.

– Этого места никто не трогал, – сказал Фой, осторожно поднимая, несмотря на всю поспешность, с которой необходимо было действовать, гнездо с птенцами и относя его в сторону, чтобы старая утка могла найти его, – он любил всех животных и старался не делать им вреда.

– Нам нечем копать, – заявил Мартин, – нет даже камня.

Марта молча пошла к росшему вблизи ивняку и, срезав меньшим из топоров, находившихся в лодке, самые толстые из стволов, вернулась с ними к товарищам. С помощью этих заостренных кольев и топоров все принялись усердно копать, пока, наконец, кол Фоя не ударился о дно бочонка.

– Сокровища здесь! Налегайте, друзья!

Все принялись работать еще энергичнее, и вот три из пяти зарытых бочонков были выкопаны из грязи.

– Давайте спрячем прежде это, – сказал Мартин. – Помогите мне, герр Фой.

Один за одним с величайшим усилием докатили бочонки до лодки и с помощью Эльзы подняли их туда. Подходя с третьим бочонком, они увидели, что она, вся бледная, всматривается во что-то поверх перистых метелок камыша.

– Что там такое, дорогая? – спросил Фой.

– Парус... парус, который гнался за нами!..

Они оставили бочонок и стали смотреть поверх островка. Действительно, на расстоянии не более девятисот футов от места стоянки лодки виднелся высокий белый парус. Мартин откатил бочонок в сторону.

– Я надеялся, что они не найдут, – проговорил он, – но Марта рисует карты хорошо, слишком хорошо. Это оттого, что она еще до замужества рисовала картины.

– Что теперь делать? – спросила Эльза.

– Не знаю, – отвечал Мартин, и в эту минуту подбежала Марта, также заметившая лодку. – Если мы будем пытаться убежать, они нагонят нас, – продолжал он, – веслам не выдержать против паруса.

– Неужели же мы опять попадемся в их руки! – воскликнула Эльза.

– Бог даст, нет, – успокоила ее Марта. – Послушай, Мартин... Она стала что-то шептать ему на ухо.

– Хорошо, – отвечал он, – если это возможно, но надо ловить минуту. Времени терять нельзя. А вы, ювфроу, пойдете с нами: вы поможете нам перекатить последние два бочонка.

Они побежали к яме, из которой Фой и Адриан с великими усилиями только что вынули последний бочонок, они тоже видели парус и знали, что каждая минута дорога.

– Герр Адриан, – сказал Мартин, – у вас арбалет и железные полосы; вы стреляете лучше нас обоих: помогите мне защитить тропинку.

Адриан понял, что Мартин сказал это не потому, что считал его за хорошего стрелка, а потому, что не доверял ему и не желал упускать его из виду; однако он ответил:

– С удовольствием, насколько смогу.

– Прекрасно, – сказал Мартин, – вы же, герр Фой и ювфроу Эльза, уложите остальные бочонки в лодку, пусть потом ювфроу спрячется в камыше, наблюдая за нею, а вы вернетесь помогать нам. Ювфроу, если парус обогнет остров, дайте нам знать.

Мартин и Адриан направились к концу косы и присели в высокой траве, между тем как Фой и Эльза, прилагая отчаянные усилия, покатали бочонки к лодке и погрузили их, забросав бочонки сверху камышом, чтобы не привлечь внимания испанцев.

Парусная лодка приближалась. На руле сидел Рамиро, держа на коленях развернутую бумагу, на которую он постоянно взглядывал. На перевязи у него висел меч «Молчание».

«Не далее как через полчаса, – раздумывал про себя Мартин, не желавший и теперь делиться своими мыслями с Адрианом, – или мой меч вернется ко мне, или меня уже не будет в живых. Их одиннадцать, все здоровые молодцы, а нас всего трое, да две женщины...»

Как раз в эту минуту среди окружающей тишины до них донесся по воде голос Рамиро, скомандовавшего:

– Спусти парус! Место здесь – вот шесть островков и против них остров в форме селедки, а вот и коса, обозначенная словом «Остановка». Хорошо нарисовано, надо отдать справедливость...

Следующие замечания потерялись в скрипе блока при спуске паруса.

– Мель, сеньор, – доложил один из людей, измеряя глубину багром.

– Хорошо, – отвечал Рамиро, выбрасывая якорь, – перейдем на берег вброд.

В это мгновение солдат, державший багор, вдруг упал в воду вниз головой, пораженный в сердце стрелой, пущенной из арбалета Адрианом.

– Ага, они успели сюда раньше нас! – сказал Рамиро. – Ну, причаливай.

Другая стрела просвистела в воздухе и вонзилась в мачту, не причинив вреда. После того уже выстрелов не было: впопыхах Адриан сломал механизм арбалета, слишком сильно натянув его, и он стал негоден к употреблению. Испанцы

с Рамиро во главе спустились в воду и направились к земле, как вдруг почти у конца косы из густого камыша поднялась гигантская фигура Красного Мартина в буйволово́й куртке, размахивавшего большой секирой над головой, а позади него показались Фой и Адриан.

– Клянусь святыми! – воскликнул Рамиро. – Мой флюгер-сынок здесь и на этот раз сражается против нас! Ну, флюгерок, последний раз ты повертись по ветру. – Он направился прямо к косе и скомандовал: – На берег!

Но ни один из солдат не отважился подойти, боясь секиры Мартина. Люди стояли в воде, нерешительно посматривая, они были храбрые солдаты, но, зная о подвигах и силе гиганта-фриса, не отваживались подступить к нему, хотя он и был изнурен голодом. Кроме того – в этом не было никакого сомнения – занимаемая им позиция была гораздо выгоднее.

– Не помочь ли вам выбраться на землю, друзья? – насмешливо предложил Мартин. – Нечего вам оглядываться направо и налево, ил везде очень глубок.

– Арбалет! Пристрелить его из арбалета! – раздались голоса; но подобного оружия не оказалось в лодке; испанцы, собравшись наскоро и не предполагая встретиться с Красным Мартином, захватили с собой только мечи да ножи.

Рамиро остановился на минуту; он видел, что штурм этой косы, даже если он возможен, будет стоить многих жизней, и вдруг приказал:

– Назад, на борт!

Люди повиновались.

– Поднять якорь; весла! – раздалась дальнейшая команда.

– Хитер! – заметил Фой. – Он знает, что наша лодка должна быть где-нибудь здесь, и намеревается искать ее.

Мартин кивнул, и в первый раз на лице его отразился испуг. Затем, как только лодка испанцев начала огибать остров, все трое мужчин направились к своей лодке и сели в нее, оставив Марту на косе на тот случай, если бы испанцам вздумалось вернуться и снова попытаться высадиться.

Едва они успели войти в лодку, как показался Рамиро со своими людьми, и громкие крики возвестили, что беглецы открыты.

Испанцы подошли так близко, как только смели, то есть на несколько сажен, и бросили якорь, не решаясь плыть по илистому месту в своем тяжелом катере, на котором потом трудно было бы повернуть назад. Не имея при себе оружия для стрельбы и зная своих противников, они не решались на открытое нападение. Положение было неловкое и могло затянуться. Наконец Рамиро поднялся и бросился к голландцам.

– Господа и ювфроу, – я, кажется, вижу среди моих противников также мою маленькую пленницу с Красной мельницы, – посоветуемся об одном деле. Как мы, так и вы, кажется, совершили поездку сюда с одной и той же целью. Не так ли? Мы желали приобрести кое-какие вещи, которые для мертвых не имели бы значения. Как вам – или некоторым из

вас – известно, я человек, который не любит насилия: я не желаю преждевременной смерти ни одному из вас, даже не желаю причинить вам ни малейшего страдания, если этого возможно избежать. Но дело идет о деньгах, ради приобретения которых я перенес много неприятностей и опасностей, и скажу кратко, я овладею этими сокровищами; вы же, вероятно, будете рады, если вам удастся убраться невредимыми. Я предлагаю вам следующее: пусть один из нас под надежной охраной переберется на вашу лодку и посмотрит, не спрятано ли что-нибудь под этими камышами. Если лодка окажется пуста, мы отойдем на некоторое расстояние и пропустим вас, то же самое мы сделаем, если в лодке есть груз и вы его выбросите в воду.

– Это все ваши условия? – спросил Фой.

– Нет еще, почтенный герр ван-Гоорль. Среди вас я вижу молодого человека, которого вы, вероятно, увезли против его воли, – именно моего возлюбленного сына Адриана. В его собственных интересах, так как он едва ли будет желанным гостем в Лейдене, я предлагаю высадить этого молодого человека на берег в таком месте, где мы могли бы видеть его. Что вы ответите?

– Можете убраться за ним в пекло! – отвечал Мартин, а Фой прибавил:

– Какого другого ответа вы можете ждать от людей, вырвавшихся из ваших когтей в Гаарлеме?

При этих словах, которые Мартин подтвердил кивком го-

ловы, Марта, также подползшая к ним через камыш, схватила секиру и вдруг куда-то исчезла.

– Грубый ответ от грубых людей естественно ожесточенных ходом политических событий, в которых я, хотя и замешанный в них волей судьбы, ровно ни при чем, – отвечал Рамиро. – Но я еще раз предлагаю вам взвесить все. У вас, вероятно, нет запаса провизии, у нас же ее вдоволь. Скоро наступит темнота, и мы воспользуемся ею, кроме того, я надеюсь получить подкрепление. Следовательно, в выжидательной игре все карты у меня в руках, а ваш пленник Адриан может засвидетельствовать вам, что я играю в карты недурно.

Футах в восьми от катера в густой заросли кустов в эту самую минуту вынырнула подышать воздухом выдра – большая седоголовая выдра. Один из испанцев увидел расходившиеся по воде круги и, подняв камень из балласта, бросил в животное. Выдра исчезла.

– Мы давно гоняемся друг за другом, но еще ни разу не померились с вами силами, от чего вы, такой храбрый человек, вероятно, не отказались бы, – скромно начал Мартин. – Не угодно ли вам, сеньор Рамиро, выйти на берег и, не обращая внимания на мое низкое происхождение, помериться со мной? Преимущество будет на вашей стороне – у вас есть оружие, а у меня ничего, кроме старой буйволовоy куртки, у вас мой большой меч, а у меня ровно ничего нет в руках. Несмотря на это, я рискую и даже предлагаю сделать ставку

на сокровище Гендрика Бранта.

Услыдав вызов, испанцы, в том числе и сам Рамиро, разразились хохотом. Мысль, что кто-нибудь добровольно отдастся в лапы гиганта-фриса, одно имя которого наводило страх на тысячи осаждавших Гаарлем, показалась всем крайне забавной.

Однако вдруг хохот прекратился и все с изумлением устремили взгляд в воду, как собаки-крысоловки, смотрящие на землю, под которой они чувят мышей. Вдруг все закричали, перегнулись через борты и начали колоть кого-то в воде своими мечами. Оттуда же среди криков и шума постоянно слышался мерный стук, похожий на стук тяжелого молотка о толстую дверь.

– Пресвятая Богородица! – закричал кто-то в катере. – Дно пробивают!..

Некоторые начали поспешно готовить запасное дно, между тем как другие продолжали еще с большим ожесточением наносить удары по поверхности воды.

На тихой воде показались пузыри, и ряд их протянулся от катера к лодке. Вдруг футах в шести от нее из воды выросла странная и страшная фигура голой, похожей на скелет женщины, она была покрыта тиной и травой, вся истекала кровью от ран на спине и боках, но все еще крепко держала секиру в руках.

Она поднялась, тяжело дыша, стоная по временам от боли, но продолжая грозить своим оружием пораженным ужасом

испанцам.

– Я отплатила тебе, Рамиро! – Ступай ко дну или выходи на землю помериться с Мартином.

– Молодец, Марта! – заревел Мартин, втаскивая умирающую в лодку, между тем как катер начал наполняться водой и погружаться.

– Для нас одно спасение, – закричал Рамиро, – в воду и на них! Здесь не глубоко.

Соскочив в воду, доходившую ему до шеи, он двинулся вброд.

– Отчаливайте! – крикнул Фой, и все налегли на весла. Но золото было тяжело, и лодка глубоко врезалась в ил; не было никакой возможности сдвинуть ее. Мартин с каким-то крепким фрисским ругательством перескочил через нос и, напрягая всю свою силу, старался стащить лодку с места, но она не двигалась. Испанцы подходили: вода была им уже только по пояс, и их мечи сверкали на солнце.

– Рубите их! – приказал Рамиро. – Ну же!

Лодка вся дрожала, но не трогалась.

– Слишком тяжел груз, – проговорила Марта и, собравши последние силы, поднялась и бросилась прямо на шею ближайшему испанцу. Она обхватила его своими костлявыми руками, и оба пошли ко дну. Через секунду они оказались на поверхности, затем снова скрылись, и сквозь поднывающую тину можно было разглядеть, как они боролись на дне озера, пока оба не стихли.

Облегченная лодка двинулась с места и с помощью Мартина пошла вперед по вязкому илу. Он еще раз рванул ее, и она вышла на чистую воду.

– Влезай скорей! – кричал Фой, направляя свою пику в одного из испанцев.

– Нет, не удастся ему! – закричал Рамиро, бросаясь к Мартину с дьявольской злостью.

Мартин на секунду остановился, потом нагнулся, и меч его противника скользнул по его кожаной куртке, не причинив ему вреда. Затем он вдруг протянул руку, схватил Рамиро поперек тела и, как мальчик, играющий мячом, бросил его в лодку, где он растянулся на бочонках с сокровищами.

Мартин схватился за нос ушедшей от него лодки, крича: – Гребите, герр Фой, гребите!

Фой, употребляя отчаянные усилия, греб, пока последний из испанцев не остался футов на десять позади. Даже Эльза схватила железную полосу и ударила ею по рукам солдата, пытавшегося задержать лодку, и заставила его выпустить борт – об этом подвиге она с гордостью рассказывала потом всю свою жизнь. После того все помогли Мартину взобраться в лодку.

– Теперь, испанские собаки, можете докапываться до сокровищ Бранта и питаться утиными яйцами, пока дон Фердинанд не пошлет за вами.

Островок скрылся среди массы других островков. Не было видно ни одного живого существа, кроме обитавших на

островках животных и птиц, и не было слышно ни звука, кроме их голосов да шума ветра и воды. Беглецы были одни и в безопасности, а вдали перед ними вырисовывались на фоне неба церковные башни Лейдена, куда они направляли свой путь.

– Ювфроу, – заговорил Мартин, – в трюме есть еще бутылка вина, недурно бы промочить горло.

Эльза, сидевшая у руля, встала и нашла вино и чарку из рога, наполнив чарку, она подала ее прежде всего Фою.

– За твое здоровье, – сказал Фой, выпивая чарку, – и в память тетушки Марты, которая спасла нас всех. Она умерла, как того желала, унеся за собой испанца, и память о ней будет жить вечно.

– Аминь, – проговорил Мартин.

Но тут ему пришла еще мысль: оставив свои весла – он сразу греб двумя, между тем как у Фоя и Адриана было по одному, – он нагнулся к Рамиро, лежавшему без чувств на бочонках с драгоценностями и деньгами, и снял с него свой меч «Молчание».

– Он здорово хватился головой и пролежит еще некоторое время спокойно, – заметил он, – но когда придет в себя, все-таки может наделать нам хлопот: такие кошки живучи. Ну, сеньор Рамиро, не говорил ли я вам, что еще раньше полчаса я или верну свой меч, или сам отправлюсь туда, где он уже не будет мне нужен!

Он нажал пружину у рукоятки и осмотрел углубление.

– Дарственная запись в целости, – сказал он. – Недаром я так рассвирепел, стараясь отнять свой меч.

– Не удивительно, особенно, когда ты увидел его на Рамиро, – заметил Фой, бросая взгляд на Адриана, который продолжал грести и теперь, когда все успокоилось, и который имел самый несчастный, убитый вид. Очень может быть, что он думал о приеме, ожидавшем его в Лейдене.

С минуту все гребли в молчании. Все пережитое ими за последние сутки и предыдущие месяцы во время войны и осады надорвало их нервы. Даже теперь, избегнув опасности и снова имея в своих руках скрытые сокровища, захватив в плен негодяя, сделавшего им столько зла и горя, и видя перед собой дом, где они могли надеяться найти надежный приют, они не могли прийти в себя. Когда столько людей умерло вокруг, когда приходилось идти на такой риск, им казалось почти невероятным, что они могут остаться в живых и добраться невредимые, хотя и утомленные, до такой пристани, где всем им можно будет жить, не разлучаясь, еще много лет.

Фою все еще казалось несбыточным, чтобы так горячо любимая им девушка, чуть было не погибшая для него, сидела рядом с ним, здоровая и невредимая, готовая стать его женой, когда он того пожелает. Несбыточным и слишком прекрасным казалось и то, что его брат, этот заносчивый, порывистый, слабохарактерный мечтатель Адриан, рожденный, чтобы быть игрушкой других и нести бремя их преступлений, вырвался еще не слишком поздно из опутавших его сетей и,

раскаившись в своих грехах и заблуждениях, доказал, что он мужчина и более не раб своих страстей и себялюбия. Фою, всегда любившему брата и знавшему его лучше, чем кто-либо, было тяжело думать, что Адриан мог быть в душе таким, каким его рисовали его поступки.

Таковы были мысли Фоя, но Эльза также думала – о чем, не трудно догадаться. Оба они молчали, как вдруг Эльза, сидевшая у руля, увидела, что Адриан выпустил весло, и, широко взмахнув руками, уткнулся в спину сидевшего перед ним Мартина, а на том месте, где он только-что сидел, появилось ненавистное лицо Рамиро с выражением такой злобы, которая в состоянии исказить только лицо сатаны, когда он видит, что душа грешника ускользает от него.

Рамиро пришел в себя и сидел, так как ноги у него были спутаны перевязью меча, в руке у него блеснул тонкий нож.

– Вот тебе, – сказал он с коротким смехом, – вот тебе, флюгер! – и он два раза повернул нож в ране.

Но Мартин уже бросился на него, и через пять секунд Рамиро лежал связанный на две лодки.

– Приколоть его? – спросил Мартин Фоя, нагнувшегося с Эльзой над Адрианом.

– Нет, – мрачно ответил Фой, – пусть его судят в Лейдене. Какую глупость мы сделали, что не обыскали его!

Рамиро еще более побледнел.

– Удача на вашей стороне, – сказал он хриплым голосом, – вы одолели благодаря этой собаке-сыну, предавшему меня.

Надеюсь, он еще помучается, прежде чем умрет, как должен умереть... Это мне наказание за то, что я нарушил клятву, данную Пресвятой Деве, и поднял руку на женщину. Он содрогаясь взглянул на Эльзу и продолжал: – Удача на вашей стороне, прикончите же меня сразу. Я вовсе не желаю являться в таком виде перед вашими соплеменниками.

– Завяжи ему рот, – приказал Фой Мартину, – чтоб он не отравлял нашего слуха.

Мартин повиновался весьма охотно; он повалил Рамиро на бочонки с теми самыми богатствами, к обладанию которыми он так стремился и ради которых принял столько греха на душу. Рамиро понимал, что теперь он совершает свое последнее путешествие навстречу смерти и всего, что его ожидает по ту сторону рокового порога жизни.

Они проезжали мимо островка, где много лет тому назад был поворот во время большого санного бега, когда Рамиро вез в своих санях лейденскую красавицу Лизбету ван-Хаут. Рамиро видел ее перед собой такую, какой она была в тот день, и видел, как этот бег, который ему не удалось выиграть, был предзнаменованием его гибели. Вот теперь голландец снова победил его на этом самом месте, и этому голландцу – сыну Лизбеты от другого отца – помог его родной сын, лежавший теперь пораженным насмерть рядом с тем, кто дал ему жизнь... Его отведут теперь к Лизбете, он знал это, и она будет судить его – его будет судить женщина, которой он принес столько зла и которой даже тогда, когда она казалась

вполне в его власти, он боялся больше всего на свете... После того как он в последний раз встретит ее взгляд, наступит конец. Какой это будет конец для одного из участников осады Гаарлема, для человека, погубившего Дирка ван-Гоорля, для отца, всадившего кинжал в спину сына за то, что этот сын вернулся на сторону родных и избавил их от ужасной смерти?.. И почему снова теперь перед его глазами встало видение, то самое видение, которое явилось ему в ту минуту, когда после многих лет он встретился с Лизбетой в Гевангенгузе, – видение жалкого маленького человека, падающего в бесконечное пространство, в пропасть, из глубины которой навстречу ему поднимаются две огромные, ужасные руки, чтобы схватить его?..

Так же как и его сын, Рамиро был суеверен, кроме того, его ум, значительная начитанность в молодые годы и наблюдения над людьми – все привело его к убеждению, что смерть – стена, в которой много дверей, что по эту сторону стены мы можем двигаться, прозябать или спать, но каждый из нас должен пройти через назначенный ему выход прямо в уготованное ему место. Если так, то куда он попадет и кто встретит его за воротами смерти?..

Так плыл Рамиро в этот ясный летний вечер по пенящимся волнам, и в душе его вставали все муки ада, какие только может придумать воображение.

В несколько часов, проведенных в лодке до прибытия в Лейден, Рамиро, по мнению Эльзы, постарел на двадцать

лет.

Маленькая лодка была сильно нагружена, и ветер дул противный, так что только к вечеру они добрались до шлюза, где их окликнули часовые, спрашивая, кто едет и куда.

Фой встал и сказал:

– Едут Фой ван-Гоорль, Красный Мартин, Эльза Брант, а также раненый и пленный, бежавший из Гаарлема, а едем мы в дом Лизбеты ван-Гоорль на Брее-страат.

Их пропустили; на набережной, у конца шлюза, они встретили многих, которые благодарили Бога за их освобождение и расспрашивали их, какие вести они привезли.

– Пойдемте к дому, на Брее-страат, – сказал Фой, – и я расскажу вам все с балкона.

Переезжая из канала в канал, они доехали до пристани у дома ван-Гоорлей и через маленькую дверку, выходящую на канал, вошли в дом.

Лизбета ван-Гоорль, оправившаяся от болезни, но постаревшая и никогда уже не улыбавшаяся после всего перенесенного ею, сидела в кресле в большой гостиной своего дома на Брее-страат – той самой комнате, где еще девушкой она прокляла Монтальво и откуда менее года тому назад прогнала с глаз долой его сына, предателя Адриана. Возле нее стоял стол с серебряным колокольчиком и два медных подсвечника с еще не зажженными свечами. Она позвонила, и вошла та самая служанка, которая вместе с Эльзой ухаживала за нею во время ее болезни.

– Что это за шум на улице? – спросила Лизбета. – Я слышу гул голосов. Вероятно, новые вести из Гаарлема?

– К несчастью, да, – отвечала служанка. – Один беглец говорит, что испанцам надоело резать людей, и вот они связывают несчастных пленных и бросают их в море.

Лизбета тяжело вздохнула.

– Фой там, – проговорила она, – и Эльза Брант, и Мартин, и еще много друзей. Господи, когда же всему этому будет конец?

Она опустила голову на грудь, но скоро, снова выпрямившись, приказала:

– Зажги свечи: здесь так темно, а в темноте я вижу тени всех моих умерших.

Зажженные свечи замигали в большой комнате, как две звезды.

– Кто это идет по лестнице? – спросила Лизбета. – Как будто несут что-то тяжелое. Отвори входную дверь ипусти того, кого Богу угодно послать нам.

Служанка распахнула входную дверь, и в нее вошли люди, несшие раненого, за ними Фой и Эльза и, наконец, Мартин, который толкал перед собой еще какого-то человека. Лизбета встала со своего кресла взглянуть, что это такое.

– Вижу я сон или действительно ангел Господень вывел тебя, моего Фоя, из ада в Гаарлеме? – проговорила она.

– Да, это мы, матушка, – отвечал Фой.

– Кого же вы привезли с собой? – спросила она, указывая

на покрытого плащом раненого.

– Адриана, матушка... Он умирает.

– Так прикажи его унести отсюда, Фой: я не хочу видеть его ни живого, ни умирающего, ни мертвого... – Тут ее взгляд упал на Мартина и человека, которого тот держал. – Мартин, – начала она, – это кто?..

Мартин услышал и вместо ответа повернул своего пленника так, что слабый свет из балконной двери упал прямо тому на лицо.

– Что это? – воскликнула Лизбета. – Жуан де Монтальво и его сын Адриан здесь... в этой комнате... – Она прервала начатую фразу и обратилась к Фою: – Расскажи мне все по порядку!

В общих словах Фой сообщил ей все, что было необходимо, и закончил свой рассказ словами:

– Матушка, сжался над Адрианом! С самого начала у него не было злого умысла; он спас всех нас и сам теперь умирает: его заколол этот человек.

– Приподнимите его, – приказала Лизбета.

Ее приказание исполнили, и Адриан, не произнесший ни слова с той минуты, как нож пронзил его, проговорил едва слышным голосом:

– Матушка, возьми свои слова обратно и прости меня... перед смертью...

Заледеневшее от горя сердце Лизбеты оттаяло; она наклонилась к сыну и сказала так, чтобы все могли слышать:

– Приветствую тебя в родном доме, Адриан. Ты прежде заблуждался, но ты загладил свою вину, и я горжусь, что могу назвать тебя своим сыном. Хотя ты и отрекся от веры, в которой родился, я призываю на тебя благословение Господне. Да наградит тебя Бог, мой дорогой Адриан.

Она поцеловала холодеющие губы Адриана, Фой и Эльза также поцеловали его на прощанье, прежде чем его, счастливо улыбающегося, отнесли в комнату, его собственную комнату, где через несколько часов смерть положила конец его страданиям.

Когда Адриана унесли, на несколько минут водворилась полная тишина. Затем, не ожидая ничего приказанья, по собственному соображению, Мартин начал подвигаться по длинной комнате, вполовину неся, вполовину волоча своего пленника Рамиро. Гигант-фрис казался какой-то огромной двигательной машиной, которую ничто не могло остановить. Пленник упирался каблуками и откидывался назад, но Мартин как бы даже не замечал его сопротивления. Он продолжал идти, пока не остановился против дубового кресла перед сидевшей в нем седой женщиной с холодным лицом, освещенным светом двух свечей. Она взглянула и содрогнулась, потом спросила:

– Мартин, зачем ты привел сюда этого человека?

– На суд ваш, Лизбета ван-Гоорль, – отвечал он.

– Кто поставил меня судьей над ним?

– Мой хозяин, Дирк ван-Гоорль, ваш сын Адриан и Генд-

рик Брант. Их кровь делает вас судьей над ним.

– Я не стану судить его, пусть его судит народ.

В эту минуту со двора донесся гул голосов.

– Хорошо, пусть его судит народ, – согласился Мартин, направляясь к балкону, как вдруг отчаянным усилием Рамиро вырвался из его рук и, бросившись к ногам Лизбеты, припал к ним.

– Что вам надо? – спросила она, отодвигая кресло так, чтобы Рамиро не касался ее.

– Пощади! – задыхаясь, молил он.

– Пощадить? Смотрите, дочь и сын, этот человек просит пощады, которой сам никому не давал. Молите о пощаде Бога и народ, Жуан де Монтальво!

– Пощади, пощади! – твердил он.

– Девять месяцев тому назад я так же молила именем Христа пощадить ни в чем не повинного человека, и что вы отвечали мне, Жуан де Монтальво?

– Вы были моей женой, – старался он умиловить ее, – неужели это не имеет для вас значения как для женщины?

– Вы были моим мужем, имело ли это значение для вас как для мужчины? Вот мое последнее слово. Отведи его, Мартин, к тем, кто имеет дело с убийцами.

Монтальво взглянул на Лизбету таким взглядом, который она два или три раза видела прежде: один раз – когда он проиграл на бегах, в другой раз – когда Лизбета молила его за жизнь мужа. Перед ней было не человеческое лицо: оно но-

сило выражение, какое могло быть только у зверя или дьявола. Глаза его остановились, седые усы поднялись кверху, скулы выступили углом.

– Ночь за ночью мы проводили в одной комнате, и я мог бы убить вас, но я пощадил вас, – поспешно говорил Монтальво.

– Меня пощадил Господь, Жуан де Монтальво, ради того, чтобы мы дожили до этого часа, пусть Он пощадит вас и теперь, если на то будет Его воля. Я не судья вам. Он судит и народ.

Лизбета при этих словах встала.

– Стойте! – закричал он, скрежеща зубами.

– Нет, я иду принять последний вздох того, кого вы убили: моего и вашего сына.

Он встал на колени, и его глаза в последний раз встретились с глазами Лизбеты.

– Помните вы, – сказала Лизбета спокойным голосом, – те слова, которые я сказала вам много лет тому назад, в тот день, когда вы купили меня ценой жизни Дирка? Я думаю, что эти слова исходили не от меня...

Она прошла мимо него в широко открытую дверь.

Красный Мартин стоял на балконе, крепко держа Рамиро. Внизу кишела густая толпа, наступила полная темнота, и только кое-где пылали факелы или теплился фонарь, освещающая бледные лица, так как лунный свет, ярко падавший на Мартина, едва достигал улиц. Все увидели, как высокий, ху-

дой, длинноволосый фрис вышел со своей ношей на балкон, и раздался такой крик, что сотряслись даже крыши Лейдена. Мартин протянул руку, и водворилось глубокое молчание.

– Граждане Лейдена, – заговорил фрис громким басом, раскатившимся по всей улице, – я имею сказать вам несколько слов. Знаете вы этого человека?

Снизу раздалось громкое: «Да!»

– Он испанец, – продолжал Мартин, – благородный граф Жуан де Монтальво, много лет тому назад принудивший одну из гражданок Лейдена, Лизбету ван-Хаут, ради приобретения ее состояния выйти за него замуж, когда он уже был женат, купив ее ценой жизни ее жениха, Дирка ван-Гоорля.

– Мы знаем это! – раздалось в ответ.

– Впоследствии он за это пошел на галеры. Когда он вернулся, кровожадный Альба сделал его зрителем здешней тюрьмы, где он уморил вашего согражданина и бывшего бургомистра Дирка ван-Гоорля. Потом он силой увез Эльзу Брант, дочь Гендрика Бранта, убитого инквизиторами в Гааге. Я со своим хозяином, Фоем ван-Гоорлем, освободил ее. Затем он свирепствовал вместе с испанцами, состоя капитаном в их армии, при осаде Гаарлема, который пал три дня тому назад и жителей которого они умерщвляют сегодня, связывая их по двое и бросая в озеро.

– Убить его! Бросай его вниз! – раздалось из толпы. – Выдай его нам, Красный Мартин!

Снова фрис поднял руку, и снова наступила тишина – вне-

запная, ужасная тишина.

– У этого человека был сын, моя хозяйка, Лизбета ван-Гоорль, к своему горю и позору, была его матерью. Этот сын, раскаявшись, спас нас от гибели в Гаарлеме, и благодаря ему мы трое: Фой ван-Гоорль, Эльза Брант и я остались в живых. Этот человек и его испанцы нагнали нас на Гаарлемском озере, где мы победили их с помощью Марты-Кобылы, той самой Марты, которую испанцы некогда заставили нести ее мужа на спине к костру. Мы победили испанцев, но она умерла: ее закололи в воде, как на охоте закалывают выдру. Сына своего, герра Адриана, этот человек убил ударом ножа сзади, и он уже умер или умирает здесь в доме. Мой хозяин и я привели этого человека, теперь называющегося Рамиро, на суд женщины, мужа и сына которой он убил. Но она не пожелала судить его. Она сказала: «Выведите его к народу, пусть народ судит его». Так судите же его теперь!..

И сильным размахом, напрягши всю свою гигантскую силу, Мартин перебросил сопротивлявшегося Рамиро через перила балкона, держа его на весу над головами толпы.

Поднялись крики, раздался рев ярости и ненависти; все потянулось к Рамиро, как собаки тянутся к волку, сидящему на стене.

– Отдай его нам! Отдай нам! – раздавалось со всех сторон. Мартин громко захохотал.

– Так возьмите же его, возьмите и судите, как знаете!

Одним размахом он бросил завертевшееся в его руках те-

ло в самый центр толпы на улице.

Толпа сомкнулась, как вода смыкается над лодкой, идущей ко дну в водовороте. С минуту раздавались крики, свистки, возгласы, затем все стали расходиться, обмениваясь короткими, отрывистыми фразами. А на каменной мостовой лежало что-то ужасное, бесформенное, что-то, некогда бывшее человеком.

Так граждане Лейдена судили и казнили благородного испанца графа Жуана де Монтальво.

Глава XXX. Две сцены

Сцена первая

Прошло несколько месяцев, и при Алькмааре, небольшом, державшем себя геройски городке на севере страны, счастье испанцев отвернулось от них. Полные стыда и ярости войска Филиппа и Вальдеса направились к Лейдену, и с ноября 1573 г. до конца марта 1574 г. город находился в осаде. Затем войска были отозваны для борьбы с Людвигом Нассауским, и осада была снята до тех пор, пока храбрый Людвиг и брат его Генрих с четырьмя тысячами солдат не были разбиты Альбой в роковой битве при Мук-Хите. Теперь победоносные испанцы снова угрожали Лейдену.

В начале мая по большой, совершенно пустой комнате ратуши этого города ходил взад и вперед, бормоча что-то про себя, человек средних лет. Он был невысок и худощав, с карими глазами, русой бородой и седеющими волосами над высоким лбом, изборожденным морщинами от напряженного мышления. Это был Вильгельм Оранский по прозвищу Молчаливый, один из величайших и благороднейших людей, когда-либо живших на свете, человек, призванный Богом для освобождения Голландии и навеки сокрушивший иго религиозного фанатизма, тяготевшего над тевтонской расой.

В это майское утро он был глубоко озабочен. В прошлом месяце двое его братьев пали от меча испанцев, и теперь эти испанцы, с которыми он боролся в продолжение многих тяжелых лет, шли на Лейден.

– Деньги! – бормотал Вильгельм про себя. – Дайте мне денег, и я еще спасу город. На деньги можно выстроить корабли, можно выставить больше людей, купить пороху. Деньги, деньги, деньги... а у меня нет ни дуката! Все ушло до последнего гроша, даже драгоценности матери и посуда с моего стола. Ничего не осталось, и кредита нет.

В эту минуту в комнату вошел один из секретарей.

– Вы везде побывали, граф? – спросил принц.

– Везде, ваше высочество.

– И результат?

– Бургомистр ван-де-Верф обещает сделать все от него зависящее, и на него можно положиться. Но денег мало; они все ушли из страны, и вновь их негде достать.

– Знаю, – со вздохом проговорил Оранский, – не испечешь хлеба из крошек, валяющихся под столом. Расклеена прокламация, приглашающая всех добрых граждан жертвовать и давать займы все, что они могут, в этот час нужды?

– Расклеена, ваше высочество.

– Благодарю вас, граф. Можете идти, больше нечего делать. Сегодня ночью поедem верхом в Дельфт.

– Ваше высочество, – заговорил секретарь, – пришли два человека, желающие видеть вас.

– Известные кому-нибудь люди?

– Да, ваше высочество, всем известные. Один – Фой ван-Гоорль, выдержавший осаду Гаарлема и бежавший потом оттуда; он сын почтенного бюргера, Дирка ван-Гоорля, которого уморили в тюрьме, а другой – великан-фрис, прозванный Красным Мартином, слуга ван-Гоорля, о подвигах которого ваше высочество уже, вероятно, слышали. Они вдвоем защищались в литейной башне против сорока или пятидесяти испанцев и побили их изрядное число.

Принц кивнул головой.

– Знаю. Красный Мартин – Голиаф и молодец. Что им нужно?

– Точно не знаю, – сказал секретарь с улыбкой, – но они привезли с собой рыбную тележку: фрис вез ее, впрягшись в дышло, как лошадь, а герр ван-Гоорль подталкивал сзади. Они говорят, что в тележке боевые запасы для службы отечеству.

– Почему они не отвезли их бургомистру или еще кому-нибудь из властей?

– Не знаю, ваше высочество, они объявили, что передадут то, что привезли, только вашему высочеству.

– Уверены вы в этих людях, граф? Вы знаете, – прибавил он, улыбаясь, – мне приходится быть осторожным.

– Вполне уверен, их многие знают здесь.

– В таком случае, пришлите их, может быть, они имеют что-нибудь сообщить.

– Ваше высочество, они желают ввезти и тележку.

– Пусть ввезут, если она пройдет в дверь, – отвечал принц со вздохом, так как его мысли были далеко от почтенных граждан с их тележкой.

Большая двойная дверь растворилась, и появился Красный Мартин, не такой, каким он был после осады Гаарлема, а каким был всегда: аккуратно одетый и с бородой еще длиннее и рыжее, чем прежде. В эту минуту он был занят странным делом: через его грудь проходила широкая лошадиная подпруга, прикрепленная к оглоблям, и с помощью нее он вез тележку, покрытую старым парусом. Груз, должно быть, был тяжел, так как, несмотря на всю силу Мартина и помощь Фоя, тоже не слабого, толкавшего тележку сзади, они с трудом перекатали ее колеса через маленький порог при входе в комнату.

Фой затворил двери; затем тележку вывезли на середину комнаты; здесь Фой остановился и поклонился. Картина была до того странная и необъяснимая, что принц, забыв на минуту свои заботы, рассмеялся.

– Вам смешно, ваше высочество? – спросил Фой несколько горячо, вспыхнув до корней своих белокурых волос, – но когда вы выслушаете нашу историю, я уверен, вы перестанете смеяться.

– Мейнгерр Фой ван-Гоорль, – сказал принц серьезно и вежливо, – будьте уверены, что я смеялся не над такими храбрыми людьми, как вы и ваш слуга, Мартин-фрис, над

теми людьми, которые могли выдержать натиск испанцев в литейной башне, которые вырвались из Гаарлема и сумели захватить одного из дьяволов армии дона Фредерика. Мне показался смешон ваш экипаж, а не вы. – Он слегка поклонился сначала одному, потом другому.

– Может быть, его высочество думает, что человек, исполняющий работу осла, и сам должен быть ослом! – проговорил Мартин, и принц снова засмеялся шутке.

– Ваше высочество, я на минуту попрошу вашего внимания и не по пустому делу, – заговорил Фой. – Ваше высочество, может быть, слышали о некоем Гендрике Бранте, умершем в тюрьме инквизиции?

– Вы говорите о золотых дел мастере и банкире, которого считали за богатейшего человека во всех Нидерландах?

– Да, ваше высочество, о том, чье богатство исчезло.

– Да, помню, исчезло... Говорили, впрочем, что кто-то из наших соотечественников бежал с этим богатством... – Он снова вопросительно взглянул на парус, покрывавший тележку.

– Вам передали это совершенно верно, ваше высочество, – продолжал Фой, – Красный Мартин, я и лоцман, убитый впоследствии, увезли богатство Гендрика Бранта с помощью женщины, жившей на островах, тетушки Марты, прозванной Кобылой, и спрятали его в Гаарлемском озере, где и нашли его после нашего бегства из Гаарлема. Если вам будет угодно узнать как, я расскажу вам впоследствии: это длинная исто-

рия. Эльза Брант была также с нами...

– Она единственная дочь Гендрика Бранта, стало быть, наследница всего состояния? – перебил принц.

– Да, ваше высочество, и моя невеста...

– Я слышал об этой девице и поздравляю вас... Она в Лейдене?

– Нет, ваше высочество, все ужасы, пережитые ею во время осады Гаарлема, и многое, случившееся с ней лично, подорвали ее физические и нравственные силы, поэтому когда испанцы грозили в первый раз осадой нашему городу, я отправил ее и матушку в Норвич, где они могут спать спокойно.

– Вы поступили очень предусмотрительно, герр ван-Горль, – со вздохом ответил принц, – но сами вы, по-видимому, остались?

– Да, мы с Мартином подумали, что долг обязывает нас дожидаться конца войны. Когда Лейден освободится от испанцев, тогда и мы поедем в Англию, но не раньше.

– Когда Лейден освободится от испанцев... – Принц снова вздохнул и прибавил: – Оба вы, молодой человек, заслуживаете моего уважения, однако я опасаюсь, что при подобном положении дел, ювфроу в конце концов не будет почивать совершенно беззаботно в Норвиче.

– Каждый из нас должен нести свою долю бремени, – грустно ответил Фой. – Я буду сражаться, она не будет спать.

– Я предвидел, что иначе не может рассуждать человек, в

свое время и сражавшийся, и не спавший... Будем надеяться, что скоро наступит время, когда вам обоим можно будет отдохнуть вместе... Доканчивайте ваш рассказ.

– Конец близок. Сегодня утром мы прочли вашу прокламацию на улицах и из нее точно узнали то, о чем слышали прежде: что вы сильно нуждаетесь в деньгах для морской войны и защиты Лейдена. Услышав, что вы еще в городе и считая вашу прокламацию за призыв и ясное приказание, которых мы ждали, мы привезли вам богатство Гендрика Бранта. Оно в этой тележке.

Принц поднес руку ко лбу и отступил на шаг.

– Вы не шутите, Фой ван-Гоорль? – спросил он.

– Нисколько, уверяю вас.

– Но постойте, вы не можете распоряжаться этим богатством: оно принадлежит Эльзе Брант.

– Нет, ваше высочество, я по закону могу распоряжаться им, так как отец мой был назначен Брантом его наследником и душеприказчиком, а я унаследовал его права. Кроме того, хотя известная доля назначена Эльзе, она желает – ее письменное, засвидетельствованное заявление при мне, – чтобы все деньги до последнего дуката пошли на нужды отечества по моему усмотрению. Отец ее, Гендрик Брант, всегда был того мнения, что его состояние в свое время пойдет на пользу его родины. Вот копия завещания, в котором он выражает волю, чтобы мы употребили его деньги «на защиту нашей страны, на борьбу за свободу веры и на уничтожение

испанцев, каким же образом и когда – это нам укажет Господь». Передавая мне это завещание, он сказал: «Я уверен, что тысячи и десятки тысяч моих соотечественников будут жить, благословляя золото Гендрика Бранта». Думая так же и в убеждении, что Бог, надоумив его, в свое время укажет и нам свою волю, мы поступали согласно его воле и ради сохранения сокровищ были готовы идти на смерть и пытку. Теперь, как предрек Брант, наступило время, теперь мы понимаем, зачем все так случилось и зачем мы, я и этот человек, остались в живых. Мы предоставляем вам все сокровища в целости, до последнего флорина, не взяв и суммы, завещанной из этого богатства Мартину.

– Вы шутите! Вы шутите! – повторял принц.

По знаку Фоя Мартин подошел к тележке и снял парусину, при этом обнаружилось пять покрытых грязью бочонков с маркой Б на каждом из них. Тут же наготове лежали молоток и долото. Положив оглобли тележки на стол, Мартин влез в тележку и несколькими сильными ударами молотка выбил дно первого попавшегося под руку бочонка. Под дном показалась шерсть, Мартин снял ее – не без опасения в душе, как бы не произошло какой-нибудь ошибки, – и затем, не имея терпения дольше ждать, высыпал содержимое бочонка на пол.

Это оказался бочонок, заключавший драгоценные камни, в которые Брант, предвидя смутное время, постепенно превращал свое крупное недвижимое имущество. Теперь они

сверкающим ручьем, переливаясь красными, зелеными, белыми и голубыми огнями, полились из заржавевших от сырости ящиков (кроме драгоценных жемчугов, заключенных в плотно закупоренной медной шкатулочке) и со звоном рассыпались по полу.

– Кажется, драгоценных камней всего один бочонок, – сказал спокойно Фой, – в других, более тяжелых, золотые монеты. Вот, ваше высочество, опишь, сверившись с которой вы можете убедиться, что мы ничего не утаили.

Но Вильгельм Оранский не слушал его, он смотрел на драгоценности и говорил про себя:

– Корабельный флот, войско, запасы, средства для подкупа сильных и приобретения помощи, свобода, богатство, счастье для Нидерландов, вырванных из когтей испанцев! Благодарю Тебя, Господи, направившего сердца людей к спасению нашего народа от грозной опасности...

В приливе радости и облегчения великий принц закрыл лицо руками и заплакал.

Таким образом, в ту минуту, когда Лейден был при последнем издыхании, богатство Гендрика Бранта пошло на уплату жалованья солдатам и на постройку флота, который благодаря ниспосланному сильному ветру получал в надлежащее время возможность двинуться по затопленным лугам к стенам Лейдена, и принудил испанцев снять осаду, подписав смертный приговор испанскому владычеству в Голландии. Недаром, стало быть, пролилась кровь предусмотр-

рительного Бранта и Дирка ван-Гоорля, недаром перенесла Эльза на Красной мельнице ужаснейший страх, какой только способна перенести женщина, не напрасно Фой и Мартин оборонялись в литейной башне, в тюрьме и во время осады, не напрасно тетушка Марта, бич испанцев, нашла себе могилу в водах Гаарлемского озера!

Вероятно, из этого рассказа можно было бы сделать и другие выводы, применимые к нашей настоящей жизни, но предоставляем читателю самому догадываться о них.

Сцена вторая

Лейден был наконец освобожден; Фой и Мартин вступили с криками радости и с руками, обогранными кровью врагов, в город, на его обезлюдевшие от голода улицы. Испанцы, оставшиеся в живых, бежали из своих затопленных фортов и траншей.

Место действия переносится из залитой кровью, разоренной, но торжествующей Голландии в спокойный город Норвич, в уютный домик с высокой крышей, недалеко от собора, где уже около года назад поселились Лизбета ван-Гоорль и Эльза Брант. Они благополучно прибыли в Норвич осенью 1573 года, перед самым началом первой осады Лейдена, и прожили здесь двенадцать долгих месяцев, полных страха и тревог.

Вести или, скорее, слухи о происходившем в Нидерланд-

дах по временам достигали до них, даже два раза приходили письма от самого Фоя, но последнее из них пришло уже много недель тому назад, перед самым тем временем, когда железное кольцо осады сомкнулось вокруг Лейдена. В это время Фой и Мартин, как сообщало письмо, находились не в городе, а с принцем Вильгельмом Оранским в Дельфте, занятые снаряжением флота, который строился и вооружался для освобождения города.

После того долгое время не было никаких известий, и никто не мог сказать, что случилось, хотя ходил ужасный слух, что Лейден взят, разграблен, сожжен, а все его жители перебиты.

Лизбета и Эльза жили ни в чем не нуждаясь, так как фирма «Мунт и Броун», с которой Дирк вел дела, оказалась честной, и состояние, вверенное ей когда начали собираться тучи, было выгодно помещено ею и приносило хороший доход. Но что могли сделать все удобства жизни для бедных сердец, знавших только один страх!

Однажды вечером обе женщины сидели в гостиной нижнего этажа или, скорее, Лизбета сидела, так как Эльза стояла возле нее на коленях, положив голову на ручку кресла, и плакала.

– О, это слишком жестоко... невыносимо! – с рыданием говорила она. – Как вы, матушка, можете быть такой спокойной, когда Фоя, может быть, уже нет в живых?

– Если сын мой умер, Эльза, то такова воля Божья, и я

спокойна, потому что покоряюсь теперь так же, как много лет тому назад, Его воле, а не потому, что я не страдала. Мать так же может чувствовать, как и невеста.

– Зачем я рассталась с ними! – жаловалась Эльза.

– Ты сама просилась уехать, дитя мое, что касается меня, то я бы осталась в Лейдене, чтобы пережить там и хорошее, и дурное.

– Правда, во мне нет мужества; но и он желал этого.

– Он желал этого – стало быть, все к лучшему, станем терпеливо ждать исхода. Пойдем ужинать.

Они сели за ужин вдвоем, но стол был накрыт на четверых, как будто ожидались гости. Однако никого приглашенных не оказалось, но такова была фантазия Эльзы.

– Фой и Мартин могут приехать и рассердиться, если им покажется, что мы вовсе не ждали их, – говорила она.

И в последние три или четыре месяца на стол всегда ставилось четыре прибора, чему Лизбета не препятствовала: и в ее душе жила надежда, что Фой может вернуться неожиданно.

В один такой вечер Фой вернулся, а вместе с ним вернулся и Красный Мартин, перепоясанный своим мечом «Молчание».

– Послушай! – вдруг сказала Лизбета. – Я слышу шаги сына на лестнице. Должно быть, в конце концов слух матери более чуток, чем слух невесты.

Но Эльза уже не слушала ее; Эльзу уже держал в своих

объятиях Фой, прежний Фой, только несколько возмужавший и с большим шрамом на лбу.

– Да, – как бы про себя проговорила Лизбета со слабой улыбкой на бледном, все еще красивом лице, – первый поцелуй сына для невесты!

Через час, два или три – кто считал время в эту ночь, когда столько надо было выслушать и рассказать, – все стали на колени: Лизбета впереди, за ней, рука в руке, Фой и Эльза, а за ними, как охраняющий их великан, Мартин, и Лизбета прочла вечернюю благодарственную молитву.

«Всемогущий Боже! – начала она мягким, звучным голосом. – Твоя десница взяла у меня через мой грех моего мужа, но вернула мне сына, будущего мужа этой девушки, и теперь для нас, как и для нашего отечества за морем, из мрака отчаяния восходит заря мира. Да будет над нами вовеки Твоя воля, а когда наш час придет, да поддержит нас рука Твоя. За все горькое и сладкое, за зло и добро, за прошедшее и настоящее мы, Твои слуги, прославляем Тебя, благодарим и восхваляем Тебя, Господа наших отцов, творящего над нами Свою волю, памятуя то, что мы забыли, и провидя то, чего еще нет. Благодарим и прославляем Тебя, Господа живых и мертвых, сохранившего нас в продолжение многих ужасных дней до этого радостного часа. Аминь».

Все повторили за ней: «Благодарим и прославляем Тебя, Господа живых и мертвых. Аминь».

По окончании молитвы все поднялись с колен, и теперь,

когда разлуки и страха уже не существовало, молодые люди прижались друг к другу со всей любовью и надеждой, свойственными их прекрасной юности.

Лизбета же сидела молча в своем новом доме, вдали от той земли, где она родилась, и ее наболевшее сердце перенеслось к мысли о мертвых.